

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

3-4 (467)

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Григорий Стариковский. «Четыре темы» *и др. стихи*.....3
Борис Клетинич. Мое частное бессмертие. *Роман. Окончание*.....9
Лариса Йоонас. «В феврале бывал сильный ветер...» *и др. стихи*.....179
Владимир Друк. АЛЕФ-БЕТ. *Формы, числа и номинации*.....186
Андрей Краснящих. Мой друг Юрий Цаплин. *Глава из романа «О себе»*.....202
Виктор Лисин. «есть ли у вас тигровые чайные цветы...» *и др. стихи*.....208
Ольга Аникина. С начала до конца. Божий дар. *Рассказы*.....212
Татьяна Риздвенко. Куртка *(роуд муви)*.....219
Антон Мельков. «зебры-зебры, вы березы?» *и др. стихи*.....224
Анатолий Бузулукский. Прикусил язык. Иваныч. Голоса в лесопарке. *Рассказы*.....229
Александр Петрушкин. «Не посетил, но выкопал в себе...» *и др. стихи*.....235
Андрей Торопов. «Йорки перережут друг друга...» *и др. стихи*.....241
Нина Горланова. Трофимка идет в науку. Ключи. *Рассказы*.....245

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Едоки травы.....249

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Геннадий Авдеев. «Трип в носочках из сусанинских ниток»
Николай Барабанов. Льдинки-лысинки.....269

Наталия Черных. На мосту
Евгений Волков. Погонщик рыб.....270

Мария Косовская. Она что-то знает
Ирина Батакова. Песок.....271

Александр Котюсов. На стороне добра
Полина Жеребцова. Ослиная порода.....273

N.N. Гадание по книге *(вместо рецензии)*
Вика Сушко. Дым в сторону реки.....275

АРХИВ

Алексей Голицын. «Оздоровить здоровой кровью...»
Последствия одной жалобы в Союз писателей СССР.....276

© «Волга», 2017

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

ЧЕТЫРЕ ТЕМЫ

1. дудлтаун

здесь начинались владения
робинсонов, два одинаковых дома,
деревья фруктовые, можжевельник,
форсайтия, дальше – дом томаса грина,
густые кусты сирени, снова форсайтия,
изрезанность стен, влажная поросль,
зеленая пена отирается возле
пустот и разломов сквозного строения;
далее – ферма, место жительства
сканделлов и джерминариусов;
конюшня, свинарник, овощные грядки,
семейный участок на ближнем погосте,
двухсотлетний дуб слезится листьями,
ступени ведут наверх, к дому гербертов,
хозяин держал бакалейную лавку,
работала кузница, инструменты в зализах
ржавчины, переломленный черенок лопаты.
название этого места восходит
к голландскому слову *дуддель*,
что означает *мертвая долина*,
поселенцы – охотники и древорубы –
будто в воду глядели, в предстояние
войлочной этой, вялотекущей реки.

2. энглвуд

больница, три кубических корпуса
песчаной окраски. поздние визиты
воспрещаются, но мы игнорируем;
дежурные всё понимают,
не вышвырнут, если заглянет

Григорий Стариковский родился (1971) и вырос в Москве. В США с 1992 года. Закончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Стихи, статьи, рецензии, проза, эссе и переводы печатались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Иностранная литература», «Новая Юность», «Интерпоэзия» и мн. др. Переводил оды Пиндара («Пифийские оды», изд. «Стороны Света», 2009) любовные элегии Проперция («Третья книга элегий», изд. «Русский Гулливер», 2011) «Буколики» Вергилия (изд. «Айтерна», 2013), сатиры Авла Персия (изд. «Айтерна», 2013), «Одиссею», песни 9-12 (изд. «Bagriy & Company», 2015, книга вошла в шорт-лист премии «Мастер»), а также стихи Патрика Каванаха, Луиса Макниса, Луи Арагона, Дерека Уолкотта, Шеймуса Хини и др. Сборник стихов «Левиты и певцы» (изд. «Айлурос», 2013). Живет в пригороде Нью-Йорка. Преподает латынь и мифологию.

родственник, посидит, напоит чаем
некрепким или яблочным соком.
женщина-врач (халат полупрозрачен,
бельё, сразу видно, тончайшей выделки,
бюстгальтер – две коринфские капители)
обследует, не желая замарывать
сладкие пальчики... больной лежит
на глубоком воздушном матрасе,
воздух поступает периодически, через
равные промежутки – в матрас и в ноздри –
кислородные усики, капельница с внутри-
венным, препарат для разжижения крови.
медсестра подходит, шепчет: «*доктор,*
давайте снимем катетер. пациент,
глядите, двигает руками и ногами,
может сам, если хочет, в бутылочку».
потом говорит чуть громче: «*сначала*
моча будет красной... пожелтеет
через несколько дней... не забудьте
обрабатывать антибактериальной мазью
утром и вечером». наливается вечер,
за окнами шуршат колеса автомобилей,
на коже асфальта – желтые светопотеки...
удивительный, бархатный голос её.

3. сабвей

if you see something, say something

если увидишь, скажи: осклизлость
ступеней. перекрестные ленты ограждения,
поезда линии «эр» и линии «и»
не ходят, две пересадки,
пакистанец читает листовку,
поезд-экспресс проскальзывает
по внутреннему пути,
танцует глаз пакистанский:
что-о слу-у-училось?
ничего не случилось.
ведутся работы;
ра-або-оты, повторяет он,
поднимается в город.
ближние рельсы облизаны
лучами, вживленными
в защитные каски, дрезина
между нищенским освещением
и туннельной бездонной накипью.
один рабочий сидит на краю платформы,
болтает ногами, поедает сэндвич,

запивает «горной росой», другой
прохаживается между рельсами,
говорит сидящему: *она заявляет:*
«купи мне машину». я отвечаю:
«а пароход не желаешь, собака?»
рабочий, болтавший ногами,
доел свой сэндвич, вытер губы
рукавом оранжевой курточки:
давай отъедем куда-нибудь,
такое здесь пекло.
они залезли в дрезину, помогая
один другому; сидели рядом,
обрастая водянистым воздухом,
окунаясь в звенящую темень.

4. вокруг

событие липнет к внутренней стороне
смеженных век – наступает утро,
закутанное в верблюжий плед.
снится черная птица, потом другая
птица, сколько их помещается в
больной голове, снится соседняя церковь,
слеплена из катышей белого хлеба, ослепление
совершенное, мрамор или поверхность моря,
со-***бытие***, оплеснутое лучом; возможность
открыть глаза, увидеть прореженный воздух;
снег, разведенный солью, липнет к подошвам,
чистят дороги, детей наряжают в белое,
отводят за руку… можно проснуться,
увидеть сближенье ледовой тяжести
и соловьиной, нет, стрекозьей прозрачности;
тротуары кипят, отдавая снег пешеходам,
пастор прочищает горло кашлем,
высмаркивается в салфетку, много
можно чего увидеть, свет, к примеру,
сначала он будет слепым щеночком,
потом разрастется, когда привыкнет
зрение – к желтому таянью снега.

***

в горлышке, горле бутыли
матовый ком рассветает,
каракумы овального о-
цепенения, чирья и крылья
перепрелой листвы, –
лети куда хочешь,

пропахшая прахом своим
до предутренней дурости.

в луже, поросшей ледком,
безголовые клены чадят
чириканье клавишей черных.

нижний

1.

валерию хазину

на рубеже половодья и пыльной изнанки разлива –
тихий дрязг, это вдоль, поперёк – слабоумное небо
костью в горле застрянет, глазастою рыбиной хрустнет,
выплывая из ветра, из неба – на стрелку, где место

оцерковлено, видишь, ордынскому даннику, ложка
оловянного меда одной и другой, тихоструйных,
вот тряпица летит над разливом, другая трепещет в зазоре
тесноты, между холмиком пыли и вырванной дверью,

что на склоне лежит, как убитая; дальше – заборы,
скажем, мил-человек, мясу гнутых заборов – спасибо
за железа тевтонского скрип, за картавую прорубь,
за дареную гибель... креста на вас нету, заборы.

прозревают сады, костенея под черным оконцем,
их безмозглое детство на этой черте пограничной
между далью и мелью, апрельскою въедливой пылью,
не согретой ещё ни худою метлой, ни подошвой.

2.

выговор, кажется, местный,
нараспев, но глаз цыганист
и цепок. смотрит, как ищет.
вам, мужчины, не на́ Бор?
подбросьте до площади
или к вокзалу, сумки набитые
тянут запястья; можно до площади,
дальше сама как-нибудь к вокзалу.
леной зовут, а вас? наконец, вернулась,
давно не была... зимнюю обувь
не сменила ещё. нет, не местная,
два года как из луганска, слышали,
ещё бы не слышали. да, навещаю.
какая граница, решето, не граница.

(из машины выходит, говорит,
обращаясь ко мне) *проводи-ка
до маршрутки... кто ты? в смысле,
работаешь кем? понятно* (легкий
зевок). *ладно, пришли* (забирает
сумки, пишет номер мобильника),
*обещай позвонить. обещаешь?
не забудь. обними меня крепко*.

3.

выйти к фуникулеру
возле татарской мечети.
подвесные ковчежцы
вхолостую плывут,
убывают, качаясь,
баю-баю брюшиной поют,
воспареньем брюшины.
разве выпустить птицу,
свистящую, ломкую –
глиняный ворон,
грязный омут крыла,
дождевое
полоскание
в воздухе.

флаги в огайо

красный зрачок
белый обод,
треугольная просинь,
оспины звезд,
натяженье
и сжатие,
льются и льются;
дерево дышит за ними,
будто бросает и ловит
перхоть земли
ртом пересохшим,
горькие листья
вброшены в жизнь,
рваный холод цветения.

кувшин

глаз оленихи
шею выгнула, щиплет

волнистую слизь,
капля ослепла,
изнутри наливаясь
ворванью глины,
тут же и птица-урод,
козлиные ножки,
(крылья низко свисают,
перебитые будто),
липнет скомканным тельцем.
возьмите, курчавые боги,
приношение это, лакайте
ленивое масло.

Шивта

александру барашу

вырублена купель
крестообразна
камень неизвестняк
взрослым когда принимали
слезную веру детям другая
нетопкая сергиус столпник
сверху смотрел
простирая ладони
склоны и впадины,
апсида, вжатая в воздух,
голым затылком,
черепные коробки
тесных строений
поцелуй византийский
в бархат пустыни.

Борис КЛЕТИНИЧ

МОЕ ЧАСТНОЕ БЕССМЕРТИЕ
Роман

(Окончание. Начало см.: Волга. 2017. № 1-2)

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Часть I

1.

Витя Пешков.
На перемене я выбросил портфель в окно туалета.
Вернулся в коридор, спустился с 3-го этажа на 1-й.

Во дворе я подобрал портфель.

Тронин ждал у ворот.
Он курил «Родопи» и протянул мне пачку. Я отказался.
Мы понеслись в Дом печати.

Дом печати был дымчатый, большеглазый.
Лифт повалил как снег, но в обратном направленьи.
Вышли в холле на 5-м этаже.
Костя ввёл меня в тёплую комнатку, утопленную в бумагах.
Я выложил стихи из портфеля.

Кудлатый человек слабого телосложения поводил носом над моими листками и, посмотрев куда-то поверх моей головы, сказал: «Сойдет за 3-й сорт!»
И сошло.

Пятница, 2 марта, 1977-го, Кишинев.

«Молодежь Молдавии» с моим стихотворением вышла в тот самый день, когда баба Соня вернулась из Ессентуков с больным коленом (артрит), а мама – из Москвы в плохом настроении.
Но «Молодёжь Молдавии» читали по всей республике.
Телефон в доме раскалился.
Звонили все бабы Сонины приятельницы и все мамины друзья.

Мама дала мне денег. За неполный час я оббегал все киоски от Гоголя до Бендерской и скупил полтиража.

Вот оно: «*Виктор Пешков, девятиклассник*» – на 3-й полосе!

Это победа!
Это 1:0!!!
1:0!!!!!!

Я победил физкабинет, победил перфокарты.
Я победил идентификатор-букву и идентификатор-цифру.
Я победил электромагнетизм.
Я победил Фарадея.
Всех я победил.
И высоченного Марка Варшавского в затемненных очках и на платформах с тупыми носками – я тоже победил.

Но не тут-то было.

В тот же день Костя Тронин заявил мне:
«Я не буду поэтом, не буду счастлив и совершенен, пока не научусь драться и не пересплю с женщиной!..»
Выходит, я рано радуюсь.
...

Тронин говорил (врал, наверное!), что дерётся каждый день. А я никогда не дрался, увы. Я сообразительно боролся в детстве: ключи там, подсечки всякие. Но я упустил момент, когда пацаны стали бить в лицо... В лицо я не могу.

Потом Тронин позвонил и похвастал, что... – *переспал*.

?%^:&*!(+@'#? (так выглядит мое смятение от этой вести).
Неужели я не стану поэтом?

Но в «Молодежке» напечатали и 2-е мое стихотворение.
А за ним 3-е и 4-е...

Тогда мама сказала: «Эх, не быть тебе химиком!.. Дедушкины гены!»
А баба Соня всё вертела «Молодежку» в руках, перечитывала мои стихи снова и снова.
Раз 10 перечитала.
А потом говорит: «Не зря хоть усатый бандит... лапу наложил!.. – и кивнула в мою сторону. – Хоть что-то хорошее получилось!»
«Усатый бандит? – не поняла мама. – Какой еще усатый бандит?..»
И посмотрела на меня с удивлением.
– Йоська усатый! – подсказала баба Соня. – На Бессарабию!.. лапу в 40-м году... не зря!.
– А-а-а! – догадалась мама.
И расхохоталась в голос.

– Нет, ну прямо! – засмущалась она скозь смех. – Я бы могла в турпоездке там побывать, в этой Лиепае... или где там Лёва в 58-м году плавал... нет, в 59-м! – поправилась она, произведя какие-то подсчеты в голове. – А что?.. Теоретически!..
На что баба Соня ответила на *их* языке.

Я ни слова не понял кроме слова «*теоретически*», повторенного бабой Соней по-русски и с какой-то кривой ухмылкой.
Но мне показалось, что они говорят на *эту тему*.
А потом как грохнут от смеха – обе!

Баба Соня первая посуровела.
– За Виктора Хво́лыного надо было выходить! – и снова кивает на меня. – Может, Бог нас тогда простил бы!.. И меня, и Хволу!..

2.

Виктор Хволын.
1959. Международный турнир, Краков (Польша) (+6 –0 =5) – 1 место
1959. 26-е первенство СССР, Тбилиси (+6 –5 =8) 9 место.
1959. Спартакиада города, Ленинград, 2-я доска (+7–0 =0) – 1 место.
1959. Первенство Армении, Ереван (вне конкурса) 12 из 14. – 1 место.
1959. Спартакиада народов СССР, Москва, 1-я доска (+4 –1 =3).
1959. Полуфинал 27-ого первенства СССР, Челябинск (+9 –0 =6), 1 место.
1959. Матч Будапешт-Ленинград – (+1–0 =3)
1960. 27-е первенство СССР, Ленинград (+12 –3 =4) – Чемпион СССР.

В связи с победой в Чемпионате СССР выделена отдельная квартира (2 комнаты с удобствами) на 6-й линии Васильевского острова.

Так, отдельная квартира есть.
Теперь его женить надо.
Не откладывая.

О том, почему – «не откладывая».
3 недели назад. Вечер.
Звонок в дверь: «Шахматист Корчняк Виктор здесь проживает?»
Двое мужчин провинциального вида.
Напряженные, собранные.
С пухлыми портфелями – как у командировочных.
Вызвали к мусоропроводу на разговор.
С первых слов – шум на весь подъезд, угрозы.
Быстренько их в квартиру увела.

«В чем дело, граждане?»
«А в том, что ваш Виктор выступал у нас в Гусь-Хрустальном (ну было дело, в «Труде» его обязывают ездить по стране, выступать перед любителями шахмат). И вот – работница с нашего предприятия в интересном положении от него!..»

Еле отсудились.

Было ему 27 лет в том августе.
27 с половиной, если точнее.
И спасибо этим скандалистам из Гусь-Хрустального: открыли нам глаза.
Он ведь жених давно.

Был у него приятель – Тросинов Женька с отдельной квартирой на Петроградской стороне. Хвола нашла адрес, приехала и с силой, внушительно позвонила в дверь (в воскресенье в 8 утра, чтоб врасплох):

«Ну-ка докладывай, как Виктор в молодежной компании себя ведет. Расскажешь, ничего не будет, все останется между нами!.. Не расскажешь, я в горком партии на вас, стиляг, напишу!»

«Окей, окей, окей... – выдернутый из кровати Женька зевал и яростно чесался, – вот только не надо никуда писать, теть Оль!.. Да ничего, нормально он себя ведет! Ловелас из него так себе, но если девушка проявляет инициативу, хи-хи, то он поддаётся!.. причем охотно!..»

– Поддаётся?! – нахмурилась Хвола, уязвленная не то развязными его смешками, не то невысокой оценкой Виктора как ловеласа. – Еще бы не поддавался! Он молодой мужчина, ему разрядка нужна!..

Но, придя домой и обдумав услышанное, поняла, что сильнее всего уязвило ее.
Не Женькины смешки.
А то, что – *поддаётся*.

Это плохо!
Это недопустимо!

Если бы я в свое время *поддалась*, если бы плыла по течению в городке Резена, где несколько поколений Мо́сковичей скоротало век, то меня бы Адольф Гитлер прикончил между Днестром и Южным Бугом (как маму с папой). Или Сталин бы заморил в Сибири (как мою младшую сестру?..).
Но я не *поддалась*. Перешла реку. Не разделила с Мо́сковичами их долю.
Ну, а что я испытываю при этом?
Не важно.

Важно, что по ту сторону реки был мальчик-сирота, перенесший дистрофию и едва не умерший в блокадную зиму 1942-го, к тому же с трудностями в запоминании букв и складывании их в слова.
Важно, что нашлась я, Хвола-Ольга, выкормившая его сахарной пудрой и питательными дрожжами с конфетной фабрики. Не давшая ему пропасть из-за ограниченных умственных способностей.
Важно, что борьба за этого мальчика далеко не завершена, хотя он и гроссмейстер по шахматам (их всего-то 20 по стране!), и в этой борьбе я нахожу и цель, и утешение.

1960. Международный турнир ЦШК, Москва (+6 –1 =4) 1 место.
1960. Международный турнир, Буйэнос-Айрес (+9 –2 =8), 1-2 место.
1960. Международный турнир, Санта-Фе (+3 –1 =3), 2 место.
1960. Международный турнир, Кордова (+5 –0 =2) 1 место.

А теперь... его женить надо. На 17-летней Наде, дочке Софийки и Петра (Семки). Связать концы с концами.

3.
О том, почему на Наде.
В первых классах школы, когда из-за тяжелой дислексии Виктору грозил перевод в специнтернат для у.о., Хвола писала с ним диктанты.
Это помогло, но не сильно.
Оказалось, что он не видит существительное слово, не узнаёт его в предметах.

Вот как это открылось.
Писали очередной домашний диктант.
«*Пылай, камин, в моей пустынной келье...*» – диктовала Хвола.
Написал без ошибок.
Но не мог прочитать написанное.

Тогда подвела его к камину: «Что это?»
«Камин!»
«Верно!.. А теперь возьми тетрадку и покажи слово *“камин”*, которое ты только что написал!..»
Не смог показать.

Тогда, похолодев от предчувствий, заставила его одеться и проследовать за ней во двор.
«Мороз и солнце, день чудесный...» – прочитала во дворе и стала объяснить, что мороз это не только сочетание «*мо*» и «*роз*», а еще и погодное явление, то, что в данную минуту щиплет нам носы и щеки и заставляет прыгать на одной ноге...

Щёки он тёр. На одной ноге прыгал.
Но отыскать этот проклятый «*мороз*» в виде написанного слова – ни в какую!

Чтение и письмо разделены у него перегородкой. Предметы не отражаются в словах, слова не цепляют предметы... Диктант – вот его умственный предел: вырисовывание букв и слов, не несущих изображения, не породненных с предметами окружающего мира.

Вот так же, довольно повзрослев, окончив 10 классов и будучи принят в ЛГУ им. Жданова, он и в 20 и в 25 лет не умел понять истину о любовной парности мужского и женского.
Не слышал ее в своих душе и теле.

Конечно, «*если девушка проявляет инициативу*», то тогда он не теряется (это как написать «*Пылай, камин...*» под диктовку). Но без подсказки, самостоятельно сложить любовь из буковок чувств и гормонов – ни в какую!

А вдруг это не *дислексия*?
А... а... *яинерфозиш*?..

Хвола никому не рассказала, но в 14 лет Виктор поднял на руки Ма́чика (домашний кот) и спрашивает: откуда мы знаем, что Мачик – это *кот*. А не *отк*. И не *ток*.
А в 16 лет он подговорил Вовку Попова из кв. 19 пойти с зимними санками в парк Гоголя... – в июле (июле!). Скатываться с горки, на которой трава с одуванчиками по пояс.
Хорошо, там Люся-почтальон мимо проходила, прогнала их домой...

«А откуда нам известно, что сейчас лето?» – защищался он часом позже в квартире, уворачиваясь от Хволыного ремня.
И просверкни хоть искра детского баловства в его лице, или искра юношеского упрямства, бунта, оригинальничанья... – Хвола простила бы его...

Но увы – мысль его заливается в какие-то особенные дикие формы без всякого на то естественного обоснованья.

«О том, что сейчас лето, – объясняла Хвола, – мы можем судить по факту вращения Земли вокруг Солнца!..»

Казалось бы, куда яснее.
Но, глядя в его темные, блестящие, прошитые чудесным, увлеченным выражением глаза, Хвола покрывалась холодным потом – от невозможности объяснить, хуже того, от пронзившей ее догадки о... правде его сомнений.

И то правда: пускай земная ось направлена строго на Северную Звезду. Пускай это аксиома. Но ведь все в этой аксиоме есть только наша давняя договоренность об оси Земли, которую мы наблюдаем в таком виде лишь потому, что наши глаза устроены так, как они устроены, и наш мозг организован так, как он организован. То есть, свидетельствуя о полюсах Земли и о временах года на Земле, мы свидетельствуем всего только о самих себе и о специальной оптике наших телескопов, помогающих нам составить договоренность о Северной звезде, Плутоне, Солнце и др. космических телах. Но кто постановил, что наши глаза, мозг и телескопы есть мерило правды! Кто постановил, что буквы «*м*»-«*о*»-«*р*»-«о»-«з», собранные в таком порядке, действительно означают зимнее состояние природы и t ниже нуля?

Можно было мозгами поехать!

«*...конфетами называют кондитерские изделия, получаемые из конфетных масс, имеющих мягкую консистенцию!*» – бормотала Хвола перед сном (чтоб не поехать мозгами).
«*А кремы это пенообразные массы, получаемые сбиванием шоколадно-ореховых масс с жирами, молочным сиропом, вкусовыми и ароматическими добавками...*»

«А я – Хвола-Ольга-Москович-Корчняк, инженер-технолог (2 кат.) кондитерского производства, выпускник ВЗИПП (заочное отд.)!..»

«А в Ужасные дни принято крошить хлеб в воду и вращать белую капару над головой (курицу или индюшку)».

«По крайней мере, так было принято в Резене, где я росла!..»

«А маму с папой видели в Одессе накануне сдачи города в 41-м. Расстреляны скорее всего. Закопаны в безымяном овраге...»

«А Шор-одноглазый не хотел эвакуироваться из Резены. Расстрелян скорей всего. Закопан в овраге...»

«Но вот сын его (Семка-Петр) сделал карьеру в НКВД и заполучил-таки свою Софийку!..»

«А дурака моего я женю на Наде, их дочери!»

«Мой долг их поженить! Свести концы с концами!»

«Иначе все бессмысленно, все пропало!»

«Иначе и я – не я, и наш Мачик – не кот, а отк, если я не поженю их!»

1961. Командное первенство Европы, Оберхаузен, в составе сборной СССР (+8 –0 =1), 1 место на 6-й доске.

1961. Командное первенство СССР, Москва, спортобщество «Труд», 1 доска (+2 –1 =2)

1961. Матч Югославия – СССР, Белград (+2 –0 =4)

1961. Международный турнир памяти Мароци, Будапешт (+9 –1 =5), 1 место.

1961. Матч Будапешт – Ленинград, Будапешт. (+3 –0 =1).

1962. 30-е первенство СССР, Ереван (+10 –1 =8), 1 место. 2-кратный чемпион СССР.

Написала письмо Софийке.

Мол, так-то и так-то.

В память об убитых наших родителях.

Чтобы Бог меня и тебя простил.

Поженим Виктора и Надю.

Софийка – в восторге от идеи!

Но... проходит 2 недели... и:

«*Acest tiran este impotriva!* – извещает в письме. – *"Sa mai creasca si – i voi gasi eu mire!" – ceea ce spune el*»[1].

Чего-чего?

Сёмка против?!

Да он плохо меня знает!..

«*Transmite – i tiranului tău*, – написала подруге в ответ, – *că îi voi adice aminte de ИИП-42! O să – is criu la locul de muncă despre aceasta! Să – l controleze, pe câți de aceştea de alde noi i – a adus în URSS cu metrici falsificate!*[2] Если по-хорошему не согласен.

«Он согласен по-хорошему! – Софийка написала в свою очередь. – Но он требует немедленно вернуть ему твой ИИП-42! Вернёшь? И он требует, чтоб не по почте! А с <u>доверенным лицом</u>. Из рук в руки!»

4.

Доверенное лицо.

Кишинев, 2 недели спустя.

---

[1] *«Этот тиран – против! Подрастет, я сам ей мужа подберу!» – вот его слова!» – рум.*

[2] *Передай своему тирану, что я ему про ИИП-42 напомню! По месту работы пошлю! А также в Верховный Совет в Москву! Пусть проверят, сколько он таких, как мы с тобой, по подложным метрикам в СССР запустил!..» – рум.*

ИИП-42 – спец. справка НКВД о временной регистрации перешедших (нелегально) в советское подданство из подданства капстраны (1935–1939).

Гостиница (бронь Совмина СССР) делила площадь с Академией наук и находилась как бы в центре города. Но только как бы. Шаг в сторону – и ты в нижней части, в лопушанных недоулках-тупиках с пошатанными развалюхами без водопровода, с бесстыдно-вытребуханной, похотливо-мокрой землей за огородными кольями, с кривоколдобым спуском в речную пойму, с ленивыми слепнями и зобатыми жабами из плохо заправленного в береговые холмы, еле толкущегося в своей траншее Бычка, помеси отводной канавы с канализацией.

Междугородку с Ленинградом дали только поздним вечером, и опять у Изабеллы был стеклянный чужой голос, пробившийся у нее с тех пор, как она системой йога увлеклась и кубинскими танцами.

А наутро, на лестничном пролете, Волгина чуть не сбили с ног напористо-ломовые, взмыленно-быстрые, с гусино-гортанными голосами торговцы (армяне?.. узбеки?..), переносившие мешки с фундуком к такси на площади.

Мешки с фундуком были последней каплей.

Ну Костик!.. *«Быть моими глазами... моими ушами!..»* А сам! К базарным торговцам подселил!

И Волгин живо представил, как управляющий делами входит к Костику (родному брату!) в кабинет: «Константин Иванович, по какому разряду делаем бронь для Волгина?» И как могущественный министр, член ЦК, депутат ВС и пр. отрывается от важных дел, от управления стратегической отраслью и битый час вникает в копеечные детали гостиничных разрядов (2-3 пояс, города-столицы союзных республик с населением до 300 000 человек), расчетливо прикидывая в уме его, Волгина, реальные стоимость и ценность.

И вот – прикинул! По разряду торгашей фундуком.

Сволочь.

А вот плюну и уеду.

Май 1959, Кишинев.

И уехал бы.

Если бы не просьба.

От Корчняк Ольги, подруги жены: занести тут конверт каким-то ее знакомым.

Поискал в чемодане.

Вот. *Ул. Льва Толстого, 29...*

Тоже мне... курьера нашли!

Но Корчняк не откажешь: ее сестра была с Изабеллой в Ханты-Мансийске (поселение для расконвоированных в 1943-44). Да и сама Оля (скромная трудяга, вдова) нравилась ему куда больше, чем вся приятельская компания его жены (из классов йоги и самбы-румбы).

Поэтому он аккуратно свернул и спрятал конверт во внутреннем кармане пиджака.

Прикрыл окно в номере.

Снял с вешалки плащ.

На городские улицы сетка весны была наброшена.

Что сказать. Город расстроился за 19 лет. Особенно главные улицы – в бравых мундирах сталинской архитектуры. Тогда почему же стемнело на душе? С каждым шагом все угнетённее настроение.

«... Рассчитываем на тебя, Александр Федорович! На твои инженерные мозги!..»

«...Задача: до конца года подготовить проект заводов союзного значения!..»

Во какие голоса запели – из 1940-го года.

До неловких подробностей помнил и собственные... гм-м ... соловьиные арии того времени:

«...вы это мы, Шор! А мы это вы! И пришли мы к вам давать! А не брать!..»

«Ведь не для грабежа мы тут у вас, при наших-то природных богатствах! В одной Сибири сколько золота в земле! Сколько самоцветов!»

«Но ты во тплавку чугуна хоть разок видела, нет? Вот так и мы, русские, несемся в историческую даль, как молодой чугун из домны! Ленин и Сталин наши старшие горновые!»

Вот дурак! И как только слова такие вытаптывались в глине языка?!

Ну и самое неловкое:

«...если Изабелла Броди станет моей женой, то и Бессарабия как дикий вьюнок привьется к великому дереву Советской России...»

Ну да, привилась!

Они хитрые плуты, бессарабцы эти! Летом 41-го спокойненько приняли румынских бояр своих обратно. И Тимфеева, начальника моего, первой же пулей перед поссоветом!

А жена! Ух! Знал бы, что в систему йога уйдет, в кубинские танцы, и что походка будет стремительно-мимолетящей, а голос чужим и стеклянным, и что там, где она, там радио на весь дом и с утра все лампы включены – только б не тишина и не полумрак, и что все вместе это сделает нас не сходными ни единой душевной полоской, глубоко и неисправимо-чужими друг другу людьми... – эх, предвидел бы всё это в 1940-м году, то и связываться бы не стал.

И вот – шел он и шел по Кишиневу, сколь особенному, столь же и случайному для всей его биографии (не погибни 1-я жена, не уехал бы с Кузбасса). Пока ноги не вывели к стадиону «Динамо». Весной 1941-го играли здесь в волейбол на первенство республики.

Почему-то именно здесь, возле «Динамо», окончательно понял всю глупость возвращения – через 19 лет. Пускай не молод и не здоров, пускай всей жизни осталось с гулькин х., но какой ни есть, а тянусь в будущее. Луковым пером вверх. Вернуться же сюда – все равно что сесть не в тот поезд. И приехать – вместо будущего – в могилу свою...

Поэтому – решено!

Сваливаю.

Костик не поймет? Ну и не поймет. Еще вопрос, кто кому обязан! Я его на следствии прикрыл. Кто *там* был, поймет: каково это, между допросами дневными-ночными, в вони-холоде-духоте подвальной камеры придумывать, как дорогое имя обогнуть в следовательском кабинете! А он! Ну да, из лагпункта вытянул меня в 42-м! А чего бы и не вытянуть – когда ему сталинский мобилизационый план спущен был из Москвы: переход на рельсы военной экономики, перераспределение металла по стране, концентрация капработ и матресурсов на строительстве оборонпредприятий Урала и Сибири! В том-то и дело! И чего бы ему толкового инженера за спасибо не прихватить, когда такие кадровые директивы спущены за подписью Самого́: «...инженеров-металлургов (з/к) и технически-грамотных рабочих (з/к) в полной мере привлекать к работе по специальности! С переводом на ПДР (поселение для расконвоированных)!..» Да я на вес золота был в те дни, в свете сталинского мобилизационного плана.

...Как раз из двора женщина с мусорными ведрами выходила – не старая по виду, с красивой копной волос.

Но когда окликнула: «*Вам кого?*» – то голос оказался не хорош: в этакой возрастной, с трещинками, штукатурке.

– От Корчняк из Ленинграда! – ответил Волгин. – Конверт отдать!.. – и раскрыл портфель на весу.

– Петя, *ИИП-42* от Хволы! – крикнула женщина в глубь двора. – Быстро!...

И поскольку Петя не отзывался не то что быстро, но вовсе никак себя не проявлял, то, отложив ведро и все восклицая про какое-то *ИИП-42*, красивая женщина со старушечьим голосом поспешила в глубь двора, в его низкую слепую зелень, которой в этом городе набита каждая щель.

Несколько минут прошло.
Женщина вернулась.
– Ваша как фамилия? – спросила она из-за ворот. – Муж хочет знать!

Вот фокусы.
Прям ВОХРа на дому.

– Волгин меня зовут! – отвечал Волгин с закипающей обидой. – Волгин Александр Фёдорович!.. Еще вопросы есть?..
– Волгин, Петя! – крикнула женщина вглубь двора. – Волгин Альсан Фёдорч!..

5.
Волгин. 19 лет назад.
Для исторического присоединения правобережного, кондово-молдавского края к семье народов СССР хватило одного, правда, по-летнему обширного (рассвет в 4 утра, закат в 10 вечера!) дня 28 июня 1940-го года.
Пешие, конные, механизированные, вспомогательные части РККА, с утра до ночи осуществлявшие организованную переправу через Днестр, были повсюду встречаемы как освободители, как братья.

Указ Верховного Совета об образовании Молдавской ССР (с объединением право- и лево-бережных областей р. Днестр в целостн. тер.-адм. единицу), был принят 5 недель спустя.
В рамках У. в молодую республику были направлены кадры гражданской администрации, партийного руководства, работники нархоза СССР, специально подготовленные для работы на новом участке.
Подготовка велась как в профессиональном, так и в идейном плане. Надо было вооружить людей. Ознакомить с письменными документами и археологическими находками – свидетелями родства молдован и славян (Геродот о скифах, Тацит о венедах, «Повесть временных лет» об антах[1], Карамзин Н.М. и Соловьев С.М. о входе Приднестровья в состав Киевской Руси (Галицкое княжество)). С тем чтоб работали спокойно. С тем чтоб не потерялись, когда вражеское карканье («Оккупанты! Захватчики!») достигнет слуха. С тем чтоб не смутились и дали отпор.

Среди *вооруженных* и *ознакомленных* кадров – Волгин А.Ф., 1912 г.р., член ВКП(б) с 1935 г., русский, холост (вдов.), выпускник горного института (Ленинград, химметаллургич. ф-т, вечернее отделение). Откреплен с прежнего места работы (Гурьевский металлургич. з-д, ст. мастер участков механич. обработки).
14.7.1940 по прибытии в столицу новообразованной МССР г. Кишинев т. Волгин был принят в промышленном отделе ЦК КПМ, где получил направление в пгт Резина (или Резена?) Оргеевского уезда.

«Рассчитываем на тебя, Александр Федорович! – сказали ему в промотделе (бывш. боярский особняк с тяжелым, пожарно-ярким ковром на навощенном полу и с разукрашенной печкой в половину комнаты). – Задача перед нами поставлена вот какого направления: до конца года подготовить проект заводов союзного значения!..»
– Подготовим! – отвечал Волгин.
Он произнес это со спокойной уверенностью и без малейшей рисовки. Но ответ его не встретил одобрения.
– Не упрощай! – остановили его. – И не перебивай-те!..
Ну вот, даже на вы перешли от неудовольствия.
Он прикусил язык.

[1] *Скифы, венеды, анты – древнее название праславянских и славянских племен, обитавших на территории сегодняшней МССР.*

– До конца года... – повторили ему с разделением, – мы обязаны составить... и направить в Нархоз СССР... проект заводов союзного значения...

И приумолкли на целую минуту.

Удостоверились, что слушает и не перебивает.

И только тогда продолжали:

– ...с тем чтобы уже в следующем 1941-м году включили нас в текущий всесоюзный 5-летний план!.. Вы ведь металлург?..

– Да! – подтвердил.

И постарался, чтоб из голоса не вылупилось ничего, кроме этого простого и голого «да».

– Хорошо! – отрывисто похвалил собеседник.

– Могу в Рыбницу! – предложил Волгин, ободренный похвалой. – Я смотрел, там имеется база для металлургии!..

Хотел показать, что не вслепую приехал.

И с риском, что опять оборвут, но, честное слово, без всякой там рисовки, самыми простыми серыми словами, забурлил о своем Кузбассе, о своем Гурьевском комбинате, где и строительный цикл, и 1-я огневая лава 1-й доменной печи, и пуск турбогенераторов и коксовых батарей... – все это *он*, при *нем*, ценой *его* пота, *его* рабочих смен через восемь. Он говорил строго по делу, даром что всего разносило от нетерпения (впрячься в проект заводов союзн. значения! Работать! Быть на острие! Стряхнуть серую золу с души и мозга, тоску по Танечке[1]).

– А ну, молодой! – сказали примирительно. – Рыбница это советский край с 1924-го года, там теперь и без тебя справляются!.. Зато Резена через речку, это и есть бывшая боярская Румыния, феодальный строй, туда и поедешь! Выведаешь в плане сырья и путей сообщений!.. а также в плане местных промыслов, сложившихся исторически!.. А то, хаха, в Рыбницу захотел!.. Тебе сколько лет?..

– 29! – округлил (а было 28 с месяцами).

– Еще молодой!.. – сказали утешительно. – Так вот пойми! Тут тебе не Российская Федерация, Альсан Федорч!.. И даже не Украина с Белоруссией!.. Тут не то что турбогенератор, тут бетономешалку в глаза не видели! Что виноград в корыте, что цемент с песком – всё ногами давят!.. А кстати! Про виноград!.. Едал когда-нибудь? Нет?.. Ну, значит будешь есть!.. И я призываю тебя к спокойствию, Волгин! А то были случаи с нашими работниками... гм-м... вроде бы и кадры подготовленные, с образованием от среднего технического до высшего, а повелись как дикари! Налетели на все эти местные дары природы, а потом дизентерия – раз!.. холера – два!..

– Я не налечу! – пообещал Волгин.

...

– Или баб своих в местный трикотаж понарядили, – продолжали сетовать (после того, что секунд 10 моргали без слов, принимая к сведению это уверенное волгинское «не налечу»), – ...и щеголять по улицам пустили в таком виде: мол, мода по-парижски!.. А на деле?.. А на деле это исподнее такое! Во стыд!.. Ну, ты чтоб не опозорился, ладно, Волгин?..

– Не опозорюсь! – снова уверил он («Тем более что и бабы нет!..»).

– Будь готов, что станут тебя в их веру обращать! – предостерегли напоследок. – Мол, мы аграрная страна, и как были огородники 500 лет, так и хотим огородниками остаться, что с нас взять! Так вот! Вруби там свои инженерные мозги, Альсан Федорч! Покажи им, что такое школа советского строительства!.. Сегодня у нас что, 7 июля? Значит, первую твою записку – на тему «как помочь нашим молдаванам вырваться к социализму наикратчайшим путем» – жду от тебя 7 августа, то есть ровно через месяц, договорились?!..

[1] *Танечка – жена (1916–1939).*

– Есть! – отвечал он просто. – Будет!..

...

И – поехал, вместе с тремя другими командировочными. Тоже инженера́ми! Тем, правда, в г. Соро́ки. Но машину дали одну на всех. Сказали, что по пути.

6.

Резена. 1940.

По вечерам наступала такая темнота, будто сам здешний процесс перехода от светлого времени суток к темному мог быть управляем вручную и, следовательно, мог быть доведен до крайних значений. Будто там компрессор имеется (с дутьем!) – для сжатия дневного света.

Но темнота эта не была опасной. Земля не выстывала в ней, но дышала теплом, ночным и беспричинным.

Выйдешь в сад – там такое участие к тебе росистого ночного пара и фруктовой в нем огрузки деревьев, такая сосредоточенность звезд, надувшихся в небе, исушенная терпкость табачных порядков, дурь медосбора, алиготэ с фетяской на проволочных струнах. В 5-м же часу утра вдруг мягонькие полугорки выступят в тине рассвета, с огородами, нанесенными так занимательно-точно, так разнофигурно, в такой продуманной геометрической совместимости друг с другом, будто не чересполосица межевая, а наборная рукоять для отвертки или ножа.

Красивый край, чего тут. Моей Танюше бы понравилось... (милая... хорошо, хоть в Крыму на слёте ударников успела побывать – в быстрой своей жизни...).

Но металлургией и не пахнет: во, сколько лесов!

Растемнелись, непуганные.

В стороне от железного века...

Ничего, познакомимся!

Не верю – чтоб под такими лесами! – почва ну совсем нерудная.

«В промотдел ЦК Компартии МССР.

От Волгина А.Ф., инженера при поссовете «Резена» Оргеевского р-на.

7 августа 1940 года.

«В качестве первой меры для контроля имеющегося сырья – предлагаю незамедл. образование республиканск. лесхоза с производств. и администр. полномочиями...»

Дали комнату у одноглазого Шора-садовника: чистую, и со ставнями на окнах, но с земляным полом ниже порога.

Перед сном пошуровал там под потолком на печке и извлек... *«Прикладную и практическую механику», 1915 г., С-Петербург.*

Ого, неплохо!

И это кто тут – технически грамотный такой?

Оказалось, самого Шора сын.

И карбюраторная болванка за сараями тоже его! Самоделка, правда, – судя по тому, как жиклёры выточены.

– А сам-то где? – поинтересовался у хозяина. – Сынок-то твой!..

Сбежал, рассказал дед. В механики на корабль.

– В механики?.. на корабль? – прищурил глаз Волгин (подсмотрел такую привычку у предпоссовета Тимофеева (Тимохи): прищуриваться при любом вопросе, даже если просто «Который час?»). – А на какой корабль, если не секрет? Пиратский или обычный?..

Ну, это шутка была – с прицелом в пиратскую черную повязку самого Шора.

Но тот не въехал в юмор.

Уковырял в подсобку, затем возвращается, дает конверт.

«*Brazil*! – прочитал Волгин на почтовом штемпеле. – 1935-й год! (и даже испариной покрылся – от стыда за пиратские шуточки свои)... Гм-м-м... И что? Всё?.. Других писем не было из *Brazil*?»

«Всё!» – развел руками дед.

Чем до боли отчима напомнил (отчим, Волгин И.Т., вот так же руками развел, когда с тамбовского фронта вернулся (с хрипами в груди и судорогами в ногах) в 19-м году).

«Ничего, я тоже пострадавший! – поделился тогда Волгин. – Жена Татьяна вон в угольной шахте... Э, хорош! – сменил тему. – Вот я твой дом занял, дед, на печи твоей лежебочу, под одеялом пуховым греюсь, в то время как ты в подсобке на соломе!.. Ты приходи, понял?! Я подвинусь!»

– Найн! – отказал Шор.

– Что – найн? – не понял Волгин. – Почему – найн?.. Я же не оккупант какой-то!..

И – с весомостью – опустил руку Шору на плечо.

Но плечо у Шора было какое-то... песочное.

«Не оккупанты мы, ты понял?! – Волгин поспешно убрал руку. – Не монголо-татары какие-то! Налетевшие, чтоб пограбить только! да пригожих баб попользовать!.. Вы это мы, Фройма!.. А мы это вы!.. И пришли мы к вам – давать! Слышишь? Давать, а не брать!.. Я сам с Сибири, ты, наверное, и не слыхал про Сибирь, а это такой простор, который от Уральских гор тянется аж до Океана! Вот такое у нас, у русских, богатство за душой. Несметное прямо богатство! Ты только приходи, бери!..»

Мысль о том, что Фройма не слышал про Сибирь, не видел карту РСФСР во всем ее малиновом распахе, мысль эта обожгла таким внезапным темным паром, точно банную каменку водой окатили.

«Так ведь и умрет в темноте... если не просветить!.. Ага, так вот для чего я здесь!» – такая примерно мысль последовала.

Инженер, минералог, химик... но в 1-ю очередь просветитель. Гонец с особым донесением. И пускай миссия его затронет не всё подряд местное населенье, но разве отдельно взятый Фройма Шор, спящий посреди мышиного помета в сарае с лопатами-граблями, не заслужил свой рассвет с востока?!

«В промотдел ЦК Компартии МССР.

От Волгина А.Ф., инженера (поссовет «Резена» Оргеевского р-на).

7 августа 1940 года.

При отсталых методах ведения хозяйства, принятых до присоединения к СССР, основой минерально-сырьевой базы Молдавии служили нерудные полезн. ископаемые (древесные стройматериалы, каменный известняк). В наст. время проводится активная разведка полезных ископаемых, могущих послужить сырьем для индустриальных отраслей...»

Шор был необщительный, забитый.

Веснушчатая девка-племяница обстирывала его.

Ладно, поможем по-любому.

Стал помогать керосином, дровами из лесхоза (а то – чем они отапливаются: силосом кукурузным!).

А когда Тимофеев издал указ о запрете молиться (хоть по-какому порядку, по еврейскому, по христианскому...), то подошел затемно, взял мягко за плечо:

«Ты, дед, не обижайся на нас! Время такое! А если не можешь без молитв, то приходи – у меня не тронут! Только ставни прикрой!..»

Не пришел! Молится у себя, где запросто застукать могут.

Дальше больше.
Свой домашний хлеб выпекать ему разрешил (Тимофеев узнает – убъет!).
Распорядился, чтобы радио в дом провели.
А электрогенератор в поселке установили – Шору среди первых кабель подтянули.

Не помогает. Все такой же закрытый.

«Огорчаешь ты меня, Шор, – в сердцах сказал ему, – и обижаешь! Но ты мне отчима моего напомнил, а я его любил. Поэтому мне ни слов не жаль, ни средств технических – убедить тебя!»

Как раз племянница-девка постучала и вошла – с корзинкой постирухи.
Рослая для своих 17 лет, плечи-шея-руки – все такое дюжее, деревенское, только ноги не хороши: длинные и с тонкими икрами. Эти икры и портили всё. Из-за них центр тяжести всего ее тела казался перемещенным к плечам и шее, и если б воздух на земле был тяжелым, как вода, то ее, как поплавок, перевернуло бы с ног на голову.
К тому была она застенчивая, краснела чуть что.

– Привет, Одесса! – сказал ей Волгин, избегая смотреть ей в ноги. – Видел тебя в «*Яйце-птице-пром*»! Хорошо работаешь, молодец!..
И то правда.
Чтобы у такого отца.

Отцу ее, *Московичу Ревн-Леви*, Волгин не доверял! Потому что не бывает такого: вчера – эксплуататор, сегодня – советский человек! Не перековываются вот так вот быстро, в 1 ночь. Предпоссовета Тимофеев в лицах показал, как в 1-е же утро (в комнате еще ни стола со стульями, ни сейфа для бумаг) является *Ревн-Леви* во временную администрацию и – бряк! – связкой ключей об стол: «Вот, товарищ командир, всё, что есть за душой: гостиница с зимней террасой, котельная с прачечной, погреб с вином, погреб-холодильник, причал с 5-ю лодками (не поверите, сколько молодых социалистов бежало на моих лодках в СССР!) – и все это в дар нашей дорогой советской власти!.. Для себя не прошу ничего. Но если доверишь трудиться на своем месте, хоть поваром, хоть истопником, хоть казенное белье в чану варить, хоть аллею метлой подметать, то работников преданнее меня и моей жены ты не найдешь во всем уезде!»...
Опередил, гад! Указ-то Калинина (о национализации промторг-предприятий) доставили с курьерской только на 5-й день! К тому времени он уж втерся в доверие. В гостинице теперь меддиспансер. И *Ревн-Леви* при нем завхоз, и та же связка ключей на поясе...

Но Одесса не такая. Никаких там громких слов, заглядываний в глаза. Работает на совхозной ферме. И жених в Оргееве – курсант пехотной школы.
– Адасса!.. – вдруг услышал Волгин.
Кажется, это был 1-й раз, что она рот раскрыла при нем.
– Чё-чё? – не разобрал.
– А не Одесса! – пояснила она.
– А-а? – Волгин облизнул пересохшие губы. – А что это по-вашему значит?..

К стыду своему, он и час спустя, лежа на холодной печи без сна, не мог повторить объяснений ее про «Адассу». Что-то по еврейской религии. Темный лес.
С евреями он не сталкивался раньше. В Тамбове их о, а в Яснях хотя и была еврейская улица, но сам народ какой-то обособленный, ссыльный (вроде шпионили на германском фронте в 14-м году).

Ладно, не важно.

Важно, что потом было.

Потом она к главному приступила, эта Адасса. К тому, для чего пришла – под видом якобы *постирушку доставить*.

– Он же боится вас! – заявила она тоном упрека. И показывает на Шора. – Он думает, вы его в крестьянскую веру хотите переписать!..

– В какую, в какую веру? – рассмеялся Волгин. – В христианскую, что ль?.. Глупости! Я сам атеист!..

– А зачем тогда молиться к себе зовете?..

Такое вот непонимание.

И теперь, лежа на холодной печи, он досадовал на себя.

Надо же, как растерялся!

Во-первых, не нашел простого ответа насчет переписыванья в веру.

А во-вторых, не придумал ничего умнее, как... предложить ей сменить имя.

«Адасса?.. Гм-м... А почему не Даша? Мы ведь один народ!»

Во дурак!

Лежал под стеганным одеялом без сна. Было холодно (для себя он редко топил).

А потом почудилось – музыка невдалеке...

Труба (*«бу-бу... бу-бу-бу»*) и растяг гармошки-и-и-и... Скрипочка (*«пи-ли-ли»*) и молдаванский губной инструмент с обволакивающим жирным звуком!..

Ах да, Тимофеева жены именины. Обидятся, если не приду.

Выпрыгнул из-под одеяла.

Оделся. Вышел в ночь.

Меддиспансер был рядом, в садовом тупике. Свет газовых шаров отпарывал его от темноты. И женский смех с высокими подлетами визгливых нот, и взрывчато-веселые голоса гостей, и молдаванская, с жарким самоподгоном музыка на веранде... – все это казалось чудо-островом посреди глухой ночи.

Волгин пошел на свет, на голоса. Потом передумал.

Он пошел в другой конец сада, где уклон к причалу, нарвать сухих цветов для тимофеевской жены.

7.

У воды *кто-то* был.

Скучный и слабый голос не то старухи, не то ребенка выводил одну повторяющуюся ноту.

Так же однословно вода плескала в камыше.

«Доброго вечера!» – объявил Волгин, подходя.

Вместо ответа – с легчайшим шорохом – *кто-то* разъялся в темноте. Взмыл в сырую гору сквозь камыш.

Это был Идл-Замвл, местный святой. Все тут боготворят его. Чудеса приписывают. Хотя придурок по виду. Тимофеев пробовал навести контакт – не идет навстречу.

Но тоже мне святой! Видали такого «святого» – чтобы табак курил (а Идл-Замвл курит) или от голубей шарахался! К святым людям, если уж на то пошло, голуби должны садиться на плечо. А этот шарахается.

Но не в голубях дело.

И не в чудесах мнимых.

А в том, что сама погруженность в себя Идл-Замвла – была обидна. Ведь и я бываю грустен, задумчив. И председатель Тимофеев не всегда шутками сыплет. Но и тогда не перестаем мы реагировать на людей вокруг, не пролетаем по улице с такой миной, будто их и нет! А вот Идл-Замвл как раз с такой миной и пролетает.

Пролетит мимо – и как будто нет меня!

Как будто и не жил я в п. Нерпа (Тамбовск. губ.,) при токарной мастерской отчима, а потом в с. Ясни (западн. Сибирь)!

Как будто и не вел наших быков за налыгач (Костик, старший брат, доверил)... не подрывал большой уголь в Тергешской шахте-руднике... не принимал молодое железо на Магнитке!..

Эх, Идл-Замвл!!!

А ведь я пришел к тебе как брат!

Не веришь?

Тогда поинтересуйся, сколько сотен тыс. руб., в одном только квартале, переведено в Молдавию из союзного бюджета! Сколько чёрных металлов, каменного угля! Нефтепродуктов! Передового техоборудования!

То же и по сельхозу: 18 тыс. тонн семян, 17 тыс. лошадей, 48 тыс. овец, 11 тыс. голов крупн. рогатого скота за неполный год (все цифры достоверные: их на Октябрьском совещании с трибуны объявили!).

Но кстати...

Кстати!

Если это правда, что про тебя говорят: мол, на Луну ты тут колдуешь в связи с крупным рогатым скотом: понесёт, не понесёт, даст приплод, не даст приплода... – то побережись! Сильно побережись в этом направлении, Идл-Замвл! Вредителей мы давим на месте!

«...Ну пропажа! Ну наконец! Штрафную ему!» – так предпоссовета Тимофеев его встречал, едва из сада он на освещенную веранду поднялся.

– Это Волгин, моя правая рука!.. – объявил он на весь стол. – Вот и садись, Саньк, по правую! Кормёжка тут во-о! А музыка! Сам Бадя с цыганятами своими!.. Бадя... Бадя... как его?..

– Бадя Павел! – подсказал Волгин, оглядывая «цыганят» – одинаково, впрочем, немолодых и побитых жизнью.

– Помню, что Павел!..– обиделся Тимофеев. – Не пьян пока!.. Ну-ка, Бадя... Бадя... эй, ну как тебя... в Санькину честь! – закричал он белолицему жирному цыгану с вороным нимбом волос вокруг большой головы. – Музыка-а-а!..Туш-ш-ш!..

В ответ цыган Бадя только метнул туманный взгляд в сторону гостей. Кораблик скрипки взмывал и падал в волнах его груди, всего его самозабвенного жирного тела. Во всем оркестре это был звук самый решительный, грубый. Сами ноги Бади – и те притаптывали в пол грубее и чудеснее всех.

Тогда Тимофеев привстал и, ухватив двумя лапами за плечи, стал поддавливать Волгина вниз, к накрытой ковром лавке, принуждая усесться.

«Это Санька, мой главный инженер! – твердил он при этом. – Во-о-о такие мозги!..»

Здесь он оставил жим на волгинские плечи, повел руки к голове и изобразил в воздухе целый шар, дающий представление о величине волгинского ума.

Гости были все свои, кроме одного, приезжего по виду («С самой Одессы *комиссар*! – шепнул про него Тимофеев. – И чего приперся?»), с улыбчивым массивным ртом, придававшим всему его лицу выражение как бы восклицания: «А что?! А давай-ка!..»

Ревн-Леви (как без него!) тоже был тут, но сидел как на иголках и, кажется, искал любой повод удрать в кухню.

Вообще он был не такой, как всегда: к угодливой расторопности его (вино, закуска, вышитые полотенца на колени...), к которой все привыкли и принимали как долг, добавилась некоторая, что ли, рассеянность.

Тимофеев, красный, с открытым воротом рубахи, не давал никому говорить, а только на все лады *Санька* да *Санька*! Все волгинские проекты вспомнил: от шиноремонта (цех запускаем в эти дни!) до первой местной ГЭС (монтаж – в 3-м квартале года).

От неловкости Волгин не знал, куда себя деть.

– А чего! Все по делу, Волгин! – пришел на выручку *комиссар*. – Октябрьское совещанье помните?.. Как Вас, там мало кого хвалили! Сам товарищ Бородин за грамотность хвалил!..

И, поведя на Волгина головой, понизил голос: «Ильин. Наркомпрос...[1] Не узнали?»

В ответ Волгин только поморгал глуповато (он новые лица плохо запоминал).

Вот Тимофеев – только того и ждал.

– Что-о-о?! – обрадовался он. – Сам товарищ Бородин – Саньку моего отметил?.. Ого!.. – и потянулся за кувшином с вином.

– Да, товарищ Бородин! – подтвердил Ильин. – На совещаньи!..

– На совещаньи?!.. Тогда за Саньку!.. За Саньку!..

– Они все там о поставках техники рассуждали на совещаньи! – Ильин прикрыл свой стакан ладонью. – Один я о поставках Пушкина!.. И Лермонтова... Михаила!..

– Тогда за Пушкина! – придумал Тимофеев. – Чтоб с монтажом местной ГЭС помог!..

И чокаться полез.

Дружки его, Усов («Заготзерно») и Шаинов (начпост милиции) – гоготнули и звякнулись с ним.

А Ильин откинулся на спинку стула.

Несколько секунд он обдумывал услышанное.

– Без Пушкина, – сказал он, уставясь прямо на Тимофеева (ровно деревянной пешечкой обстукивая всего), – на одних только тракторах Бессарабию из вековой отсталости не вытянуть!..

– И без Лермонтова... – тряхнул чубом Тимофеев, – Михаила!..

Неловкость повисла.

– Значит, к сведению тут всех, – сообщил тогда Ильин, – я сам в ФЗО транспорта был! Механик по диплому!.. Но теперь на школьную программу брошен – для молдаван!.. Как милые будут Пушкина мне учить! «Полтаву» наизусть декламировать!..

– И *Идл-Замвл*? – не поверил Волгин. – Пушкина будет учить?..

И поскреб в затылке от смущения.

– Да, и Идл-Замвл! – Ильин опустил мягкий кулак на стол.

Надо же, с какой легкостью он «*Идл-Замвл*» проговорил. Как будто потренировался заранее.

– Все будут Пушкина учить! – добавил он убежденно. – Царане!.. Попы!.. Раввины!.. Зря я, что ли, по уезду мотаюсь! Культурные кадры на учет беру!..

– Нету у них тут, – возразил Шаинов-милиционер, – культурных кадров!..

– Есть один! – поведал Ильин. – Сам Лев Толстой с ним переписывался!..

– Это из Оргеева который? – угадал Усов.

– Из Оргеева, ага! – подтвердил Ильин. – Еду вот... на учет взять!..

И повертел головой по сторонам – проверяя впечатление.

– Если из Оргеева – то брехня!.. – предупредил Усов. – Столяр по табуреткам – вот и весь Толстой!..

– Вот как? – Ильин подобрался. И... полез в пиджак зачем-то.

Тонюсенький, в зеленой коже, блокнотик возник в его руке.

– Ешь, Саньк! – напомнил тогда Тимофеев, косясь на блокнотик Ильина. – Еда тут во-о!.. Без мяса за стол не садятся!..

– Басни! – заметил Ильин, строча в блокноте. – Бояре да помещики, те без мяса не садились, да!.. А вот простой люд!..

[1] *Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения.*

– Басни, ты сказал?! – оскорбился Тимофеев. – Я что, на Ивана Крылова похож?..
Но Ильин не удостоил его ответа.
– Ты-то, Ревн-Леви, что скажешь?.. – зацепил он завхоза. – Как тут при румынах простой люд жил?..

Ревн-Леви (он как раз сбега́л в кухню с подносом объедков в руках), должен был остановиться, как подстреленный.
– Да! – нашелся он. – Мы простой люд! И на столах у нас хлеб да каша!.. Но дорогих гостей... принимать умеем!..
Все умолкли за столом.

– Гостей? – переспросил Ильин. – И это кто тут *гости*?..
Нехорошая тишина повисла.

На завхозову удачу Тимофеев снова встрял.
– Как старики у нас в Башкирии говорят, – поднял он в воздух палец, – пусть человек есть плоды той земли, в которой прах его предков!.. Всем ясно?!.. И можешь написать в блокноте! – добавил он для Ильина.

Про блокнот никто не понял.
А вот «старики в Башкирии» – удивили всех.

В одну минуту диспут был открыт, со скрипом скамеек и целым слётом голосов.
«Уходи, ну!» – зашептал Волгин *Ревн-Леви*.
Вдруг ему жалко стало этого пройдоху. Поменьше б торчал тут на виду!

Среди общего шума Ревн-Леви не столько расслышал, сколько по губам угадал, что Волгин ему велит.
Быстро и с каким-то козьим проворством метнулся он за штору.
Но что-то остановило его. Наверное, ему авторитета Волгина мало было.
«Ну, твое дело! – решил для себя Волгин. – А я руки умываю!..»

«Старики в Башкирии» задели и его.
«Ну и что, – подумал он, – что нашего праха в этой земле нет! Будет еще и прах, куда деться?!.. Ну вот хотя бы... мой прах!..»
Но говорить ему не давали.

8.

– А ну-ка, Бадя! Поменяли пластинку! – пробился вдруг сильный и довольно приятный голос, если и звучавший до сих пор в компании, то только на окраинных кругах. – Ну-ка из современного репертуара!
Голос этот принадлежал Брику (доктор по рентгену из Оргеева), вполне себе *французику* по виду, но с той милой простотой в манерах, когда будь ты хоть самому черту брат, и то тебя полюбят.

В одну минуту Бадя со своими цыганами на *современное* перестроились. И пускай у них музыкальная бурда вышла (точно в красный борщ черного кофе налили!), доктор с веселым лицом поднялся с лавки и свою медсестру поднял (Изабелла... Изабелла Броди... кажется, такое у ней имя).
На них загляделись все.
Большеглазые, рослые, и с той негой самоупоения в глазах, что отличает всех тренированных танцоров, они не просто хорошо, а как-то волнительно-хорошо стояли вместе. Это когда телесные линии одного сливаются с линиями другого, как на горизонте море и небо. Любовники, короче. Хотя доктор танцевал с широкой и мило-удивленной улыбкой в лице (мол, сам не ожидал от себя такого изящества), а медсестра – с недовольно-поднятыми бровями и как бы из одолжения.

Волгин вперед подался – следя за ними. Особенно – за *ней*.

Хороша ли?.. М-м-м!. Ноздри, глаза, рот... точно пробиты в красивом тумане лица. Шаг – широкий. И зачем-то (может, так в *современном репертуаре* полагается?) руку за спину отводит.

«Садовника Шора знаешь такого? – вдруг шепнули ему в ухо. – Ну и как он там?..»

Это комиссар Ильин был, подсевший рядом.

Он улыбался так широко, что слова его, как порошок микстуры в воде, растворились в этой улыбке.

«Садовника Шора? – тихо удивился Волгин. – А то!.. Живу я у него!..»

«Ну и...?» – напоказ, широко скалил зубы Ильин.

Лицо его как парус надувалось на перекладине улыбки.

– Ну так!.. – Волгин решил проявить осторожность. – А в чем дело?.. Тоже, что ли, культурный кадр?..

И по тому, как в одну минуту сдулся парус, Волгин вывел, что не в культуре дело.

От неловкости он за кувшином потянулся.

– Мне хвать! – Ильин прикрыл свой стакан ладонью.

Какой-то он все-таки был странный. Двусмысленный какой-то.

– А ну, дай блокнот! – вырвалось вдруг у Волгина. – Что ты там... про Тимоху написал?..

И содрогнулся – от дерзости своей!

– Не губи Тимофеева! – попытался исправить дело.

Мол, пожалей предпоссовета.

Он свой кадр.

Из башкирской непритворной бедноты.

Красноармеец полевого контроля, в плечо и в голову клеймёный колчаковскими пулями, под ребра колотый деникинским штыком.

А что грубил за столом, то это из-за башкирского дела.

Там, понимаете, троцкисты пойманы у него на родине! Весь башкирский военный корпус!

Но только Тимоха тут при чем? Ему 17 лет было, когда он в том корпусе служил!..

Вот такими сведениями он бы поделился с комиссаром.

Но тот уж продирался на выход между столом и лавкой.

– Не сердись, товарищ Ильин! – испуганный Волгин ухватил его за полу пиджака. – Лучше обьясни, как нам породниться с ними, с бессарабцами этими?! Чтоб за оккупантов нас не считали!..

– *Вы*... их! – не оборачиваясь, Ильин ударил его по руке.

Чтоб не цеплялся.

– Это как?!.. – Волгин потер ушибленную руку.

Но Ильин как под землю провалился.

Тогда и Волгин с лавки встал.

К Изабе-е-елле Бро-о-оди – вдоль всего стола.

Заставил подняться и идти с ним в круг.

Там, на середине веранды, они выставились как единственная пара, и она посмотрела на него, ожидая первого, направляющего движенья...

«Не умею!» – вдруг понял он.

И – побледнел.

«За талию возьмите! – подсказала тихо. – Пусть Мотька видит!»

Взял за талию согласно просьбе.

– Может, приревнует, подлец! – добавила она, причем коротенький носик ее сморщился и стал еще меньше, а тонкая верхняя губа подтянулась, устроив миленькую улыбку на лице.

Но как раз музыка смолкла.
Точно с гвоздей занавеска слетела на пол – так вдруг тихо стало.
– Что? – спросила Изабелла. – Всё?..
А это скрипачам еду накрыли в стороне.

– Вен ди урэмэ мейдл гейт тонцен, – с места посмеялся доктор Брик, – гейн ди клейзмер пишен!.. Стоит неимущей девушке выйти потанцевать – так музыкантам срочно попи́сать надо! – перевел он для всего стола.
Все заржали.
– У, Мотька! – замахнулась Изабелла на него.
И, отстранясь от Волгина, пошла за стол.

Закусив губу, Волгин огляделся.
Цыгане с веранды уходили.
Один Бадя Павел на месте оставался.
Зачем-то он нотные листы на пюпитре перелистывал.

– Играть! – Волгин пошел на него. – Кто дал приказ расходиться?!..
Но Бадя не слушал его. Он слюнявил палец во рту и – к нотам подносил. Вид его был сияющий, как у брошки с камнем: эти любвеобильные губы в поповской бородке, эти хитрющие глазки плута...
Засветить, что ли, – в довольную рожу?
Нельзя.

– Тогда я спою!.. – Волгин повернулся к гостям.
И запел.

Никогда он раньше не пел. И самого простого слуха в ушах его не водилось. Но зато какой глубокий, грозный, сыплющий булатными искрами бас был у деда Локтиона из Ясней, погрузчика бертолетовой соли на Рачьем озере!
– *Ревела буря, дождь шумел!..* – дедовским, как он думал, голосом запел Волгин, ища взглядом медсестру Изабеллу Броди. – *Во мраке молнии летали!*
Стараясь петь красиво и звучно, он остановил в себе дыханье, напряг брюшнину, сцепил до громкого скрипа зубы.
– *...И беспрерывно гром гремел...*

Потому что это было последнее оружие.

Мобилизовать в себе голос деда Локтиона и пробить волшебной русской песней зачерствелые бессарабские сердца.
Чтоб оккупантами не считали.

Но голос не слушался.
Дед Локтион с того света не помог.

– Это про Ермака! – крикнул тогда Волгин с судорогой в горле. – Это про нас, русских!..
И тогда Тимофеев перед ним вырос.
– А башкиров куда?.. – спросил. – Я-то башкир, Саньк!..
– Ну, башкир! – захрипел Волгин. – А я русский!.. И потомок Ермака!..
– Потомок!? – засмеялся Тимоха. – С кастрацким таким голосом!?..

Дальнейшее Волгин плохо помнил. Кто-то встал между Тимохой и ним, но и поверх разнимающих накидали друг в друга кулаков. Умывал потом кровящее лицо в саду, и Усов Родион с полотенцем подходил, и грозил почему-то *Московичу Ревн-Леви*. Мол, вредитель, плохим вином напоил, надо будет допросить, нас его вторая дочка интересует!
Вот как?! А Волгин и не знал, что у Ревн-Леви есть вторая дочка, он только Адассу знал.

Но, оказывается, Шаинов ихний ЗАГС поднял для паспортизации населения, и там записано, что и вторая дочка есть! Имя смешное, ты упадешь. *Хво... Хвола...* какая-то!

Волгин (утирая подбитое лицо полотенцем): «А куда он её... спрятал?.. эту *Хво*?!»
Шаинов: «Вот и нам интересно – куда!..»

9.
Декабрь 1940-го.
Из рабочего календаря Волгина.
12 дек. Политучеба (Оргеев). Заночевать.
13 дек. Старый Оргеев, каменоломни, дробильно-сортировочн. комплекс (бывш. хозяин Хасилев), заказ оборуд.
14 дек. (утр.) в связи с близостью котельцовых карьеров перевод кирпичн. з-да из Резены в Оргеев (обсудить целесообр-ть!).
14 дек. (после обеда), завод станков (обсуд. проект) на базе кустарн. мастерской (бывш. хозяин Тыж). Подвод ж.д. ветки? Обсудить!
14 дек. (веч.) Шаинов, «Динамо» (бывш. еврейск. клуб), осмотр системы вентиляции и подогрева.
19 дек. Политучеба (Оргеев). Заночевать.
20 дек. (утр.), с Тимофеевым., конзавод (бывш. хозяин Унгар).
20 дек. (п. обеда) ткацк. ф-ка (бывш. Тростянецкого).
26 дек. – Политучеба (Оргеев). Заночевать.

Оргеев. Декабрь 1940-го.
Политучеба. Конспект.
«Враг, товарищи, хитер, он сам не сдается, а притаившись, нащупывает наши слабые места и начинает действовать! И вот так, несмотря на то что после вхождения Бессарабии в СССР главные чины из контрреволюц. банд бежали в Румынию и дальше на Запад, часть их боевой силы осталась на местах для проведенья подрывной деятельности. Это притаившийся враг, товарищи! И он здесь. Он ходит по тем же улицам, что и мы!..»

«Что-то зачастил ты в Оргеев! Уж не лямур ли там завел?!» – вот вопрос, которого Волгин опасался. Доверие к нему со стороны руководства было полным, да мало ли. Потому-то и вел разборчивым ясным почерком служебный подробный (даже слишком подробный) календарь, чтобы видели: никакой, товарищи, не лямур, а одно производство (кирпичный з-д, з-д станков, конезавод, ткацк. фабрика...) – вот что приводит его в уездный центр. Ну и политучеба, само собой.

Районную политучебу проводили по понедельникам и средам. Из клуба выходили в темноту, особенно многозначительную в связи с «притаившимся врагом». Тихой гурьбой шли вдоль городского сквера, держась вместе сколько возможно долго.

Но последним всегда оказывался Волгин, потому что ему идти было на окраину, где склады *Заготзерна* (там печка на дровах и матрасы для отдыхающей смены караула, там и ночевал, когда в командировках задерживался).

А потом и Новый год – в Оргееве!

Такая директива спущена из Кишинева: несмотря на политич. напряженную обстановку – Новый 1941-й г. встречать всем вместе, с чл. семей. Ст. лейтенант ОГПУ Шаинов А.И. ответств. за проведение встречи в новом клубе «Динамо» (бывш. еврейский клуб Маккаби).

Что тут началось!

Во всех поссоветах, всех административных точках – только и разговоров, что о предстоящем сабантуе. Лёха Шаинов ходит именинником. Его взяла! Месяц назад, перед

годовщиной революции, ездил он в республиканский совет «Динамо», нашел там понимание и ход к К. (зампред ОГПУ с 3-мя ромбами!), а уж с таким-то тылом и, главное, в обход конкурентов с железной дороги и из Дома Красной Армии, получил добро на реквизицию Маккаби (бывший еврейский клуб, 3 этажа с котельной), самого высокого здания в Оргееве. Вот и сияет как самовар, обещая праздник такого уровня, что не снился ни «Локомотиву», ни ЦДКА, но соответствует *особой роли* ПСО «Динамо» в иерархии советского спорта!

С Лёхой Шаиновым, бесхитростным и незлым парнем, Волгин ладил. Лёха, до того как призваться в ГПУ, работал забойщиком в подмосковной шахте. Ха, про *забой* Волгин в одну минуту понял – по шаиновским надглазьям, точно бы подведенным косметическим карандашом. Другие, может, и отмечали про себя, что вот, мол, лицо у старшего лейтенанта простое, чуть не лошадиное, а вместе с тем какое-то тревожно-выразительное, сказочное. Но не угадали б секрет. И только Волгин умел разглядеть тончайший слой угольной сурьмы над глазными веками нового товарища...

Шаинов же в свою очередь ухватился за Волгина, потому как тот в волейбол играл на уровне обл. лиги. При всех своих динамовских амбициях, да еще и связанный обещаньем развивать массовую физкультуру, данным в кабинете зампред ОГПУ республики, Лёха истово рассчитывал на него...

Короче, перед Лёхой можно было открыться.

– Не пойду я, Леха, на твой Новый год! – открылся ему Волгин за обедом в горсоветской столовке. – Вы там с членами семей будете! С женами да с подругами!..

И... позорную слезу подробил в руднике глаза (Танечку вспомнил).

– И только я один... без семьи!..

– Стоп, стоп! – Шаинов задержал стакан с компотом на весу. – Я, конечно, не бюро знакомств... но категорически советую: завтра в 7 вечера явиться в клуб «Динамо» для прохождения курса по санподготовке!.. Это в подвале, вход со двора!..

– Завтра в 7 вечера, – отмахнулся Волгин, – никак! Лошадей у Унгара принимаю!.. Ты ведь Унгаров знаешь – с конзавода?..

– Сам ты Унгар! – перебил Лёха. – Там из Рыбницы две счетоводши будут на санподготовке!.. Неза́мужние!..

– Да ну тебя! – посмеялся Волгин. – Я стеснительный!..

Но Шаинов не принял отговорок.

Допив рыжеватый, в отрепьях разварившихся фруктов компот, он поддел оловянной вилкой сморщенную, потерявшую цвет сливу со дна стакана и перед тем, как забросить в рот, посмотрел на Волгина с милицейской своей, поддавливающей пристальностью. При этом свободная левая его рука успела начертить в воздухе что-то такое, недоказуемомоментальное, игриво-непристойное – явно имеющее отношенье к фигурным достоинствам двух неза́мужних счетоводш из Рыбницы. В то же время серые глаза его съехались к переносице. Такой он комический трюк знал: свозить глаза в одну точку, когда позволял себе что-то внеслужебное, игривое.

Назавтра. В подвале клуба «Динамо».

А вот о том, что курс по санподготовке вести будет *Изабелла Броди*, Шаинов не упомянул...

И правильно сделал. Стыдясь глупого своего пения *про Ермака*, Волгин бы не пришел.

«Инструкция... по оказанию... первой... медицинской помощи... – застучала она твердым мелком на доске, – при пораженьи электрическ. током».

«*Инструкция... по оказанию...*» – стал записывать Волгин.

Он думал, будет как на политучебе: лектор себе бубнит, я себе записываю и при этом думаю о:

а). кормах для конзавода,

б). сельхозмелиорации Реута (заболоченные плавни),

в). опорах линий электропередач в пунктах с населением свыше 400 человек...

Но не выходило. Не выходило.

И если бы дело было в *ней*,

а). в какой-то там особенной красоте...

или

б). в том, чтоб обольщала, завлекала в сети (хотя он и не считал себя объектом, достойным обольщения)...

Так нет.

Во-первых, не красавица (необжимчиво-рослая, с гнутыми плечами).

Во-вторых, никакими хитроумными женскими чарами не пользуется. В обращении – твёрдая и нелюбезная. Прям кусок стирального мыла – такая твердая.

Нет, дело было в нём самом.

Точно вошли без стука и застали неодетым.

А ведь отчим Федор Нилыч какое наставление давал?!

«*Не будь ни правым, ни виноватым, а живи так, точно в любую минуту могут войти без стука! Вот чтобы и тогда стыдно не было*!»

Вот такое было наставленье.

Ему и следовал.

Куда бы ни забросила судьба – пожалуйста, входите без стука.

Ни за чем таким непотребным не застанете.

За исключением трех случаев.

Случай 1-й – бригадир Тая Григоренко в Яснях (1929-й год).

Случай 2-й – будущая жена, машинист электровоза Танечка Засыпкина в Тергешском руднике (1937-й).

И вот теперь эта... Изабелла Броди, случай 3-й.

Любовь к женщине, вот что выделило Волгина из монолита мира.

Обнажило.

Вымыло из породы.

Ну и хорошо, пробовал успокоить себя.

Как вымыло – так и вмоет обратно.

Я с ней объяснюсь.

И если отдастся по любви, то и высокомерный святоша Идл-Замвл, и угрюмый батрак Шор, и замаскировавшийся враг Ревн-Леви, и капиталисты Унгар, Хасилев, Тростянецкий, Тыж... – все они переродятся в сознательных советских людей.

Мало того.

Бессарабия как живой дичок привьётся к стволу СССР... – если Изабелла Броди отдастся мне по любви и станет моей женой.

Вот так он загадал.

И так оно и вышло.

10.

Через 2,5 месяца.

В воскресенье в 4 утра стреляли утку (а если повезет, то фазана) в камыше возле Чокылтен, когда с берега засвистели.

Вот ёлки! И в выходной нашли!

«Иди! – с издевкой в голосе Шаинов зашептал. – Молодая супруга соскучилась!..» – и опустил ружьё.

И надо же, с такой искренней охотничей досадой шепнул он про соскучившуюся жену (всего неделя со свадьбы!), что Волгин не удивился, а принял как должное: то, что его избалованная Изабелла в такую рань перенеслась из жарко натопленного дома в холодный камыш и свистит с берега мужским резким свистом...

Выпрыгнул из лодки и – по стволу упавшего дерева – на сушу!

Обнять!
Расцеловать... в глаза, в височки!..

На берегу – двое в ватниках.
Лесники по виду.

– Кого стреляете? Утку?..

– Ну! – подтвердил Волгин. И, строго обведя их глазами: – Я Волгин, главный инженер ПМК!.. Ищем кого?..

– Тут какие-то уроды, товарищ Волгин, – огорченно поделились лесники, – гнездо белой цапли расстреляли!.. Вы один охотитесь?..

– Один! – соврал (в это время года не только цаплю белую, а любую водоплавающую дичь не одобряется бить!).

– Пойдемте, зарегистрируем ваше ружье!..

Направились регистрировать ружье.
Через лес – к машине.

Так, с санкции выездного, 3-го отдела УНКВД УССР (временно курирующего область судопроизв-ва МССР), был осуществлен арест Волгина А.Ф.

10.6. 1941. 4.47 утра, с. Чокылтены Оргеевского р-на.

Из показаний заключенного Волгина А.Ф. (1912 года рождения), данных следователю следственного отдела УНКГБ УССР Горюнову.

«Запираться перед партией я не буду. Готов разоружиться. Вот моя биография. Отец, Морев Иван Савич из села Заево (Воронеж. губ.) жил на 2 семьи: венчан с крестьянкой Елкиной Анной (общее хоз-во и 2 детей), а вне законного брака с крестьянкой Розум Ниной, моей матерью. Мать, на 9 лет старше отца, с больной ногой, частично нетрудоспособная. Отца я не знал, т.к. вскоре после моего рождения он со своей 1-й семьей двинул в Сибирь от воронежского малоземелья. Помощь его из Сибири нам почти не поступала и, по словам матери, мы бедствовали до 1914-го года, когда рабочий Волгин Федор Нилович с ж.д. станции Нерпа (Тамбовск. губ.) позвал ее венчаться и стал мне как отец...»

1-я часть допроса происходила в Кишиневской центр. тюрьме и доставила потрясенному, смятенному самим фактом ареста Волгину... острое нечаянное удовольствие.

Дело в том, что еще никто никогда не просил его так подробно излагать свою биографию. Еще никто никогда так внимательно не выслушивал его. Да и то: было бы что слушать. Не царь, не генерал, не Христофор Колумб. Родился – и ладно! Родился – и живи.

Так думал он до ареста.

Но возвращаясь под конвоем в камеру после 1-го допроса, он испытывал странный душевный подъем, удивительную телесную бодрость. Будто в какие-то отдаленные участки тела давно не поступала кровь, и вдруг – поступила!

И если добавить, что в первые дни он верил, что арестован из-за белой цапли, убитой в камышах, и что вот-вот его с извинениями выпустят домой (как только настоящих браконьеров арестуют!), то не удивительно, что духом он оставался бодр.

Да и сами допросы в первые дни были недолгими, суховато-формальными.

Из показаний заключенного Волгина А.Ф. (продолжение).

...«Отчим мой, Волгин Ф., был трудовой элемент. В Нерпе вместе с братьями он трудился в магазин-мастерской сельхозинструментов, а наемную рабочую силу не эксплуатировал. Еще в заслугу его надо отметить, что в декабре 1916 он самовольно покинул расположения царской армии, не захотев участвовать в войне, развязанной самодержавным царизмом с одной стороны и международным империализмом с другой, и вернулся в Нерпу. Но затем из-за отсутствия комвоспитания он не избежал ошибок. Так в 1919-м году после мобилизации в РККА для защиты Тамбова от белоказаков Мамонтова, он не проявил героизма и упорства в сопротивлении, не предотвратил захват города белоказаками. И хотя, несмотря на уговоры и угрозы, к ним на службу он не переметнулся, это не уберегло его от ошибок. Вот главные его ошибки: 1. в 1921-м году после окончательной победы Революционной Красной Армии он отказался участвовать во всероссийской переписи населения, 2. в том же 1921-м году он отказался подчиниться продагентам по сдаче зерна, прибывшим из уезда. Тогда же в нем проявилось и такое уродливое явленье, как антисемитизм. Я помню его слова, что ему хлеба не жалко и что если бы большевики прислали своих русских людей и попросили как свои у своего, он бы последним поделился, а вот пришлым евреям ничего не даст, т.к. они, евреи, даже за один стол с нами не садятся. Не оправдываю отчима, но скажу, что и среди тех продагентов попадались вредители: зерно, конфискованное в Нерпе, неделями гнило в мешках на станции железной дороги, отправку его так и не наладили, я, ребенок, видел это своими глазами. Но все-таки за уклонение от продразверстки отчим был арестован и выслан в исправит. колонию на п-ов Таймыр, откуда нам сообщили о его смерти от разорвавшейся грыжи. И тогда же в 1921-м году родной отец вспомнил о моем существовании и прислал из Сибири своего мл. брата Морева Александра, красного партизана, победителя Колчака, чтоб явился при орденах в губчека г. Тамбова и получил добро увезти меня для воспитания в Зап.Сибирь. Губчека дало ему добро. Мать, сама сильно нуждавшаяся, тоже не чинила препятствий, хотя и плакала. Так я очутился в с. Ясни Б-йского уезда, в семье моего отца, в кот-й преобладали прогрессивно мыслящие и революционно настроенные элементы.

Так, все братья отца партизанствовали против Колчака, способствуя установлению в Сибири Советской власти, а дядя мой Александр Морев даже входил в ревком Б-йского уезда, где и нашел героическую смерть в операции против недобитых колчаковцев. Папаша мой до революции держал грузовых лошадей, брал подряды на перевозку глауберовой соли с местных озер на фабрику в Батютине.

Хозяином фабрики был Бершадский Нахум. В свое время царь выдал ему денежную ссуду на пр-во столовой соли, а он стал еще и золото намывать, даже специальную драгу из Америки выписал. Но он проявил сознательноть при Колчаке, не снабдил его золотом, а остановил производство и через Китай уехал в Палестину. В таком вот законсервированном виде и фабрика, и прииски были национализированы Советской властью.

В Яснях я окончил 7-летку. С юных лет трудился в поле, на фермах и на конюшнях, принимал участие в посевной и уборочной, а когда подрос, получил место подручного у машиниста молотилки. Теперь коснусь личного, пусть партия видит, что я и не думаю запираться. В 1931 г. (19 лет от роду) зимой я полюбил бригадира Таю Григоренко (32 года, вдова), тоже из тамбовских переселенцев, с кот-й мы вывозили стога из зимнего леса. Там, на елани, после того, что уложили 2 воза сена, у нас произошло сближение в 1-й раз. В Яснях все были против нашей любви из-за возрастного несоответствия. Но я-то знал, что люблю ее. Дело не в том,что возраст мой подошел для близкого знакомства с женщиной А в том, что перед партией и ОГПУ я ручаюсь, как прекрасна внутренне и внешне была крестьянка Т. Григоренко, всей душой преданная делу социалистич. строительства. Как разбиралась она в неженских делах колхоза, с какой грамотностью составляла отчеты,

оформляла наряды, при этом всегда 1-я на пахоте, в посевную, в косовицу. На уборке тоже среди 1-х. Воспитывая при этом 2-х детей, мальчика и девочку, одна, без мужа. Не могу забыть, как все ее большое лицо озарялось радостью при виде меня, точно я архимандрит весь в золоте к простым людям вышел! И она же добилась того, чтоб колхоз открепил меня в райцентр, положив тем самым конец нашей недолгой любви. Не хотела разговоров за спиной. В райцентре я проработал на мебельной ф-ке (с августа 1931 по ноябрь 1933), после чего, узнав про набор на шахты-рудники Кузбасса и, привлеченный целью служить тяжелой пром-ти Родины, двинулся туда. В пос.Тергеш на главной шахте-руднике я начинал как ученик проходчика, но уже спустя 2 месяца работал по 8-му разряду. Там же, в п. Тергеш я пошел в вечерн. школу им. Декабристов, где завершил среднее образование.

В апреле 1934 я познакомился с Татьяной Засыпкиной, машинистом электровоза. Знакомство с Татьяной произошло в шахте при подготовке к массовому взрыву (с закладкой 250 тонн аммонита для высвобождения большой руды), когда, идя со смены, я шагал по путям, задумался и не услышал колокол электровоза за спиной. От резкого тормоза состав застопорило, 2 вагонетки сошли с рельс. Другая на ее месте обругала бы меня последними словами, а то и пожаловалась начальнику участка, она же ни слова ни говоря выпрыгнула из кабины с ломиком в руках и кинулась выправлять вагонетки. К счастью, там по 2 колеса только забурилось, а не 4. Я отнял у нее ломик и провернул скаты, чтоб сцепки повисли, она отсоединила состав, села за штурвал и стала осторожно подавать электровоз вперед-назад-вперед-назад по моим знакам. В то же время с помощью простого ломика и физической силы мне удалось вернуть на рельсы все забурившиеся колеса. В день нашей свадьбы (12.4. 1935) начальник участка от имени администрации шахты-рудника вручил нам ордер на 1-комнатную квартиру в 5-м бараке, самом новом в поселке, друзья по бригаде подарили раздвижной стол с 6 стульями, диван-кровать и трюмо. Жили мы с Татьяной хорошо. Наше взаимное чувство прошло проверку в 1935-36 гг., когда в рамках развития Урало-Сибирской угольно-металлургической базы я был направлен в Ленинградский горный ин-т (хим.-металлург. ф-т.) и переехал на временное местожит-во в город Ленина, а в 1938 г., по окончании, получил направление на Гурьевский металлургический з-д на стр-во 1-й домен. печи, где принял участие как в строительном, так и в эксплуатационном цикле. Через год мы с Татьяной планировали воссоединение в пос. Гурьевск, где я подыскивал для нее работу.

О трагической гибели Татьяны во время производств. аварии (11.12.1938) рук-во Тергешской шахты-рудника строго указало всем своим сотрудникам не распространяться, чтобы не давать повод к ликованию наших врагов, но перед партией и ОГПУ это другое дело. Значит, обстоятельства ее гибели таковы: она попала головой под люк спускового лотка. Смотрела через кабину назад, когда состав к лотку подводила. Это был новый люк с удлиненным краем, наши слесаря только недавно выточили его...

В мае 1940 я поступил в распоряжение Нархоза СССР и спустя 2 месяца прибыл по новому месту работы в новообр. Молдавскую ССР. Промышленный потенциал края был практически уничтожен при румынско-боярской власти. Ликвидированы больш-во предприятий пром-ти. Производств. мощности в пищевой, текстильной, деревообрабатывающей, кожевенно-меховой отраслях использовались малоэффективно. Деградировало сельское хоз-во, уменьшилось поголовье скота. Нестерпимой была и ситуация в медицинской сфере: на всю Бессарабию 45 врача и 300 фельдшера, т.е. 1 врач на 70 тысяч жителей. И вот, в 1-е же месяцы со дня вхождения республики в СССР на подъем промышленности были выделены из всесоюзного госбюджета миллионы рублей. Ввезено оборудование для предприятий. Переданы тонны чёрных металлов, нефти, каменного угля. Из других союзных республик (главным образом из РСФСР) ввезены тысячи тонн семян, разнообразная с.-х. техника новейшего поколенья. Не желая выпячивать собств. роль в создании народного хоз-ва новобразованной МССР, заявлю однако, что поставленная товарищем Сталиным задача: в кратчайший срок поднять и интегрировать отсталое хозяйство Молдавии в народном хозяйстве Союза ССР – была воспринята мной как личное поручение любимого

вождя. Думаю, что товарищи-коллеги, с кот. я работал, не дадут соврать, сколько часов продолжался мой самый обычный трудовой день. И, наконец, сам 1-й секретарь ЦК КПМ т. Бородин отметил мою работу в докладе на Октябрьском совещании по поставкам Союзного Центра. Но если у следствия будут вопросы по поводу дробно-сортировочного комплекса или кирпичного з-да или з-да станков, я с цифрами в руках разъясню свою позицию. Это касается и главного результата моей работы в Молдавии: основания и запуска 1-го межколхозного об-я механизации, электрофикации и мелиорации сельск. хоз-ва (ПМК «ОРГЕЕВ»). Здесь же, в конце 1940-го года произошло мое знакомство с медсестрой оргеевской горбольницы гр. Изабеллой Броди. Не солгу, если скажу, что главным стимулом моим к созданию семьи с гр. Броди было желание показать, что жители бывш. Бессарабии, в т.ч. и еврейский элемент, могут быть приняты в многонациональную семью советских народов. Вот и на примере моей жены дано увидеть положительн. сдвиги в психологии местного населения под влиянием прогрессивных советских ветров. Будучи себялюбивой эгоисткой по натуре (мне ее подруга рассказала, как однажды на чъих-то именинах она все яблоки на столе надкусила: выбирала самое вкусное!) и нескромной по поведению (в 1-й раз я видел женщину, идущую по улице и курящую папиросу на ходу при всех! Нет, на Кузбассе женщины тоже курят, но так, чтоб идти по улице и курить, никого не стесняясь, такое я видел в 1-й раз!). И вот даже такая своевольная, несоветская по воспитанию женщина, как моя супруга, перевоспиталась в срок, сумела развить в себе скромность и трудовую сознательность (в любую погоду, зимой и летом, ездит она по делам наркомздрава по близким и отдаленным нас. пунктам для уколов противострептококковой вакцины, участвует в оборудовании мед-санитарных частей, здравпунктов, рентген-кабинетов для борьбы с туберкулезом). Но особенно покорил меня рассказ очевидцев о том, как в первые дни советской власти, когда многие жены нашего советского комсостава по простоте купили исподние рубахи в мануфактуре Тростянецкого и, будучи уверены, что это не что иное, как вечерние платья, щеголяли в таком виде по улицам города...»

– Вот *здесь*! – карандашом подчеркнул следователь Горюнов. – Где про *надкусанные яблоки на именинах*! Расскажите об этой самой подруге вашей жены?.. Кто она? Как ее зовут?..

«Шанталь ее зовут! – рассказал Волгин. – И она считалась первая там фифа – во всем Оргееве! Хотя моя Изабелла красивей в 100 раз! Да, и вот еще один факт в пользу Изабеллы! В начале она не хотела меня знакомить с этой Шанталь: мужчины, мол, теряют голову рядом с ней, и ты тоже потеряешь! Но преодолела предрассудки...»

Горюнов: «Что вам известно о муже этой Шанталь?»

Волгин: «Мне известно, что он умер! Если верить Шанталь! Но не все ей верят! Ходят такие слухи, что он попросту сбежал от нее, не вынес ее плохого характера!.. *Бедный ее муж*, так про него говорят!»

Горюнов: «Ну и куда же он сбежал, этот *бедный муж*? Уж не в Румынию ли – накануне 28 июня?»

Волгин: «Так точно! Думаю, что в Румынию!..»

Горюнов: «Так вот! *Бедный этот муж* – насколько мы выяснили – главный местный богач и эксплуататор по фамилии *Штайнбарг*!.. Поделитесь о ваших связях с ним!»

Волгин: «Слово коммуниста даю... я не видел его ни разу!..»

Горюнов: «Волгин! Кто разрешил давать «*слово коммуниста*»!?.. позорить его!»

Волгин: «Хорошо! Честное слово! Я никогда не видел ее мужа. Я видел только ее отца! Он приходил наниматься на комбинат! Но я посмотрел, как он долото держит! Как фуганок держит! Не работник!»

Горюнов: «Расскажите, кто вывел из строя рейсовый автобус «Опель», ранее принадлежавший Иосифу Штейнбаргу?»

Волгин: «Я не выводил его из строя! Слово комму... ой... честное слово! Я только спецкраску доставал по просьбе начальства, чтоб закрасить надпись на капоте! Там «*Шанталь*» было на капоте!.. Ее имя!»

Через 2 дня.

*Следователь Позднякова*с: «Нам известно, что бежавший в Румынию Иосиф Штейнбарг осуществлял через курьеров связь с сионистским подпольем в Оргееве. Одним из звеньев той цепи была его жена. Вы как муж ее подруги, вы не могли оставаться в стороне! Поэтому не запирайтесь! Расскажите все, что знаете о деятельности сионистов в Оргееве!»

Волгин: «К деятельности сионистов в Оргееве ни я, ни моя жена Изабелла Броди не имеем никакого отношения! Как русский по отцу и по матери, как коммунист-интернационалист я бесконечно далек от всякого рода сионистской деятельности!»

*Следователь Позднякова*с: «Вот как? А разве не говорили вы на вашей собственной свадьбе с гражданкой Броди такие слова: «*У нас возле Ясней евреи жили, целая улица евреев, сосланных Николаем 2-м. Про них говорили, что они шпионы, германским аэропланам сигналы подавали в 14-м году! Лично я в это не верил и не верю. Но в Яснях все верили! И потому я спрашиваю: почему вы, евреи, в такое положение себя поставили?! Почему должно вас волновать, верят вам или нет! Принимают за шпионов или не принимают! Почему вы в Палестину к себе не двинете – вместо того, чтоб Пушкина тут долбить! Полтаву наизусть декламировать!*» Произносили вы такое, Волгин? или не произносили?».

Волгин (*покаянно*): «Пьяный был!»

Моральное состояние его на этом этапе следствия из бодрого стало тяжелым.

Вместе с тем, как он сам впоследствие признавал, никаких мер физического давления в кишиневской городской тюрьме к нему не применялось. Равно как и других мер насилия.

Меры физического воздействия (длительные стойки на ногах, избиение кулаком, палками, кастетом, битье в одно и то же место груди в течение нескольких часов, крик через рупор в ухо...) были впервые применены к нему в арестном доме в Одессе, куда он был этапирован из Кишиневской гортюрьмы вследствие вероломного нападения фашистской Германии на СССР и захвата МССР немецко-румынскими регулярными частями.

На этом этапе следствия интенсивность допросов по его делу была многократно усилена.

«4 отделом УГБ УНКВД вскрыта и ликвидирована контрреволюционная сионистская организация, связанная со шпионажем пользу английских властей и проведением диверсий на объектах народного хозяйства.

Активный участник организации Волгин А.Ф. признал свою вину в:

1. агитации еврейского населения МССР к выезду в Палестину для строит-ва национально-буржуазного госуд-ва,

2. в дискредитации мероприятий Партии и Правительства по национальному вопросу,

3. в том, что, пользуясь служебным положением, систематически выезжал на месторождения крепкого известняка в Рыбницком и Оргеевском р-х, на каменоломни Старого Орхея Оргеевского р-на за запасами сырья для динамита для изготовления бомб для террористич. актов...

Преступления Волгина А.Ф. предусмотрены статьей 54-10 часть 1 и 54-11 УК УССР.

Дело Волгина А.Ф. предлагается направить на рассмотрение Судтройки при Коллегии ГПУ УССР с ходат-м о применении к нему Высшей меры наказания: расстрела».

II.

18 лет спустя.

Ленинград.

– Волгин! – разнеслось в цеху по громкой связи. – Альсан Федорч!.. В партком!.. Сейчас же!..

Литейный завод турбомашин. Металлургический цех.

Он думал, это по поводу облигаций. А из-за чего еще? Вчера на волейболе попался Степаненко на глаза, и тот пристал: организуй там у себя народный почин об уценке облигаций займа. Вот зануда!.. А что делать?

Не сняв спецовку, а только слегка намочив и пригладив волосы в туалете раздевалки, Волгин двинул по малоосвещенному и точно погнутому коридору, с этажа на этаж, с лестницы на лестницу, через весь огромный заводской за́мок.

В парткоме он надеялся откосить: мол, для народных починов у вас общественники есть, а я техперсонал, и у меня квартплан горит...

Но, войдя в высокую и темную, с малым окошком под потолком, приемную парткома и будучи с порога (даже рта не успел раскрыть!) схвачен-подхвачен и введен к парторгу в кабинет... вошел и обмер –

...увидев не добродушного зануду Сережу Степаненко (приличного волейболиста, надо сказать, с хитроумным «чик-чик» из-под сетки), а

...однорукого, худого, с запавшими глазами под выпуклым желтым лбом Кружилина Игоря Сергеевича, директора «Литейного», и...

...Дормидонова из 1-ого отдела.

А парторга Сережу Степаненко он увидел только в 3-ю очередь.

Тот сидел не рядом, а через пропуск нескольких стульев от начальства, как будто не у себя в кабинете.

От растерянности Волгин не придумал ничего лучшего, чем... присесть. С грохотом отодвинуть крайний стул и присесть.

– Кто садиться разрешил? – донеслось до него в следующую минуту.

Вскочил на ноги.

За 8 лет работы на заводе он лишь однажды видел Кружилина вот так вот близко – в цеху компрессмашин, на разносе, который тот устроил техсоставу: построил в ниточку и шел от одного к другому, заглядывая в лицо и говоря что-то нападающе-злое, угрожающее, но все не такое страшное, как сами глаза его, запавшие, больные (ранен-перекромсан в войну), не видящие тебя, но переламывающие твой встречный взгляд с грубым, окончательным презрением.

– А вот теперь садись! – добавил Кружилин.

Волгин остался стоять.

Не то чтоб испугался (он и тогда, на разносе у компрессмашин только делал вид, что напуган). Но пускай думают, что боюсь их.

– Садитесь, Волгин! – прикрикнул Дормидонов.

(*Еще один х-р собачий*!)

Сел.

– Министру в Москву писал? (*это Кружилин*). Не писал?.. А почему тебя в Москву министр вызывает?..

...

– О чем вы, Александр Федорович, министру писали? Расскажите нам!.. (*Дормидонов*).

...

– Ты, что, Волгин, на войне не воевал? Про субординацию не слышал?.. (*Кружилин*). Как так – минуя директора завода – министру писать?!

...

– Александр Федорович на войне не воевал! (*Дормидонов, иронически*).

...

– Ну? Язык проглотил? (*Кружилин*). Выкладывай, о чем министру жаловался?..

...

– Вот как ты так, Альсан Федорч, не пойму (*Сережа Степаненко, робко*), ведь ты бы с любой критикой, если таковая имеется, мог на собрании слово попросить! А министру-то зачем? В нарушенье субординации?!

...

– Вы, главное, Волгин, не упустите из виду (*Дормидонов*), что Вы по амнистии освобождены!.. А не по оправдательному!..

– Он что, сидел? (*Кружилин, удивленно*).

...

– Ну, ладно, вот что! (*Кружилин, устало*). Не послать тебя в Москву я не могу, раз министр вызывает!.. Но поедешь не сегодня!.. Серёжа! Степаненко!..

– Да, Игорь Сергеевич! (*Степаненко, с готовностью*).

– Дай ему мой доклад, тот что для городского партактива!.. Ты на это обрати внимание, Волгин! Серьезное внимание! Сейчас тебе под расписку мой доклад дадут! Чтобы вызубрил как отченаш! По нему и будешь министру докладывать!.. Костюм-то есть?.. А галстук и все такое?.. Ты свози его в парикмахерскую, Степаненко!.. (*подобревшим голосом*) Проконтролируй внешний вид!..

– Проконтролирую Игорь Сергеевич! (*Степаненко*).

– И помни, Волгин!.. Не в один конец едешь!.. (*Дормидонов*). Ехать назад тоже придется!.. И ответ держать!..

(Не в один конец?
Ну, это мы посмотрим!..
Уррр-ряя!)

Волгин, хотя и изображал онемевшего со страху дурака перед заводским начальством, быстро смекнул, в чем дело. Понял, откуда ветры дуют!

И не только откуда, но и – куда!

Костик Морев, старший братка (пускай только по отцу), канат кидает с высоты.

Выполняет обещанное.

Хорошо б на ЛМЗ (Ленинградский металлический) начотделом.

Еще в 53-м году, когда вышел волгинский срок на поселении, Костик по собственной инициативе завел разговор:

«Тебя в каком году... гм-м... *сместили*?.. В 40-м?.. Так вот, Саньк, на уровень 1940-го года я тебя выведу без вопросов!.. А уж дальше – сам карабкайся!..»

На уровень 40-го?

Сильный жест!

Для справочки: в 1940-м году Волгин А.Ф., в 29 лет (!), главный инженер РПК «Оргеев», это первый комбинат союзного значения в МССР! На ЛМЗ таких должностей ну 3, ну 4 от силы. Мог бы и замять Костик. Да вот же не замял! Уррр-ряя!

Хотя Волгин ему не писал!

Это Кружилин с Дормидоновым придумали со страху – раз, мол, министр вызывает в Москву, значит Волгин ему кляузы писал.

А ни фига! Никогда в жизни – первый – я Костику не писал.

Нет, ну было 1 (одно) письмо.

Зимой 1942-го.

В виде арестантской шапки, подброшенной в воздух.

Но то в Вижае, Ивдельлаг. Ввиду близкой смерти. Полгода только отмотал, а уже ни капли жира под кожей. Ноги отекли, колени не сгибаются, обе ступни в трещинах. Не раз уж думал: хотя бы высшую меру оставили, не меняли на 10-ку. В жизни бы 10-ку не отбил. 5-ку еще куда ни шло, и то если на хозработах! Но 10-ку?! на тех лесных нарядах?! с теми нормами выработки?!..

И тогда – вот какое чудо случается.

Чудо (зима 1942-го).

Перед ужином влетает бригадир в барак: «Ты... ты... ты... ты... – пальцами в мужиков, – ...в 10 вечера на плацу! Посадка в грузовики, и строить тепляк для эвакуированного завода! Такая разнарядка!»

В 10 вечера?! За что?!..

Тут в дневное время холод на минус 35 держится!

Сколько же в ночную?!

И что же, садят в грузовики, прибытие на участок, выдача инструмента...

Работал с одной мыслью: околею или не околею до утра.

И вдруг... кавалькада «ЗИСов» под прожекторами...

Быстрая группа гражданских в хороших пальто.

С техдокументацией в руках.

Обход объекта.

И... Костик среди них...

В нескольких шагах от волгинского стапеля.

Снял шапку, бросил в воздух (не кричать же «*Костик!.. Ко-о-о-стик!..*» при автоматчиках с собаками)!

Спасен!..

Из Вижая – в пункт для расконвоированных в Свердловск!

На завод тяжелого машиностроения.

С тех пор я Костика не дергаю по пустякам. Ни писем не пишу, ни шапок в воздух не бросаю... С тех пор он сам, по своей инициативе встречи назначает.

12.

Костик.

Москва. Госкомитет химического и нефтяного машиностроения.

Костик встал из-за стола и пошел, хромая, навстречу Волгину.

Хромота добавляла ему внушительности: при малом росте он казался квадратным.

И если был на свете человек, мало того что знающий, откуда та хромота идет (лягучий конь Артем в Яснях в 1922-м!), но и оказавший Костику первую помощь (в 1922-м он конюх, а я подконюшенный его), то этим человеком был я, Санька Волгин...

И улыбка у Костика осталась прежняя: вдруг его широкое, с ямочками, как у деда Локтиона, лицо разъехалось и стало обаятельно (как в 30-м году, когда он из колхоза без паспорта ушел, и ни милиция в райцентре, ни ОГПУ Кузбасса дорожку ему не загородили – подкупленные его улыбкой!), но на полпути ямочки превратились в две железные скрепки, удержавшие лицо от сползания в совсем уж безмозглую радость.

– Поедешь в Кишинев зам. главного технолога в новое ТэО! – с ходу объявил. – Там главтехнологу 59, через год сменишь! А с него я тебя в главные инженера выведу! Дай три года на всё про всё, потому что я и так народ там поснимал. Ну как, доволен?..

И, поскольку Волгин только моргал и тихо откашливался, Костик продолжил инструктаж.

– Мы с Тихон Иванычем, – рассказал он, – положили Предсовмину план на стол! Тихон Иваныч это министр среднего машиностроения, – пояснил со значеньем. – Так вот, положили мы план о металлургии и энергоресурсах в свете атомного развития, и Предсовмина подписал при нас, я тебе копию дам. Теперь от Кишинева мне нужны насосы артезианские для водоснабжения, это раз, и насосы для моего машиностроения, это два. Такая база в Кишиневе сейчас лучшая по европейскому поясу Союза, я там был и

два завода скрестил под это дело. Ну и пора Кишиневу долги Союзному Центру отдавать, это три. Предсовмина так и заметил, что сколько вкачали в них с 40-го года, то пора и отдавать!..

И, показав на свое величественное бюро, предложил Волгину присесть, взять ручку, бумагу, и сейчас же, не сходя с места, писать «*по собственному*» к себе на Невский.

Но то ли потому, что не нашел нужным поинтересоваться, как семья, как здоровье (а ведь 4 года не виделись), то ли еще почему, но Волгин к бюро не подсел и авторучку в руки не взял.

Более того, он густо покраснел, надулся и стал кочевряжиться.

Мол, в Кишинев не поеду.

– Поедешь! – заверил Костик.

И в глазах его встало выражение *неопределенное*, впервые давшее о себе знать в 34-м, в Тергешском руднике, когда Костик из простого проходчика, каких на Кузбассе миллион, стал отвечать за книгу добычи, и вся шахта кинулась забегать ему дорожки.

– Не поеду! – с горьким упрямством повторил Волгин и, задрав голову, стал внимательно рассматривать деревянную панель над оконным карнизом.

Невежливо, конечно, – пялиться в сторону, когда старший брат стоит перед тобой и обращается к тебе.

Но не любил он это неопределенное Костикино выражение.

Это когда ты говоришь ему, допустим: а деда нашего Локтиона любимая песня была про Ермака, верно?.. а корову нашу звали Игура, так?.. а первой твоей любовью в Яснях была Ирина Осипова, дочка ссыльного учителя химии, правильно я говорю?.. – то в ответ он – ни *да, правильно*, ни *нет, неправильно*, а только неуловимой игрой лица транслирует неопределенность.

Ничего, мол, не обещаю.

– Ладно, как здоровье жены? – пошел на попятную Костик. – Она медработник у тебя?.. (*ага, помнит*!)... или кто?.. (*ага, спохватился, что чести много – помнить, кто моя жена*!)...

– Здоровье так себе! – выдавил из себя Волгин. – Все же туберкулез перенесла!..

– Не бойся, – заверил Костик, – трудоустроят ее в Кишиневе! Это само собой!..

Но так бездумно-легко, так поспешно-брезгливо закрыл он тему жены, что Волгин все-таки обиделся. Причем – шумно.

– Меня там сломали всего, в Молдовании этой! – поднял он голос. – Не реабилитирован с 40-го года! И что же, снова ехать работать на них – после всего, что было???

– На *них*? – Костик мягко прикоснулся к рукаву. – Почему – на *них*? На меня! Мне-то ты хочешь помочь?..

– Тебе? – задохнулся Волгин.

И... не сразу... отвечал дрогнувшим голосом:

– Да за тебя я... жизнь отдам!..

– Нет, ну ты мне долго живи! – просиял Костик. – Не будем, Саньк, торопиться в этом плане!.. Но зря я, что ли, комедию там ломал!.. с молдаванами этими?..

И, поймав непонимающий, скорбно-недоверчивый волгинский взгляд, нарисовал на лице простодушное удивление.

– Я чё, не рассказывал?..

(*Вот интересный, это когда он мог рассказывать*!)

– Не встретили союзного министра!.. – с огорченным, даже убитым видом поделился Костик.

А потом вдруг – ха-ха-ха-а!.. аха-ха-ха-а!.. – съехал на такой домашний, на молодой такой хохот, что железные скобки выпали из щек и на их место две ямочки вернулись.

И глаза стали как в Яснях в 20-х годах, и как на Тергешской шахте-руднике в 33-34-х, до того, как книга добычи к нему попала.

Этот смех и предрешил дело.

– Зря я шофера киевского, – гремел Костик, – полдня по Кишиневу возил?.. на «Чайке»... среди телег молдаванских!.. аха-ха...аха-ха...

Вот уже и Волгин – помимо воли – подсмеялся ему.

Ничего не понял (какая «Чайка», какие телеги молдаванские?), но подсмеялся.

Потому что – вот он, брат. Без спеси, без *неопределенного выражения*. Но тот самый брат, что еще до побега своего из Ясней поехал в облсельхозснаб в Иркутск, где его никто не знал, и выбил трактор, два триера и... комбайн! Первый комбайн в Б-й области! В 30-м, кажется, году.

Вот такой он обаятельный, когда захочет.

«Придется ехать, – решил Волгин, – в этот Кишинев!.. Раз братка настаивает!..»

Вечером, в гостинице «Украина», где Волгину дали номер (*домой к себе Костик никогда не звал, так было заведено еще с 42-го года*), Костик рассказал следующее: Мин-во среднего машиностроения, с которым Костик провел через Госплан общий проект, это сила: вся спецтехника для АС проходит по их структуре. И потому, в союзе с ним (Костик поставляет ему лучшие в стране насосы с новообразов. ТО «Молдавгидромаш»), Костик также входит в союз с атомной *оборонкой,* понял?! Отныне качать его насосам ракетное топливо в секретных шахтах. Отныне качать его насосам сжиженный газ на секретных морских причалах.

Про шахты-причалы Костик не произнес вслух.

А – золотым пером – набросал схемку на листке: «Усваивай!..»

И, дождавшись, пока Волгин пробежит глазами и *усвоит*, отобрал, порвал на мелкие кусочки, ссыпал в пепельницу и поджег спичкой.

И дальше говорил нормальным голосом, хотя и при включенном на порядочную громкость радио.

– Есть тут такое Министерство нефтехимии, – рассказал он далее, – те еще умники! Посмотри их капиталовложения в МССР! На 3 рубля капиталовложений за 20 лет. Зато первые с большой ложкой возле еды! Этот их Шиндель, например! Шиндель-Шпиндель!.. Которого я... прямо в кабинете Бодюла (*и снова затрясся в смехе*) с завода Котовского снял... так он просто их агент, Шпиндель этот! Они себе насосный главк открыли в расчете на него, науськали: чтобы греб под себя в ущерб моим заводам. Я в Ростов-Доне завод резинотехнических пустил еще в прошлом 5-летнем плане, и что же эти умники! Запускают линию РТИ у Шпинделя! Это как определить: чтоб с нуля на чугунно-литейке РТИ пустить?!.. Лично я определяю это как вредительство!.. И это только один пример!..

– Согласен, – качнул головой Волгин, – та еще пятая колонна – этот Шиндель! И завод Котовского, если копнуть, это досоветский завод Мойши Майзелса, и Шиндель при румынских боярах там работал. Хоть я не антисемит, у меня вот Белка, Изабелла (*все не терпелось перевести на личное*) сам знаешь кто!..

Но – на личное – Костик не перевелся.

Он с чудесным выражением внимания, волнения, работы мысли выслушивал про 5-ю колонну, Шпинделя и Мойшу Майзелса. А вот про Белку – мимо ушей.

– А гальванику взять! – продолжил он, когда Волгин умолк. – Открыл Шиндель участок по гальванике! Чтобы только в ПМК «Оргеев» на оцинковку не возить! А ПМК «Оргеев» это же мое отраслевое! Какие я туда фонды чугуна провел!..

– ПМК «Оргеев»? – чуть не подскочил Волгин.

– Ну ладно, он свое получил, Шпиндель этот, – не слушал Костик, – сейчас-то у него много времени свободного – обдумать ошибки! А также эти умники из Нефтехимии!

Знаешь, мимо каких они бюджетов теперь проедут! Мимо каких направлений в нархозе!.. Вот так!..

Выпили еще по одной, (пред-?)последней.

– Давай за ПМК «Оргеев»! – попросил Волгин. – Детище моё!..

– Давай! – согласился Костик.

Выпили.

– Но война не окончена, Саньк! – брат посмотрел на часы. – Будут еще козни, будут! Ведь до сих пор полно там шпинделей в своем роде! И ты прав, 5-я колонна жива, не зря мы им стрелковое оружие не доверяли в войну, бессарабцам этим!..

– А меня? – не утерпел Волгин. – В Ивдельлаг – тоже не зря?..

– Тебя? – растерялся было Костик.

Но нашелся.

– Зато теперь ты человеком едешь в Кишинев! Немаленьким человеком! Чтобы стать там *моими* ушами!.. *моими* глазами!.. *моими* мозгами!.. – и звонко цокнул ногтем по бутылке. – Ну, наливай, чего ждем?!..

– А на ПМК «Оргеев»?.. – переспросил, наливая. – Могу ли я на ПМК «Оргеев» быть *твоими* ушами... и мозгами?..

13.

Волгин. Через 2 недели. Кишинев.

...Как раз из двора женщина с мусорными ведрами выходила – не старая по виду, с красивой копной волос.

Но когда окликнула: «Вам кого?» – то голос оказался не хорош: в этакой возрастной, с трещинками, штукатурке.

– От Корчняк из Ленинграда! – назвался Волгин. – Конверт отдать!.. – и раскрыл портфель на весу.

– Петя, ИИП-42 от Хволы! – крикнула женщина в глубь двора. – Быстро!...

– Проходите! – позвала она через несколько минут. – Он в гараже!..

В гараже.

Коричневая, в серых озерцах некрашенного железа, «Победа» стояла на кирпичах.

Под правым крылом лежал в скрюченной позе мужчина.

В полумраке гаража Волгин не увидел бы его, если б женщина к нему не подошла и не шепнула что-то.

Кое-как он выправился из-под «Победы».

Отложил паяльную лампу.

Уселся на картонке.

– Товарищ... Ильин?!.. – беззвучным как у рыбы ртом сказал тогда Волгин.

Это был тот самый Ильин... (*«Будут как миленькие Пушкина мне учить! Полтаву наизусть декламировать!..»*) из Наркомпроса. Просто как 2 капли воды.

– Дура! – отвечал Ильин, оттирая ладонью пыль с лица. – По радио бы еще про эту *ИИП-42* объявила!.. – и перевел на Волгина колючий взгляд.

И таким разяще-неприязненным, угрозно-недоверчивым был его взгляд, что вся многолетняя оскорбленность, набравшаяся в нижних и верхних слоях волгинской души: за отчима, замученного на Таймыре, за опозоренную Таю Григоренко в Яснях, за Танечкину лютую смерть в шахте-руднике, за непрошибаемую отчужденность Идл-Замвла, за садистов-следователей Горюнова-Поздняковаса, за Ивдельлаг, за бессарабскую 5-ю колонну, за предательскую пулю в предпоссовета Тимоху, за мелкую расчетливость старшего брата Костика, за Изабеллу с ее самбой-йогой, за собственную жизненную уста-

лость и, наконец, за вот этого вот злобного дядьку под «Победой» на кирпичах… – в один миг все это поднялось в Волгине до высоких гор.

– Эй, вы что! – закричала женщина вслед. – Конверт отдайте, это от жениха!..

Но Волгин только ускорил шаг...

Я вам не почтальон.
Сами себе конверты доставляйте от женихов. Я все Оле верну.

Еще ускорил шаг.
И еще.
Побежал.

14.

Несостоявшийся жених.

1960. 14-я Всемирная Олимпиада, Лейпциг – (+8 –0 =5), 1 место на 4-й доске.

В Лейпциге, во время Олимпиады, имел место следующий разговор с экс-чемпионом мира М.М. Ботвинником (2 доска):

Ботвинник: «Как вам, наверное, известно, я готовлюсь к матч-реваншу с Талем. Не хотите ли поработать моим тренером?..»

Виктор: «Очень хочу!.. Но не могу!..»

Б-к.: «Вот как?!.. А что мешает?.. Если не секрет!..»

В.: «Не секрет! А вдруг я буду вашим следующим соперником!»

Б-к. (после паузы): «А кто вас ***выдвигал*** – в соперники ко мне?»

В.: «А что – надо, чтобы ***выдвигали***?..»

Б-к.: «Обязательно!.. Меня вот... в 1935 году... Высший совет по физической культуре и спорту ***выдвинул***!»

В.: «Ну тогда я подумаю... кто бы мог меня ***выдвинуть***!»

...1961. Командное первенство Европы, Оберхаузен, в составе сборной СССР (+8 –0 =1), 1 место на 6-й доске.

1961. Командное первенство СССР, Москва, 1 доска (+2 –1 =2)

1961. Матч Югославия – СССР, Белград (+2 –0 =4)

1961. Международный турнир памяти Мароци, Будапешт (+9 –1 =5), 1 место.

1961. Матч Будапешт – Ленинград, Будапешт. (+3 –0 =1).

1962. 30-е первенство СССР, Ереван (+10 –1 = 8), 1 место. 2-кратный чемпион СССР.

1962. Турнир Претендентов на звание Чемпиона мира, Кюрасао (+7 –7 =13), 5 место.

1964. 32-е первенство СССР, Киев (+11 –0 =8) 1 место. 3-кратный чемпион СССР. Присвоение звания «Заслуженный мастер спорта СССР».

1965. Международный турнир памяти Асталоши, Дьюла (+14 –0 =1), 1 место.

1965. Международный турнир, Ереван (+6 –0 =7), 1 место.

1965. Матч Москва – Ленинград, 1-я доска против чемпиона мира Петросяна (+2 –0 =0).

1967. Международный турнир, Ленинград (+10 –0 =6), 1 место.

1967. Межзональный турнир, Сус (+9 –3 =10), 2-4 место, выход в турнир Претендентов.

1968. Международный турнир, Вейк-ан-Зее (+10 -1 =4) 1 место.

1968. 18-я Олимпиада, Лугано, в составе сборной СССР (+9 –0 =4), 1 место на 3-й доске.

1968. Матч Претендентов на первенство мира, четвертьфинал. Корчняк (СССР) – Решевский (США), Амстердам (+3 –0 =5). Общая победа 5,5: 2,5. Выход в полуфинал.

1968. Международный турнир, Пальма-де-Майорка (+11 –0 = 6), 1 место.

1968. Матч Претендентов на первенство мира. Полуфинал. Корчняк – Таль (оба СССР), Москва (+2 –1 =7). Общая победа 5,5: 4,5.

1968. Матч Претендентов на первенство мира. Финал. Корчняк – Спасский (оба СССР), Киев (+1 –4 =4). Общее поражение 3:6.

1970. 38-е первенство СССР, Рига (+12 –1 =8), 1 место. 4-кратный чемпион СССР.

1971. Международный турнир, Вейк-ан-Зее (+7 –2 =6) 1 место.

1971. Тренировочный матч с Карповым, Ленинград (+2 –2 =2).

1971. Матч Претендентов на первенство мира, четвертьфинал. Корчняк – Геллер (оба СССР), Москва. +4 –1 =3. Общая победа 5,5:2,5.

1971. Матч Претендентов на первенство мира. Полуфинал. Корчняк – Петросян (оба СССР), Москва (+0 –1 =9).

1971. Международный турнир, Гастингс (+8 –1 =6), 1-2 место с Карповым (оба СССР).

1973. Межзональный турнир на первенство мира, Ленинград (+11 –1 =5), 1-2 место с Карповым (оба СССР). Выход в турнир Претендентов.

1974. 21-я Олимпиада, Ницца, в составе сборной СССР (+8 –0 =7), 1 место на 2-й доске.

1974. Турнир Претендентов на первенство мира, четвертьфинал. Корчняк (СССР) – Мекинг (Бразилия), г.Augusta (Maine, USA). +3 –1 =9. Общая победа 7,5: 5,5. Выход в полуфинал.

1974. Турнир Претендентов на первенство мира. Полуфинал. Корчняк – Петросян (оба СССР), Одесса, +3 –1 =1. Общая победа 3,5:1,5 (Петросян сдал матч после 5-й партии).

1974 (сентябрь-ноябрь). Турнир Претендентов на первенство мира. Финал. Корчняк – Карпов (оба СССР), (+2 –3 =19, общее поражение 11,5: 12,5.

В декабре 1974 по горячим следам матча дал интервью некоему корреспонденту из «Известий» (*Ларионов?.. Лавров?.. короче, что-то на «Ла»*).

Но публикации в «Известиях» не последовало. Но каким-то образом текст интервью попал за кордон (югославской «Politica»». Январь, 1975).

Выдержки из публикации:

«*Вопрос*: «Вы и Карпов разделили победу в Ленинграде. Правда ли, что советские участники проигрывали Карпову по приказу сверху, тогда как с вами боролись всерьез?»

Ответ: «Да, похоже на то. В своих партиях с Карповым советские участники играли на удивление слабо. Но для меня остается загадкой – почему они решились выдвинуть Карпова. А не меня! Ведь понимание шахмат у меня глубже! И как шахматист я более разносторонний!»

Вопрос: «Вы проиграли долгий и упорный матч Карпову в финале Претендентов. Правда ли, что на матче у вас не было ни одного помощника – поскольку советским шахматистам запретили вам помогать? В то время как вашему сопернику помогали все ведущие гроссмейстеры СССР!..»

Ответ: «Да, это правда. Все советские СМИ занимались трескучим восхвалением моего соперника! Наши общие коллеги тоже встали на его сторону. Я сильно удивлен. Игрок он волевой, цепкий, но не интересный. Куда правильней было бы ***выдвинуть*** меня, а не его!»

В первую же неделю и-ю было перепечатано следующими изданиями:

– The Daily Mail (Лондон, Великобритания),
– Le Figaro (Париж, Франция),
– Frankfurter Allgemeine Zeitung (Франкфурт-на-Майне, Германия).

Позже перепечатано также в США:
–The New York Times (Нью-Йорк) и др. изданиями.

Последовавшие санкции:
– исключение В. Корчняка из состава сборной СССР,
– лишение почетного звания «Заслуженный мастер спорта СССР...»,
– приостановка выплаты гроссмейстерской стипендии (300 руб. в месяц),
– временный (сроком на 2 года) запрет на участие в соревнованиях за рубежом...

Часть II

1.
...
Но не тут-то было.

В тот же день Костя Тронин заявил мне:
«Я не буду поэтом, не буду счастлив и совершенен, пока не научусь драться и не пересплю с женщиной!..»
Выходит, я рано радуюсь.
...
Тронин говорил (врал, наверное!), что дерётся каждый день. А я никогда не дрался, увы. Я сообразительно боролся в детстве: ключи там, подсечки всякие. Но я упустил момент, когда пацаны стали бить в лицо... Здесь я пас. В лицо я не могу.

Потом Тронин позвонил и рассказал, что... – переспал.

?%^:&!(+@'#?* (так выглядит мое смятение от этой вести).
Неужели я не стану поэтом?
...
Но в «Молодежке» напечатали и 2-е мое стихотворение.
А за ним 3-е и 4-е...

Тогда мама сказала: «Эх, не быть тебе химиком!.. Дедушкины гены!»
И перевела меня обратно во 2-ю школу на Берзарина,
*1 сентября 1977, Кишин*ев.
в детский мой класс, оставленный 3 года назад.

Там я сразу же влюбился в Марьянку М.
Чуть не в 1-й день.
2.
Влюбился.
Я знаю, почему весна переходит в лето. Почему убывает луна и как из семечка надувается тюльпан.
А вот как из улыбчивой толстушки Марьянки М. образца 6-го класса вышел образец 10-го – ... не знаю. Сдаюсь.

Нет, я не спорю, в 6-м классе она тоже была красивая, но как-то бессмысленно красивая. Как, допустим, атласное одеяло в крупную стёжку. Или как овальное блюдо из фарфора.

И вдруг ...
Просияло.
Поднялось, как море.

Вообще в этом классе выштормилось много красивых чувих.

1... 2... 3... 4... 5... пять (навскидку!) симпотных чувих появилось, пока я в другой школе учился. За ними приударяли все.

А вот за Марьянкой никто не приударял. Правда! Видимо, это потому, что женственность ее не была раздражающа. Порода, юность, целомудрие – не утонули в ее приливе.

И она была не выше меня ростом, если не на каблуках.

И хотя у ней не было припасено для меня ни единого шанса, в чём-то главном она ответила мне.

Вот как это произошло.

1977, декабрь, Кишинев, 7 часов утра.

По утрам я лунатик. Особенно зимой. Мама думает, что это от недостатка кислорода. Мы решили, что я буду спать при открытой фортке, несмотря на мороз.

И вот, проснулся я в то утро и через отведенную форточку увидел кровельщиков, звонко расхаживавших по листовой крыше Филармонии.

Свирепая свежесть зияла в комнате.

Я выпил чаю быстрее обычного и ушел в школу.

Утро было чернильное. Асфальт обструган заморозками. Скоро снега придут.

Во дворе за тополями – *вчиб!.. вчиб!..* – сосед шинковал капусту на порожке сарая.

От высоких ворот нашего двора я прошел до «Воды-Соки» на углу.

Двинул вверх по Комсомольской.

Запалённые урны у «Бируинцы» курились гнилым теплом.

Но термометр на стене «Инждорстроя» и по щиколотку не находил в себе ртути.

Я поравнялся с 1-й мужской парикмахерской на углу.

Обходительный свет настаивался в ее витрине. И всегдашняя упряжка мастеров, пухлоруких и уютно-пожилых, с утра пораньше плескалась в тёплых зеркалах.

Я вышел на Ленина.

Там рассвет скрёбся.

Троллейбусные золотые капли нацеживались сквозь марлю тополей.

Шелестящее вороньё сеяло помёт из тополиного мроха.

Толпа на остановке была тиха, но троллейбус прибыл, и она закрутилась так, будто ей в туалет приспичило.

И всё вместе, от громко переговаривающихся кровельщиков на крыше Филармонии до теплых урн возле Бируинцы, от освещенной парикмахерской на углу до темной толпы на остановке, – все это в сумме и вычитании, в рифму и белым стихом выдавало Марьянку М. и обещало встречу.

С помехами дверки троллейбуса затянулись за головами и спинами на подножках.

Прямые штанги качнулись в проводах.

Деревья зацарапались в отъезжающие окна.

Последние струпья ночи отваливались.

Через полчаса. В классе.

«Снаружи клетка покрыта клеточной стенкой, под которой есть мембрана. Она пропускает в клетку нужные вещества и выпускает ненужные. Она покрывает цитоплазму. Цитоплазма – это важнейшая часть клетки, в которой находятся все ее внутренние части. В том числе вакуоли!..»

Это я.

Это мой голос у доски.
Биология, 1-й урок.
«Вакуоль это полость, окруженная мембраной и заполненная клеточным соком! В клеточном соке растворены органические соли, кислоты и сахар...»
Сегодня у меня хорошо приготовлен урок, и я сам попросился отвечать.
Бойкость голоса моего обманывает биологичку.
Она уж не вслушивается в него. Сникнув, думает о своём.
В окнах темно.
Весь класс уронил головы. Досматривает сны.

И скажи я: «*Долой Советскую власть*!» – никто не встрепенётся.
Главное, интонацию не менять.

«Мелкие вакуоли внутри клетки, – бубню я, – сливаются в одну большую. По мере слияния увеличивается и размер самой клетки!»

И тогда...
...точно окошко в тереме распахнулось...
...два луча навстречу – из сондрёмища класса.

Она!

Это меняет дело.

Отныне все посвящено *ей*: органические соли, кислоты и сахар! Белки, нуклеиновые кислоты, полисахариды!
И скажи я: «В цитоплазме имеются пластиды. От окраски пластид *я тебя люблю* зависит окраска клетки и всего растения!..» – и произнеси я все это, не встрепенется никто.
Главное, интонацию не менять.

Прекрасная тайна объединяла нас в эти минуты, посреди урока и темноты.
Я улыбнусь, и она за мною.
Скажу «*цитоплазма*», она переводит как «люблю тебя».
И не отьезжает глазами.

В ней бессомненно был «класс», на каблуках ли, без каблуков.
Сам разговор её, молочный, слабый, удаленный, как вспышки на солнце, – подходил её невымученной красоте.
Ясная, хотя и не вдохновенная отличница, она до заурядности ровна была со всеми. Все 10 школьных лет ухитрилась не «отдать предпочтения», не отбросить тени.
Сохранить прохладное достоинство своё.
В стороне от интриг, проказ, кулаков, в стороне от всего, в чём кипит характерность, она стала тем, во что я влюбился.

И вот, в сонбоище класса, поваленного в усталость и спень, под неярким флюресцентом, звенящим в потолке, в сверкающей шапке чувств, нахлобученной на две головы, клянусь, мы были близки.
Одним тактичным воображением обнял я ее.
И не был отброшен.

Я мечтал стать поэтом, и (что бы Костя Тронин ни говорил)... я был им.
А насчет драться – ...хм-м... драться я попозже научусь.

2.
Еще о Косте.
Костя написал стихотворение «Дискобол».
Даже у Пушкина такого нет.

Это такое стихотворение – что сдавай оружие!
Боюсь, мне никогда такое не написать.

К счастью, мама запретила мне общаться с Костей. Из-за его пьяной выходки у «Фулгушора»[1].
Октябрь, 1977, Кишинев.
По-дурацки вышло, но он сам виноват.
Вот что там было.

Мы с мамой шли к участковой в поликлинику.
А там «Фулгушор» с кабинками – на углу Комсомольской-Фонтанной.

Мы шли и не смотрели в их сторону – такой там мат-перемат из кабинок.
Но меня окликнули.
Смотрю: Костя Тронин бежит. Бледный – будто на него коробку пудры высыпали. Пьяный – на ногах не держится.
Мама ахнула.
А он бежит зигзагами и орет какие-то стихи по-молдавски. Что-то про Сталина.
Подбежал и смутился. Только сейчас увидел, что я не один, а с мамой.
Но поздно.

– Вот фрукт! – объявила мама, когда он слинял. – Ты хоть понял, что он за стихи орал?..
– Нет! – признался я.
– *Ку Сталин ын фрунте Молдова – й ын флоаре*![2] – повторила она.
И мы посмеялась.

Но лицо ее вдруг стало жестким.

– Так вот, это моего папы стихи! – сказала она сквозь зубы. – Твоего дедушки!.. А посему!.. с этой минуты!.. прекратить всякое общение!..

Спасибо, что в ней завуч не проснулся. Могла бы вызвать его мамашу на ковер («*Шютц... Культ вымытых полов...*»). Добром бы эта встреча не окончилась.

Но в канун нового 1978-го года Марьянка М. заболела желтухой и её увезли в инфекционку Чорбы.
Я хотел навестить её, но трусил.
Попросил жирного Хаса пойти со мной.
Он согласился.

Но он говорит, что в больницу положено передачи нести.
Например, фрукты.

Я побрёл за фруктами на Центральный рынок.
Но зимой там торгуют одними чёрными семечками.

И тогда я вспомнил костины стихи.
«*Язык хранит февральскую хурму... которая лежала к моему...*» и т.д.

– А хурма это фрукты? – спросил я Хаса.
– Фрукты! – отвечал Хас с авторитетностью, возможной только у толстяков. – Кислятина жёлтая!.. И рот вяжет!..

[1] *«Фулгушор» – кафе-мороженое с кабинками.*
[2] *«Со Сталиным во главе цветущей Молдавии!» (молд.).*

И я направился к Косте за хурмой. Втайне от мамы.
3.1.1978, Кишинёв.

Он был один дома.
Авоська с хурмой уже поджидала меня под батареей, а я отдал ему ворованный сборник «День такой-то» Юрия Левитанского, как договаривались.
(Про то, где украл... не сейчас. Не здесь. Скажу только, что мой де... был начальник реперткома, и нам до сих пор присылают контрамарки на концерты... Короче, я стащил его с книжного лотка Филармонии!)
Утро. Проспект Молодежи, 50, кв.11.
Мы вышли на балкон. Костя закурил, я не стал. Хотя курил уже по 2 сигареты в день.
Костя рассказал, что отправил стихи в Литинститут им. Горького в Москву.
Тогда и я открылся, что отправил.
– Значит, идем в связке? – обрадовался он. – До конца?..

– Почитай «Дискобол»! – попросил я в ответ.

Дело в том, что Костя читал мне его в 9-м классе, и этот «Дискобол» изувечил меня своим совершенством.

Вот как это было.

В 9-м классе. 7 месяцев т.н.
Они с Селом завалились ко мне под вечер с бутылками «Флоаре» под курточками.
Бутылочное стекло так и бренчало на них.

Можете не прятать, говорю. Бабушка в Ессентуках, мама в Москве...
Мы выпили, и Тронин стал звонить по телефону каким-то чувихам. Говорит, студентки университета.
Я не верил, что они придут, но они пришли!

3.
Дискобол.
Обе рослые, в водолазках.
Груди их в этих водолазках были не большие и не маленькие, но какие-то принципиальные: т.е. такие груди, что нужно специально отводить глаза.

Мы пили «Флоаре», потом курили на дворовом балконе.
Костя читал новые стихи.
Первое – «Дискобол».
Второе я не запомнил.
А потом все пошли танцевать в кабинет.

Первая студентка была худощавая, с застенчивой внятной грудью.
«Со мной танцевать как с этой стенкой!» – сказала она Тронину, когда он пригласил её на медленный.
Но все-таки отделилась от *этой стенки* и пошла с ним танцевать.

А я уселся в углу.
Признаться, я был укулдачен этим «Дискоболом».
Его кристаллическим совершенством.

Из своего угла я наблюдал за их танцем. За тем, как её взрослые пальцы скользят по Костиным алюминиевым волосам.
Потом она заторопилась домой.
Почему-то они все разом заторопились.

Я остался один в разгромленной квартире.
С мыслями о «Дискоболе».

...Наутро Костя сообщил, что у него со студенткой *было*.
Но в его голосе не было потрясения, и я не поверил.

Прошло 8 месяцев, и не было дня, чтобы я не вспомнил о «Дискоболе».
Во всей моей жизни не осталось такого укрытия, где не атаковали бы меня его метеоритные буковки.
И потому я подумал, что спасён, когда мама произнесла «*с этой минуты – прекратить всякое общение!..*».
Думал, прекращу общение – и «Дискобола» не станет.

И его бы не стало...– если б не Марьянка М. со своей желтухой!

Итак, *зима, утро*, и я пришел к Косте за хурмой.
– Почитай «Дискобол!» – попросил я равнодушно.
Мы курили на балконе.
Точнее, Костя курил, а я только пыжился от независимости.

– Старьё! – возразил Тронин. – Я теперь намного лучше пишу...
– Умоляю! – потребовал я. – Почитай «Дискобол»!.. Или подари экземпляр!..

Костя ушёл с балкона в комнату искать экземпляр.
Я отвернулся – чтоб не волноваться.

На проспекте Молодёжи светало.
Небеса залишаились снегом.
И экземпляр «Дискобола» был мне *абсолютно* необходим.
Я мечтал уединиться с ним и распотрошить, как куклу.

Распотрошу, а там будь что будет.
Возможно, изучив его устройство, я брошу писать стихи. Если пойму, что не способен на такое!

– Увы, ничем не могу помочь!.. – вернулся Костя. – Всё, написанное до ноября этого года, я сжег!..
– И «Дискобол» сжёг? – спросил я, похолодев от горя и облегчения. – И наизусть не помнишь?..
– К сожалению! – отвечал он. – Помню!..

«Дискобол». Текст.

Костя отчитал, и я медленно выдохнул.
Выдохнул и собрался спросить, зачем он поставил себе условие. Драться и спать с женщинами. Когда он и без того поэт! Причем лучший в мире.
Но простая речь отказала мне.

Я понял, мне не угрожает соревнование с Костей.
Он сам Ангел поэзии, он активное солнечное возмущение, он камень бел-горюч.

И тогда я взял сигарету «Родопи» из его пачки.
И если бы снова пришлось лезть через решетку во двор, я бы не стал выпендриваться! Я бы снял пальто. Причем без единого слова.

От сигаретной затяжки меня повело.

Люлька рышкановских холмов закачалась.
Балкон стал отваливаться.

Умирая от головокружения, я ушёл в комнату и упал на Костину кровать. Дверь балкона оставалась открытой, занавеска надувалась в ее проеме. Все новые и новые повалы снега вертелись в окне.

В полуобмороке я расслышал, как в прихожей телефон звонит.
«Да, слушаю!» – отвечал Костя.

Это звонил наш редактор из «Молодёжки»: кудлатый человек слабого телосложения.

– Институт кино? – переспросил Костя и рассмеялся. – Спасибо, *pass*!.. Почему *pass*?.. Да потому что *мы* в первую очередь поэты и подаем в Литинститут!.. Кто – *мы*?.. Витя Пешков и я! В одной связке, да!.. Сейчас вам Витя подтвердит!..

Он строчил так быстро, что в мозгах моих, пострадавших от «Дискобола», только и ревело «*институт кино*»... «*институт кино*»... А остального я не понимал.

Поэтому я только руками замахал – в ответ на «*Витя, подтверди*!».
Отстань, мол! Не видишь, в каком я состоянии?!
Не стал ни подтверждать, ни отрицать.

Судьба моя предрешена была тем звонком.

4.

О предрешенной судьбе Виктора Пешкова.
Май 1978. Кишинев.
На встречу с Востроклнутовым Н.В. (капитаном КГБ).
Совсем обнаглел.
Выручил разок (*с 3-м Ша*) и теперь в бессрочных должниках держит...
Левый поворот с Гоголя на Искру.

И она (Надя) вообразила Кольку, худого, лупоглазого, в мощных стояках локтей, плеч и ключиц, с черным клином волос, выехавших на лоб, и, при всех модных галстуках и строгих стрелках на брюках, источающего какой-то неистребимо-волчий, низко-звериный дух, прущий из секретных его скважин, из-под всей его одеколонной облачности.

Комсомольская – угол Садовый переулок...

Негодяй. Вампир. И, хотя сам признает, что *помощник из тебя, Надьк, никакой!*, но все звонит, звонит. А то и является без звонка – ждет на углу возле школы. Ставит ее под удар. Приходится ходить с ним на футбол, в шашлычную «Колос», кататься на лодке на Комсомольском. И сама манера такая... подлая. Вроде не допрашивает. А просто так: *Ну, Надьк, что на работе? дома? какие книги-фильмы-выставки из новых советуешь посмотреть?..* Иногда в студенческие милые воспоминания пускается... Но вот только расслабься, почувствуй доверие – как *на* тебе! тычок вопроса не по теме.

«*А ты в курсе, Надьк, что твоя мама с румынским офицером жила во время оккупации Одессы?*»

Ничего себе.
Совсем сбрендил.

Это не румынский офицер, поправила.
Это Константин Адам, школьная ее любовь.
Ее учитель в гимназии.

И жила она не с ним, а у него. Пользовалась крышей над головой, печкой и водопроводом. Папа выпустил ее из катакомб, когда выяснилось, что она беременна (мною!). А как не выпустить из подземельных темноты, холода, антисанитарии?! Как – будущей

матери своего ребенка – не дать уйти из-под многотонного горного давления (выбить один-единственный камень из низкого свода – вся пещера обвалится!).

Угу, угу, мурлычет Колька, «*беременная мною*». С ироническим таким прищуром. Дескать, мели-емеля.

Ты что, Коль?! Собака ты такая!

Но ведь мы сами виноваты. Недавно мама задурила: документы менять. Зачем-то ей понадобилось какие-то поправки в метрику вносить. Отсюда и пошло: паспортный стол –> МВД –> КГБ. А теперь еще и персональную мамину пенсию – Колька намекает – могут снять. За сожительство (клевета!) с румынским офицером.

Комсомольская – возле Оперного (угол Ленина).

Короче, вербует по полной.
Но не обломится.
Никому еще не навредила. Ни с работы, ни из общих знакомых.

И вот здесь – мотор застучал.

Встала.
Вышла, попробовала откатить. Куда там.

Сразу колонна транспорта сзади. Грузовик «Хлеб», маршрутный рафик с острым носом, две легковушки.

Грузовик «Хлеб» – жирным клаксоном – «*Фа-а-а!.. Фа-а-а!..*».
За ним – тоненьким рожком – маршрутка-рафик: «*пи-и-иб!.. пи-и-иб!*».
И вся колонна – «*Пи-и-иб-п!.. Фа-а-а!.. Пи-и-иб!.. Фа-а-а!..*» – на разные голоса.

– Добрый вечер! – раздалось за спиной. С тротуара.
Господи, это еще кто?
Тронин из 10 «В». Ну этот. Пьянчужка-рифмоплёт.
– Привет! – насупилась Надя.

Водитель грузовика подошел. Трясёт пучком путёвок.
«А вот взял бы и помог откатить!» – осадила.
Ага, разбежался.
А Тронин стоит и наблюдает.
И какая-то женщина рядом. Родительница, наверное.
Оба – начуфыренные, с цветами. В филармонию идут, наверное.
Так, что делать?..

Тем временем машины стали объезжать по бордюру.
С каштанов – пыль.
Народ на тротуаре жмется к стенке.

Итогда эта начуфыренная родительница выступает на 1-й план.
– Серафима Тронина!.. Давно искала случай!..
Некрасивая, но с благородной осанкой.

– Приходите в школу!.. – улыбнулась ей Надя. – Сейчас сами видите – не до того!..
– Дело в том, что ваш Витя совершил проступок!..
(*Так, кого на помощь звать? Павлушу Казакулова? Фролова из второго подъезда? Тянина Николай Иваныча?*)
– Видимо, мне следует повторить!.. Ваш сын выкинул коленце!..
(*Господи, ну вот что ей надо!*)
– Вам что надо? – спросила Надя. – Не видите, что тут у меня!..

И, бросив взгляд на женщину, не могла уж отвести его. Столько спокойной, даже величавой мстительности исходило от той. Получалось, что так некстати сломавшийся автомобиль и какое-то «коленце», выкинутое Витькой, связаны между собой как причина и следствие. Как преступление и наказание.

– Ну и что там за коленце?.. – спросила Надя. – Убил?.. Украл?..

– Нет, ну до убийства пока не дошло...

(*А гонору-то! А самомнения*!)

Тогда Надя еще посмотрела на родительницу, подумала и... ушла к капоту.

Это поворотный момент.

Сейчас, если родительница пожмет плечами, развернется и пойдет своей дорогой, то дело плохо. Если же полезет выяснять отношения, то победа за нами.

Придя к капоту, Надя... открыла его (ух ты! умею!).

Родительница (проследовав за ней): «Могу ли я попросить вас остановиться и выслушать меня?!»

– Выслушать – да! – от капота Надя двинула дальше вдоль крыла. – Остановиться – нет!.. Сами видите...

Итак, полезла выяснять отношения!

Ну, смотри. Буду теперь ходить вокруг машины, и ты за мною как хвостик. Пока всю спесь не сдует.

Родительница (идя следом): «Костя одаренный поэт! Недавно его позвали во ВГИК по направлению от республики!..»

– Во ВГИК? – подняв крышку багажника, Надя нащупала портфель с инструментом под тряпками.

(«*И этого пьянчужку во ВГИК?..*»)

– Да, во ВГИК! – подтвердила женщина. – И не Витю!.. А Костю!.. А досталось Вите!..

Надя (*повернувшись к ней*): «Вот как?!.. Хм-м... Первый раз слышу!..».

Это была правда. В плане Витькиного поступления думали о КГУ[1] (филфак или журналистика). Про ВГИК и в голову не приходило.

– О чём вы *в-в-в* первый раз слышите? – женщина явно метила в провинциальное несовершенство Надиной речи.

Ах, так? Высмеиваешь?..

И Надя пошла к переднему крылу.

Постояла там, пока *родительница* подтянется, и – с издевкой! – дальше. От капота к багажнику. По часовой.

Обида душила.

– Тогда с самого начала!.. – не отставала *родительница*. – Косте как одаренному поэту предложили направление от республики во ВГИК! Но Витя перехватил!.. Из-под Костиного нерасторопного носа!..

– Нос моего ребёнка, – с расстановкой произнесла Надя, – тоже не самый длинный!..

(*Расистка чёртова!.. И у Витьки прямой нос!*)

– Послушайте! – вздохнула та. – Мы москвичи!..

Надя: «И мы не из Засранска!..»

Родительница окаменела.

То-то же!

– Да, но Костя рождён в Москве! вырос в Москве! – наконец сказала она. – И ему пора возвращаться!.. а я – по обстоятельствам своим... и, главное, по состоянию здоровья дочки, пока не могу!..

[1] *КГУ – Кишиневский госуниверситет.*

Вот такая – подавленная, беззащитная – она располагала к себе.
Надя даже собралась спросить, что там со здоровьем дочки? Не нужна ли помощь?
Но родительница сама все испортила.
– У Кости здесь плохая компания! – сказала она. – Ему необходим его *московский прежний круг*!..

И вот, стоило ей произнести «*московский круг*», как всё идиотское высокомерие в ней воскресло.

– Я вас понимаю как мать! – от бешенства Надю затрясло. – Но ничем помочь не могу!.. от направления республики во ВГИК мы не откажемся!..
И – опять по кругу: от капота вдоль крыла, от багажника к капоту.

Рапорт-РНО-99904(36)
Мать К.Тронина: «Это несправедливо! Это подло! Потому что Костя талантливей! У Кости кругозор шире!..»
Пешкова Н.: «Чем измеряли-то – широту кругозора?!»
С грохотом опустила капот.
Мать К.Тронина (*вздрогнув от шума*): «Это аксиома!»
Пешкова Н.: «Аксиома это то, что если у кого-то и есть заслуги перед этой республикой, то это у *моей* семьи!.. *Моей*!.. А не вашей!.. Понятно?..»
Мать К.Тронина: «Мы не отнимаем у вас *вашу* республику. А вы не отнимайте у нас Москву!..»
Пешкова Н.: «Вы тут перелётные птицы! А мой папа тут с 40-го года... культуру поднимал!..»
Мать К.Тронина: «Культура не чемодан – чтоб её поднимали!..»
Пешкова Н.: «Вот и не поднимайте! Вот и сидите!.. А мы во ВГИК поедем!»

Будет она меня учить!
В подлости упрекать!..
Было больно за Витьку – за нос, за кругозор.
В бешенстве открыла дверку, уселась в водительское кресло.

– Да, мы не местные кадры! – женщина встала перед машиной. – И мы недавно здесь! Но про вашего папу наслышаны вполне! В том числе – про третьего Ша!..
Выйти убить её?
Воткнула ключ в зажигание.
Завелось!..

Рапорт-РНО-99904(36)
Мать К.Тронина: «Я все свои связи подниму в Москве! Вас к экзаменам во ВГИК не допустят!..»

«*Все свои связи*?.. – похолодела Надя. – *Это какие же связи у нее*?»
Так.
Не паниковать!
Действовать!
1. К Востроκнутову в КГБ!..
Мол, так-то и так-то, Коль. Плевать мне, что там у нее за связи, к-е она собирается поднять, а только Витьке во ВГИК надо! И это не предмет для торга! Хочешь на футбол со мной ходить, в пивную «Колос»?! Тогда перекрой ей ход! Действуй!..
2. Маме.
Мама! Про новую метрику – забыть. Отменить. Ради внука во ВГИКе.

«Прочь с дороги!» – заорала на родительницу.
По газа́м – на холостом ходу.

Машина взревела.

«*Кругозор у них шире!..* – думала отъезжая. – *Вот и сидите тут!.. с вашим кругозором!.. А я к Кольке в КГБ не теряя минуты! И тогда мой сын на 100% во ВГИКе! Без этого я просто не выйду из Колькиного кабинета! Цепями там прикую себя!..*»

И вот, готовясь в случае надобности приковать себя цепями в кабинете офицера КГБ – до тех пор, пока Витьку не отправят в Москву, во ВГИК, она уж не думала о том, что о Москве и ВГИКе услыхала всего несколько минут назад. В несколько минут все ее материнское существо перегруппировалось так, точно с самого Витькиного рождения только и делали, что готовили его во ВГИК.

Поэтому – прочь с дороги!

С 1-й попытки Надя завела заглохший мотор и уехала.

Она уехала, а некрасивая благородная женщина с лилиями в трескучей бумаге осталась на тротуаре.

Примечание

Дискобол

Я по осеннему парку шёл.
Неба сверкал ледяной металл.
Между деревьями дискобол
метился в небо и диск метал-л-л-л!..

Нет, лишь хотел он его метнуть...
Скован был камнем холодным он.
В тоненьких столбиках мёрзла ртуть
хрупких термометров у окон.

О, как он жаждал тогда броска!
Как его диск был жестоко сжат.
В страшном рывке напряглась рука,
резко отброшенная назад.

Мне показалось, я слышал стон.
Мне показалось, что он умрет,
если вперед не рванется он,
резко, всей грудью своей вперед.

Время дрожало, но день был тих.
Статуй застывших камень и медь.
Жаждет рвануться одна из них
и неподвижность преодолеть...

Я по осеннему парку шел
мимо безмолвных безликих тел.
Грохот обрушился вдруг, тяжел.
В небо холодное диск летел.

Костя Тронин. Дискобол (1977).

КНИГА ПЯТАЯ

Часть I

1.

Я прилетел на ноябрьские праздники.

Меня встречали как героя, как столичную штучку.

Мама рассказала, что по городу обо мне легенды ходят. Еще бы: вгиковец, будущая знаменитость!..

Ноябрь, 1978, Кишинев.

Дома было вкусно – баба Соня наготовила целый холодильник деликатесов.

Да и все остальное: чистота, свежие простыни... – тоже на уровне!

Каждый день выходили с Хасом в город.

Кишинев стал мне по грудь.

Я бахвалился Ма-а-асквой, сва-а-абодой, нескончаемыми любовными похождениями. Выходило, я не девственник давно.

И я не боялся теперь ходить по Кишиневу в джина́х.

Откуда джины́?!

Ну, еще весной была посылка от Пешкова (ну, того самого... «Ты единственное, что после меня останется!..»). И в посылке – US TOP!

Ха! Пилятся как надо!

Но весной я не решался их надеть: потому что в Кишинёве все джины́ можно по пальцам пересчитать. А когда во всем городе так мало настоящих, пилящихся джино́в, то легко нарваться: подойдут с ножичком и... снимут.

Другое дело – Москва. В Москве сотни людей в джина́х. Даже не сотни, а тысячи людей. И никому глаза не колет.

Я прилетел на 5 дней, 3 уже прошло.

Вдруг звонок в дверь с утра.

Костя Тронин.

Он еще вырос. И смотрелся теперь как 5-этажка рядом с 4-этажкой – рядом со мной.

Я ему: ну наконец, пропажа!.. звоню тебе каждый день (*1-25-06*), никто трубку не берет.

Он мне: мамаша с сестрой в санатории в Карпатах, а я так вовсе из той квартиры съехал. Учусь на журфаке, но там тоска. Не верю, что до зимней сессии дотяну...

А куда ты съехал, спрашиваю.

В район Ильинского базара, отвечает.

И еще он дал понять, что живет *не один*.

Ну, я молчу. Проявляю выдержку.

Не спрашиваю, с кем это – *не один*.

И где это Ильинский базар – тоже не поинтересовался.

– Завтракать будешь?.. – вот только это и спросил. – Тогда пошли в кухню!..

Пожарил нам яичницу с ветчиной.

Он не умел есть жадно, но было видно, что голоден.

Я думал побахвалиться перед ним как перед Хасом: Москвой, любовными успехами, – но не решился.

Тогда он сам подвинулся рассказывать.

«А знаешь, откуда деньги на *всё*?» – спросил он, расправившись с яичницей и постукав уголки губ треугольником салфетки.
«Откуда?»
«Загнал джин*ы* за 200 рублей!..»
«Так-так!..»
«А где взял джин*ы*, угадай!»
«Ну где?»
«Снял с одного в долине Роз!»
Я подрастерялся. Врет или... правду говорит?
Но не подал виду.

Подал чай с бабушкиным вишневым пирогом.

«А давай сходим! – вырвалось у меня за чаем. – К тебе! Интересно, как ты там живешь – возле Ильинского базара!»
Он замялся. Даже чуть не поперхнулся кипятком.
Ага, то-то же!

Ладно, говорю, всё нормально! В другой раз!..
И встал к умывальнику – мыть посуду.

И тогда вдруг слышу за спиной: «Ладно, давай сходим!».

Пошли.

Оказалось, это в нижнем городе – Ильинский базар. Всего три квартала от меня. Но по виду – пятнадцатый век: мощатая щербь булыжника, глиноулые дворики, неприрученные деревья. Турецкая древность, а не Кишинев.
И вот – иду я и думаю: если сейчас придем, а там нет никого – то всё враньё. И что *не один, и* что джи́ны с кого-то снял. И пусть не врет, что то да сё, мол, *выскочил*а в магазин, в университет...

Шнырнули в какой-то лаз под виноградником.
А там... церковный дворик, нерусская кирха бочком. Площадка, полугрунт. Хибарки по забору.
Подходим к одной из хибарок – в палисаде по мотну.
Тронин стал возиться оловянным ключом в замке.

И вот тут я почуял: *есть*.

Открыла кареволосая девушка.
От волнения я не рассмотрел её.

Комната. Единственная. С низким потолком.

– Устраивайся! – показал Костя на тахту.
– Устраивайся! – повторил за ним девичий голос.

Устроился я на тахте, налепил веселенькие обои на лицо, а сам осматриваюсь...
Низкая тахта... стол с клеёнкой... книжная полка под марлей на стене... черноволосая, с сильным румянцем, не в моем вкусе... электроплитка с пятнами по свинцу... рукомойник в один кран...

Костя принес бутылку с кислым вином на дне.
Разлили по чашкам.

Стали читать новые стихи.
Неужели он действительно снял с кого-то джи́ны?

И тогда, за дымовой завесой Костиных новых стихов, я как бы не специально, не глазами, а подпочвием глаз, обратился *на нее*.

И у меня сердце защемило: *так* она на Костю смотрела!

Я пытался вслушиваться в новые Костины стихи, но думал о его девушке. Всё бы отдал, Москву, ВГИК, пилящиеся *US TOP*, только бы эта черноволосая с сильным румянцем *так* смотрела на *меня*. Хотя она и не в моем вкусе.

Теснота жилища подчеркивала всю безусловную правду их близости.

Я надеялся, они не замечают, *что* со мной, каково мне на этой тахте...

Я поклялся себе, что добъюсь полной женской близости – едва только вернусь после каникул в Москву.

2.

Chantal. 1939.

В поведении Иосифа появились странности. Вдруг он заявляет, что мы едем в *curort* в Констанцу.

В два дня мы собрали бельё, посуду и сели в поезд.

В Констанце мы ходим гулять по аллее, устроенной в ущелье. С 2-х сторон она украшена деревьями. Но деревья эти до того странные, что как бы и не деревья вовсе. А, допустим, *русские агенты (*о которых пишут в газетах), переодетые в деревья. Никогда я не видела таких деревьев: чтобы крона в шишечках надувалась прямо из комля.

Но я не могу не поделиться, как я впервые увидела море.

Август, 1939, Констанца.

Вот, иду я по аллее. Качу перед собой коляску с Арье-Лейб. Глазею на витринки *bijoutierie* по бокам.

И тогда вдруг цвет неба переменился.

Воздушный простор в конце аллеи стал блестящ и раздался так, точно там обрыв.

И теснина в скалах была разведена чем-то новым, блестящим.

Да, гранитная теснина в кустарнике разъехалась по сторонам, и я увидела *м...е.*

То, о чём я в детства мечтала.

То, что мои мама и папа так и не увидели до сих пор. Не говоря о бабушке.

Я отступила на шаг, и всё исчезло.

Шаг вперёд – *м...е*.

Шаг назад – ничего.

Я присела возле коляски и стала направлять крупную головку сына в сторону *блестящего обрыва* в скалах.

В те дни я была бы счастлива вполне, если бы не странности в поведении Иосифа.

В Констанце я обнаружила *непристойные открытки* в его porte-monnaie.

Перед сном я спросила, с каких пор он смотрит эту гадость.

Он отвечал, что меня это не должно трогать.

Я бы смолчала, хотя тон его был груб.

Но он добавил, что чувствует себя покинутым.

И отвернулся к стенке.

Я пожалела, что повела этот разговор.

И действительно – недолго он в стенку глядел.

Поворачивается.
Никогда не видала у него *такого* лица.
И речей таких – не слыхала.
Мол, не буду ли я возражать против того, чтоб он посещал *этих женщин*.

Я не нашлась, что ответить.

«Я вижу, что неприятен тебе!» – заявил он тогда.
«Ты ничего не видишь!» – возражала я.
«Ну да – *не вижу*?!.. Когда я целую тебя, то вижу судорогу отвращения, пробегающую по твоему лицу!.. А когда мы встречаемся глазами... ты отводишь глаза!»
При этом он смотрел на меня вопросительно. С надеждой.

«Я не хочу, чтоб ты посещал *этих* женщин!» – ответила я наконец.
«Почему?» – удивился он.
«Потому что мы... семья!»
«Были когда-то!.. – заголосил он. – Ты все разбила!.. Всегда, с первых дней, ты всем своим видом говорила, что несчастлива со мной!.. Вот так!.. Я боролся!.. Но я сдаюсь!»

Мы умолкли.

«Знаешь что... поговорим завтра!» – я натянула одеяло на голову.

Нервы потрескивают, как дрова.

«И ещё ты как-то заметила, – не отставал он, – что мужское тело вызывает у тебя отвращение!.. Конечно, имея в виду меня, моё тело!..»

Окна нашей спальни оставались открыты. И я содрогалась от мысли, что разговор наш мог быть подслушан на ночной аллее.

Нет, так не может продолжаться.
Нам надо наконец решить.

3.
Витя Пешков. 1979. После каникул.
На большой перемене я самовольно печатал новые стихи в кабинете кинодраматургии, когда ко мне подошла Александра Л., педагог кафедры, и спросила, что я тут делаю. Я ответил, что печатаю *работы*, т.к. своей пишмашинки нет.
– Стихи?.. – она взяла верхнюю страничку из стопки уже отпечатанных.
Я подумал, она выставит меня из кабинета. Ведь стихи это не «*работы*».

– Замечательно! – объявила она, прочитав. – Как вас зовут?..

Она произнесла это «*замечательно*» таким тоном, точно все вокруг шумели, что стихи дрянь, а она резко возражает. Хотя мы одни были в кабинете.
У нее были круги под глазами на смуглой коже. От того взгляд её казался отважно-наведённым, резким.
- - -
Вечером в общаге все расспрашивали меня о знакомстве с Александрой Л.
Всем было дело до неё.

Еще бы. Такая молодая, а уже два полных метра[1] по ее сценариям (на к/с Горького и Ленфильме). И 3-й полный метр в запуске. Такая вот акула. Хотя Нурлан В. (мой однокурсник) объяснил это тем, что она «умно е...ся».

Но на следующий день в институте стою курю с однокурсниками в правом крыле. На боковой лестнице 3-го этажа. Как вдруг... её голос на 4-м.

Это после фильма – *гур-гур-гур... руг-руг-руг...* – народ повалил из Большого зала.

Расходятся, обсуждают.

Но её (Александры Л.) голос был как толчковая нога – отрыв на каждом слове, и потому он выделялся в общем шуме.

Сам разговор её был таков, точно все вокруг втолковывают ей что-то одно, а она с резкостью возражает.

Дали звонок, но я не выбросил сигарету в урну. Не поспешил в аудиторию вслед за другими.

Как чувствовал!

Она вышла на меня – сверху по боковой лестнице.

И я не мог ошибиться – глаза ее просияли.

Мы не виделись ровно сутки, и по глазам ее я понял: эти 24 часа не были снежной целиной между нами: она вспоминала обо мне.

4.

Chantal, 1939.

Целые фразы завтрашнего объяснения всходят в голове.

Первое. Определенно я хочу развода.

Но как я устрою свою жизнь?

Я хочу развода.

Но как медработник я потеряла квалификацию.

Второе. Помогут ли родители? Папина столярная мастерская? Ох-х! Когда-то Иосиф предлагал папе деньги, просто-таки умолял принять (для салона готовой мебели с каталогом). Но папа не принял. Уф-ф. Слов нет! У жирного Унгара (на *тетрадки*) – с большой охотой! А у Иосифа (на *салон готовой мебели*) – наотрез.

Но... но... А что если я войду к папе в дело?

И сама придумаю каталог?

Так, так...

Так, так, так...

Третье. А вот возьму и придумаю каталог. Как в Яссах. Нет, как в Бухаресте. Заставлю работать этого лентяя папу! Пускай богачи и снобы воротят нос (*Тростянецкие и С°*). Я поведу дела в расчете на людей скромного достатка.

Мысль о мастерской-салоне добавила мне храбрости.

Я оторвала голову от подушки.

В целой свае ночного неба воспалилась рассветная пробоина.

Оконная занавеска волновалась надо мной.

Чашечка с рассветом в постель.

С балконной двери я перевела взгляд на Иосифа.

Он спал.

---

[1] *Полный метр – полнометражный художественный фильм.*

– Какие у тебя обиды на меня? – спросила я тихо-тихо.
Скорее подумала. Чем спросила.
Но он – услышал.
– Не на тебя! – пробормотал он. – А на то, как устроилось всё!..
– Тогда не порть мне жизнь, если не на меня! – попросила я.

Но я не могла предвидеть его следующего вопроса.

– Кто-нибудь обладал тобой, как я?..
Стремительно он проснулся.

5.
И сел на кровати.

– Что... ты... позволяешь... себе!.. – только и ответила я.
Но его уж было не остановить.

– Я бы смог понять, смириться, даже простить... если б ты предпочла мне кого-то лучшего, чем я...
– Я никого не предпочла!.. – поддалась я на эту провокацию.

И тогда все рухнуло.

– Но *этот человек* обрюхатил Киру![1] – не помня себя, он зубами заскрипел. – Я лично возил её на аборт!..
Трудно было поверить, что еще 2 минуты назад он тихо и ровно дышал во сне.
Теперь он, как эпилептик, мотал своей маленькой головой.
И с искрами, как на точильном колесе, зубами скрипел.

Слова же, которые он исторгал, были еще ужасней:
– *Этот человек* нагадил, нагадил, нагадил кругом – прежде чем сбежать в Палестину с капиталом Киры!.. – исторгнул он.

Пораженная, я к стене отвернулась.

– Умоляю, расскажи как есть! – голос Иосифа был перекручен спазмом. – *Этот человек* прикасался к тебе?..
Я лежала лицом к стене, но каким-то образом видела, как со своей жалкой улыбкой он смотрит на меня. И губами мелко жует.

– Поклянись, что он не прикоснулся к тебе! – с грубостью он взял меня за плечо.

Сейчас ударит.

– Клянусь! – повернулась я к нему.
– Спасибо! – он упал головой в подушку.
Плечо мое горело.
В одно мгновенье померкла моя вера в каталог, в мастерскую-салон готовой мебели.
Всё померкло для меня.
– Если я заболею и умру, – сказала я, – это будет по твоей вине, знай об этом!..
Но его уж было не остановить.
– Поклянись Львенком... что *этот человек* не прикасался к тебе!..

– Клянусь!.. – отозвалась я обреченно.
– Ну смотри!.. Ты поклялась!..
(Что я наделала!)

[1] *Кира – дочка русских помещиков, продавших нам имение. До сих пор она живёт у нас – простой батрачкой в своем бывшем доме.*

– Если когда-нибудь я буду умирать в больнице, – повторила я, – то моей последней волей будет (*все-таки я заплакала*)... чтоб тебя не пустили ко мне...

– О, не бойся! – сказал он, опустив ноги с кровати и нашарив тапочки на полу. – Бог меня первым приберёт!..

Рассвело.

Львенок проснулся в детской комнате.

Рыдая, я пошла к нему.

6.

Витя Пешков. 1979.

Была перемена между парами. Однокурсница вернулась в аудиторию и, отозвав меня в угол, рассказала, что в женском туалете сплетничают обо мне и Александре Л. Обсуждают наш роман.

«Извини, но я не могу повторить услышанное, настолько это похабно!» – сказала она расстроенно.

Она думала, что и я буду расстроен.

Ха-ха. Я ликовал.

Между А.Л. и мной ничего еще не было, но теперь я верил, что будет.

Она приезжала в институт по вторникам и средам.

Мы бегло виделись на переменах.

Зато потом я линял с последней пары и провожал её до метро.

А потом она вдруг заявляет: какой ты сценарист – без пишмашинки?!.. Ну-ка!.. Едем покупать – на Пушкинскую!..

За пишмашинкой.

В четверг я ушел с античной эстетики и семинара современного фильма.

Сел в 69-й до ВДНХ.

Окна были залеплены желтым снегом, и автобус качало.

Александра Л. ждала меня на Петровке.

И снег был в духе её: взвихренный, полемичный.

«Ровно в полчетвертого у меня редколлегия на “Мосфильме”! – объявила она. – Но мы успеем!..»

И мы побежали вдоль Пассажа.

Петровка была губаста от снега. Тротуары сузились.

В шерстяной шапке-чулке на пол-лица Александра Л. неслась первая, я за ней. Она обернулась, варежка её нашла мою, мы побежали в буксир.

Увлекаемый ее варежкой, я бежал и думал о дивных переменах со мной. Отмотать всего 1 год назад: Кишинев, детство... И вдруг эта варежка на Петровке! Эти роковые ободья вокруг прекрасных глаз!..

7.

Chantal 1939.

Я бы не выходила к завтраку, но перед прислугой стыдно.

И я боюсь развода.

Мы выпили кофе на веранде и отправились на море.

В виду берега стоял белый корабль.

И здесь Иосиф нашел повод для истязания.
Все вокруг давало ему такой повод.
Глядя на корабль, он заявил, что в Европе военные действия, положение опасно, и потому он обратится за *pass-port* для меня и сына, с тем чтоб отправить нас в Палестину – до заключения мира.
Спасибо, поблагодарила я.
Хотя и чувствовала: это только увертюра – перед истязанием.

Только увертюра...

А вот сам он никуда не поедет, объявил Иосиф.
Не поедет, несмотря ни на какие военные действия!
Потому что Палестина *проклята* для него.

И умолк – с картинной многозначительностью.

Конечно, он ждет моего вопроса: отчего это Палестина проклята для него.
Чтобы ответить с торжеством –
– присутствием в ней *того человека*.

Но он не дождется моего вопроса.

Знаешь, давай расстанемся, выпалил он.

Иосиф, ты ненормальный, сказала я.

Сама память об *этом человеке* отравляет мое существование, заявил он.

Я не знаю, о *каком человеке* ты говоришь, ответила я, глядя ему в глаза.
Он отвел взгляд.

Так мы и сидели в молчании.
Иосиф не сводил своих блестящих глазок с белого корабля на краю моря.
А я...
Я не могу позволить себе развод...
Не могу позволить...

Прекрати мучить меня, выговорила я наконец.
Прекрати отравлять мне жизнь.
Почему я должна оправдываться в том, чего не делала.
Пока я с тобой, я не опущусь до того, чтоб обманывать тебя.
Очень жаль, что до сих пор ты этого не понял.

Поклянись здоровьем Львенка, снова попросил он, что он не прикасался к тебе.

Его лицо отвратительно в своем несчастии.
К счастью, он вспомнил, что у нас билеты в цирк.
Мы побрели в шапито.

8.
Витя Пешков. Моя первая пишмашинка.
В канцтоварах было тепло, тихо.
Александра Л. сняла чулок с лица. Губы её были искусаны до крови.

– Чё нервничаешь? – спросил я.
– От того, что у тебя экзамен скоро!..
И подтолкнула к прилавку.
Февраль 1979. Москва.
Продавец был её знакомый.
Они расцеловались.
Он посмотрел на меня оценивающе.
Я надулся от важности.

На полках – одна «Москва». Гроб, а не пишмашинка.
Но Александра Л. успокоила: «Продашь первый сценарий – купишь «Юнис» югославский, а то и «Эрику» за 500 эр!.. Игорь, дай постучать!» – это уже продавцу.
Игорь вправил лист в каретку, я застучал для пробы, каретка поехала.
Саша посмотрела, *чего* я там такого нас*тучал*, и я пожалел, что просто буквы в беспорядке, а не признание в любви. Потому что через полчаса она уедет на эту свою редколлегию и – всё.

«Ну хорошо, ну надо же отметить!» – потребовала она, когда мы вышли из магазина.
Точно я отказываюсь.
Там была пельменная напротив.
Мы перелетели дорогу по умякшему снегу: я с оттягивающим руку чемоданом «Москвы» и Саша Л. в шерстяном чулке по глаза.

В пельменной.
Набрали пельмени на подносы.
Я объявил, что угощаю.
«Разумеется, ты!» – отозвалась она.
...
– Я заглянула в твою папку на кафедре! – сообщила она, пока мы по пельменям ударяли. – Ты способный мальчик!.. Но способности твои ничего не обещают...
– Да? – удивился я, рассматривая ее.

(До чего хороша, тонка!
Всё в ней выдержано, как в колоколенке, от надглазий до бёдер.
Воду бы с лица её пить!
И не только с лица!)

Но она стала читать мне нотацию о том, что сценарист должен обладать кинематографическим мышлением, а я им не обладаю.
«У тебя отдельная квартира, ты разведена! – думал я, убаюканный ее быстрой речью. – Сделай *это* со мной, а? Ну будь другом! Должен же я оправдать авансы... выданные мне в женском туалете!..»
Но её зациклило на кинематографическом мышлении.
Тарелку с пельменями – и ту отодвинула.
Смотрит на меня в упор и отчитывает таким голосом, точно я дурачок младшего пионерского возраста. И не нравлюсь ей совсем.

Тогда я тоже удвинул свой поднос и водрузил чемодан с «Москвой» на его место.

– Ты юн, этим и привлекателен! – Саша, хотя и покосилась на чемодан, все-таки продолжала выговаривать мне. – Но этого мало!.. Мало!..
Я откинул чемоданную крышку «Москвы», заправил лист и стал печатать.
В пельменной все заозирались на нас.
– Прекрати! – Саша улыбалась, но её в краску бросило – от возмущения, от восторга.
Но я видел, что вот-вот она справится с собой и станет резка.

– Готово! – я протянул листок.

Я сошел к тебе с ума
самовольно, безоружно,
календарно как зима,
снегопадно, земновъюжно.

Что за факел голубой
шлёт с высот свистящий свет свой?!
То со снежной головой
я взлетел к тебе из детства.

Возмущение пылало на её лице, пока она читала. Но она была не способна к неправде.
– Замечательно! – сказала она, прочитав. – Сделать, что ли, тебя своим любовником?..
«Сделай!» – воскликнул я.
Мысленно.
Приподнявшись со стула, она потянулась ко мне поверх подносов с пельменями и уксусом.
Я приподнялся навстречу.
Мы поцеловались.
Жизнь удалась.

– Дорасти до меня! – попросила она кротко.
О чем это она? По-моему, я и так выше ее на пару сантиметров.
Поцеловались снова.
Она была чутка к жизни, и потому любила меня.

9.
Chantal.1939. Шапито.
Под брезентом пахло, как в столярной мастерской.
Душно, как в курятнике.

Вдруг все газовые лампы над ареной погасли.
Какая-то возня стала происходить в темноте...
И... и... прожектора ударили так, что мы зажмурились.

А когда открыли глаза, то увидели высоченную, под купол, конструкцию среди опилок.
Плетеные канаты свисали с неё.

Оркестр затрубил.
Неприлично одетые атлеты рассыпались в пожарном воздухе и – не успела я («*смотри!.. смотри!..*») навести на них головку Львёнка – разлетелись на подвесных *до*сках, взмыли под купол и, достигнув пика, *у*хнули с *до*сок в пустоту, вскрутив номер в воздухе. От страха я отвернулась. Сама конструкция среди опилок казалась пошатана и не оберегала даже в тот короткий миг, когда из акробатической пустоты они для отдыха возвращались. Весь отдых был 1 секунда: вновь с коротких *до*сок они друг к другу летели – сцепляться и разниматься в пустоте, как рукав шубы, то вывернутый наизнанку, то вправленый вовнутрь.

Но в шатре духота усилилась.
Я бы попросилась домой.
Но в программе ещё будут африканские звери.
Никогда раньше я не видела африканских зверей, и потому не хотела пропустить.
Но я наклонилась к Львенку, попробовала губами его лобик.

Испарина на лобике.
И из ротика пахнет, как у моей мамы.

Я схватила Иосифа за рукав.
«Я отменяю свою клятву! – сообщила я. – Ту, которая *здоровьем* Арье-Лейб!»
...
Тогда развод, сказал Иосиф.
Развод, подтвердила я.
...
Гора с плеч.
...
Иосиф поднялся и пошел, ударяясь о коленки сидящих.

Мы с сыном остались.
Только б не наследственный д(иабе)т.
Только бы не д(иабе)т, как у моей мамы!
О прости меня, счастье моё! Никогда, слышишь, никогда не буду я клясться твоим здоровьем.

Но – гора с плеч!
Вот только бы увидеть африканских зверей.

В ожидании африканских зверей.
Объявив Иосифу всю правду, я могла свободно думать об *этом человеке*.

Мне ничего не известно о *его* связи с Кирой.
Полагаю, это клевета.
Просто Иосифу хотелось поранить меня. Доставить боль.
Но зачем же очернять *этого человека*!
И я не верю в то, что *этот человек* (идеалист, борец за Страну) присвоил капитал Киры.
Впрочем, кому я верю?!
Уже никому.
В т.ч. я не верю в рассказы *этого человека* – про то, что в палестинских кибуцах общие супруги и дети.
Уж не с *его* брезгливостью.
Помню, ели мороженое в Иванче. Я – клубнику с арахисом, *он* – ваниль. Я позволила себе поддеть своей ложечкой из *его* вазы. Не то чтоб я без ванили не могу. Но мне хотелось стать *ему* роднее, ближе. Увы! Тотчас он придумал предлог, чтоб перестать есть из своей вазы.
И даже отставил ее в сторону.

10.
Витя Пешков. Неприятности.
Сбылись угрозы Александры Л.: мне поставили «пару» на зимней сессии. За киноновеллу.
Хотели отчислить из института.

Александра Л. сидела в комиссии. Она рассказала, что Габрилович с Заслонихой голосовали за отчисление, Евг. Григорьев и Голубкина – за испытательный срок. Решающим был Сашин голос. Меня оставляют. С условием, что я напишу другую новеллу в течение месяца. Иначе выгонят.
Конец января 1979, Москва.
После экзамена поехали к ней домой: сначала на метро до Октябрьской площади, потом троллейбусом до универмага *Москва*.

Я думал, мы приедем и тотчас примемся за новеллу.

После поцелуев.

Но Саша выглядела усталой и была раздражена. Ей почудилось, что на кафедре *знают*.

...

– Вообще-то мне глубоко моргать – знают или не знают! – объявила она на весь троллейбус. – Меня другое не устраивает: детство твое!..

Вот это да!.. А раньше говорила, что за детство как раз и любит.

– Габр так и заявил: «Этот студент ещё очень молод и не знает жизни! – процитировала Саша. – А не пойти ли этому студенту в люди? В армию, например?». На что Заслониха аж подпрыгнула от восторга: «Пойти!.. Пойти!.. Этому студенту необходима армия!»

Я засмеялся, хотя Саша не умела пародировать. Габрилович с Заслоновой в ее пересказе говорили ну точно как она – конфликтно, страстно. Хотя из Габра песок сыпется а из Заслонихи сухая солома.

– Напугали, ха! – заявил я гордо. – А вот пойду и отслужу!..

Саша осеклась. Просто потеряла дар речи.

Но мне действительно было море по колено (с тех пор, как она ответила мне любовью).

– Ты не умён!.. – сказала она, подумав. – И меня это не устраивает!..

Я не обиделся. Меня её искренность захватывала.

– В армии... – здесь она все-таки нашла нужным понизить голос, – калечат морально и физически!.. Ты просто не отвечаешь за свои слова!..

И опять я не был задет. Потому что всякая её речь, включая ругань, упрёки, споры, были искренни, как буйный папоротник.

Я и не подумал обидеться.

Но стал мечтать о том, *что* будет, когда мы к ней домой придем.

Но троллейбус шел с мучительными запинками – точно ребенка с ложки кормят а он давится.

И лицо Сашино как заехало в темное депо́ угрюмости, так и не выдвинулось на свет.

– Если б я не предостерегала тебя!.. – вдруг сказала она с такой непередаваемой му́кой в голосе, что я фырко отряхнулся от грез.

Предостерегала, не спорю.

Задолго до экзамена. В декабре.

...

В декабре.

Саша предостерегает.

Я только приступал тогда к новелле и принес ей первые 5 стр.

Был тисковый мороз. Мы вбежали в метро ВДНХ и уселись на лавке возле намена пятаков.

Она стремительно прочитала эти 5 стр. и заявила, что я – «волшебник слова».

Вот так и говорит: «Волшебник!!!» «Слова!!!»

А потом... потом... «Проводи к поезду!»

Есть!

До сего дня она не звала меня дальше турникетов.

И вдруг – «ПРОВОДИ К ПОЕЗДУ!».

Это награда.

Это всё равно что со стадии первые робкие поцелуи... к стадии... хи-хи... под кофточку.

Проводил к поезду!

И еще дальше – в вагон...

И автоматические дверки вагона сомкнулись, кубики мрамора понеслись за окном, свет платформы сменился мраком туннеля, и твоя рука – в моей руке.

Но что...

Доезжаем до Октябрьской.

И тогда в ней точно тумблер переключили.

На Октябрьской она вдруг заявляет, что подавать *такое* на экзамен нельзя: нет кинематографического мышления.

И отняла руку.

Я расстроился.

Она меня пожалела и добавила, что принесёт план доработок.

И – принесла на следующий же день. 3 страницы по пунктам.

Но потом она улетела на Таймыр в киноэкспедицию, а я сочинял новеллу в прежнем ключе.

Тогда между нами еще главного не случилось. Только поцелуи. Еще даже не *под кофточку*.

Но теперь! Теперь-то она чего?

Ну, завалил экзамен. С кем не бывает.

Это уже опять в троллейбусе после экзамена.

Как раз я увидел вывеску «Кассы Аэрофлота» – в окне.

– Смотри! – показываю ей. – Вон *там*!..

Я думал, она спросит: «Что – *вон там*?»

Хо-хо!

Вон там я незаметно поотстал от всей компашки.

В пятом часу утра.

После встречи Нового года у тебя дома!

Вон табачный киоск, за к-м я спрятался и ждал, пока их веселый гогот и пьяные песни удалятся на порядочное расстояние...

Вон подземный переход, по которому я понесся, полетел, как завихрившийся молодой ураган в обратную сторону – к универмагу «Москва», к проходной арке в высоком монолите твоего дома.

К тебе.

К тебе.

Но она не спросила: «Что – *вон там*?»

Кажется, я серьезно огорчил её.

– Ну Саша, – зашептал я ей в ухо, – поверь, я целовал листы с твоими доработками! Не расставался с ними ни днем ни ночью!.. Но и поделать с собой – ничего не мог!..

Это правда.

– Получается, ты невменяемый? – спросила она холодно, без умиления.

И отвернулась.

Хм-м, а вот это уже странно.

И совсем не в её характере.

Она из тех, что до последнего будут смотреть тебе в глаза.

До сих пор она только в одном случае не смотрела мне в глаза.

Угадайте, в каком.

– Помнишь, я тебе рассказывал про моего друга Костю, – сжал я ее локоть, – Костю Тронина, поэта! Так вот, этот Костя уверяет, что его рукою кто-то водит – когда он пишет стихи!.. А я?.. А моей рукой?..

11.

Шантал. Дома после курорта.

Уже доходит до неприличия: по утрам я не желаю ему «Доброе утро!».
И в обед мы обедаем отдельно.

Назло ему я записалась в школу *tango Изабеллы Броди*.
И (поделом ему!) танцую там с мужчинами.

В глубине души я бы хотела, чтоб он платил мне той же монетой.
Но у него мягкий характер.
Думает ли он оформлять развод?

Через 9 дней.

Наконец, поступает записка от него. Я нахожу ее на туалетном столике.
О том, что *aplica ie* составлена. Меня пригласят для обсуждения условий.
Отлично!
Прекрасно!
Декабрь 1939, Оргеев.
О как жутко!

Но я сказала себе: «Вспомни, *ты* хотела этого!»

Я дождалась его прихода на обед и, холодно глядя ему в глаза, сообщила, что приветствую его решение.

...

Еще я добавила, что верю в его порядочность во всем, что связано с будущим *statut legal* (финанс. и юридич.) Львенка как наследника своего отца.

Хотя я не верю в его порядочность. Он порядочен до тех пор, пока интересы его не тронуты.

...

Он сказал, что поедет подавать нашу *aplica ie* в Кишинев.

«А что, в Оргееве адвокатов не осталось?!» – хотела поддеть я.

Но не поддела.

Может быть, он прав: к чему нам сплетни да пересуды.

О, если бы он додумался попросить о примирении!

Но – ура! – я принята на работу!

На малярийную станцию!!!

Речные комары мне помогли!!!!! Разносчики южного штамма.

Едва только в городе заговорили о комарах, я привела себя в порядок и явилась на малярийную ст.

При-ня-та!!!

Теперь – никакого примирения!

12.

Витя Пешков. Троллейбус (продолжение).

–...Так вот, этот Костя Тронин уверяет, что его рукою кто-то водит – когда он пишет стихи! А у кого не так – тот не поэт!.. Поняла?..

– Нисколько!..

– А вдруг я не поэт, Саш?!.. Раз моею рукою никто не водит?!.. Как тут не проверить!..

– Ну *и*...? – Саша вернула мне свои глаза.

Я понадеялся, что прощен.

– Проверил!.. – заулыбался я. – *Водят*!..
Одной рукой я держался за металлический поручень, другой – Сашу приобнимал.
Она смотрела на мои губы.
Я по-своему истолковал этот взгляд.

– Кто?.. – спросила она с разделением. – *Водит*?..
– Не знаю!.. гы-гы... бог, наверное!..
– *Наверное*?.. или *наверняка*?..

Мне бы насторожиться. Услышать, каким отрывистым, чужим голосом она со мной разговаривает (у каждого слова носик отбит!).

– Почти *наверняка*! – промурлыкал я ей в ухо. – Теперь я и сам богом себя чувствую – когда пишу!..
– Ты шутишь! – ее ухо отлетело от меня.
– Не шучу!..
– У тебя губа треснула, бог!.. – сказала она на весь троллейбус.
Я взялся за нижнюю губу. Кровь на пальце.
– Это неэстетично, бог!..
– Извиняюсь!..
– Купи помаду, бог!..
– Какую еще помаду?..
– Гигиеническую!..

И я понял, что поцелуев не будет.
Как и всего остального.

– Ладно, пока! – она стала протискиваться на выход.
Я – следом.
– Не цепляйся!.. – прошипела она возле кабины водителя. – Ищи себе другой *буксир*!..
Универмаг «Москва».
Остановка.
Вышла.
«Это кто цепляется, я цепляюсь?.. – крикнул я ей в спину. – Очень надо!»

Поехал дальше.
Тут я увидел еще вгиковцев в троллейбусе: Варю Н. с первого актерского и Николая Р. со второго режиссерского. Ну и парочка: ей семнадцать, как и мне, а приземистому, всегда мрачному Николаю Р. тридцатник, не меньше. Они как дети сидели на переднем сиденье за кабиной водителя и делали вид, что ничего не видели, не слышали. Хотя все случилось на их глазах.
...
Я вышел на следующей остановке, перебежал проспект.
Стемнело.
Звоню Саше из автомата.
– Научись ремеслу! – сказала она. – А уж потом в боги!.. Это мой последний тебе совет!.. – и повесила трубку.
Я забежал в гастроном, наменял еще двушек.
...
– Не смей сюда звонить!.. – сказала она тихо, с угрозой.
– Ладно, ладно, я только насчет *буксира*!.. Это ты о чем?..
– О том, что *своего* будущего нет!..
И как звезданёт трубку.

Я решил напиться.

13.

Шантал. Развод.

Но Иосиф ставит палки в колеса. Его сердят перемены во мне.

Я имела неосторожность рассказать ему о малярийной станции, о том, что на работе мною довольны.

Надо было видеть, как он поменялся в лице.

Сколько издевки, недоверия.

– Да, кстати, а что происходит с нашей *aplica ie*! – спросила я тогда. – Как скоро я смогу считать себя вполне свободной?..

А он в ответ: мол, рассмотрение *aplica ie* приостановлено из-за политич. кризиса в Бухаресте. Король, мол, распустил кабинет, все гражданские дела приостановлены.

Не верю ни единому слову.

Где кабинет министров, а где я?!

Враньё и только.

Так и бросила ему в лицо.

Возможно ли, чтобы королю *Karol von Hohenzollern* было дело до нашего ничтожного развода?!

Тогда он как закричит: темнота! деревня! газет не читаешь! Не видишь, что творится кругом!

А когда он повышает голос, то у него неприятно сводит горло, и сам звук делается глухой, задушенный. Только отдельные слова позвякивают, как ложечка в стакане.

Это убивает последнюю к нему жалость.

– Допустим, темнота, – отвечаю спокойно, – допустим, деревня!.. но мне и без газет ясно, что – враньё!..

...

Тогда он схватил утреннюю газету и затряс перед моим лицом.

«Утром 30 ноября в окрестностях Лакул Тэй, что под Бухарестом, атакован автомобильный конвой, перевозивший опасных заключенных из братства Креста, – зачитал он своим задушенным голосом. – *Заключенные, в количестве 8, использовали возникшую суматоху для попытки мятежа и побега. У полиции не оставалось иного выхода, как применить оружие. Сообщается, что в числе убитых – «Капитан» Корнелиу Кодряну, приговорённый к 10 годам каторжных работ».*

Господи, господи, я с трудом переношу звук его голоса.

Тогда я пригрозила, что вынесу все на свет. Обращусь к местному адвокату. Хотя бы к Варшавскому, обжоре и сплетнику. Пускай весь Оргеев судачит о нас.

– Но ты хоть понимаешь, что в таком случае будет? – спросил он. – Будет позор!.. До 3-го поколенья!..

– Хуже, чем сейчас, – возразила я, – не будет!..

Спустя полчаса.

У адвоката Варшавского.

Но Додик Варшавский – партнер мужа по покеру.

Он спел мне ту же песню: кабинет министров, перевыборы...

Я и слушать не стала.

...

На улице темнело, он вызвался меня проводить.

Не нужно, возразила я.

– Как это *не нужно*? – выкатил он на меня свои нахальные глазки. – Вы что, не видите, какая обстановка вокруг?..

– Не вижу! – отмахнулась я. – Слепая родилась!..

Но он не понимает иронии.

– Вы думаете, – заступил он мне дорогу, – что кроме ваших браков-разводов... уже и в целом свете ничего не происходит?..

Без слов я отняла у него свое пальто, надела самостоятельно.
О, как сердили меня его лупатые глаза, его надутые грудь и плечи.

Тогда он стал меня пугать. Мол, легионеры из братства Креста возят по стране гробы со своими убитыми. Завтра они будут здесь. И уже сегодня их сторонники свалили статую Его Величества на нашей ж.д. платформе.
– Послушайте, – вздохнула я, – разведите меня с моим мужем!..
– Что? – переспросил он. – Да вы сумас...
Я заткнула уши.

14.
Витя Пешков. Решил напиться.
В городке Моссовета несколько винных точек.
Зашел на Докукина, думал, там кто-то из общаги.
Никого.
Без своих там страшно: ханыги цепляются.
Но от сегодняшней боли меня развернуло к миру.
Как это так – *своего будущего нет*?!..
Я ей докажу.
Встал в кривую очередь.
Вокруг все блятькают, ёбкают. Пол кудряв от грязи.

В общаге. Спустя полчаса.
Захлёбываюсь, в горло не пролезает (я не умею из больших стаканов).
Петриченко[1] негодует, но бутылка-то моя.

К счастью, кто-то зацарапался в дверь из коридора.
«Дэ-э-э!» – закричал Петриченко с наколотой на вилку яичницей на весу.
Под шумок я отплеснул водку под шифоньер.
Дверь на уголок приоткрылась. И за ней...

В выблеске обаяния, равно выжидательного и непритворного, толстяк Юсиф Алиев клубился на пороге. Киновед с 4-го этажа. Любимец всей общаги. Живые глазки так и чи́кали нас. И сигнал о том, что мы рады ему, был схвачен этими глазками ещё до того, как мы эту радость проявили.
Но мы и вправду были рады.
И тогда эти круглые, сладкие, но с косточкой живейшего ума глазки ступили через порог и шагнули на нас, оформляясь на ходу в сказочно-толстого и столь же молодого человека в домашнем сюртучке с пояском.
Учуял, гад, что у нас жареная картошка!
Он был такой толстый, что аж давился жиром при ходьбе.
Толще Хаса в 10 раз.
Даже платяной шкаф, за которым обитает наш сосед-вьетнамец, и тот был пол-Юсифа.

Веселье, ум, деликатность, льстивость предваряли его приближение.
Интеллект, быстрота реакций, веселая душевность, злобное паясничанье – прибывали в главной карете.
Всегдашнее желание пожрать, разведать жратву, занять 5 руб. для жратвы – добирались в арьегарде...
И всё вместе оно выступало на тебя под пеленой *а*баяния на букву «а». А не на букву «о». Потому что буква «о» разойдется по швам на этом человеке. Просто лопнет на нём.

[1] *Первое упоминание о Петриченко, друге-сокурснике.*

Как и все, я обожал его. Хотя он не упускал случая высмеять меня. Заговорить на «ы» – с кишинёвским акцентом.

Гад.

Тогда я стал следить за своей речью, расправлять в ней всякую складочку – чтобы «*а*» вместо «*ы*». Но проклятый толстяк раскусил меня и давай высмеивать мое деланное «аканье».

Вдобавок он придумал, что у меня лупатые глаза и нос кружочками наружу.

Я стал щуриться, чтобы не лупатить глаза. И голову опускать, носом к земле. Но он сыграл, как я щурюсь. И нос прячу.

В отчаянии я объявил ему, что он мне больше не друг.

Но он был туча абаяния.

Что делать? Какое противоядие применить?

Вот Костя Тронин, тот бы нашел противоядие (если бы поступил во ВГИК вместо меня).

Но какое?

Какое?

15.

Шантал. По пути домой.

На улице бесснежно.

У банка Резников толпятся люди.

Но фонари горят через один.

Подойдя, я увидела, что это слободские.

Но я не боялась слободских. С какой стати! В слободке полно знакомых. Например, наши лесники. Они с почтением относятся к Иосифу и, когда приходят за сменными нарядами, их не упросишь подняться в дом. Дальше крыльца не идут.

Я поравнялась с ними.

Только что галдевшие, они умолкли, как по команде.

Я сказала: «*Buna seara*!» («Добрый вечер!» – *рум.*) и миновала их.

Кажется, мне кивнули в ответ.

Я шла и смотрела на мачтовый шпиль грошн-библиотеки на углу.

Мне не нравилось, как светит луна.

Она светила слишком пристально.

До угла мне оставалось пройти не более 20 шагов, когда – «Слава *Капитану*!»[1] – выкрикнули за спиной.

Мне показалось, это был выкрик для меня. Для того, чтобы доказать мне что-то.

Я не оглянулась.

Никогда прежде слободские не вели себя так нагло на наших улицах. Прежде их жандармы били за любую выходку.

Но где жандармы?

– Слава Капитану! – поддержало много голосов.

Единственное окно в гимназии светилось – на 2-м этаже.

Я ускорила шаги и направилась к главной двери.

Дескать, мне в гимназию нужно.

Но случилось что-то неслыханное, дикое.

Как со свистящим шумом отдирают обойную бумагу со стены, так – на расстоянии локтя! – воздух был рассечен рядом со мной.

---

[1] *Капитан – одно из обращений, принятых в «Железной Гвардии» к ее главнокомандующему, Корнелиу Зеле Кодряну.*

Стеклом брызнуло...
Неужели все кончено?
А я так и не узнала любви.

16.

Петриченко и Юсиф (продолжение).

И Петриченко – фрукт.

«Александра Л. его бросила!» – сдал он меня Юсифу.

– Расскажи, умоляю! – насел на меня Юсиф. – Я не буду издеваться, *мамой* клянусь!..

И – даже зубки стиснул в клятвенном восторге.

Я давно приметил, что когда он очень сильно чего-то хочет, то, во-первых, клянется мамой, а во-вторых, стискивает зубки – в знак честности.

Но я не верю ему.

Потому что всё дело в глазах!

А в глазах его блестело такое великолепное коварство, что... бедная его мама!

Не расскажу, отрубил я.

Тогда он пристроился к нашей сковороде и затеял отвлекающий разговор про «Маяка и Эйзена» («Маяковский и Эйзенштейн. Бунтарская лесенка и революция в киномонтаже» – тема его курсовой). Это потому, что у Петриченко над койкой висел плакат «*Империалисты ещё живы*!». И Юсиф знал, с какой стороны к нему подъехать.

Ха, непростое дело. Великан-очкарик Петриченко был уникум. Бывший слесарь с Волжского завода подшипников. Матершинник и скандалист даже в трезвом виде. А уж если пьяный, то спасайся кто может! Но он был голова! Интеллектуал-самоучка. И если только не пил, то сидел себе смирно на панцирной кровати с гробовой «Москвой» на коленях и набивал по целому сценарию в неделю. Сценарии его выходили живыми, легкими. Ироничными, как канцелярская кнопка под зад. Вот только персонажи странные: все какие-то Владики-Эдики-Юльки-Алки в дублёнках и на «Жигулях» (и где только подсмотрел таких?!). Но педагоги уважали его, и все в общаге тоже. Включая Юсифа. Хотя ворчливый Петриченко следил, чтоб Юсиф не разъедался у нас, и то и дело отгонял своей вилкой Юсифову вилку от сковородки.

Вот и сейчас – отогнал.

Тогда, с вилкой в засаде, Юсиф сменил тему.

Мол, знаете ли вы, что Баку – самый антисоветский город в СССР?!

Пример?

А вот послушайте!

Помните, когда *по голосам* передали, что Корчняк *свалил*?! *Сделал ноги на Запад*!?

«Ну, помним!» – подтвердил Петриченко с недоверием в голосе (он за Карпова болел).

Но и он, и я, мы оба отвлеклись от сковородки и стали слушать с охотой. Ведь Юсиф никогда ничего не рассказывал просто так, для трёпа. Во всяком его рассказе имелся *смак*.

Вот и теперь, после первых же слов, голосок его стал дробиться хихиканьем:

– Так вот, на следующее утро... – захихикал он, – на стенах бакинских домов... появились метровые граффити: «*Давай, Витя!.. Жми, Витя!..*»

Ага! А вот и *смак* попёр!..

На словах «*Давай, Витя! Жми, Витя!*» Юсиф выставил жирный палец и, переводя пронизывающий взгляд с Петриченко на меня, с меня на Петриченко, стал без конца повторять «давай, Витя! жми, Витя!», суча нас при этом умоляющими глазками и разгоняя в себе свой особенный смех.

Это был такой смех, что не поверишь, пока своими ушами не услышишь.

Дельфины и летучие мыши – шамкающие гундосы по сравнению с Юсифом, когда он так смеется.

Мы с Петриченко тоже стали смеяться – сдавленно и неохотно поначалу, но очень скоро – до коликов, до вылезания грыжи.

Тогда этот гад еще подкрутил.

Не сводя с нас замыленных слезами и при этом внимательно-наблюдающих за нами глаз, он потрясал в воздухе указательным жирным пальцем и смеялся с такой истошной силой, точно из него затычку вышибли и теперь весь жир выталкивается наперегонки.

Б-ть, мы чуть не умерли от смеха.

...Но потом Петриченко в туалет приспичило.

Он поднялся с кровати и потопал к выходной двери.

От водки его повело на шифоньерный шкаф, за которым наш вьетнамец жил.

Шкаф наклонился со стоном.

Вьетнамец закричал за шкафом.

Это было уморительно-смешно, может, еще смешней, чем *давай, Витя*, *жми, Витя*, но я уж не способен был смеяться. Складок на животе не осталось.

Но едва за Петриченко прикрылась дверь, как с гримасой непритворного страдания Юсиф надвинулся на меня.

Перемена с ним была удивительна.

– За что Александра Л. бросила тебя?.. Честно?.. За то, что маленький х.?.. Честно?..

Я молчал, занятый его новым выражением.

– Умоляю, расскажи! – надвинулся он всей тушей. – Я смертельно боюсь, что у меня маленький х.!.. Умоляю, расскажи, как *это все* происходит!..

17.

Chantal. Иосиф заболел.

Весной был призыв офицеров запаса. Иосиф объявил мне, что его мобилизуют.

Я не сомневалась, что он даст на лапу и его оставят в покое.

Апрель 1940, Оргеев.

Но он просится в армию (назло мне!).

Скоро медкомиссия.

Медкомиссия.

Нашли фиброму на спине.

«Фиброма? – удивилась я с прохладой в голосе. – Странно!.. У тебя что... в роду у кого-то было?..»

«Не знаю! – отмахнулся он. – На том свете спрошу!»

И улыбнулся своей неприятной улыбкой.

На гистологию в Кишинев.

Через 3 дня.

Возвращается из Кишинёва:

«Я за вещами!»

Есть опухоль.

Он сиял как именинник, объявляя о своей опухоли.

Торжествовал надо мною.

Вот дурак!

Но должна ли я быть при нем в стационаре?

Приятно ли ему видеть меня рядом?..

Я поехала в Ниспорены и говорила с Кирой.

Напомнила ей, как добр к ней был Иосиф (заменивший ей отца и спасший ее банковские активы...).

«Вам что надо?» – мягко перебила она.

«Побудьте при нем! – попросила я. – Конечно, я бы сама... Но мой сынок... м-м-м... на уколах... Но Вы не бойтесь, мы порядочно заплатим Вам!..»

Кира медлила с ответом.

Слушая мою сбивчивую речь, она то отводила глаза в сторону, то смеривала меня быстрым взглядом.

Впервые мы *tet-a-tet*.

Она малого роста, широка в бедрах. У меня получше фигура. Но лицо её красивей моего. Лицо ее прекрасно, увы. Крупное, с правильным нажимом очерченное, с обаятельными складками на загорелом лбу! Если что и портит его, то это глаза. Выражение ее глаз таково, будто водокачка не качала 3 дня и вот ударила!.. Такие вот зверские глаза.

Но она без слова согласилась побыть при Иосифе.

Меня даже покоробило, с какой легкостью она согласилась всё оставить и ехать в стационар. Если ничего не держит её, то не вернее ли ей последовать в Европу – к несчастным своим старикам!

Май, 1940, Оргеев.

Месяц спустя.

Но в июне она вернулась из Кишинева и передала, что Иосифа перевезли в Бухарест. В приют «Последнее утешение» при католической миссии.

Надежды нет.

Тогда находит меня Додик Варшавский, адвокат.

С полуслова я поняла: еще беда.

«Иосиф поручил мне вести его пакет в Ниспоренах!.. – объявил он с важностью. – Так вот! Со спецкурьером мне доставлена повестка... гм... в королевский трибунал!.. Это по поводу мельницы!»

И – с вызывающей картинностью – побил ладонью об ладонь.

Мол, умывает руки.

17.

Общага. Юсиф Алиев приступает к торгу.

– Лиля Брик пригласила меня в гости, – объявил он торопясь, – обсудить «Маяка и Эйзена»!.. Идём!.. Почитаешь ей стихи!

И поглядел оценивающе.

– Мои стихи?! – ахнул я. – Лиле Брик?!.. А если ей не понравится?..

По правде, я многое бы отдал – за то, чтоб почитать стихи Лиле Брик.

Но Юсиф сам всё испортил.

– Обязательно понравится! – слетело с его языка.

Конечно, он осекся.

Но – поздно!

Представляю, что он прочитал в моих глазах.

Потому что мои стихи... гм-м...были пунктик *номер 3* его издевок (после пункта *номер 1* – кишиневское ыканье и пункта *номер 2* – нос с кружочками).

...

– Я подарю тебе карты![1] – мгновенное перестроился он. – Те самые... Десять любых!.. Ну?!..

Как правило, я не находчив. А вот тут – не упустил!

– А мне теперь не требуется!.. – пожал я плечами.

Это было в «десятку»!!!

Пропусти я тонкую пленку торжества в голосе – это умерило бы всю сладость отмщения.

Но я только плечами пожал. Ха-ха!

Я собирался еще помучить его, а потом пожалеть и... рассказать.

Но не о том, как *это* происходило у меня с Александрой Л.!

А о том, что на словах *это* не передать.

Тем более на *фото-картах*.

В самом деле, *это* сильно отличается от *фото-карт*.

Вот пример.

В детстве во дворе у Хаса мы с пацанами подглядывали за мильтоном и его женой в окно подвального этажа... Так вот, это все неправда. Обман зрения. Сам посуди. Летел я недавно из Кишинева в Москву и слышал, как некий карапуз в кресле сзади допытывался у своей мамаши: «Мама, а когда наш самолет станет маленьким?»

Вот я и спрашиваю, что есть истина:

– маленький самолет на высоте 9000 м, наблюдаемый с Земли?

– или же я сам внутри этого самолета?

Лично я выбираю 2-й вариант.

Но Юсифа трясло от нетерпения.

– Я возьму тебя к Виктору Халаби! – назвал он последнюю, самую высокую цену. – И он покажет тебе фотку Зейтунской Божьей Матери!

Захваченные деталями нашей сделки, мы не услышали, как из коридора Петриченко вернулся.

– Возьми меня к Виктору Халаби! – потребовал он с порога.

Юсиф охнул от огорченья, но отказать не посмел.

Потому что Петриченко был уже без очков. Слепой, огромный. И тяжело пыхтел на каждом слове. В таком виде он не разбирал друзей и врагов.

Вдвоём они направились к Виктору Халаби, аспиранту из Египта.

Этот Халаби прославился 2 вещами: во-первых, он жил с красавицей-актрисой Верой В. с курса Бондарчука. А во-вторых, будучи на каникулах в Египте, сфотографировал огненный женский силуэт над куполом церкви.

Якобы Богородицу.

С него даже подписку взяли в КГБ – о нераспространении этого фотоснимка на территории СССР.

Уходя, пьяный Петриченко страшно ругал Виктора Халаби и его фотки – мол, никакой богоматери не существует, а огневые блики на фотках вызваны высокой сейсмической активностью в тех местах.

18.

Адвокат Варшавский (*мне*): «Не скрою от вас, домна Стайнбарг, я в панике! Ведь мельница это хлеб, это святое национальное! Это личный контроль Его Величества Carol

[1] *Речь о порнографических фото-картах.*

II von Hohenzollern, домна Стайнбарг! Не говоря о том, что это строгая таксация и строжайший закон о ценовом максимуме, о да-да!.. Мог ли я подумать, что Иосиф играет в *такие* игры?!»

Я стояла и смотрела на его руки. Которые он только что *умыл*.

«Единственное, что можно посоветовать, – под моим взглядом он убрал руки за спину, – идите... к прокурору Попа, милочка!.. Идите, не теряя минуты!..

– Зачем, – пролепетала я, – мне к нему идти?..

«Вы женщина! – тонко улыбнулся он. – Вот и думайте, как смягчить его!..»

...

Спустя 1 час.

В кабинете прокурора Попы.

Прокурор Октавиан Попа смотрел на меня с улыбкой.

Вместе с тем он не поднялся из-за стола и не предложил мне присесть.

«Мой муж вложил все наши средства в Ниспоренское имение! – поведала я ему. – А сейчас он умирает от опухоли в Бухаресте!.. Вы ради Бога простите его, *domnul Popa*! В искупление его вины я готова отдать вам аренду в Ниспоренах... за очень скромную сумму... если только вы отзовете иск из королевского трибунала!..»

«Вы... мне... *в аренду*?» – переспросил он, устраиваясь с еще бóльшим удобством в кожаном глубоком кресле.

«Да, в аренду! – повторила я, отказываясь расслышать подвох в вопросе. – Потому что я без средств... и с маленьким ребенком на руках!..»

(«И у этого маленького ребенка, – хотела я добавить, – подозрение на *диабет*!»

Но про диабет – не успела добавить.)

– Eu gandesc ce voi glumiti! – услышала я мелодичный высокий голос Октавиана Попы. («Я надеюсь, что вы шутите!» – *рум.*)

– Не шучу!..

– Вот так вот и не шутите?..

– Говорю вам, что не шучу!..

– Ну тогда вы *Zidan' Hytru*!.. («хитрая еврейка!» – *рум.*) – сказал он и отвернулся.

Лицо его посерело.

– В чем же моя хитрость? – охнула я. – В чем?! В чем?!..

– Она не понимает! – в волнении он привстал в кресле.

Как приблудившаяся лошадь стояла я перед ним.

Но взгляд его отведен был куда-то в сторону, вдоль пошатнувшихся моих висков.

– *Мне*... сыну этой земли... – делился он с кем-то за моей спиной, – она *согласна* отдать... *в аренду*!..

Я обернулась.

Портрет *Его Величества* на стене.

– Хотя чему я удивляюсь!.. Ведь эта нация привыкла всех других держать за *дураков*! За темных варваров, почти животных!..

– Неправда! – хрипло возразила я.

– Ну да придется вам открыть, – тут он отвел глаза от портрета и соблаговолил коснуться меня глазами, – что не все румыны *дураки*!.. Должен ли я просить прощения за это?.. Убирайтесь, аферистка!..

– Сам аферист!.. – я понеслась к двери.

– И мы еще проверим, – закричал он мне вослед, – действительно ли Ваш муж умирает в Бухаресте! С его-то хитростью! Или же он просто скрывается от королевского трибунала!..

– Побойтесь бога!.. – обернулась я. – Он умирает!.. Умирает от опухоли!..
– Ну тогда перед трибуналом предстанете вы!.. Вы!..

Часть II

1.
«Давай, Витя! Жми, Витя!»

Amsterdam IBM 1976
«*Soviet chess grandmaster seeks asylum in Holland after Moscow criticism*».
From Our Correspondent
The Hague, July 27
(Амстердам ИБМ 1976. «Советский гроссмейстер попросил политическое убежище в Голландии после того, как попал в немилость на родине». Гаага, 27 июля. По сообщению нашего корреспондента.)

«*Viktor Korchniak, aged 45, the Soviet top-chess player, has asked for political asylum in the Netherlands, the Dutch Ministry of Justice said today. He has been in the country for the past three weeks competing in the annual IBM chess tournament, in which he shared first place with Britain's Tony Miles. Korchniak, whose whereabouts are being kept secret, has been granted a temporary residence permit, and a decision on his request will probably be reached within two weeks*».

(«Один из ведущих шахматистов СССР Виктор Корчняк, 45, попросил политич. убежище в Нидерландах – согл. заявлению министра права. В течение 3 недель он находится в стране, где выступал в ежегодном шахматном турнире под патронажем ИБМ (1-2 место с англичанином Тони Майлсом). Корчняк, чье местонахождение в наст. момент хранится в секрете, получил временный вид на жит-во. Ответ по его вопросу ожидается в течение 2 недель».)

«... чье местонахождение в наст. момент хранится в секрете...»

Ночью из кухни донесся такой шум, точно вся посуда попадала с полок по ранжиру.

С колотящимся сердцем Липа проснулся. Какая-то паническая сила подбросила его из сна.

«*Агенты*! – жена шептала. – *Агенты... агенты... агенты...*»

С пестом для задвигания штор прокрался в кухню.

– Это я!.. – объявил человеческий силуэт возле газовой плиты. С кастрюлей в руках.
– Виктор?! – Липа отставил пест.
– Я извиняюсь! – полуодетый Корчняк, хотя и ссутулился от страха, но кастрюли не выпускал.
– Уф-ф!.. – Липа взялся за сердце. – У-ф-ф!..
Корчняк собрался что-то сказать, но его трясло от икоты.
Понемногу он возобновил жевание.
– Уф-ф-ф!.. – Липа тоже сунулся к холодильнику. – Уф-ф-ф!.. Может, супу согреть?..
– Нет!.. – Корчняк спиной уперся о деревянную балку на стене.
– Я подумал, вы голодны! – выпрямился Липа.
– Я люблю есть один!..
– Как хотите!.. Уф-ф!.. – вздыхая и сокрушенно качая головой, Липа побрел назад, в спальню. – Я думал, это *агенты* за вами! (На *агентах* голос его подсел). Вам не холодно? – обернулся от дверей. – Дать еще одеяло?..
– Нет, нет!.. Не надо ничего!..
Было 4 утра. По окну дождь сползал.
Деревня Вей-Заан, Голландия. Ноябрь 1976.

– Когда он уедет? – спросила жена, подвигаясь на постели.
– Скоро!..
– Когда именно?..
– Ну, мамочка!.. Уедет – когда бумаги придут!..
– Бума-аги!.. – проворчала. – В туалет, и то не выйти из-за него!..
– Я провожу тебя в туалет!..
– Не надо!.. – в негодовании она села на кровати (*ей 41. Беременна первым ребенком*). Потом осторожно спустила ноги на пол.

Как назло, еще шум донесся из кухни (хм, Виктор и вправду мог бы вести себя потише!).

Зайдя за пристенок, жена стала греметь там жестяным ведром. Точно на ведре вымещала гнев.

А потом тихо стало – на короткое мгновенье.

И – *жур-жур-жур*... – струйка об стенки ведра.

– Я уверен, правительство не откажет ему в бумагах! – Липа повернулся лицом к стене. – Он – великий шахматист!.. Честно!..
– Он паразит! – сказала она вернувшись из-за пристенка. – А не великий!..
– Он второй шахматист в мире! – настаивал Липа. – А то и первый, если бы Брежнев не помешал!..
– Он предатель своей семьи! – присев на край кровати, она подтянула ноги, затем с разделением улеглась на спину. – А не великий!..
– Ха, а знаешь, как протекала наша партия в турнире?! – сменил он тему. – Все время я был близок к ничьей! Жаль, в эндшпиле напутал!..
– Интересно, сколько денег они готовы за него заплатить?.. – перебила она.
– Кто?..
– *Агенты*!.. – брякнула в полный голос.
– Тс-с! – схватился за голову. – Тс-с-с-с!..
...

Стекло в окне дрожало от посыпистой снежной дроби.

– А ты бы мог как он?.. – с мрачностью и вместе печалью спросила она. – Скрыться в чужой стране! Бросить семью, детей!..

И усмехнулась с таким видом, точно не питала иллюзий.

– Вынужден тебя разочаровать!.. Я бы не смог!..

Помолчали. Каждый о своем.

Желтый рассветный жир в темноте всплывал.

И было слышно, как Корчняк возится на кухне.

– Ну тогда там письмо из кассы! – показала на комод. – По налогу и дебеторскому долгу!.. Раз ты верный такой!..
– Про дебеторский долг, – вспыхнул Липа, – я и без писем знаю!..
– Не сердись!..
– Тогда не подкалывай!..
– Я не подкалываю!..
– Ну да!..
– Ну ты ведь тоже шахматист, это всё *ваши* штучки!..
– А-а?.. Повтори!.. Какие еще *наши* штучки?..
– Не важно!.. Я о другом...
– Нет!.. Это что еще за... *наши штучки*?.. Объясни!..
– Хватит! – осадила его. – Я о другом!.. Санполиция в деревне!.. У Люка трихинеллу[1] подтвердили!..

[1] *Трихинелла – заболевание, род паразитических червей у млекопитающих, делающее их мясо непригодным в употребление.*

– Что?.. Что-о-о?!..
С ползавода он расстроился до слез.

– Всех мясо-сальных усыпят!.. Будет карантин!..
– Нет!.. Гады!.. Гады!.. Нет!..
– Ага!.. Крикни им в лицо!..
– Я крикну!.. Я заявлю, что я с Люком – всё! Третий месяц общим грузовиком не пользуюсь!..
– Поверили тебе!..
– Я в суд пойду!..
– Не надо в суд!.. Я другое предлагаю...
– Ну...
– В лесу кабаний кал!.. Совсем свежий!..
– Ну...
– Кто со своими пулями выходит на отстрел, не попадает под карантин!.. Так санполиция объявила!..
– Я выйду! – с деловитостью он вытер слезы. – Со своими пулями!..
– Когда?..
– Сегодня!.. Сейчас!..

Как раз в кухне холодильник стукнул – замочным железным запорцем.
– Ну как хомяк! – Липа сел на кровати. – Накушаться не может!..
Нашарил носки, обувь.

– Пусть он на отстрел с тобой идет!.. – надумала жена.
– Кто?..
– Ну этот... – кивнула в сторону кухни, – Брежнев!..
– Зачем?..
– Затем, что не ходи в лес один!..

Она права. Лес не хорош в ноябре: затрушенные канавы, иней на чернотропах. И темнеет рано.

Вышел в кухню.
В рассветной синеве Корчняк сидел под вешалкой на стуле.

– Виктор! – сказал Липа.
Корчняк отвел серый хлебный ломоть ото рта.

– Виктор! – оживился Липа. – Помните нашу партию на турнире?.. А что если б вместо *37.Rxe8* я сыграл *b4*?.. Добавило бы это шансы на ничью? Ведь темп все равно потерян! Но хотя бы я коня ввел в игру!.. В самом деле, Виктор, какова ваша оценка *37.b4*?
– Не знаю! – отозвался Корчняк. – А у вас тут горы есть? Вроде Уральских?..

– Горы вроде Уральских? – удивился Липа.
И осмотрелся по сторонам – как бы в поиске Уральских гор.

– Нет, у нас тут плоско всё!.. – сказал, оправдываясь. – И, кстати, мне в лес надо!.. Не хотите ли... э-э... за компанию?..
– Нет! – отказал Корчняк, таращась на свои пальцы в мясном жиру.

Но тогда дверь спальни скрипнула.
Жена в городском платье (у нее всего 2 таких) и в башмаках на босу ногу выступила оттуда.
И, как не у себя дома, пристыженно, бочком (срамное ведро прикрывая)... – на улицу.
Вид ее больно тронул Липу.

– Я не принимаю ваш отказ! – обратился он к Корчняку уже другим тоном. – Видите ли, я не только шахматист, я еще и фермер... по разведению свиней!.. И мне помощь нужна!..

После чего направился к черному выключателю с вылезающей из-под обоев плетнёй проводов.

Перевел хоботок из положения *выкл* в положение *вкл*.

Электрический свет медленно залил кухню.

Через всю кухню, быстрым шагом Липа на Корчняка пошел.

А подойдя – стянул брезентовую коротайку с одежного крюка.

– Одевайтесь!..

Корчняк повертел коротайку в руках.

– Покурите на дорожку! – тем же новым ясным голосом приказал ему Липа. – А вот в лесу я попрошу не курить совсем!..

Корчняк подкурил на веранде.

«Жена права! – думал Липа, поджидая его между цветочных гряд, возле вкопанного в землю бака для сточной воды. – Кормим-поим его десятый день!.. Пускай поработает!»

2.

В лесу.

Отвязали собак.

Тронулись.

Деревня вся спала, один канал шумел. В нём бучалая вода, подстёгнутая дождём, неслась под фонарями к почте.

– А что это вы... Урал вспомнили? – Липа попробовал наладить разговор. – Да, кстати! Я немного говорю по-русски! И готов *по-пра-кти-ко-ваться*!..

Последнее слово (улыбаясь от смущения) он и вправду выкатил по-русски.

Думал удивить, растрогать.

Хм... никакой реакции!

После крайних деревенских дворов принялась лесная колея.

Глубокий обрыв пал по левую руку.

Поджав для правильного дыхания губы и набрав носом воздух, Липа взял вкрутогор.

«Надо же, никакой реакции!.. – думал он. – А ведь если б не сентименты к России, фигушки привез бы его сюда! Фигушки прятал бы в своем доме!»

Далеко сзади ударило 5 на ратуше.

Деревня, оставляемая охотниками, уменьшалась на глазах, пока не стала игрушечной в сравнении с величественным лесным подъемом.

– Я происхожу из полска Ляды! – Липа снова заговорил. – Ляды это в полска Белорусии!.. Но в 39-м мы от Гитлера бежали в СССР!..

Тут он помолчал, собрался с духом и... опять на чистом русском:

– Отцу как мастеру по изготовлению печатей и штампов дали работу... в *Ленинграде*!..

Неужели и «*Ленинград*» – не зацепит?..

Не зацепило.

Хуже того. Корчняк, как ему показалось, посмотрел с укором.

«Чем он недоволен? – думал Липа. – Мне, что же, и рот нельзя раскрыть?.. А что же тогда мне можно?.. Только кормить-поить его?.. Только от *агентов* прятать?..»

Светало с усильем.

– Вам когда-нибудь приходилось охотиться?.. – расстроенно, через силу, спросил Липа.

– Нет! – отвечал Корчняк. – Вот если б я родился на Урале...

Шли по колее вдоль обрыва.

Сырой дёрн оползал на краях и, удерживаясь впровис, обнажал черные влеги между старой земной обшивкой и перекрученными лесными корнями, лезшими из нее.

– Дался Вам этот Урал! – заметил Липа.

Настроение его совсем упало. Хуже того. Из-за суровой мрачной рассветной краски, залившей все вокруг, из-за собственных ли огорчений и обид, поднявшихся в сердце до красной линии, но только съехал он в некую окончательную апатию, в безразличие ко всему на свете: санполиции, трихинелле, долгам в народную кассу, трудной беременности жены... Даже неутоленная шахматная страсть (увы, не оцененная миром...) – и та была изъята из усталого сердца.

И тогда... Корчняк заговорил.

– Дело в том, – объявил он по-русски, – что все мои проблемы – из-за Урала! Из-за того, что Карпов оттуда родом, и Урал *выдвинул* его! Тогда как меня *не выдвинули* ни Ленинград, где я родился, ни совхоз «Красный виноградарь», где мачеха моя родилась! И потому я в беде! Вот если б мачеха моя была с Урала!..

Внезапное и горькое многословие его поразило Липу.

Сердце не преминуло ответить сочувствием.

«Все правильно! – подумал. – До Урала и война не докатилась... Не говоря уж о ленинградской блокаде!..»

– Скажите, а в блокаду у вас, – спросил он застенчиво, – какие карточки были?.. У нас с сестрой только *И-ОЧ,* как у иждивенцев!.. Мы одни только и выжили с ней – из всей семьи!..

– А? – спросил Корчняк.

И посмотрел с упреком.

3.

Вошли в сосновый частобор.

Верхушки сосен были одинаково выгнуты на восток.

– Так вот! – другим, чужим голосом объявил тогда Липа. – Объясняю задачу. Мы идем стрелять кабанов. Которые заражают трихинеллой наших свиней! Вам стрелять не придётся, а только стоять на часах. Мне надо, чтоб другие фермеры видели вас и не вошли стрелять на мое поле. Когда вы слышите выстрелы, одиночный и два серийных, то знайте, что это я вас зову! И тогда спешите! Я буду возле убитого кабана, и я дам вам документ для офицера санполиции! Думаю, вы поняли, как это важно, чтоб кабан, убитый мной, был засчитан мне, а не другому фермеру! Поэтому будьте внимательны! Я рассчитываю на вас!..

Усильственная, мрачная ходьба его пресекала саму мысль о привале.

Яркий сосенник сменился тёмной трепутиной ельника.

И подъем в гору не заканчивался.

– Перекур! – закричал поотставший Корчняк.

– Язва проснулась!.. – объявил он подойдя.

– Ну вот, – в досаде Липа постучал палкой об землю, – теперь язва!..

Раздразнённые собаки носились по ельнику, изведывая крушьё, разгребая сумшень.

Корчняк стоял с задранным к небу лицом. У него кровь из носу шла.

– Нате! – Липа пошарил в карманах и протянул носовой платок. – Если не брезгуете!..

Корчняк побрезговал.

...Вдруг собаки замерли обе. Восторг прогулки сдуло с морд.
Как с ковшика плеснуло студёным, как перед снегами, ветром.
С ужасным рыком собаки полоснулись к изгороди.
– Кабаны! – крикнул Липа, пускаясь за ними тяжелым бегом. – Ждите у шалашей, одиночный и два серийных, запомнили?..
Снег посыпал вальмя.

Рассовывая варежки по карманам, Липа углублялся в густыню леса.
На взгорье сосны почернели. От холода в них апельсинового оранжа не стало.
В несколько минут лес побелел под снегом.

Липа высыпал патроны на ладонь и уже поставил на задержку затвора, когда сухонькая вонь достигла его ноздрей.
Это Корчняк в ста метрах курил.
Липа застонал от обиды.

Побежал на подсеку.
Корчняк шел навстречу, раздвигая еловые ветки с усилием.

– Вы курили?! – издалека Липа закричал. – Как вы могли?!..
Корчняк держался за правый бок. Таращился полуслепо.
– Вы мне зверя вспугнули! – Липа чуть не плакал от обиды. – Как вы могли!..
– Я упал! – Корчняк дышал с хрипом (для единственного вдоха он всю брюшнину подбирал). – Кажется, ребро сломано...
– Ах, сломано ребро!.. – воскликнул Липа. – Вам больно наконец?..
– Помогите! – потребовал Корчняк, держась за ствол дерева.

В ответ Липа выставил перед собой ладонь – как бы запрещая приближаться к себе.

– Так вот, мне тоже больно! – сказал он, отступив на шаг. – Потому что теперь я под карантин пойду – благодаря вашей сигарете! Это 3 месяца карантин без копейки дохода! А налог в местный совет вынь да положь! И проценты по дебеторскому долгу в народную кассу!..
– Можно домой? – перебил Корчняк.
– *Домой*?.. – поднял брови Липа. – К кому *домой*?..
Падающий снег затыкивал ямы и лазы.
Запорошенный ельник подсел по огрузку.
– Если домой *ко мне*, то, спасибо, нет!.. – объявил Липа. – Пожили – и хватит!..
И попятился в сторону.

– Не подходить! – заявил он, пятясь все быстрее от кое-как плетущегося за ним Корчняка.
Вдруг снег под Корчняком отворился.
Был человек – и нет.
– Помогите! – донеслось из-под снежной рыти.
По собственным следам Липа с осторожным скрипом вернулся.

– *Домой* он захотел! – посмеялся, глядя сверху.
Худое лицо его вдруг сделалось красиво.
– Я к своему дому знаете как шёл?! – спросил почти ласково. – Через раздел Польши!.. Через Вторую мировую!.. Через лагерь для перемещенных лиц!.. А не так, как вы – *чик и готово*!..
Глаза его блестели.
Он и вправду повеселел. Это потому, что никогда раньше не открывался ему такой вид. Советизация польских Ляд (1939)... ленинградская смертная блокада (1941–43)...

побег в американскую зону оккупации (1945)… палестинские мытарства (1947–50)… батрачество в темном северном краю (с 1954-го)… и, наконец, хотя и не сдобренная славой и прибытком, но исступленно-высокая шахматная страсть (тема для издевок со стороны родственников жены)… – во какой величественный вид.

– Знаете, кто мой дед был? – растёр он снегом пылавшее лицо. – Реб Тойбер из Ляды! И прадед реб Тойбер из Ляды! Слыхали про такую династию?.. А я, их внук, свиней развожу! Чтобы только иметь норку на земле!.. А не так, как вы – *чик и готово*!..

Птица забилась в дубовой трещи.

– Десять дней жрали-спали в моем доме!.. – повысил голос Липа. – И при этом ноль интереса – а кто же *я* такой!..

Снежный порошок посыпал с веток.

– Да хоть бы фигурки расставить предложили!.. Поанализировать вместе!.. Например, 37.b4 вместо 37.Rxe8!..

– Я не анализирую с шахматистами ниже определенного уровня! – скорбно отозвался Корчняк из ямы.

– Что-о? – ахнул Липа. – А ну-ка повторите!..

Густохлопое небо насело низко.

Припуганные собаки вынырнули рядом.

– Помогите! – потребовал Корчняк, карабкаясь из-под поваленных деревьев.

Падающие снежные хлопья запахивали его обратно в яму.

– Помо-о-очь?! – протянул Липа. – Ладно, помогу!..

…

– Помогу, если вспомните меня!.. – добавил. – Ленинград, 1943-й год, Дворец пионеров в Аничковом дворце… Вспомнили?..

…

– Нет! – признался Корчняк, подумав.

…

– Но почему? – поднял голос Липа. – Чего вам сто*ило*?..

…

Вместо ответа Корчняк лез наружу из ямы и срывался.

…

– Я в 43-м во Дворец пионеров пришел, как и вы! – сверху доносил ему Липа. – К Маку Владимиру Григорьевичу в кружок шахмат!.. И я-то помню вас!.. Так почему же вы не помните *меня*?.. Почему?.. Почему?..

Еще тишины нанесло.

– Сами, – всхлипнул Корчняк на дне ямы, – помните себя!..

Стало совсем бело, тихо.

– Э, нет!.. – отказал ему Липа. – Мне нужно, чтобы *ты* меня помнил!..

И замолчал.

Заслушался.

Таким прекрасным было новоголосие его – во всецелой тишине.

– Ладно, будь!.. – заключил. – А я домой пошел!..

– А я? – со дна снежной ямы закричал Корчняк.

– Головка от х…! – засмеялся Липа.

Снег заскрипел под увлеченными его шагами.

– Если вспомнишь меня по Дворцу пионеров, – обернулся через 20 шагов, – то телеграфируй, я вернусь!.. Или если анализировать вместе захочешь… 37.b4 вместо 37.Rxe8!.. Ха-ха!..

И стал удаляться с проворством.

4.
Год спустя.
Ciocco (Italy).
The quarter final of the World Chess Championship.
Четвертьфинальный матч на первенство мира.
Корчняк *(без гражданства) – Петросян (СССР) 6,5:5,5.*

Полтора года спустя.
Evian (France).
The semifinal of the World Chess Championship.
Полуфинальный матч на первенство мира.
Корчняк *(без гражданства) – Полугаевский (СССР) 8,5 : 4,5.*

5.
Шейнделе. Последнее свидание.
Войдя в палату, я не скоро поняла, где Иосиф – среди других больных.
В растерянности я переводила взгляд с одной кровати на другую.
Кажется, вот этот – со смешными дырочками в носу.
Но лицо его стало неузнаваемо: глаза – точно две пересохшие лужицы на дне канавы, щёки – обструганы как доски.

Сообщать или не сообщать ему о королевском трибунале?
26 Июня, 1940, Бухарест.

В палате все окна были отворены.
Пляшущие серёжки ольхи заваливались на пол с подоконника.
– Переведи меня домой! – попросил Иосиф. – Договорись тут!..
Я вышла в коридор – договариваться.
На веранде няньки поломыничали с тяжёлым швабренным стуком. Плямка ведра звягала.

Врач (*мне*): «Исключено!.. Вы его не довезёте!»

Вернулась в палату.
– Ну! – сказал Иосиф. – Зачем приехала?..
И потянулся со стоном вправо.
Я помогла ему перевернуться со спины.
– Не хочу видеть... – сказал он, – тебя!..
Маленькое тело его с такой мукой крючилось под простыней, будто в лесу снег сошел, и деревья стоят изуродованные после ледовой тяжести.

Принесли обед.
Я пыталась накормить его фасолевым жидким супом.
Не ест.
– Переведи меня! – вспомнил он. – Мне дома лучше будет!..
– Не будет лучше! – сказала я. – Там прокурор Попа... он преследует нас!..

Было тихо. Городская весна еще не заматерела.
– Как мне быть, – спросила я, – с этой мельницей в Ниспоренах?.. И как мне оправдаться на королевском трибунале?..
Но я говорила так тихо и нерешительно, что он не расслышал.
Ну и слава богу.

– Неудобно как-то... – пожаловался он.
– Что не удобно?.. Что именно ты чувствуешь?..
– Холодно, а не утеплиться!.. В боку зудит, и не унять зуд!.. Пот на лице, и не промокну́ть!.. Сиди!.. – остановил он меня (поднявшуюся к шкафу за вторым одеялом).
Я провела рукой по его лбу.
Он окаменел – от удовольствия.
Лоб его был совершенно сух.

– Что бы ты хотел поесть? – спросила я.
– Просто фасоли! – он заморгал с благодарностью.
– Просто фасоли?.. Сейчас найду!..
Я поднялась.

– Следи за детьми! – вдруг заявляет он.
– У нас только один ребенок!.. – я протерла его лоб салфеткой.
– Он не должен спать при лампе!.. – напомнил он. – Не приучай его!..
– Не буду приучать! – поклялась я. – А буду оставлять узенькую щёлку в дверях – чтобы он видел свет в гостиной!..
– Вот столько! – Иосиф показал, какой ширины щёлку в дверях я могу оставлять для Львенка. – С чесноком!..
– Что с чесноком?..
– Фасоли!..

Я вышла из палаты в коридор.
Вымыла руки в кладовом помещении.
От рук резко запахло стиральным мылом.
Спустилась с веранды по вымытым доскам.
Сложенный из булыжника больничный вал низко сидел в земле. Косые акации на уличном тротуаре – и те перерастали его.
Я вышла за ворота.
...
Что я скажу на королевском трибунале?!
Что будет с Львенком, если меня закуют в кандалы?!

На теплой и чисто выметенной улице мне попался капеллан «Последнего утешения» в офицерском синем пальто и монашеской черной шапочке. Он был молод, но очень толст. Мучительно дыша и обливаясь потом, он ковылял мне навстречу.
Я спросила, где можно купить тарелку фасоли с чесноком.
Он узнал меня и всплеснул руками.
– Экипаж, вокзал, Оргеев! – с проворством он ухватил меня за локоть и повел обратно в госпитальный двор. – И без промедления, прошу вас!.. Сегодня последние поезда!..

Оказывается, был Ультиматум.
От Иосифа Сталина.
Королю Karol Второму von Hohenzollern.
«Отдай мне Оргеев, иначе не поздоровится!»
Срок ультиматума истекает наутро.

Ура!!! Мы спасены!!!
26.6.1940. Бухарест.

Я вернулась в палату.
Иосиф спал с открытым ртом.
Щеки запали как тряпичные.
– Иосиф! – сказала я от дверей. – Мы спасены! Королевского трибунала не будет!..

Низенькое заокошье палаты было накрыто парчой ольхи.
Сопки туч, накопанные в небе, казались красивы до подлости.
Иосиф спал.

– Мы спасены! – повторила я, ликуя.

– И я обещаю тебе, что твой сын будет цел! – сказала я Иосифу на прощанье. – Обещаю, что он нас переживет!..
– Plăcut![1] – во сне пробормотал мой муж.

КНИГА ШЕСТАЯ

Часть I

1.

«...я обещаю тебе, что твой сын будет цел...»
Дежурный с трещалкой пробежал по коридору.
Все в классе навострили уши.
И – не даром!

«Первые парты на выход! – приказала Вера Михайловна (*рус. яз., лит-ра, история, география, а когда физрук уезжает в город, то еще и физ-ра*) и захлопнула журнал. – Вторые парты на выход!.. Третьи парты!..»
Весь класс двинул из-за столов. Детдомовские, поселковые.
Потянулись в низкую монастырскую дверь в стенном заломе.

В актовом зале все тянули шеи, смотрели, кто войдет.
Вошел Андрей Иванович, директор, а за ним трое моряков в такой форме, что Лёва охнул и толкнул Ногу́ в бок.
Нога́ (Славка Ногачевский) смотрел на них с открытым ртом, но спохватился и тоже двинул Лёву: «Кортики, зырь!»
И все кругом охали и толкали друг друга: «Кортики!... Кортики!.. Зырь!»
Военные моряки были как из кино. Как из кинокартины «Сенатор Джимми»: в черных с золотыми позументами кителях и – на сходе туловищей к бедрам – с маленькими (!!!), в фигурных ножнах, кор-ти-ка-ми.
Ноябрь, 1950, село Троицкое Чувашской АССР.

Андрей Иванович терялся в такой компании. Он был широк в плечах, грудь колесом, а возле моряков сдулся.
Он шагнул на скрипкий край сцены, повел в сторону рукой: «А сейчас...» – и поторопился передать слово.
И так жалко он смотрелся рядом с моряками, что Лёва понял: врёт!
Врёт как баба.
Не был он разведчиком на фронте, эта сука Андрей Иванович.
Не снимал немецких часовых!
Языков фашистских не брал!
Враньё все его истории.
Трусливый обозник в лучшем случае.

Но тогда выдвинулся старший из моряков.
– По поручению командования Военно-Морского Флота... – громко сказал он со сцены, – я обращаюсь к комсомольцам!.. Комсомольцы! В войну героически погибли сотни командиров и матросов. Отсюда острая нехватка в личном составе. Сегодня личный со-

[1] *«Хорошо!» – рум.*

став служит на кораблях по 10 лет, по 15 лет без замены! ВМФ нужны молодые силы!.. Комсомольцы, мы ждем вас на боевых кораблях!.. Родина нуждается в вас!..

– Записываемся в школу юнг в Либаве! – поддержал Андрей Иванович из своего угла. – Поднимаем руки, кто согласен!..

Пять человек подняли.

Лёва среди них.

В детдоме его дразнили «ташкентским партизаном», «жидом-окопником», поэтому он поднял руку не задумываясь.

И Нога́ поднял руку – когда увидел, что Лева поднял.

И всё. Только 6 человек подняли руки.

Остальные не торопятся. Это потому что в прошлом месяце в детдоме была проверяющая комиссия, и к ее приезду переложили печи и вставили вторые рамы в спальнях! А какой дурак из теплой спальни уйдет?..

Всех шестерых повели в ленинскую комнату.

Моряки сидели за столом.

Они молча рассматривали вошедших.

Когда Лева подошел со своим заявлением, Андрей Иванович качнул головой, отвернулся и сказал с улыбкой: «Ташкентский партизан!»

Лёва знал, что так будет. И подготовился.

– Мой дядя офицер 48-ого стрелкового корпуса Южного фронта! – сказал он, глядя в глаза главному моряку. – А после тяжелого ранения адъютант генерала армии Малиновского!..

– Ну ты! – прикрикнул Андрей Иванович. – Не мели тут языком!..

– Честное комсомольское! – от волнения и от какой-то решающей внутренней собранности Лева даже моргать перестал.

– А чего ж он тебя из детдома не заберет? – спросил один из не-главных моряков.

– Он на крайнем Севере служит! – отвечал Лева. – Там школы нет!..

Не поверили.

А он только и ждал этой минуты.

Рвах! – фотку из ботинка.

Это пан или пропал. За тайники в одежде Андрей Иванович на месте убивал.

Но в Лёвином тайнике не гвозди, не дрючки наточенные. А дядя Шура и Генерал Армии Родион Малиновский на фотке. В кителях, с наградами.

– А родители кто? – главный моряк уважительно рассмотрел фотку и передал дальше – не-главным морякам.

– Мать эвакуировалась, – рассказал Андрей Иванович, косясь на фотку, – в Узбекистан или куда там... Отец умер до войны!.. Ну ты даешь, Пешков! – тряхнул он головой. – А чего ж раньше про *такого дядю* скрывал?..

Раньше, когда Андрей Иванович находился вот так вот близко и сероглазое лицо его в складках брезгливости и угрозы пикировало на Левино лицо... – в таких случаях у Левы неизменно каменела грудь, дыхание останавливалось.

Но теперь... другие ветры дули.

Теперь он (этой суке) и отвечать не стал!

– А чего же мать, – спросил Лёву другой моряк, – в Ташкент с собой не повезла?..

– У ней другая семья! – поспешил объяснить Андрей Иванович. – И другие дети!..

– А он разрешение даст? – моряк показал на дядю Шуру на фотке. – В школу юнг?..

2.

В школу юнг!

Ехали с электричеством, с занавесками на окнах вагона.

Но моряков как подменили в дороге. Во-первых, они кортики поотстегивали-попрятали. Во-вторых, кителя поснимали. В одном нательном остались, с синими наколками на руках и плечах. На вопросы, где находится порт Либава, отвечали: «в высоких горах Кавказа, ха-ха!.. в Крыму на теплом море, ха-ха!.. в знойной пустыне Каракумы, ха-ха!..»

А перед сном, когда в вагоне погас свет и один синий ночник замерцал в отсеке, устроили военно-морскую игру «*кузнечик*»: подъем-отбой-подъем-отбой за 45 секунд.

Смотрели, кто не укладывается.

Детдомовские все укладывались.

А вот среди не-детдомовских были копуши.

Их отделили, чтобы проучить.

Все отдыхают под одеялами, а эти пидарасят полы швабрами – при синем свете ночника... Хорошо хоть ташкентских партизан среди них нет. А то бы подняли тему.

Утром.

Вокзал был крытый, гулкий.

«Выходить, строиться!» – погнали из вагона.

А тут и дядя Шура в офицерской шинели – нарисовался из толпы.

Совсем не похожий на себя на фотографии.

Ленинград. Вокзал. Январь 1950.

Он раскозырялся с моряками.

«Я беру этого бойца! – показал на Лёву. – Обязуюсь доставить к поезду ровно за час до отправления! Есть?..»

«Есть, товарищ майор! – с готовностью согласились моряки. – Отправление в крепость Либава в 21.00 по Москве!»

«Ага, в 21.00!»

И синеглазый, с пушистыми ресницами дядя-майор пошевелил губами, что-то подсчитав в уме.

И вот, пока красивые ресницы его переходили вброд большое синее море глаз, – Лёвина грудная клетка поднималась и опускалась вслед за ними.

«Ну всё! – бодро заключил дядя, явно удовлетворенный своими подсчетами. – Будем вовремя!».

И увёл Лёву.

3.

Дядя Шура. 1950 год.

Трамвайные окна были заварены льдом.

«Ну, львенок! – сказал дядя Шура в трамвае. – Ну и что ты наделал! Куда голову суешь?..»

– В Военно-Морской Флот СССР, – гордо отчеканил Лева, – голову сую!.. Чтоб эта сука Андрей Иванович...

– Назад в детдом! – перебил дядя Шура. – Сегодня же вечером!..

– Чего-о? – прищурился Лева.

– Того! – подтвердил дядя Шура. – Я в комендатуре все устрою!..

– В детдом – только с боевым оружием в руках! – Лева свёл кулаки. – Получу боевое оружие во флоте, приеду поквитаюсь! Убить не убъю, но напугаю эту суку...

– Цыц! – прикрикнул дядя Шура и притянул за воротник.

Проверить шею на чистоту.

– К мамочке себе дорогу закрываешь! – пробубнил в ухо (якобы чистоту Левиной шеи проверяя). – И не ори тут, понял?!..

Хм, верно.

Только сейчас подросток осознал, что про *эту суку Андрей Ивановича* и про *боевое оружие* он орал не слыша себя. Весь трамвай теперь на них смотрел (и то парочка: голубоглазый красавец-майор в шинели из улучшенного сукна – в компании с оборванцем!).

– А вот не надо к *мамочке*! – перешел тогда на шепот Лёва. – Пускай она себе... в Ташкенте!..

И подергался влево-вправо, стараясь высвободиться из дядиного зажима.

– Ни одной ногой, – дядя отпустил воротник, – не ходила Шейндел по Ташкенту!..

Был он далеко не великан, но ручища-тиски. И глаза палючие – как лёд, прижженный солнцем!

Вышли на остановке.

Темнело. Вьюжило.

В одну минуту мороз опутал ноги – от ступней до колена.

Побежали вдоль трамвайных рельс. Вдоль зданистых, выпукло-прекрасных, почти шевелящихся от прекрасной красоты домов в пенале проспекта.

«Про Шейндел... дай мне год на выясненья!.. – попросил дядя на бегу. – Главное дорогу себе не закрывать!.. Главное ошибок не наделать!..»

«Какую... дорогу?.. Куда... дорогу?..» – пробовал распросить Лева.

Но говорить не получалось: снег летел в лицо и растрёпывал слова.

«Потерпи, тут близко! – успокаивал дядя Шура. – Сейчас нам Хвола-страхопола чаю даст!.. И у меня паёк в планшете!..»

Через 20 минут.

Поднялись в парадное.

Обстучали обувь об пол.

Поднялись на 1-й этаж... 2-й этаж... 3 этаж...

Дядя Шура заколотил в какую-то дверь.

Открыли, впустили... Прошли тёмным коридором с банными шайками на стенах.

Невысокая, с усталым лицом женщина в дверях побледнела при виде военного.

«Хвол, ты чего! – сказал дядя Шура не по-русски. – Я ведь открытку посылал, не получала?!.. Нет, ну ты не волнуйся, Хвол?!..»

Он говорил это весело и с необидной подначкой, как человек, которому всегда все рады.

Но сегодня он переоценил себя: женщина не впускала их на порог.

Хуже того, она схватилась за сердце.

«Откуда ты?» – только и спросила.

Она была низкая, с широкими бёдрами.

Какой-то худой парень маячил за ней – как ребенок за мамкиной юбкой.

«Познакомься, это Шейндл сын!» – больно скрутив Лёвино плечо, дядя Шура стал наталкивать его на женщину.

Пришлось упереться, чтоб не налететь.

Но она не стала ... ну там... лизаться, обжиматься.

– Хорошо, что от меня требуется? – страдающим голосом спросила она.

– Чаю, Хвол! Горячего чаю требуется! – воскликнул дядя Шура. – Остальное у нас с собой!..

И оставил, наконец, Левино плечо.

Тогда их впустили в комнату.

Женщина взяла чайник с тумбы.

Вышла в коридор не оглядываясь.

– У них в семье все такие! – шепнул дядя Шура. – Кроме *Адассы*!.. Ну! И как звать? – вдруг он по-командирски повысил голос.

Это он к худому парню обращался.

– Виктор Корчняк!.. Студент ЛГУ имени Жданова и кандидат в мастера спорта!.. – отвечал парень.

Дядя Шура поднял брови. Задумался над услышанным.

4.

Студент ЛГУ имени Жданова и кандидат в мастера... 28 лет спустя.
Белград (Югославия).
Финальный матч Претендентов на первенство мира по шахматам.
Виктор Корчняк *(без гражданства) – Борис Спасский (СССР) 10,5 : 7,5.*

В. Корчняк (без гражданства) объявлен победителем турнира Претендентов с правом вызова на матч действующего чемпиона мира (А.Карпов, СССР).

5.

Хвола-страхопола. 1950.

Выставляя консервы на стол, дядя Шура с гордостью рассказал, что переведен по службе куда и метил: в ООС в Черновцах.

«А что такое ООС? – похвастал он. – Это много всего, но главное – жилфонд! Это когда полканы в папахах, а то и генералы в лампасах забегают дорожку мне, пехотному майору! Но главное – это сами Черновцы, Хвол!.. Это как в протоколах Ялты записано в 45-м году (*голос его съехал в шепот*) – о репатриации перемещенных лиц (*он поднял палец*)... через погранпункт Чер-но-ви-цы!..»

Хвола-Страхопола: «Я рада за тебя!»
Дядя Шура: «А потому (*здесь его голос снова в горку въехал*) рюмки можно?!»
И – allez-hop! – бутылку из портфеля на стол.

Как здо́рово! Как празднично стало!

Пусть Лева и не понял, что это за *ООС* и что это за *протоколы Ялты от 45-го года*, но в душе его праздник выхлопнул.

Вот есть же люди: палец выставят – и смешно!

Как раз дядя Шура из таких.

От одного его веселого вида и от того, как он розовое вино в рюмки наливал, у Левы душа расцвела.

И защемила в то же время.

Эх, попроситься б дяде Шуре в сыновья.

Во всем брать с него пример.

А если согласится слушать, то рассказать о себе!

О том, сколько *тёмных* в детдоме пережил.

И о том, какой Андрей Иваныч сука!..

И он зашевелил губами, пробуя сгрести слова для скорого – сегодняшним же вечером! – объяснения с дядей.

«Пейте тут – там не нальют!..» – веселился дядя, добавляя всем вина в рюмки.

И пофигу ему, что у этой Хволы-страхополы на лице написано, что не смешно ей. А напротив – тягостно и скорбно.

А вот студент и кандидат в мастера – этот как раз слушал дядю с интересом. Даже рот открыл, заслушавшись.

Но он сидел, как немного ё-тый: смешно обхватив голову руками и с лицом вытянутым, как полено...

Как назло, Хвола-страхопола перехватила Лёвин критический взгляд на студента.

От гнева она побагровела.

– Виктор двукратный чемпион страны! – с вызовом перебила она дядю Шуру.

Никто не понял.

– Среди юношей! – уточнил студент, быстро моргая.

– По домино? – спросил дядя Шура невинно.

– Нет, по шахматам! – отвечал студент с настоящим простодушием.

– И он не пьёт алкоголь! – добавила Хвола, отнимая у него рюмку с розовым вином.

Январь 1950, Ленинград.

– Это хорошо, что не пьёт! – сказал дядя Шура примирительно. – В домино это не приветствуется!..

А потом хлопнул себя ладонями по коленям.

– Ну что... спасибо этому дому!.. – сказал, поднимаясь.

И зевнул.

Глядя на него, Лева тоже со своего стула поднялся.

Но, хотя и с прощальными такими зевками-потягиваниями, дядя вдруг повернулся к страхополе:

– Можно тебя на 2 слова?.. Про *Адассу*!..

Видимо, она готова была к этому.

Потому что до сих пор была скована, как серый камень, как перекачанный футбольный мяч... а теперь точно тугую шнуровку на себе ослабила.

Точно воздух из кишки выпустила.

«Виктор! – сказала, оглянувшись. – Пойди покажи Лёве свои кубки в шкафу!..»

6.

Про Адассу. 1950.

Дядя Шура (*приглушенно*): «Она к тебе ехала! Она из Одессы запрос на тебя делала!..»

Хвола-страхопола: «Не получала я никакого запроса!..»

Дядя Шура: «Странно!.. У кого родственники на запрос ответили, тем эваколист давали! В какой-никакой продтабель вписывали!»

Хвола-страхопола: «Не было запроса!.. Не было запроса!..»

Дядя Шура: «Очень странно!.. И куда запрос делся?!»

Хвола (*оглянувшись в сторону шкафа*): «Виктор! Ты показываешь Леве свои кубки?»

Студент и кмс вздрогнул (*он и вправду подслушивал*).

Разговор возле шкафа.

Студент и кмс (*Лёве*): «Это мой самый первый кубок. Первенство города среди юношей! Я только на 2-ю категорию тогда играл! Но в партии с Захаровым (1-я категория!) в защите Нимцовича на 10...cd сыграл по-мастерски 11.ed, 12.K:d5 12...N: f3,14.gf fe 15.bc с шансами на инициативу!.. (*понизив голос*) А кто такая – Адасса?..»

Лёва Пешков (*одними губами*): «Невеста дяди Шурина!..»

Разговор за столом.

Дядя Шура (*не по-русски*): «Я в НКВД в Тюмени был, они говорят, подавайте на досрочное, туберкулез не шутка!.. Но в Молдавию ей нельзя, там по 2-му кругу поднимают! Поэтому как насчет Ленинграда?..»

Хвола-страхопола (*перейдя на тот же язык*): «В Ленинград ей тоже нельзя! В Ленинграде Кирова убили!»

Дядя Шура: «Ха-ха, его когда убили, Хвол?!.. Его убили 20 лет назад!..»

Хвола-страхопола: «Это неважно, когда его убили!»

Дядя Шура: «Хвол, ее вывезти оттуда надо! Пока туберкулез в первой стадии! И пока НКВД в Тюмени доброе!..»

Хвола-страхопола (*оглянувшись*): «Виктор (*по-русски*)!.. Виктор, ты показываешь Лёве свои кубки?..»

Разговор возле шкафа.

Виктор: «А вот еще кубок! Это первенство СССР среди юношей в Таллине! А вот моя первая мастерская норма, первенство города Ленинград среди взрослых!.. (*понизив голос*) На каком языке они говорят?»

Лёва Пешков: «На ташкентском!.. А ты что, бегун?»

Виктор: «Нет!.. Я шахматист!..»

Лёва Пешков: «А почему бегун на кубке?»

Виктор (*вертя кубок в руках*): «Хм-м-м, и в самом деле бегун!..»

Разговор за столом.

Хвола-Страхопола: «Ты за ней все детство бегал!.. Ты жениться на ней хотел!.. Вот и придумай что-нибудь!..»

Дядя Шура: «Вот и придумаю!.. Как твоего мужа звали?..»

Хвола-Страхопола: «Никак!.. Зачем тебе?!»

Дядя Шура: «Не мне! Для генпрокуратуры! У кого погибшие на фронте, того досрочные ходатайства берут! Нужно двое погибших на фронте!..»

Хвола-Страхопола (замотав головой): «Не трогай моего мужа!»

Дядя Шура: «А родители? Если в фашистском лагере погибли, то в генпрокуратуре двое за одного считают!»

Хвола-Страхопола (мотая головой): «Нет!.. Не трогай моих родителей!.. Нет!..»

Дядя Шура: «Да что с тобой?!»

Хвола-Страхопола: «Это Виктору навредит!..»

Дядя Шура: «Зато Адассе поможет!.. Значит, отец Москович Ревн-Леви, это я помню! А маму, маму как звали?»

Хвола (мотая головой): «Нет! Это Виктору навредит! Это Виктору навредит!..»

Дядя Шура (настойчиво): «Я спрашиваю, как звали вашу маму? Твою и Адассы!..»

Хвола (*раскачиваясь на стуле*): «Лучше бы я в блокаду умерла! Из-за него жива осталась! (*показывает на студента и кмс*) Без меня на 2-й день пропадёт!»

Дядя Шура (*оглянувшись куда она показывает*): «На второй день?! С такими-то кубками?..»

Хвола (закрыв лицо руками): «Виктор!.. Выстави этих людей из комнаты!»

Дядя Шура: «Оп-па!.. Не верю своим ушам!..»

Студент и кандидат в мастера (*подходя*): «Выйдите из комнаты!»

Дядя Шура (*игнорируя его*): «Хвол! Побойся бога! Мы ведь родные по крови!.. (*и обращает наконец внимание на студента и кмс*)... Оп-па! А ты драться умеешь, чемпион по домино?»

Студент и кандидат в мастера: «Я 3 месяца ходил на бокс!..»

Дядя Шура (*с напускным страхом*): «Ого!.. Целых 3 месяца?..»

Студент и кандидат в мастера: «Да! Я отработал несколько ударов! И пресс у меня накачан!»

...

«УО[1] ты! – только и ответил ему дядя Шура, идя к двери. – Пресс у него накачан!..

Даже сейчас, изгоняемый из комнаты, он выглядел как человек, вполне довольный собой.

И только когда из освещенного парадного на темную улицу вышли, он похмурел и замкнулся.

Мысли его теперь вертелись вокруг того, где *добыть 2* погибших на фронте или *4* погибших в фашистском лагере для освобождения Адассы (с туберкулезом в первой стадии).

И хотя весь этот долгий вечер Лёва подготавливал слова для «*попроситься к дяде в сыновья*», вдруг у него решимость пропала.

[1] *УО – умственно отсталый.*

Потому что не к месту.
Не ко времени.

Посреди сугробов дядя остановился и сказал:
«Ну и женюсь... если не добуду!»

Ему теперь не до Лёвы было.

7.
Студент и кандидат в мастера. 28 лет спустя

В советском понимании матч «Спасский – Корчняк» (Белград, 1977, финал Претендентов) был последним, 3-м поясом обороны на пути перебежчика к Вершине (после пройденных им ¼ финала и ½ финала).

Уступи он в финале Претендентов – и на советской части мира его имя выплеснули бы в безвестность, как со дна кружки остывший чай.

Сам побег его (вообще-то тянувший на статью «измена родине», расстрельную статью!), перестал бы быть горячей темой... тёплой темой... темой комнатной температуры... но остывал бы до полного забвения.

Тем временем, за невозможностью провести арест, депортацию в СССР и открытие уголовного следствия, решено было применить все меры для полного вывода Перебежчика из спортивного и публичного оборота, как-то:

1. Выработать и распространить среди шахматных столиц мира положение о бойкоте советскими мастерами и гроссмейстерами всех соревнований, личных и командных, с участием Перебежчика.

2. Сократить на 50% в 1-й год, на дополнит. 25% во 2-й год и, начиная с 3-го года, полностью прекратить финанс. поддержку FIDE (Международной Федерации Шахмат) – в случае неисключения Перебежчика из ее рядов.

3. ...
4. ...
5. ...
...
22. Выработать и довести до сведения семьи Перебежчика (мачехи, жены и сына, проживающих в г. Ленинграде) положение *о снятии* с них уголовной ответственности и *неприменении* к ним мер наказания в случае его проигрыша в Белграде (о чем доведено до сведения самого Перебежчика).

Итак, что выходило...

В попытках остановить беглого гроссмейстера если не тюрьмой, то забвением, советский атеистический мир вел себя в духе отъявленного идеализма. Это как если б в коробке от спичек обитал жук-носорог, но факт его существования не имел силы до тех пор, пока кто-то внешний не сдвинет крышку и не увидит, что внутри жук. А если не сдвинет и не увидит, то и жука нет!

Но это все – на случай поражения в Белграде.

А вот в случае победы...

В случае победы *жук*... не только не расстрелянный, но даже не упрятанный в коробок забвения, зато в целой галерее хороших костюмов и с белолыбым снегом в крепких скалах щёк (спасибо новому зубному мосту!) на Советского чемпиона мира выходил. С благословения фашистов-империалистов всех мастей, в атмосфере разнузданного антисоветского шабаша, в фокусе дешевой мировой шумихи, выползал из черного логова и устраивался за шахматной доской – лицом в лицо всего СССР.

Поэтому не случайны все те странности, имевшие место в Белграде, когда при подавляющем, просто-таки погромном превосходстве (+5 –0 =5) после 10 партий, *жук* пропустил четыре (4!) удара вряд. И если бы в борьбе! Так нет. 1-2-ходовые «кляксы» в крепких позициях.

Корчняк и сам не мог объяснить наплывов этой шахматной слепоты.

Пришлось исследовать ее под другим углом.

«Посмотрите, как ваш соперник играет! – обратил его внимание R. (секундант). – Он за доской не сидит!.. Вся партия – из бокса[1] за вашей спиной!.. Уж не колдун ли он?.. Я бы протест подал!»

Но Корчняк не стал подавать протест.

Вместо того он впервые задумался о своем противнике не с т.з. шахматных особенностей, а с т.з. «*кто выдвинул его*».

Думал, думал... и не придумал.

Потому что из одного города. Из одного шахматного кружка. И в 1953-м году, когда 22-летний мс Корчняк впервые отьезжал играть заграницу, то среди поручений от друзей было и поручение 16-летного кмс: мохровые носки. Красные. Или желтые. Или апельсиновые. Главное, чтоб поярче!

Нет, ну тут все ясно.

Поэтому Корчняк не стал подавать протест.

Но потребовал поменять местами боксы: чтоб неприятель (некогда мечтавший о мохровых носках), все время был перед глазами. А не за спиной.

Это и решило исход матча.

FIDE officially proclaimed IG Victor Korchniak the Winner of the 1976-1977 Candidates TOURNAMENT to challenge the World Title against the acting World Champion.

(«ФИДЕ официально провозгласило МГ Виктора Корчняка победителем турнира Претендентов 1976-1977 гг. с *правом вызова* действующего чемпиона»)

Одно плохо: умница R. уехал с матча. Советские припугнули его.

И вот тогда-то, на последних партиях в Белграде, появляется *человек*.

Подходит за ужином в гостинице: «Не узнаёшь?.. Не узнаёте?.. Пили у вас чай в 51-м! Вспомнили?.. Вспомнил?.. Там еще кубок с бегуном в шкафу, ха-ха!.. В шахматы я не силен, но если поддержка требуется в быту, то – ради бога! Мы ведь как бы родственники! Ха-ха!..»

И хотя Корчняк не узнал и не вспомнил, да и сам человек не понравился (глупые смешки, бегающий взгляд, странное тыканье-выканье...), – поддержка ему требовалась. Особенно в быту.

«Вы умеете пользоваться прачечными камерами? – спросил. – Ну этими, на первом этаже!»

(Потому что там self-service. Какие-то кнопки, жетоны. Конечно, можно разобраться, если очень захотеть. Но для этого всю голову надо будет освободить).

«Умею! – отвечал как бы родственник. – Простирнём что нужно!»

«А не боитесь, – спросил тогда Корчняк (уже приняв решение и потому не слушая ответ), – иметь дело со мной? Знаете, *что за игра* мне скоро предстоит?!..»

---

[1] *Бокс – индивидуальная комната отдыха шахматиста во время партии.*

8.

«Игра, которая скоро предстоит».

Был ли сам Корчняк напуган?

Если по-шахматному, то ничуть.

Будущего врага (все того же Толю) он не только не боялся, но и непритворно презирал: за размытость шахматного лица, за игровой оппортунизм. За то, что и сильные стороны свои: острую интуицию, безошибочный расчёт стволовых вариантов, стальные нервы за доской... – подчинил голому результату. Это когда в *Английском Начале,* или в *варианте Кереса*, или в любом *1.d4-Kf6* ты легко и непроникновенно усваиваешь усиление на *...дцатом ходу* (одно из многих десятков усилений, подготовленных твоей командой, твоими шахматными рабами), и сходу палишь его для быстрого 1:0. И ладно бы в открытом бою. Ан нет! Всегда умел выступить этаким *рабочим пареньком с Урала*, *своим* до мозга костей. За которым партия и комсомол, армия и КГБ, пресса и ТВ, колхозники и шахтеры, космонавты и киноартисты... а также все бывшие коллеги, все сколько-нибудь ценные шахматные кадры СССР с их теоретическим арсеналом...

И пускай никакого интереса – играть с этим плутом. Никакого роста на партиях с ним.

Но... *Урал* выдвинул его.

Весь Советский *Урал* (партия, комсомол,армия, КГБ, колхозники и шахтеры...) – против одного «как бы родственника».

Как бы родственник.

Неустроенный (в 2-х странах не прижился), но опрятный.

Молчун (а молчуны – бесстрашны).

Заботливый (кисель из ягод варит, полезно для зрения. Белую рыбу в духовке запекает – полезно для умств. деятельности).

И... чихает!

Смешно говорить, но Корчняку нравилось, как Лёва Пешков чихает.

Потому что он чихал как милый простой человек без двойного дна!

И еще Корчняку нравилось, как Пешков утреннюю газету смотрит. С какой милой серьезностью устраивается он в кресле для этого дела, как вся его фигура говорит: «А вот теперь я читаю газету!», и как высоко его брови взлетают (и остаются в таком положении во все время чтения).

И если кисель из ягод Корчняк мог бы и сам себе сварить (но ему полдня для этого собираться надо было, он всю голову должен был бы освободить ради киселя), то вот такого как бы родственника – своими силами – он бы не нашел.

«На Филиппины поедете со мной? – спросил его после недели знакомства. – На матч с Толей!..»

Еще Корчняка интересовало, есть ли у него семья.

Всё собирался спросить.

А потом перестало интересовать.

Ну есть семья, ну нет семьи... – что это меняет в плане подготовки к Толе?!

Часть II

1.

«Семья» как бы родственника. В те же дни.

В большом перерыве я заскочил в деканат, но Заслонихи не было, ушла на обед.

– Что ты хотел? – спросила Лидия Викторовна, секретарь.

Я отдал ей письмо («*По личным обстоятельствам... ля-ля... прошу отчислить меня из института кинематографии... ля-ля...*») и убежал.

Да, я принял решенье.

И оно бес-по-ворот-но!

Хватит!

Надоело слушать: «*молод... неопытен... жизни не знает!..*»

Вот и пойду узнавать жизнь. Есть у меня приятель из Сибири. Он работает в трамвайном парке по лимиту. Обещал и меня устроить.

Вот и пойду себе... в трамвайный парк.

В фойе на 1-м этаже.

– Вот и всё! – поведал я старенькой гардеробщице, принесшей мою куртку. – Не поминайте лихом!..

– Куда это ты? – спросила она с ленивым добродушием.

Май, 1979, Москва.

– В люди!.. – отвечал я бодро.

А потом надел куртку и – на выход со свежей беломориной во рту.

Пол-института толкалось на первом этаже: в буфет, из буфета, с улицы, на улицу...

Мысленно я попрощался со всеми.

Трамвайный парк находился на Эйзенштейна, между общагой и институтом.

Я всегда умедлял шаг возле его оградных пик. Мне нравилось, как он устроен: в загористых таёмах, в лесных траве и деревьях, в солнечных порывах за парадным забором. Даже позвень трамваев в усадебной его глуши была другая, нежели на улицах: не городская-транспортная, а как будто колодезное ведро наматывают на цепь.

Я вступил в проходную и попросил вызвать моего сибиряка.

Оказалось, не его смена.

Странно. Мы ведь договаривались.

А где тут у вас отдел кадров, спрашиваю.

Показали, где отдел кадров.

Прихожу, пишу анкету.

Отдаю.

Посылают в Бабушкинский военкомат: «Принесите открепление от армии!»

«От армии? – удивляюсь. – От какой армии?!.. У меня студенческая броня!.. На 5 лет!..»

«Студенческая броня – это для студентов! – отвечали мне. – А вы теперь не студент!»

И поднимают трубку – звонить в военкомат.

«Нет, нет! – спохватился я. – Я сам!»

И тянусь – анкету отнять.

«*Сам*?.. Что – *сам*?.. – не отдают анкету. – В военкомат – *сам*?.. Вот и идите в Бабушкинский военкомат! Разберитесь там! До завтра не разберетесь – мы разберёмся!»

И анкету мою – в сейф!

Во влип!!!..

Что делать?

Последнее, чего мне не хватало, – Бабушкинский военкомат.

Могут и прихватить на месте – на 2 года (слыхал я про такие истории).

На ватных ногах спустился я по лестнице.

Миновал проходную.

К дяде Шлёме?

А к кому?!

Баба Соня всегда говорит: «Влипнешь в неприятности в Москве – сразу ставь в известность Шлёму!»

2.
Ставить в известность Шлему.
С противнейшим чувством выходил я из метро.
Эх, и надо было так влипнуть!
Площадь Ногина – угол Богдана Хмельницкого (через 35 минут).

Но я вышел из метро... и глазам не верю.
Весна выхлопнула, пока я под землей ехал!
Весна во всю сирень!

Честно, это была удивительная перемена!
День так вырос, что людей на улицах не стало!
Иду себе и переглядываюсь с Москвой. С ее (расширенными из-за весны) зрачками дневного света.

Иду вдоль Политехнического.
Иду и слышу, как преет в душе какое-то жалобное беспокойство: мол, весна, лучшее время года, а я до сих пор не счастлив, хотя всё обязывает к этому.

Возле афиш Политехнического стояла парочка: длиноволосый олух в матросской шинели и дамочка-подросток в сиреневом платье с бусами.
Они попросили покурить, я натряс им дукатовской «Явы» из пачки.
В благодарость они вручили мне пригласительный билет на вечер молодых поэтов. На сегодня. В 20.00.
«Приходите! – стала зазывать дамочка-подросток. – Придёте?»
Я не знал, приду или нет.
Все теперь от Бабушкинского военкомата зависит.

И я двинул себе дальше, к пл. Дзержинского. Чтобы оттуда на Кирова, в мастерскую дяди Шлёмы.

Дядя Шлёма сидел в наглазной лупе над верстачком.
Он слышал, что с улицы вошли, но не поднял головы.
Он энергично, с продуманной подвижной силой ковырял тонкими щипцами в разрезанной грудке часов, в их пульсирующих плёночках. Лысая голова его была добродушной дельфиньей формы.
Наконец он посмотрел, кто тут, и сказал спокойно: *Софийка*!
Всегда он встречал меня этим странным словом.

...Я дал ему локоть для опоры, и мы тронулись домой.
По пути говорили о футболе (не *ставить же его в известность* вот так вот... сходу!)
Дядя был на протезах, отчего походка его была надависта, бочковата. Он немного вис на мне, но терпимо. Да и идти близко: с Кирова в Большой Комсомольский, а из Большого Комсомольского в Малый через гаражи.

Через полчаса.
Сели ужинать перед телевизором.
Хидиятуллин упустил Газзаева, и тогда дядя Шлёма пригнулся к экрану и завопил: *«Держи его, проклятый татарин!.. Держи усатого таракана!»*
М-да, он вел себя так, точно игра происходит не в Лужниках на 100-тысячном стадионе, а здесь, в 7-метровой проходной комнатке, где мы ужинаем.

Баба Дуня отдыхала в своей спаленке за занавеской. Но, когда Шлема стал вопить, она одернула его сердитым басом и, медленно сойдя с высокой кровати, пошаркала окна

закрывать. Приговаривая при этом свое обыкновенное *«...вот умру и куда денешься?!.. И кто тебя возьмет, такого дурака?!»*

В ответ дядя Шлема откинулся в кресле и засмеялся в голос.

Он смеялся с такой полноротой звучностью, будто орехи колют. И точно он давно придумал – куда ему деваться после ее смерти.

А потом налил нам еще по рюмке.

В перерыве были новости.

Я сидел как на иголках – решая, когда же, наконец, *поставить его в известность*.

Но дядя слушал новости с таким рассеянным достоинством, точно и теледикторы сидят не где-то там в Останкинской телебашне, а прямо здесь, в проходной комнатке в Малом Комсомольском, и обращаются к нам одним.

Но ему быстро надоело, он велел мне: *«Заткни им харю!»*

И забыл о них.

Я поднялся из кресла и пошел *затыкать харю* телевизору.

А потом сбежал в туалет-ванную. Полюбоваться Брижит Бардо в деревянной рамке на стене (в рейтузах и свитерке. С локонами до попы). И еще какой-то актрисой (имени не знаю). И... набраться духу – рассказать про военкомат.

Я любил дядю Шлему и бабу Дуню, хотя всё время забывал, кем они нам приходятся. И кто они друг другу.

Мама объясняла, но я забыл.

Да и какая разница. Главное, что мне и сытно и весело у них.

Потому что Шлема эксперт по США. Его хлебом не корми, дай только рассказать про ихние холодильники и стиральные машины, автобан 66 и спортивные форды-мустанги с крышей из парусины, про киноактера Чарлза Бронсона и жареных цыплят из *Кентукки*. Хотя ни в какой Америке он сроду не бывал! Куда ему – на таких протезах?!

Собравшись с духом, я вышел из туалета-ванной.

И... я *поставил дядю Шлёму в известность*!

3.

Лучше бы я не делал этого.

Особенно Евдокия Петровна разволновалась.

– А мама знает?.. А Софийка знает... – про то, что ты *институт* бросил?! – пристала она.

– Что еще за Софийка? – не понял я.

– Бабушка твоя! – расхохотался Шлема.

Но я видел, что ему тоже не по себе.

Вот, даже про футбол не вспоминает.

Там, в тихих внутренностях телевизора, уже десять минут как второй тайм потрескивал в проводах и лампах, а мы всё сидели перед выключенным экраном.

Май, 1980, Москва.

– Я пошутил! – сказал я, видя такое дело. – Я не ухожу из института!..

– Нет, ты не пошутил! – настаивала Евдокия Петровна. – Звони Софийке! – велела она Шлёме.

Надо же, как прицепилась!

– Он пошутил, мум! – пришел на выручку Шлёма.

Было видно, что он сам в это верит.

В 1 минуту лицо его стало безмятежно.

Он точно взял и вытащил такое вот новое спокойное лицо из запасов головы.
Мы вернулись к ужину.
С набитым ртом он потряс указательным пальцем в сторону телевизора. Мол, *включи ему харю*!
Я встал из кресла и включил.
Футбол вернулся.
Но вечер был испорчен, и я ушел.

Ушел. И настроения не стало.
И весна уж не бросалась в глаза.
Не сглупил ли я на самом деле – бросая ВГИК?
Полстраны мечтает о поступлении во ВГИКе, а я – наоборот – катапультируюсь! По собственной воле!

И еще я в дяде Шлеме разочаровался.
«*Он пошутил, мум*!»
Знает ведь, что – не пошутил.
А просто покой свой оберегает.
И еще загадка – почему «Софийке звони!». Почему – бабушке? Ведь в семье у нас мама командир.

Я уже спускался в тоннель Площади Ногина, когда вспомнил о вечере молодых поэтов.

Вечер поэзии был в разгаре.
Я спускался с верхотуры в зал, когда объявили имя, и со скамеечки на сцене встал тот самый длинноволосый олух в шинели, которого я сигаретами угостил.
Ну, теперь не в шинели, конечно, а в свитерке и тряпочных джинсах.

В зале было довольно публики, но сидели кустами, вразброс.
Я тоже присел отдельно, с краю, чтоб свалить, когда прискучит.

И вот, выходит мой знакомый к микрофону и, наведя свои поскребывающе-острые, щуркие глазки на верхотуру зала, заводит стихи.

Ну. Что сказать.
На стихи я реагирую, как тарантул на открытый участок кожи.
Как сова на мышь.
Так вот, я заявляю, что стихи его были недорогие.
Рифмы «*Планета – Ракета*», в таком духе (Костя Тронин бы смеялся!).

Но зал проснулся на его стихах.
В Президиуме тоже повернули головы (Ваншенкин, Винокуров...).
Видимо, это были с секретом стихи, они пыльцу выделяли.
А может, все дело в произношении. Во вкрадчивой мягкости, с которой он проговаривал слова.
Да, он подкартавливал чуть-чуть. Совсем не сильно, в пол-*эр*. Из-за этого сами буквы его стихов излучали звук переливающийся, неверный. Они выходили с замиранием – как звезда.

Поэтому мне понравилось.
И не только мне.
Был успех. Целый прибой аплодисментов.
«Серге-е-ей Гуде-е-енко! – повторил ведущий. – Поздравляем, Сережа!»

Через час.

...Возле гардероба я увидел его.

Уже все двери на улицу были отпахнуты и народ расходился. А он всё торчал у колонны. Давал разглядеть себя.

Дамочка-подросток в сиреневом платье так и липла к нему, но он не сосредоточен был для неё.

А то!

Все, кто там был, останавливали на нем взгляд. Кивали на него друг другу.

Он же в ответ смотрел так, точно знает им цену, но при этом снисходителен, даже дружелюбен.

Он бы вовсе казался душа-человек, если б не впалые щеки.

И если б не узкие губы – к ним впридачу.

Я подошел и сказал: «Поздравляю! Мне понравилось!.. Знаешь, пока другие читали, одна серая будничность замуровывала сцену. А вот ты взломал её своими стихами!»

«Да, неплохо я их! – сказал он благодарно. – Видел, как Винокуров на меня пялился?..»

– Видел! – подтвердил я.

– Сергей Гуденко! – протянул он руку.

Я помнил эффект этого имени, объявленного в зал, а теперь оно было выставлено для меня одного.

Мы пожали руки.

У него была беглая лодочка-ладонь.

Но мне почудилось, что она *запомнила* мою, сняла с неё слепок.

В самом деле Гуденко полностью переключился на меня.

И даже перестал шнырять глазами по сторонам. Хотя довольно еще публики сновало в гардероб и из гардероба.

«Поехали ко мне! – позвал я. – В общагу ВГИКа!»

Не хотелось расставаться.

Выходим на улицу.

Та, в сиреневом платье, за нами. Как хвостик.

Двинулись к *Площади Ногина*, но Гуденко велел ей ехать домой к сыну. Оказывается, у них ребенок.

Она отстала. Перешла на другую платформу, не оглядываясь.

Но я по спине видел: покорность с самолюбием борются в ней до слёз.

ВДНХ. Через полчаса.

Выходим из метро.

Гуденко разговорчив, как ветерок.

Заглянули в Гастроном на пр. Мира.

Выбрали «Гымзу» в оплётке.

Выложили по рублю в кассу.

И по тому, как Гуденко искал в себе рубль, я понял, что он не скуп, но беден.

Его обращение, скажем, с темнотой и светом, с К. Ваншенкиным и Евг. Винокуровым было как у равного с равными, даже немного свысока, а вот рубль угнетал его.

Но он прочитал мои мысли и сказал, что работает секретарем нарсуда Бауманского района и какие-то деньги у него водятся.

Я не знал, что такое «секретарь нарсуда», и спросил, как попасть на такую работу. И способствует ли она *изучению жизни*.

На это он скривился: мол, работа дрянь. Бумаги да конторская пыль.
А что до *изучения жизни*, то он изучает ее посредством... женщин.
Красивых и разных.
Вот так он и сказал.

4.

Распили бутылку «Гымзы» в моей комнате.
Уже после первых глотков я дрогнул. Точно бы оконная рама перекосилась во мне, и об нее деревья стихов зацарапались.
Не то чтобы опъянел, но нестерпимо в стихи бросило.
Как будто пелена с глаз упала!

Ведь и стихи – *жизнь*.
Так надо ли *её* специально изучать?!
Уходить в какие-то трамвайные парки. И загреметь в армию напоследок?!

И тогда Гуденко говорит: «Почитай-ка своё!»
Май 1980, Москва, общежитие ВГИКа.
Без возражений я встал у батареи центрального отопления.
А когда я читаю вслух, то мои брови сходятся к переносице. И на футболке воздуха нарождается трафарет, напоминающий моё лицо. И кто мне друг – у того на лице тоже выпечатывается мой трафарет.

И вот, стал я читать.
А Гуденко– слушать.

Я не знаю, какой я поэт. Великие русские поэты не родятся в Бессарабии. В лучшем случае – их ссылают туда на время. Как А.С. Пушкина или Костю Тронина. А я там родился, увы. Но что я хочу сказать. Я хочу сказать, что я есть! Хоть разливай меня по бутылкам «Гымзы». И порукой тому – лицо Сергея Гуденко с отпечатавшимся на нем трафаретом моих стихов.

Да-да! Видели бы вы!
Если до сих пор он держался так, точно весь мир обступил его толпою и спрашивает: *а можно мне?.. а мне?.. а мне?..* и он легко всем разрешает, но спрашивать все-таки нужно, то сейчас он сидел неспрошенный. И слушал.
Не передать: *как* он слушал!
Сквозь цветной дым собственных стихов я ясно видел: он пожирает их целиком, глотает как огонь, как шпагу.

Конечно, я и раньше не прозябал. Охотно читал стихи всякому встречному. Но... акустики не было. Стихи ли читал, спорил ли о футболе, спрашивал ли в трамвае «Вы на следующей выходите?..» – нигде мой голос не откладывал икринок.
А сейчас отложил – в стихах.
В их крахмале и сахаре.
В том же наборе букв это стали другие стихи.
Буквальные, как надувшийся картофель в верхах земли.

И хотя они и раньше умели гренчать как тяжелая связка ключей, больших и мелких... но раньше, до сегодняшнего дня, они не умели дать потомство.
А сейчас – дали!!!
Факт, что нарцисс Гуденко отказался от себя, чтоб состоять из одних только скважин для моих претыкающихся ключей...
Спасибо, Гуденко!

Теперь я и Костю Тронина могу удалить.

Из памяти, из жизни.
Вместе с его «Дискоболом».

Но поздно вечером, когда мы с Серегой улеглись валетом на моем диване, в дверь постучали резко и определенно.
Недовольный Петриченко в одних трусах потапкал открывать.

За дверьми стоял... дядя Шлёма!
На протезах.

5.
– Выйди! – сказал он.
И, раскачиваясь на скрипучих протезах, отступил в коридор.

В коридоре.
– Вот!.. только ради Софийки! – объявил. – Сам Нагибин к твоему декану ездил!..
И отдает мне... мое... («Прошу отчислить меня из института...»)
– Порви при мне! – добавил он, видя мою нерешительность. – И вот это!.. – протягивает какую-то коробку. – Тоже забирай!..

– Что это? – отшатнулся я.
Только старых ботинок мне не хватало.
– Софийке... бабушке отдашь! – отвечал он сквозь зубы. – Но только скажи ей... что – *всё*!.. Терпение мое лопнуло!..
И – под ребра мне этой коробкой.
Впервые я видел его таким.
Осунувшимся от строгости.
Выпавшим, как скелет из шкафа, – из своего всегдашнего добродушия.

– И ты тоже не сердись! – продолжал он. – Но больше не приходи, ладно?!..
– Куда, – не поверил я, – «не приходи»?..
– К нам в Малый Комсомольский!..

И, понимая, что убил наповал:
– Ты – мне – никто!.. Вы все – мне – никто!.. Пора мне и вправду подумать о себе – *после Евдокии Петровны*!..

И поковылял к лифту.

Со странной этой коробкой вернулся я в комнату.

15.2.1970. Кишинев. Отдел Культуры ЦК КПМ. Протокол обсуждения рукописи нового романа тов.Шора (Ильина) П.Ф... – первое, что мы увидели, подняв с нее крышку. – *«До сегодняшнего дня тов. Шор (Ильин) в своем творчестве опирался на прогрессивный метод социалистич. реализма. Тем огорчительней грубые идейно-художественные просчеты, допущенные т. Шором (Ильиным) в его последнем романе».*

– Ладно, потом! – прикрыл я коробку.
Не хватало только Серегу – в Ботаническое озеро окунать.

Через сутки.
Пошел провожать его до метро.
Была ночь, воздух в тёплых складках.
Встали покурить у ВДНХ. Возле парапета.
«Через каких-нибудь 10 лет мы тут с тобой так не постоим!.. – вдруг заявляет Серега. – Проходу не дадут!..».

Если честно, то и я думал о том же.
Но не решался произнести вслух. Поверить до конца – не решался.
И вот поверил – раз Серега обещал!
А надо было видеть, как он курит!
Как опирается на парапет!
Как моргает!
Иные локтем так не двинут, как он ресницами поводил...

И уж если такой человек обещал нам славу, то шансы есть.

– Ну что, поехали ко мне, молодой талантливый поэт? – вдруг позвал он.
– А ребенка не разбудим? – заосторожничал я (хотя... только и ждал приглашения).
– По ночам у меня нет ребёнка! – сказал он. – А я ночной человек!..

6.
Через полчаса. У Сереги.
Безмолвный пёс полоснулся в темноте прихожей.
С курчавой шерстью. Влажным носом.
Прошли в кухню, выпили чаю из пивных кружек. Литр чая, не меньше.

С пуделем во двор.
4 утра.
Дождь без ударенья.
9-этажки, спящие стоя.
Асфальт под фонарями – как блестящий глаз из-под челки.
Свиблово, Берингов проезд.
А потом соловьи забили из толстых ив – ухарским крупным звуком. И на прудах за железной дорогой – горловой шум крякв!

5 утра.
В первую электричку (с пуделем).
Ст. Лосиноостровская –> Три Вокзала –> Лермонтовская –> по кольцу до Арбата. Читать стихи и говорить о поэзии.

Спроси – для чего в ночное Свиблово ездили, если только чаю выпить?
Не знаю. Не могу объяснить.
Сами перемещения Гуденко захватывали меня: безустальные, полные воли и содержания, хотя и без видимой цели.
Это было как из состояния вечности, допустим, приземлиться на малую кочку времени и, оттолкнувшись энергичной пяткой, – в новый эфир.
Свиблово... общага на Галушкина... Свиблово... общага на Галушкина... По кружке чаю, и дальше! По вращающемуся барабану Москвы.

И, клянусь, не мы осматривали Москву, а она провожала нас взглядом. Архитектура, попробища старинных улиц, светофорные углы в желтом зеванье... все тянуло к нам шеи. Летний дождь – и тот был персональный, с кисточкой-мазком. А мы только шли себе 20-летним сильным шагом: Сергей Гуденко в морской шинели без пуговиц и я.

Но самое главное – что я от Сереги воспринял...
Он никому себя не обещал.
Даже родителям.
Когда ни приедем – спят.

Они спали в большой комнате без дверей.
Их нетребовательное дыханье шло как швейная строчка по рубахе ночного воздуха.

Они спали так, будто всё главное в их жизни давно исполнено, а других заявок с их стороны нет.

В том числе – заявок на сына.

Пускай будет подвижен для славы.

Да не захомутает его родовое сознание.

Да он бы и не дался.

Едкий дымок «Примы» сплетался в корневую рифму с чайным горьким дымком на продавленной тахте в Серегиной комнате. Серёга дышал недовольно и пристально. Сию минуту ему не терпелось оставить эту комнату, эти 9-этажку, это ночной Берингов для нового броска. Туда, где Москва в яйце ночного космоса.

Даже сковородка с холодными котлетами на кухне – и та не улавливала его.

Аминь!

Он прав!

Да не уловит меня обувная коробка со старыми справками, к-ю дядя Шлема мне всучил.

Малопонятные люди моей семьи – не уловят!..

Часть III

1.

Малопонятные люди моей семьи.

Лев Пешков. Давно.

До полного совершеннолетия – юнга СЭСН (Северная эскадрилья стратегического назначения). Форма, табельное оружие как у штатных моряков, только на бескозырке бантик вместо ленточки.

В 18 – присяга и на 5 дополнительных в счет срочной.

Минер-торпедист на тральщиках.

1950–1957, Балтика.

Как оно было, дядя?

По всякому.

Однажды, например, командование решило: перетрясти ВМФ! Это потому, что там такие зубры водятся на боевых кораблях! Чуть не с 19-го века! Поди найди управу на эту матросню.

Выход?

Перетрясти, как перья в подушке!

Балтийские – на Тихий. Черноморцы – на Балтику...

Но Лёву Пешкова не «перетряхивали». Он уравновешенный. Не зарывается с командирами.

Но ему пришлось овладевать всеми военспециальностями на корабле: управление, компушки, двигатель, вообще всё машинное отделение. Это делается для быстрой взаимозаменяемости. Да что хотите, дядь Шур: матрос-химик, наводчик артприцела, такелажник... это все я. Плетение матов, и то освоил. Но основное занятие: тралы и минирование, конечно.

И так до демобилизации.

– А что за «плетение матов»? – поинтересовался дядя Шура (после *дмб* племянник жил у него. Сидели, думали, как устраиваться по гражданке).

Июнь 1957, Черновцы.

– Ну маты, ковры! – Пешков удивился вопросу. – Ну, чтоб в кубрике на пол постелить!.. А чего это вас маты интересуют?..

– Да так, просто!..

– И на подводке я был, и на крейсере «Киров», – возобновил Лёва свой рассказ, – но недолго! Только в артстрельбе поупражняться! И потом на донные тральщики снова! Потому что на трале я всё умею, без хвастовства говорю! Вдобавок и лёгкий водолаз, и подрывник, могу в любое море подплыть и мину прицепить! Даже подводной сваркой занимался!.. Ну нет, я службой вполне доволен, дядь Шур! Всё-таки боцман стал! И.о., правда! А что такое боцман?! Это полный хозяин корабля! Любого офицера н... посылает! Боцман кацман, ха!..

– А каким там инструментом пользовались? – перебил дядя Шура. – В плетении матов?..

– Руками! – пожал плечами Пешков. – Какой еще инструмент! Руками и плели!.. Хмм, не понял, чего вас эти маты волнуют?..

– Руками без спиц? – не унимался дядя Шура.

– Без спиц, конечно! Целые тросы руками! Манильский трос, трос пеньковый! А чё – художественная оплётка! Диаметр 5 сантиметров!

– Ну хорошо, а из какого материала?..

– Что – «из какого материала?»..

– Ну, маты?..

– Маты?.. из швартовых тросов!.. из порванных тросов!.. Короче, давайте колитесь, дядя Шура! Зачем вам маты?!..

– Знаешь, как я мыкался после дмб! – покололся тогда дядя Шура. – Вот и думаю, какая гражданская специальность тебе подойдёт!..

– Мыкались?.. Вы?.. – не поверил Лёва. – А *ООС* разве накрылась?..

– *ООС*?..

– Ну это, – напомнил Пешков, – жилищный фонд... генералы в лампасах дорогу забегают!..

Дядя откинулся на спинку стула.

Теперь его черед был удивляться – крепкой пешковской памяти.

И удивление это было смешано с чем-то еще.

Не слишком ясным.

И, кажется, не слишком радостным.

– Ушли меня из *ООС*!.. – сложив пальцы в шелобан, он изобразил отстрел куда-то в сторону. – За то что Адассу переправил... *туда*!.. И не только Адассу!..

– А-а-а, по протоколу Ялты... – обрадовался Лёва, – о перемещенных лицах!..

Дядя Шура покосился поверх очков.

Покатал спичку в губах (он недавно курить бросал).

– Ну, так какую бы тебе гражданскую спецуху освоить?.. – сказал наконец. – Если ты маты шил, то не послать ли тебя к Тростянецкому в Оргеев? Это мой товарищ по сержантским курсам! Тростянецкий Ишай! Герой Союза, между прочим!..

– Ради бога! – пожал плечами Лева. – Ну и как там Адасса? – сменил тему. – Не жалеете, а?.. ну, что не поженились?..

Дядя посмотрел округлившимися глазами.

С каким-то веселым недоверием.

Точно не поверил услышанному.

– Значит, к Ишаю! – заключил мягко. – Он там крепко стоит, а?! Я так думаю, что крепко, раз бессарабец – и Герой Союза!.. Бессарабцам, ты учти, боевое оружие – и то не доверяли в войну!..

– Во как? – удивился Пешков.

– *А не жалеете?* – передразнил вдруг дядя, – *чаво не поженились*?..
Можно было подумать, что кривляется.
Если б не лицо, сдувшееся, как водяная бомба.
Как пробитая картонка молока.

Пошарив ладонью по клеенке стола, схватил первое, что попалось, – подстаканник «Сочи». Без стакана.
Поглядел по сторонам – куда запустить:
– пенал с посудой.
– низенький холодильник «Саратов», плетеная хлебница сверху.
– газовая плита в две комфорки.
– труба от примуса.
– окно в надувшейся занавеске.
– побледневший племянник Арье-Лейб. Дурачок, б-дь.
– радиоточка на подоконнике.

– Дур-рак! – опустил подстаканник.
Не стал швырять.

– Кто? – спросил Пешков хрипло. – Дурак?..

– Я, во-первых, поженился! – прохрипел дядя Шура. – А во-вторых, там Изабелла Броди такая... по туберкулезной справке ее освободилась, понял?!.. Давай, в-общем, дуй в Оргеев, попробуй там!..
– Не подую! – красный как рак Лева стал выбираться из-за стола. Из зазора между проваленно-мягкой тахтой и столом.
Точно красная смола в лице у него выступила – от обиды.

– Подуешь! – сказал дядя, успокаиваясь. – Комбинат это и швейные машины тебе, и ткацкие станки, и вино, и мясо! Голодать не будешь!..
– Не подую! – из коридорчика повторил Пешков, сдергивая пальто с крючка (модное такое пальто с прямыми плечами... дядя подарил).
– Я прошу! – голос дяди осел. – Поезжай, устройся!.. А потом и я к тебе... квартиру поменяю!..

Через неделю.
В Кишинев прибыли ночью. На 3-й путь.
Прожекто́ра.
Воздух с подвкусом мазута.

Неумытый, невыспавшийся, с перевязанным деревянным чемоданом, Пешков выпрыгнул из вагона, ступил с узкой платформы на рельсы – в сторону главного зданья.
«Стоять!.. – кто-то закрючил за локоть. – Жить надоело?»
Это был сосед по плацкарте.
И сейчас же – с гудком и вибрацией – тёмнющий локомотив проплыл перед носом.
Незаклонная стена вагонов.
На расстояньи полусогнутой руки.
Пешков отпрянул. С колотящимся сердцем.
А сосед по плацкарте, веселый толстый мужик, стоял и таращился на Пешкова без слов.

Состав проехал.
Глазам снова открылся симметричный раскрой вокзала в брошках прожекторов.
Все побежали с чемоданами через рельсы-платформу-рельсы-платформу.
Пешков побежал со всеми.
И обвал грядущего накрыл его... .

2.

В тот же день прибывает к Ишаю Тростянецкому в Оргеев.

Тростянецкий: «Ну шо, матрос!.. Химическую атаку на флоте отрабатывал?..»

Пешков: «Так точно! Отрабатывал!..»

Тростянецкий: «Вот и у меня будешь отрабатывать! Тельняха есть? А бескозырка? Будем наших врагов – химически атаковать!..»

Прикалывается, а Пешков не въезжает.

Тогда он и сам поскучнел:

– Я имел в виду в цех *пэ-о*[1]. На производство огнетушителей пойдешь?

– Пойду!..

– Есть! – одобрил Тростянецкий. – Там у меня механический цех с кузней! С понедельника выходи!.. Поехали!..

И повез на «Газике» – показывать цех.

Приехали.

Там знаменитый штампист Немировский, пожилой, глухой... По словам Тростянецкого, штампил еще при царе Николае на Одесском плугостроительном.

Пешков понаблюдал, как он работает. Впечатляет. Железным гладилом орудует, как пальчиком. Тыкнет по болванке и – в сторону – «Пейса, клёп!». И тогда молотобоец как даст по пальчику. Работа на глазок – а точность удивительная!

– А почему он его Пейсой называет? – спросил Тростянецкого.

– Поедешь с ним в Кишинев!.. – распорядился тот вместо ответа. – Мы тебе комнату приготовили!..

В Кишиневе. В тот же вечер.

Сестра жены Немировского показала комнату на сдачу – тёмную, с закрашенной печкой. Толстая плахта поверх солдатского одеяла на кровати. На полу корзина с вьющимся растением.

Жильё, стол – 150 р. в месяц. И за первые 3 месяца платить не надо: какой-то родственник уплатил.

Родственник?!

Интересно, какой еще родственник?!

А вот и он.

Горбоносый, со впалыми щеками, человек стоял в дверном проеме. За спиной сестры жены Немировского.

Из-за предвечернего светав комнате – лицо его казалось бескровным, серым. Глаза водянистые, но с острым грифелем на дне.

– Шор Ильин! – назвался он голосом громким и простуженным. – Ученик твоего деда!..

И, легко выйдя из-за хозяйкиной спины, сдавил Пешкову руку.

– Ну? – посмотрел орлом. – Добро пожаловать?!..

Как будто вопрос задает: добро́ или не добро́ – Пешкову пожаловать в Кишинев.

– Добро́! – отвечал Пешков с недовольством (он не любил, когда руку давят, силу демонстрируют).

И – за деньгами в карман.

– Отставить! – прикрикнул Шор-Ильин.

И проследил командирским взглядом – за Левиной рукой.

[1]*Цех пэ-о – противопожарной обороны.*

Рука «отставила».

– Пошли с семьей познакомлю! – сказал тогда Шор-Ильин. – Я тут недалеко живу!..

И, поскольку Пешков не двигался с места и только смотрел с тяжелым недоумением, то добавил приветливо:

– Пошли-пошли, гостем будешь! Я твоему деду – обязан!..

При румынах Молдавия была тёмная и отсталая, рассказал он по пути. И, главное, мещанская по духу. Твоего деда не ценили тут. Я бы поддержал, но молодой был! А подрос – в боевое подполье ушел. Пускай и не Герой Союза, как Ишай, но офицер старшего состава! И член Союза писателей далеко не рядовой.

Улицы, по которым они шли, были малолюдные, вялые.

Заборы – переполовинены высоко намётанным снегом.

Так вот, по вопросу твоего деда, рассказал Ильин. О том, как он в Оргееве погиб. У меня отец из тех мест, но и для родного отца я приказ не обогнул. А приказ в те 1-е дни войны спущен был такой: «С целью недопуска паники среди населения принять все меры по удержанию людей на местах. Эвакуации вглубь страны – препятствовать!» Но деду твоему я лично эваколист добыл. Пришел к нему домой под покровом ночи: «Вот ваши бумаги. Вот продтабель на 3-х человек. Грузовик от горсовета отходит в 4 утра! При себе иметь только самые ценные и, конечно, теплые вещи!». А он в ответ?!..

И Ильин остановился.

Взял Пешкова за локоть и развернул к себе посреди сугробов.

Лицом в лицо.

Терпеливо помолчал, пока неохотные лёвины глаза останавливались на нем.

– А он в ответ: «Не тащите корову на чердак!» – выдохнул наконец. – Понял?!.. Вот так он мне задвинул про корову!..

И Ильин-Шор крякнул от обиды.

Но потом он встал возле какого-то забора.

– Пришли! – повел рукой на дом. – На крышу не слазишь? Лед там поколоть!..

Покатое оплечье крыши было закушано снегом. Каждую зиму одна история: лёд настывает в желобах, закупоривает водостоки. А как весна – то квартиру заливает через чердак.

Лёва поднялся на крышу.

Там листовое железо.

Скользко.

Стал колоть лёд, сбрасывать обколки на асфальт.

Шор-Ильин стоял внизу, отгонял прохожих, чтоб не убило.

«Будь я Героем Союза, как Ишай, – комментировал он при этом, – полез бы на крышу сам!.. А так-то и гипертония, и другие фронтовые раны!»

Геройство Тростянецкого не давало ему покоя, судя по всему.

А потом *дочка* из университета пришла.

«Иди погрейся, пап! – велит ему. – Я вместо тебя!»

Крепенькая. Щекастая. С открытой шеей в мороз.

Зовут Надя.

И что странно. Пешков все это время на крыше проторчал. Ну, спустился в сортир 1 раз. Никаких переговоров ни с кем. Только с Ильиным-Шором (снова про пешковского деда, про какие-то мёд и тетради...). Но откуда-то ему стало известно, что характер у

этой Нади *ого-го*! Приводит как-то нищенку с базара: «Ей негде жить, пусть она поживет у нас! Ах, нельзя?! Ну тогда я сама уйду из дома!» Пустили нищенку в дом!.. И ещё она срывается в аэропорт без спроса (это 15 км от города): наблюдать, как АН-10 взлетают и идут на посадку... И... жених у нее в Ленинграде есть, какой-то чемпион по шашкам. Но она его не видела до сих пор...

Вот что Пешкову стало известно.

А сам, если б не был стеснительный, то рассказал бы ей всю биографию (донные тральщики, прицепные мины, подводную сварку... а до того *Андрей Иванович, тёмные*... а еще до того – *туман забвения,* сиротство). Потому что она была улыбчивая, искренняя. Точно в грузовом прицепе все 4 борта отвалились и – во все стороны – яблоки покатились со стуком!

Вот такая девушка!

3.

Их сын. Через 21 год.

Серега приходит, на себя не похож.

«В Свиблово облава, военкомат с милицией заметают в Афган!»

«Кого заметают?» – спросил я беззаботно.

А потом смотрю, щеки у него как листовое железо: такие белые.

– Недобор по летнему призыву! – пройдя вглубь комнаты, он взял сигарету из петриченковской пачки.

Ха, смелый!

Потому что Петриченко – сидел вот тут же рядом (с пишмашинкой на коленях).

– Куда призыву? – спросил я повторно.

– В Афган, куда! – рассердился Серёга. – На пушечное мясо!..

– Это куда ты стремился!.. – подсказал мне Петриченко со своего дивана.

И спрятал сигареты.

– В Афга-ан? – дошло до меня.

12 июня, 1979, Москва.

– Лично я сваливаю из Москвы! – объявил Серега. – Хочешь со мной?..

– Хочу, – отвечал я, – но у меня Трутко[1] на голове!.. в смысле зачёт по зарубежному кино в среду!.. Подожди, я сдам!..

– До среды, – обиделся он, – меня 10 раз успеют замести!.. пока ты будешь сдавать своё зарубежное кино!..

– Тем более что он не сдаст! – заверил его Петриченко. – Трутко его не любит!..

Вот сволочь Петриченко.

– А жена? – осенило меня. – Посиди в Измайлово до среды!..

– У Катюхи?.. Она же первая меня и сдаст!..

– Тогда оставайся здесь!.. – предложил я.

– Где «здесь»? Где «здесь»? – вскипел Петриченко.

«Здесь» – означало нашу с ним совместную жилплощадь.

– Тебе жалко? – устыдил я его. – Человека в армию заметают!..

А Серега – от обиды – чуть с кулаками на него не бросился. Хотя Петриченко был утёс-великан. Серегино каратэ отскочило бы от него, как горох от стенки.

– Идём! – Серега рубанул на выход.

Я за ним.

---

[1] *Инна (Интерна) Трутко – педагог ВГИКа.*

– Сволочь Петриченко! – посетовал я в коридоре. – Ну да что с него взять! Вот – он даже за Карпова[1] болеет!..
– Придется к Катьке ехать! – вздохнул Серега. – Едем со мной!..
– Едем! – согласился я.

Выходим на лифтовую площадку. Стоим, ждем лифт.
– Нет, я сам поеду! – передумал Серега.
Я посмеялся, чего он дурака валяет: то едем, то не едем. А потом смотрю – он узкие свои губы до крови кусает.

Выходим из лифта на 1-м этаже.
Серега даже сгорбился от огорченья.
– Обещай ей, что будешь идеальным мужем! – посоветовал я на прощанье.
– Не поверит!.. – выдохнул он.
Кажется, он знал, о чем говорит.

Тогда, набравши воздуху, я объявил следующее:
«Серега, не дрейфь. Куда ты, туда и я. Хоть в Афган, хоть...»

Но я не придумал, куда еще я готов за ним идти, кроме Афгана.
Потому что выходим к вахте, а там...
Тпр-р-р-ру-у-у-у!..
Менты!..
Табун ментов в серых плащовках.

Серега – в лифт. Я за ним.

П-п-пальцы дрожат.
К-куда?
Где спрятаться?
К-к-к-нопка 2-го этажа.
Почему – 2-го?
Там одни бабы-киноведки обитают.

2-й этаж.
Дневная темнота в коридоре.
Первая кого вижу: киноведка Илона К. в халате, с длинным ножом и пачкой маргарина в руках. Это удача. Мы с ней целовались на Новый год. Ничего так. Вот только бородавка под носом. Можно у тебя п-пересидеть, спрашиваю, пока м-менты не уберутся. А чего вы натворили, усмехается. Ничего не натворили, объясняю, это облава. На кого облава, струхнула она. Вот его (киваю на Серёгу) в Афган хотят (как еще этой дуре объяснить!). Двести третья, врубилась она, там открыто.

Спасибо.

В 203-ю.
Входим.
Темнота.
Две двери.
И в ванной кто-то моется.

Стучу в левую дверь.
Нет ответа.
– А не выдаст? – спрашивает Серега.
– Нет! – отвечаю самодовольно. – Я с ней целовался на Новый год...

[1] *Карпов – Корчной (Багио. В те дни).*

Стучу в правую. Нет ответа.

– Она бы и дальше не возражала! – поделился я. – Но эта бородавка, ёлки!.. А вот станок как раз ничего, скажи?..

– Станок ничего! – подтвердил Серега.

В это время – с паромучей сковородкой на весу – Илона К. из коридора вошла. Следом какой-то мужик в пальто. Мы окаменели от страха, а потом увидели, что это Николай Р. с 3-го режиссерского. Тоже напуганный какой-то. И по яуфу[1] в каждой руке.

– Отбой, нет там никакой облавы! – сообщает нам Илона К. – Это заочники с 16-го этажа бутылки бросали, теперь их вяжут!.. Коль, а Коль (а это уже, игриво-подобострастно, Николаю Р.), «Блокаду»[2] когда покажешь?!..

– Не скоро! – Николай Р. опустил яуфы на пол. – Изъяты обе копии!.. 1-м отделом!..

– Что-о? – округлила глаза Илона К. – Что-о-о-о?..

И... бочком-бочком... в левую комнату, со своей сковородкой.

К себе не зовет.

А со спины – станок у нее!!!

Уж не сглупил ли я на Новый год?!

Подумаешь, бородавка под носом...

Или это жар её сковородки так на меня подействовал?

Между тем Николай Р. встал у двери душевой.

Прислушался.

Оттуда ни звука.

Вот так и стоим втроем – в темном коридорчике 203-й.

И кто-то четвертый – в душе.

Тогда Николай Р. с высокомерием посмотрел на нас.

И постучал – в душ.

Тук-тук.

Но как-то так. Без увлеченья. Средними костяшками пальцев.

– Варя, отдай 6-ю коробку! – сказал он в дверь. – Варь, у меня поезд через час!..

Усатое лицо его при этом затянулось какой-то двоякой ряской (виноватой претензии, что ли?!).

И тогда я понял, что раз *по эту* сторону двери – Николай Р., то по другую – Варя Н.

Ну эта... светленькая, со второго актерского.

Хотя Николай Р. невысокий дядька с ледяным взглядом, а Варе Н. восемнадцать, как мне. И она краснеет чуть что.

Выждав минуту, Николай Р. вновь подолбил в дверь душа – но теперь уже строгим и заключительным стуком.

– Варь, это нож в спину – с твоей стороны!..

Нет ответа.

Тогда, смерив нас неприязненным взглядом, он берется за яуфы, отрывает их от земли и...

Мне вот еще не доводилось испытывать настоящей физической боли. Не думал я, что от боли можно так кричать. Удивительно, как он на кубики не разлетелся – от такого крика-а-а!

На крик Илона К. вылетела. Без сковородки.

---

[1] *Яуф – ящик упаковки фильмокопий.*

[2] *«Блокада» – курсовая 2-частевка Николая Р. По слухам шедевр. Но у него там – среди бывших блокадников – Корчной снялся.*

– Коль, что-о?.. Коль, я скорую вызову?!..

Николай Р. в согнуте стоял.

Но выражение лица оставалось ледяным, высокомерным. Как будто это кто-то другой кричал.

– Нет! – шепнул он, все не разгибаясь. – Негатив спасать... в первую очередь!..

Ручьи пота заливали его лицо.

И вот тогда – дверка душа отпахнулась наконец.

Красная как свекла, Варя Н. выскочила оттуда – в банном халате и с тюрбаном полотенца на голове.

Этот головной тюрбан просто подавлял её щуплую фигурку.

Прежде чем глаза всех присутствующих переехали на нее, она в своей комнате была.

Ключ в замке повернулся.

4.

Спасать негатив.

На следующее утро.

Прибыли. Из всех купе повалили с чемоданами.

Только мы с Серёгой сидим, не дёргаемся.

Выставили яуфы в проход (всего 6 яуфов) и сидим, смотрим в окно.

Должен подойти кто-то с плакатом: «Киноотдел». И носильщик с тележкой.

Ленинград. 5.20 утра.

Но вагон опустел.

На перроне тоже никого.

Один Серега там курит.

Странно.

5.30 утра.

«Ну?» – возвращается Серега.

«Что – ну?» – отбрил я его.

«Где же эти твои... с *киноотдела*?..»

«Почему это они мои?! Николай с нами обоими договаривался!»

Но – странно на самом деле.

Проводница приходит. И тоже: «Ну-у?»

5.45 утра.

Я думал, мы родим, пока перетащим эти яуфы на перрон.

– Это был спектакль! – заявил тогда Серега.

Мне не понравилось, каким тоном он это сказал.

Если бы он таким тоном сказал «*Травка зеленеет, солнышко блестит*!» – и то мне бы не понравилось.

Поэтому я ответил:

– Не понял!.. Какой еще спектакль?..

– Малого академического!.. – огрызнулся Серега. – Не было у него радикулита!..

– Сам ты Малый академический! – рассердился я. – Ему негатив спасать надо!..

– От кого?!..

Как будто сам не знает.

Но он моргал с таким злым простодушием, точно и вправду не знал. Точно это кто-то другой – искал, куда свалить из Москвы.

Тогда я медленно скосил глаза – направо... налево...

Убедился, что – никого.

И... шепотом напомнил (Корчной... КГБ...).
И приложил палец к губам.
– Вот именно, *КэГэБэ!* – громко, на весь перрон, повторил Серега за мной. – Дураков он искал – подставить вместо себя!..
– Не ори! – топнул я ногой. – Накличешь!..
В ответ он курить ушел... в конец перрона.
Что-то странное с ним делалось в последнее время.

6.20 утра.
Ждем.

6.40 утра.
Ждем.

6.50 утра.
Странно.
И у меня зачёт в среду по зарубежному кино!

7 утра.
– Мне необходимо завтракать! – возвращается Гуденко. – Попрошу выделить сумму!..
А у меня рубль с копейками – вся сумма.
– На! – отдаю с презрением. – Иди завтракай!..
Он взял и пошел.
Вот артист. То целыми днями на одних сигаретах с чаем. А то вдруг «*необходимо завтракать*».
Но я не сердился на него. Даже сочувствовал. Шутка ли, Афган. Пушечное мясо... И не только это. Неловко... гм... повторять такое... но он сам твердит об этом по 100 раз на дню... мол, с тех пор, как он повелся со мной, стихи его оставили. В полгода – ни одного нового стихотворения.
Как будто я виноват!

Вдруг из-под козырька вокзала – толпа. На Серёгу.
Серега замер, как козлик.
1-й отдел?!

А толпа увеличивалась так быстро, точно её в трубочку выдувают.
Накликали?!

Новобранцы.
Телогрейки, рюкзаки.
Х-хоп! – и затопили нас.
Кто бритый наголо, кто с патлами.
Рослые моряки в бушлатах вели их по перрону.

И тогда – не знаю, что с моими мозгами стало. Точно из одной геометрической емкости (допустим, цилиндр) они перекатились в другую (допустим, призма!). В результате чего вся логическая цепь стала убедительна, все безумные домыслы Гуденко налилась правдой: Афган –> менты в общаге –> провокатор Николай Ф. со своим лжерадикулитом... –> все для того, чтоб Гуденко в армию прихватить! На пушечное мясо!

Что делать?!

«*Не дрейфь*! – вспомнил я. – *Куда ты, туда и я. Хоть в Афган, хоть...*»
Господи, неужели я такое говорил?!
Да. Было дело.
Прощай, мама! Прощай, баба Соня!

Несколько секунд у меня было – на принятие решения.

«Но у меня зачет в среду!.. – реактивно сообразил я. – По зарубежному кино!..»
Посреди перрона рос электрический столб.
Я спрятался за ним.

5.
Но это чушь собачья была.
Призывники как призывники.
Только пьяные в ж.
А никакой не *1-й отдел*.

Кто-то скосил взгляд на Серёгу.
«*Зё-ёма-а!..*»
И – по спине – ба-бах! Это потому что Серёга тоже в морской шинели, хотя и без пуговиц.
И тогда вся толпа: «*Зё-ёма-а! Айда с нами!.. Вэмэф Лиепая Балтийский флот! Вэмээф Лиепая Балтийский флот*!..» – по спине, по шее.
Меня бы уже по пояс загнали в землю такими хлопками.
А Серега ничего, держится.
Но у него сделалось такое лицо,что я прощаю ему все его фокусы на 100 лет вперёд.

Затем они похватали наши яуфы – для смеха.
Думали, не весит ничего.
Уронили через пару метров.
Железо грохнуло.
Тогда моряки вмешались: «Оборзели салабоны!..»
И – давай пендюли навешивать.

Как раз им поезд подали.

Ура, в общем.
Мозги вернулись вспять.
Снова мы с Серегой вдвоем – на пустом перроне.

7.40 утра.
– Ладно! – говорю. – Нечего тут больше ждать!.. И у меня зачет в среду по зарубежному кино!..
Встретились с ним глазами.
(«Я все видел!» – сказали мне его глаза.)
– Отдай рубль, – заторопился я, – пойду мамаше звонить, чтоб денег выслала!..

Отнял у него рубль и пошел искать междугородку.

Ну и что он такого видел, думал я с обидой.
Как я за столб спрятался?!
А если б он был на моем месте?!

И, погруженный в свои мысли, буквально врезаюсь в весёлую тётку с поднятым листом ватмана в руках: «Киноотдел». С красивой грудью.
7.50 утра.

6.
В те же дни.
Летели через Бангкок.

В самолете еще повозился с текстом (открытого письма). «*Глубокоув. г-н Брежнев! Пишет Вам гроссмейстер Корчняк, в прошлом чемпион СССР и победитель Всемирных Олимпиад в составе Советской сборной. Г-н Брежнев! 2 года тому назад, будучи не в силах терпеть предвзятое отношение спортивных руководителей, я переехал на Запад. В СССР остался мой 18-летний сын. Он арестован...* »

В Маниле встречали пышно, с военным оркестром под дождем.

Под зонтиками водрузили венки.

«*Господин Брежнев!* – тут же, в лицо фото- и телерепортерам, под мыльным парным дождем зачитал Корчняк. – *На днях в филиппинском городе Багио стартует матч между Советским чемпионом мира и мной, победителем турнира Претендентов. Это не первая наша встреча. Но, как и в московском матче 4-летней давности, я вступаю в игру, не располагая ни единым шахматным союзником. Г-н Председатель! В ходе ближайших недель и месяцев мир будет с волнением следить за ходом нового матча за корону. Важно, чтобы чемпион определился в справедливой борьбе! В связи с этим я прошу Вас: 1. Выпустить из заключения моего сына. 2. Не допускать давления и угроз в адрес западных шахматистов, желающих мне помочь!*

От души Вам благодарен,

Виктор Корчняк, гроссмейстер».

29 июня, 1978, Манила, Филиппины.

По ковровой дорожке прошли в здание аэропорта.

Там еще телекамеры.

Снова зачитал: «*Многоуважаемый господин Брежнев! На днях в филиппинском городе Багио стартует матч...*»

Думал, вызовет сочувствие: сына посадили, тренеров запугали.

Оказалось, наоборот.

Посыпались вопросы с подковыркой.

Репортер 1: «А о чем вы раньше думали – когда бежали из СССР?.. Неужели вы не понимали, что подвергаете Вашу семью опасности?»

Ответил: «Понимал!»

Репортер 2: «Тогда почему вы все-таки бежали из СССР?..»

Ответил: «Потому что в СССР меня **не выдвинули**!.. Вот если б я, как мой соперник, происходил с Урала, то меня бы **выдвинули**!»

Репортер 3: «А здесь, куда вы бежали, вас **выдвигают**?»

Ответил: «Главное, что здесь **не выдвигают** моего соперника!»

Репортер 4: «Помогает ли это вашему сыну, страдающему из-за Вас в тюрьме?!»

Ответил: «Спросите об этом Председателя Брежнева! Судьба моего сына – в его руках!..»

Репортер 5: «Можно подумать, что Председатель Брежнев и есть подлинный отец вашего сына?!»

Почесал в затылке: «Вы смеётесь, да?.. Смеётесь надо мной?..»

Как раз объявили прибытие советских самолетов.

Все повернулись в их сторону.

Через час.

В автомобиле по дороге в Baguio.

«Смеялись надо мной! – пожаловался Лёве. – Думают, я о сыне забыл!»

– Сволота! – посочувствовал тот.

И завозился на переднем сиденье. Он был бы рад развить тему. Поделиться и о своем сыне (студент в Москве!). Но передумал – Виктору не будет интересно.

Въехали на перевал.

Кедровые горы обливались зеленым туманом.

Из низин обглыбые тучи шли – такие плотные, будто экскаватор выносит землю ковшом.

Ехали в глубоком, не оскорбительном друг для друга молчании. Будто из фонарика батарейку вынули. Выкопали из него свет под корень.

Но потом Корчняк заговорил – снова о сыне. И заговорил он так взволнованно-горячо, с таким перехватом боли в голосе, будто и не было долгой тишины, никакого фонарика без батарейки.

«Кто сказал, что нужно рожать детей?! – спросил он Лёву. – С какой это стати, а?! Вдруг взять и – решить за них, что они родятся!..»

И поскольку – редкий для Виктора случай – это был настоящий вопрос к собеседнику (а не монолог), то пришлось Лёве задуматься над ответом и заявить что-то такое, простое и логичное. Понятное и умному, и дураку. Про *такой порядок*. Про *инстинкт*. Про то, что не мы первые, не мы последние. Поколенье сменяет поколе...

– Кто сказал? – перебил Корчняк (он с полуслова все понял).

– Но так принято!.. – пожал плечами Лёва.

– А вдруг они не хотят, – наступал Корчняк, – никого сменять! А вдруг они...

– Но такой порядок! – в ответ Лева тоже стал подсекать его фразы, вбивать собственные клинья в наползание его речи.

«Порядок? – все-таки не согласился Корчняк. – Что-то не слыхал я про такой порядок!..»

И погасил экран лица.

Отвернулся в окно.

В окне были горы в щетинистом лесу. Между деревьями снег прижалил землю. А вблизи, вдогонку автомобильного серпантина, река-ручей неслась в валунах. Будто с цепи сорвалась – такое яростное теченье. Будто кто-то жуёт её оглодало!

Еще около часа прошло – в тихом соседстве.

Потом стемнело, и снег стал как призрак.

Или как будто женщина переодевается за деревьями.

– *Порядок*! – вдруг заговорил Виктор. – Ничего себе *порядок*!..

После долгого молчания голос его был слаб.

– Это вот у Оли моей... – он отпил из термоса, – *порядки*!..

И стал говорить о мачехе.

О том, как в 1-ю блокадную зиму отдавала ему свой паёк, а сама голодала. Порошок сахарного заменителя ела на работе. Сильная и волевая была в молодости. Не то что теперь. Теперь еле шаркает...

И, обернувшись с пассажирского переднего сиденья, показал, как Оля *шаркает*: полушажок левой –> подтягиванье правой –> полушажок левой... Но шарканье это полбеды. Хуже – мозговые явления! Во-первых, речь: вдруг у ней сильный и неприятный акцент пророс в разговоре (как у иностранки). А во-вторых, склероз: вдруг она объявила, что она... гм... *Хвола,* а не Оля...

Беда, в общем.

Одно успокаивает: *порядки* ее (тут он усмехнулся, даже подмигнул Лёве). Есть у нее свои многолетние *порядки*, которых она не бросит никогда: например, отстаивать воду в кастрюле... подрезать куст алоэ в горшке... вытвораживать молоко в марле... жарить куриные шкварки для кота... а раз в месяц надевать выходной жакет с брошкой и отправляться на спектакль в БДТ... Благодаря этим *порядкам* она и живет.

– Ага! – заметил Лёва. – Значит, все-таки ты в *порядки* веришь!..

Но Виктор опять сменил тему.

С куриных шкварок, что его мачеха жарит для кота, перескочил... на самого *кота*:

«Вот послушай, что с нашим котом было!»

И опять-таки, редкий случай, уставился на Леву, дожидаясь его полного внимания.

«Ну!» – разрешил Лева (все-таки его сердила манера Виктора: говорит и говорит, пока самому интересно, и обрывает тебя, когда наскучит).

«Вот послушай!» – Виктор попросил.

И рассказал следующую историю.

Был у них Мачик, домашний кот.

Мы с Олей думали, что он умный. Почти как мы.

А на деле?!

Вдруг я обнаружил, что он в зеркале платяного шкафа себя не узнаёт. Хоть мордой к зеркалу поднеси – не узнаёт!

– Ну... и...?– пожал плечами Лева.

Он бы просто слушал и помалкивал, но Корняк с пытливостью смотрел на него.

– Кто же прав? – заволновался Виктор. – Кот?.. Или зеркало?..

– Не знаю! – ответил ему Лёва.

– И я! – воскликнул Корчняк. – Не знаю!..

И, поддавшись вперед с заднего сиденья, провел по Лёвиному плечу.

Успокоительно так.

С доверием.

– Но теперь-то ты понял, – спросил шепотом, с торжеством, – зачем надо... чтоб **вы-дви-га-ли**?!..

7.

Виктор Пешков. Ленинград.

...И, погруженный в свои мысли, буквально врезаюсь в весёлую тётку с поднятым листом ватмана в руках: «Киноотдел». С красивой грудью.

7.50 утра.

– Здрасьте, а где вы раньше были?! – возмутился я. – Почему не встретили нас?..

– Варька всё напутала, задница!.. – отвечала она с ослепительной улыбкой. – Носильщик!.. Носильщик!..

Втроем мы побежали за носильщиком – к стоянке такси.

– У меня *бэби* от него, она мне не соперница, ха-ха!.. – тётка была в теле, но бежала быстро. – Да и с Колькой – всё! Он подлец, Жюльен Сорель!..

Вообще она была красива, хотя бёдра низковаты.

В такси.

– Вчера тут целый день прыг-скок, встречала вас! – с переднего сиденья рассказала тетка. – Уже милиционер на перроне внимание обратил!..

– Ну, это он не из-за *прыг-скок*, – заметил Серёга, – внимание обратил!..

– А из-за чего? – тетка покосилась на него. – Да прям! – заулыбалась, когда поняла. – Да прям! Старуха!.. Окей, коробку номер 6 привезли?.. Выцарапали у Варьки?..

– Ун моменто! – Серега полез к себе в карман (вот клоун!)... и вдруг – ловко подменив направление – сует ей руку.

– Сергей!..
Вот выскочка! Прям-таки подловил ее.
– Татьяна! – пробормотала она, пока он ее белую руку тряс.
– Он шутит! – говорю. – Коробку номер 6 не удалось выцарапать!..
– Вот сучка! – подивилась она. – Но молодец! За всех его баб – ха-ха! – отомстила!..
Невольно и я посмеялся – вслед за ней.
Потому что вся её внешность была... как бы это объяснить?
Вот, скажем, есть круговорот воды в природе.
Этакий вращающийся обруч испарений и осадков.
А она – в центре этого обруча.
Облака и туманы, моря и реки, воздух в стрелецких пиках влаги... – всё вокруг неё.
Поэтому я подумал, подумал... и тоже протянул ей руку.

Приехали.
Яуфы – из багажника.
– В подвал!.. – распорядилась Т., расплатившись с таксистом. – Об перила не бить!..
Перетащили по ступенькам в подвал.
Руки уже отваливаются.
И с неспокойного речного канала – в спину дует.

– Значит, чтоб сидели как мыши! – рассказала Т. в подвале. – Я на разведку, нет ли хвоста!.. Уф, вот только ради *бэби* – помогаю ему! Чтоб у ребенка отец был!..
И – на выход.

(Нет, клёвая, клёвая! Столько свежего веселья, подвижности. Точно веслом – по солнечной воде).

– Как мыши?! – оскорбился Серега. – А если я от клаустрофобии тут умру?.. Нет, мне надо знать, что снаружи!..
– Ты – от клаустрофобии? – удивилась Т.
И оглядела его с интересом.
– Снаружи там квартира Пушкина! – рассказала она с недоверчивой усмешкой. – Моя товарка тут экскурсовод!..
– Ф-фиу! – я аж присвистнул.
Но Серега не поверил.
– Какого Пушкина?!.. АэС?!.. А почему мемориальной доски нет?..
Т.: «Потому что мы со двора!..»
Серега: «Нет, вы мне Пушкина покажите!»

– По этой лестнице, – приоткрыв дверь, она указала на деревянный пролёт, – его подняли в дом после Черной речки! В карете он был перевозбужден, громко разговаривал всю дорогу. Но пока с окраины ехали, 2 литра крови потерял! Самостоятельно идти по лестнице уже не мог!.. Еще вопросы?..
Я посмотрел на Серегу. Серёга на меня.

Я присвистнул.
А Серега заухмылялся, скрывая трепет.

– Значит, чтоб сидели как мыши! – повторила Т. – До 9-ти тут никого, а потом дальше повезем!..»

8.
Как мыши. Во внутреннем дворике.
Уселись на фигурной лавке в аллее.
Серега поднял рюкзак. Распустил узел.
Я следил, что он достанет.

Листочки со стихами.
Кроме стихов там ничего не было. Даже зубной пасты. Даже запасных трусов.

Сбил он стихи в стопку и – к памятнику.
Я за ним.
– Я первый! – остановил он меня.

Вдоль аллейки приземистые деревья блестели зелёным жиром.
Солнце надулось.
Серёга – бух на колени. Перед памятником.
А в руках стопка со стихами.

Я отвел глаза. Пусть А.С. выслушает Серёгу. А за ним – и меня.
От этого всё наше будущее зависит. Станем ли мы великими поэтами.

И вот – было у меня несколько минут, пока Серега молится. Пока он перед Пушкиным камлает. Да, не более 5 минут – подобрать слова.

Но как раз Серега – от памятника отошел.
Моя очередь.

Не знаю, что Серёга, а я поклялся А.С., что не изменю своему таланту. Буду работать и расти. Постигать жизнь и находить правду.
И еще я просил его доброго покровительства.
Именно так. Его... А.С. Пушкина... покровительства...
Потому что он – жив!
Хотя и скончался 142 года т.н... после того как потерял два (2) литра крови и его... по *этой лестнице*... в кабинет подняли.

А если кто-то не понял, или подумал, что ослышался, то я готов повторить с разделением, даже по слогам: здесь и сейчас, 17.6.1980, в 8 утра, в городе-герое Ленинграде, РСФСР, А.С. Пушкин услышал меня и – в эту минуту! – изучает мой вопрос!

Это потрясало.

«Все у нас с тобой общее! – заявил Серёга, когда я от памятника вернулся. – Осталось только общую женщину...»

Вечером. В другом месте.
– Выпить хотите? – предложила Т., когда затащили яуфы в дом (в пригороде каком-то). – Ну и вляпалась! В йо-йо с КГБ играть!.. Ну Колька! Ну гад! Хотя бы деньги на ребенка давал!..
– Ё-ё?!.. – оживился Серега. – Кого – *её*?..
– Иди в баню! – рассмеялась она. – Не закрывай! – спохватилась, когда увидела, что он и вправду (походочкой хозяина положения!) в ванну удаляется. – У меня стирка там!..

Во дворе через 10 минут. Ночь.
Возле бельевых шпалер я держал таз, а она выбирала из него пласты белья и, кое-как совладав с их мокрой тяжестью, закидывала на струну и закрепляла деревянными прищепками с ожерелья у себя на шее.

– Я знаю, у меня бедра низкие! – вдруг поделилась она. – Мне нельзя было брюки при нем носить!.. Только юбки с высоким поясом!..
Перемена в ней, прежде такой веселой, была страшна. В милом лице тяжелые скулы выступили – ровно оглобли тележные.
– А у Варьки, чё... – со вздохом она последнюю тряпку закинула на струну, – бёдра высокие?..

И ушла к дому.

В барачном небе облака вытянулись так остро, точно сильный ветер их подгонял. Хотя бельё на веревке висело как каменное.

В кухне она со стуком бросила плиту замороженного мяса в рукомойник.

Полила кипятком из чайника.

Запела что-то под нос.

На меня – ноль внимания.

– Вы очень красивая! – объявил я тогда.

– Ну разве что душой! – усмехнулась она, поливая мясо из чайника.

– Да нет! – заволновался я. – Вы... вы... как круговорот воды в природе!..

– Какой еще... *круговорот*?!..

И вдруг – как посмотрит на меня.

Сквозь горячий пар из рукомойника.

Еще ни одна женщина не смотрела на меня так.

Рисунок её красивых губ напоминал изгиб княжеского лука в русской сказке.

– Ну! – потребовала она. – Говори!..

Но тогда Серега с мокрыми волосами вышел из туалет-душа.

Через два часа. В темноте.

– Спите уже там!.. Чего не спите?! – проворчала Татьяна. – В пять утра подъем!..

– Никакого подъёма! – заявил вдруг Серега, поправляя подушку. – Я старый импотент!..

– Дурак! – прыснула она.

– Зато не опасен! – пояснил Серега. – Иди к нам!..

Помолчали.

– Пусть Витя сперва! – попросила. – Про *круговорот*!..

– Зови ее! – прошептал Серега. – Ну?!..

Я окаменел.

Предчувствие потери на меня нашло.

– Зови! – повторил он. – Или я сам... к ней!..

Я молчал.

– Иди к нам! –позвал он тогда.

Точно силок на суслика поставил в высокой траве.

«Не приходи!» – взмолился я мысленно.

Но она пришла.

Всплыла, как солевой бугор в черной воде.

Диван прогнулся в ногах.

Темнота была такова, что никакой разницы – глаза открыты или закрыты.

– Ну! – занукала она. – Давай про круговорот!..

– Уйди!.. – пробормотал я. – Тогда скажу!..

– Ну миленький, – взмолилась она, – ну хоть сколько мне лет можно дать на вид!..

В темноте я чувствовал на себе ее взгляд, – кривой от недоверия, ласкающий.

И тогда Гуденко полоснул с кровати, встал у балконной двери.

– Таньк! – позвал он. – А давай проверим... сколько лет тебе можно дать!.. Иди сюда, не бойся!..

Балконная занавеска обдувала его сухую фигуру в трусах.

– А что! – повелась она. – Проверим!..

В одной рубахе встала она рядом с Гуденко.

– Тоби-гери! – с грациозностью ступив на носок, он оттолкнулся от пола.
Загадочный шорох сопровождал его полет.
Будто нож в 12 лезвий раскрылся.
– Класс! – Т. аж подлетела от восторга. – Научи!..

Вздувающаяся балконная занавеска накрывала их.
Голая его рука захватила ее голую руку.

– Блок рукой от цуки! – сказал он.
Она – повторила за ним.

– Блок ногой от цуки!..
Она – за ним.
Воздух был взбит их движеньями.
Она так высоко поднимала ноги, что я отвернулся.

– Ну как?.. – зашептала она, устраиваясь под одеялом между нами. – А Варька бы так смогла?..
Теперь ее волосы были на моей щеке.
– Варька?!.. – поддержал Серега. – Даже близко не лежала!..
– Ха-ха! – ее протестующее тело качнулось, как лодка на волнах. – Жаль, Колька не видит!.. А ты... – пихнула меня локтем, – что скажешь?!..
Наехала подбородком на мое плечо. Как раз по нервному центру.
Я дернулся.
– Он всегда такой? – спросила Серегу.
И, клянусь, провела рукой по моей спине.
– Он думает, он талантливей! – пояснил Серега.
– Уходи отсюда! –заорал я ей.
Я лежал с краю и мог бы отломиться от них. Встать, одеться и уехать. С яуфами, без яуфов.
Обязан был уехать...

Если б не ее рука на моей спине.

Повернулся к ней.
Как будто сетку с фонариками набросили.
Они уж склеились, как мухи.
Не дыша.
И кровать не скрипит.

Брюки, свитер.

Прощай, Гуденко. Больше тебя нет.

К дверям.

– Пусти! – вдруг сказала она тонким голоском...
Прошла за моей спиной. В ванную.
Она была как разворошенный муравейник.
Как новогодняя елка на помойке – числа 15-го января.
Никакого круговорота воды в природе.

Толстые трубы зашумели в ванной.

9.
В те же дни.
BAGUIO. 2 дня до открытия матча.
Наутро Лёва ходил на заседание жюри.

Вернулся взвинченный.
Говорит, обсуждали флаги. И что же. Советский шеф делегации встает и говорит: «Корчняк ничей не гражданин. Поэтому если хочет флаг, то пусть напишет на нем *ДЕЗЕРТИР-ПЕРЕБЕЖЧИК*! На такой флаг мы согласны!» – и раскурил сигару в комнате для некурящих. Когда же Лёва попросил слово и зачитал *The Schweizer Schachunion notarized letter*[1] с разрешением играть под их флагом, то сидел с таким видом, точно собака лает караван идет. А потом встает и говорит: «Значит, чтобы всем тут было ясно. Я представляю великую страну! И если только дезертиру-перебежчику разрешат играть под любым другим флагом, кроме флага *ДЕЗЕРТИР-ПЕРЕБЕЖЧИК*, то матча не будет!..»
И вышел. И дверью хлопнул.

– Не унывай, Виктор! – сказал Лёва. – Ты 3 раза[2] их без флага бил?.. Бил, я спрашиваю?.. Не слышу ответа!..
– Бил!.. – подтвердил Корчняк.
– Значит, и в 4-й решающий... побьёшь!..

4-й решающий.
BAGUIO. 1 день до открытия Матча.
Приём у президента страны.

Сшагнулись там с советскими:
1. Посол СССР на Филиппинах...
2. Зампредгоскомспорта СССР...
3. Летчик-космонавт СССР, он же Президент Федерации Шахмат СССР...
4. Советский шеф делегации...
5-7. Секунданты...
8. Пресс-аташе...
9. Врач общего профиля...
10. Врач-психолог...
11. Тренер по физподготовке...
12-14... господи, а это кто?!

У этих-то (12-14) – какая работа?
Тупые и однолицые.
Щёки выбриты до шёлка, а выражение глаз как после сытного обеда без водки.
И ведут себя нагло.
Если 1-11 как бы не видели противника, избегали встречаться глазами, то 12-14 выставились приценочно, открыто. Будто щупают б/у в комиссионке.

Из приемной Президента всех повели в зал для коктейлей.

После коктейля всех повели через оранжерею.

На выходе из дворца – снова однолицые.
Но теперь их было пятеро (15-19).
Трезвые лбы без чубчиков.

Подали машины с советскими красными флажками на бамперах, из машин вышло еще несколько однолицых (20...21...22...) в плащах.

[1] *Schweizer Schachunion notarized letter – Официальное письмо Швейцарского Шахматного союза (нем.)*

[2] *Речь идет о трех Претендентских матчах.*

Теперь они толпились у затемнённых дверей *parking lot*.
Двери съезжались и разъезжались.
23... 24... мамочки, сколько их?!..

Они увеличивались, как дроби при делении.
Как каша, сбежавшая из котла.
И могли затопить любую площадь, достигнуть любых номеров.

Тогда Корчняк понял, что пока он в тоске и смятенье ведет счет однолицым, главное действие происходит за их спинами: советский чемпион мира отделяется от электрических дверей, быстрым и мелким шагом выходит из-под навеса *parking lot* и, прикрытый с 4-х сторон, усаживается в белый *Limo*.

Как раз и для Корчняка машину подали.

Но он, хотя и потянул на себя дверку, отбывать не спешил, а стоял и смотрел, как Толя отбывает.

Ну что же. Толя как Толя.

Ничего нового по сравнению с 1974-м годом: шаг, взгляд, наклон головы, – все эти рационально-мелкие, просчитанно-быстрые Толины ходы были давно знакомы. Как и само постановочное *амплуа* его (рабочего парня с Урала), освоенное с умом и цинизмом. Но только теперь и здесь, в индоокеанских горных тропиках, в предельной удаленности от СССР, которую только и можно было найти для матча, – здесь это продуманное Толино *амплуа* смешило и нервировало еще сильнее, чем в прошлом.

Ох, плут! Устроил же себе такую внешность: тощего подростка с прямым волосом и скучным лицом! К чему, мол, рост и вес, широкий шаг и глубокий голос, когда возможно обойтись и малыми средствами.

Поневоле и собственную внешность кинул на весы:
– племенная, с бодливым наклоном, голова...
– большой лоб в выдающихся боковых залысинах...
– широкий, по сравнению с плечами, таз...
– отмороженные пальцы на руках...

Всё какое-то бугристое, лишнее...

Тем временем широкий люк Толиного *Limo* задвинулся без стука.

Снаряд великолепной машины тронулся с места.

И хотя поплевывающие голоса однолицых до сих пор стояли в ушах – их всех точно сжатым воздухом сдуло.

Вслед за белоснежным *Limo* советские машины сопровождения выкатили кавалькадой. Точно армейский полевой лагерь свернулся по команде. Вокруг все опустело в одну минуту, одна электрическая дверь сновала по инерции.

Не так ли всякое физическое данное в природе отрегулировано друг с другом – как слепое море однолицых с тонким рифом своего Чемпиона?

Не так ли безличностная природа, органика и неорганика Земли, выдвигают из себя мыслящее «я»?..

Не так ли русская экспансия вширь (Урал... Сибирь... Дальний Восток...) привела к Толиному рождению и взлету?..

А я?..

А я?..

10.

В связи с этим вспомнил, как Оля заставляла писать диктанты в детстве.

«Урал опорный край державы... Её добытчик и кузнец... Ровесник древней нашей славы... И славы нынешней творец...»

«*Велико значение Урала как индустриального района России! С давних пор его называют железным. Но Урал не только железный! Он еще и медный, золотой, платиновый! Он изумрудный! Во всем мире известны малахит, рубин, топаз и другие самоцветы Урала!*»

Достоверный голос мачехи (образца 1944-го, с педагогическим нажимом на трудных словах) вспыхнул в голове Корчняка. Вся их теплая комната на улице Марата вспыхнула.

Потом Оля еще диктовала про *военную промышленность*. Про то, что *Урал дает стране свыше 40% всей военной продукции, производит 70% всех советских танков.*

И, вспоминая теперь ее голос, он не мог понять, каким образом эти топазы, малахиты, рубины, эти танки и минометы, будучи только его и Олиным домашним диктантом, достались в конце концов Толе. **Выдвинули** его.

А еще вспомнился реферат «*Оренбурская экспедиция и восстания башкиров*», написанный втроем с Вовой Гнутовым и Лидой Катринич на 3-м курсе (ЛГУ им. Жданова, истфак, 1951, студенческая научная конференция). Это о продвижении России на Восток (Казанское ханство –> Каменный пояс (Урал) –> Сибирское царство –> Ледовитое море-океан... – кажется, вот в таком порядке).

И вот, оказалось, что дело не в реферате и не в конференции студентов, а также не в переплетной мастерской в подвале третьего корпуса, где сшивали отпечатанные страницы, а также не в жирном капустняке с мясом, которым Лидочкина мама нас кормила, а в том, что:

– от заволжских крепостей и казахских степей с засечными чертами –> от предуральских рудников и укрепленных фортов –> под костоломный хруст потопленных в крови башкирских восстаний –> под карательный треск сибирских крестильных костров –> шел и шел русский поршень в истории, русская воля к бытию... Иртыш, Тобол, Ямышево озеро... кедровики, ельники, таволги... карачанцы, учуги, мундужцы... осетры, омули, муксуны... Катунь, Бия, Нарым... олово, соль, свинец... калмыки, саянцы, мунгалы... верблюды, кони... Амур, Обь, Китай, Корея... – оказывается, всё это издревле имело место на земле (куда раньше моих диктантов-рефератов), и все это по праву рождения было Толино. И все это **выдвигало** его.

Целый мир как-то очень страшно объективизировался из-за этих Урала и Сибири.

Дышать стало трудно.

Ведь теперь мое собственное право **быть** основывалось лишь на том, насколько успешно приспособлюсь я к его, Толиному, миру, насколько укоренюсь в нем, заговорю на его языках.

Господи, а есть ли я?

1978, июль – ...
Багио (Филлипины).
Матч на первенство мира по шахматам.
Регламент матча:
– до 6 побед одного из участников.
Количество партий не лимитировано.
Ничьи не в счёт.

Round 1.White «Viktor Korchnoi» Black «Anatoli Karpov» 1.c4 Nf6 2.Nc3 e6 3.Nf3 d5 4.d4 Be7 5.Bg5 h6 6.Bh4 0-0 7.e3 b6 8.Rc1 Bb7 9.Bd3 dxc4 10.Bxc4 Nbd7 11.0-0 c5 12.dxc5 Nxc5 13.Qe2 a6 14.Rfd1 Qe8 15.a3 Nfe4 16.Nxe4 Nxe4 17.Bxe7 Qxe7 18.Nd4 Rfc8 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

КНИГА СЕДЬМАЯ

Часть I

1.

В середине первой пары разъяренная Заслониха ворвалась в аудиторию. Мы подумали, опять кого-то с курса в вытрезвитель замели. Но всё обошлось. Она объявила, что занятий не будет: все – в Дом кино на панихиду. Алексей Каплер умер.

В Дом кино мы отправились своим ходом.

Погода была какая-то китайская. Окрылённая. Угловой сквер у киностудии Горького в золотом набороднике листвы. Каждый лист женат на солнце.

Октябрь 1981, Москва.

Шли по ВДНХ мимо пивнух.

Время поджимает, но Петриченко увидел, что в «Парламенте» варят креветки, и стал уверять, что мы успеваем. Даже обещал, что повезет нас за свои деньги на такси. Хотя какие у него деньги! 38.50 стипуха плюс 30 р. перевод от жены, и то он хочет разводиться.

В ответ Рубик запаниковал: «Ребята, нас на панихиде ждут!», но его не слушали. Всем креветок с пивом захотелось!

Потом сели в такси, великан Петриченко рядом с водилой, мы втроем сзади. Было тесно. Зато Москва за окном – просто по-скотски хороша! Так и дрищет жизнью. И пускай Петриченко ее ругает («Языческий полигон какой-то, а не русский город!»), мне она как мать родная. Эх, почему я не родился в Москве!

Но посмотрим!

Впереди весь 3-й курс, за ним 4-й и 5-й. За это время что-нибудь произойдет. Я прославлюсь на весь Союз. Или встречу московскую любовь...

Через полчаса.

...Подъезжаем к Дому кино, а нас не впускают: «Панихида уже заканчивается!»

На Рубика больно смотреть.

«Говорил вам *давайте без пива*! Теперь Заслониха со стипухи снимет!»

Кому – что! Ему стипуха. Мне – отлить (срочно!!!) – после ВДНХ-ского пива.

Попробуем через кухню, говорю.

А вахтерша услышала и говорит: «Только попробуйте через кухню! Вы что, не знаете, кого хоронят?» [1]

Я: «Знаем!.. Каплера из “Кинопанорамы”!»

А вахтерша: «Какая «Кинопанорама»!.. Он зять знаете кого?..»

И стала отжимать нас дверью.

К счастью, у неё за спиной люди выросли: Андрей Кушаков из комитета комсомола и три актрисы с герасимовского курса.

Кушаков аж зеленый от ярости.

А у актрис лица одинаково злые.

Хотя у Вари Н. лицо было скорее растерянное, чем злое.

Они прошли не поздоровавшись и встали под деревом в кружок.

«Немедленно возвращаемся в почетный караул!» – услышали мы бархатный баритон Кушакова.

Но актрисы достали сигареты и задымили.

«Ну тогда я всем троим обещаю неприятности! – сказал Кушаков. – Тебя – из общежития выселю!» – пообещал он персонально Варе Н.

---

[1] *Очевидно, имеется в виду давний роман А.Каплера со Светланой Сталиной.*

«Ха, да она москвичка с квартирой! – мрачно засмеялись её подруги. – Нужна ей твоя общага!..»

«Я в курсе, – сверкнул глазами Кушаков, – *что*... или вернее *кто*... ее в общаге держит!..»

«Уже *никто*, – не сдавались актрисы, – не держит!..»

И так бы они еще долго ругались.

Но...

«Я мертвецов боюсь! – вдруг объявила Варя Н. – Не могу в караул!..»

И заплакала.

Лично я потерял дар речи – от ее слёз.

Красивое угристое лицо Кушакова тоже вытянулось.

Она боролась со слезами – как ручные чуткие весы борются с разновесом. Как после дождя лесная ветка с тянучими каплями борется.

«Андрей, мы не боимся мертвецов! – осенило Рубика. – Можно мы встанем в почетном карауле – вместо девочек?»

2.

После панихиды решили выпить.

Вопрос – где.

И тогда Рубик предложил в Стройбанке на Кузнецком. У него там приятель работает. У Рубика пол-Москвы ходило в приятелях. Еще с тех времен, когда он на кинохронике работал.

Отлично!

В Стройбанк!

Через полчаса.

В Стройбанке нас с ходу вывели в актовый зал.

Усадили в президиум.

Зал быстро наполнился.

Смотрю: одни чувихи!

Ух ты! Интересно!

Приятель Рубика объявил: «Друзья, у нас сегодня особенный день! К нам на огонек зашли студенты ВГИКа!.. Дадим им слово!..»

Петриченко вызвали выступать первым – как самого крупного из студентов ВГИКа.

Я не представлял, как он будет стоять перед целым залом. Все-таки он неотесанный.

Но он вышел на край сцены и заговорил как настоящий хлыщ, хотя и улыбаясь от смущения.

Он говорил так складно, что мне хотелось ущипнуть себя.

«Мы, сценаристы, – начал он, – не так известны широкой публике, как, допустим, актеры, хотя и среди нас есть люди популярные! Как тот же Алексей Каплер, Царство ему Небесное! Но сценарист, друзья мои, это ключевая фигура в кинематографе...»

«Земля пухом! – поправил с места приятель Рубика (тот, который пригласил нас). – А не Царство Небесное!».

Но Петриченко и бровью не повел.

«Кто придумывает притчу?.. – продолжал он для зала. – Начало –> развитие –> кульминация –> финал? Думаете, актеры придумывают?.. Или режиссер?.. Ничуть!.. Сценарист придумывает!.. А уж затем все выше названные товарищи эту притчу воплощают!»

– *Работники*! – снова подал голос товарищ Рубика. – А не *товарищи!* Не надо всуе!»

Но Петриченко говорил так умно, что вдруг его роговые очки стали главными во всем его облике.

Не живот, не борода, не бугорые плечи бывшего заводского слесаря, а очки. Вдруг он стал «очкарик».

Хотя он и вправду умный.

Помню, в общаге на 1-м курсе, сижу провожу турнир по кубику. Прикрылся учебником, якобы конспект пишу. Кубик бросаю мелко и без замаха. Бесшумно, как мысль. И тогда вдруг Петриченко из своего угла: «Что, шахматный турнир проводишь?..»

Оказалось, он многоопытнейший спец по *кубику* (целый чемодан тетрадок с какими-то схемами). И если у меня одни только шахматные турниры, то у него – игра в Историю (от расселения Индоевропейцев до высадки Цезаря на британских островах).

Но при этом он болеет за Карпова.

Как – так?!

А вот так!

Весь СССР болеет за Корчного (кто не дуб!). А Петриченко – за Карпова (хотя и умный).

Но вернемся в Стройбанк.

«... Но вот что такое талант? – развивал он со сцены. – Торжество гордыни, верно?.. Упоение собственной исключительностью!.. Как и всё так называемое творчество в мирском понимании!..»

Ни фига себе – загнул!..

Но, кажется, я знаю – откуда что растёт.

«Алле, Игорь! – тряхнул головой приятель Рубика. – Лучше вы нам про кино расскажите!.. Или стихи почитайте!..»

«Стихи это к нему!» – кивнул Петриченко на меня.

Мои стихи прошли *на ура*, и, по-моему, я закадрил самую красивую чувиху.

По крайней мере, когда перешли к неофициальной (J!) части, то за столом она выбрала место рядом со мной.

Она была что надо: русоволосая, статная. И, главное, похожа на Марьянку М.

И если не дотягивала до Марьянки, то совсем чуть-чуть.

Сам не знаю, чего ей не хватало.

Допустим, я просыпаюсь утром и вижу: снег сыпет, сугробы намело. Так вот, Марьянка М. была как сию минуту летящий, сию минуту всё околдовывающий снег. Тогда как у стройбанковской красавицы снег был уже в 2-дневных сугробах.

Но в остальном она была, конечно, *ах*!

И пива нам выставили целую батарею.

Со своей стороны мы сбегали в гастроном за подкрепленьем.

Приятель Рубика (тот, что нас пригласил) напился и стал стыдить Петриченко: «Это где вас такому учат – про талант, про гордыню? неужели во ВГИКе?.. или это радио Вашингтона *так* вас учит, а?!..»

Хотя Петриченко уже сопел, а это страшный признак.

«Это же баптизм какой-то! – не унимался приятель Рубика. – Поповщина в чистом виде!..»

Во дурак! Беды не чует!

И тогда – мама мия! – в перекосившихся на огромном лице очках Петриченко встал и опрокинул стол с бутылками.

В перекосившихся на огромном лице очках Петриченко встал и опрокинул стол с бутылками.

Чувихи завизжали, а Коршиков и Рубик с 2-х сторон повисли у него на руках: «Игорек, тихо!.. Игорёк, едем в общагу!..»

Герои-камикадзе!
Только б без милиции обошлось!

«*Третьяко-ов*!.. – заорал я тогда. – Игорек, *Третьяков* идёт!..»
Сработало!
Чудо!

Ну, пора объяснить.
Третьяков – (с недавних пор) – духовный гуру Петриченко.
От него и просходят все эти залепухи: «языческий полигон», «торжество гордыни». Более того, они все крестились в церкви под его влиянием (Петриченко, Рубик, Юсиф...)

Всей толпой мы высыпали на Кузнецкий и стали уговаривать девушек ехать с нами в общагу.

3.
Приятель Рубика не держался на ногах.
Он устроил сцену ревности моей блондинке. Но я видел, что ей хочется ехать с нами.
Тогда он закричал «Фашист!.. Фашист!» – и пробовал пнуть меня ногой.
Несколько чувих окружило его: «Альсан Николаич, Альсан Николаич!..»
Надо сказать, что он мне с самого начала не понравился. Этот Александр Николаевич. Есть такие люди. Стоишь, допустим, вдвоем с приятелем, не трогаешь никого, а он идет мимо и – «Можно вас на минуточку?» – и отводит приятеля. Причем с таким видом, будто у него компромат на тебя.

Но она мне не дала.
Вообще из всех стройбанковских чувих, что поехали с нами в общагу, дала только одна (Коршикову Сане). Разбитная хохотушка в теле (запомнить типаж).
Рубик вот жаловался наутро, что специально выбрал самую серенькую мышку. Ну, чтобы дала без долгих уговоров. А она ему: «После 1-й встречи нельзя!» «А после 2-й можно?» – засверкал он глазами. «Посмотрим!» – отвечала она уклончиво.
Но Рубик не собирался никуда смотреть. А только сверкал глазами и возмущённо поводил головой.

«Не расстраивайся, моя мне тоже не дала!» – успокоил я его.
«Но твоя красивая! – возразил он. – Что тебе мешает встретиться с ней во 2-й раз... в 3-й... в 4-й... – и так до победного конца!»
Мне это польстило, но я не стал объяснять, что мешает.

Потому что всё переменилось в ту ночь.

Но – по порядку.
Когда стало ясно, что «не даст», я пошел искать ночлег.
Слышу, внизу гуляют. Где-то в районе 9-го этажа.
Иду на шум.

А там целая толпа режиссеров с дипломного курса.
«Неси гитару!» – закричали мне.
Да, пора уж отметить, что у меня отличный голос. И меня в компании зовут.
Но дело не в этом. А в том, что там Николай Р. был.
Он тоже кричал «Неси гитару!», причем веселее всех. Он был пьян и стоял в обнимку с молодой коровой-экономисткой[1]. Она, как мочалка, терлась об него (хотя глаза смотрели несчастно, трезво).
А потом он вдруг вспомнил о чем-то.

[1] *студентка экономического ф-та.*

Отряхнулся от своей экономистки.

Подходит, обнимает.

«Будь другом, помоги еще раз! – шепнул в ухо. – Не яуфы, не бойся. Всего лишь свёрток!.. На 2-й этаж!..»

Ну, спустился я с его свертком на 2-й этаж.

Там тишина – как за 101-м километром.

Стучу в *203*.

Дверь распахнулась.

Илона К. на пороге.

Очень испуганная.

Приложила палец к губам.

– Там Варька вешается! – показывает на дверь правой комнаты. – Или травится!..

Я с трудом разобрал – что она такое говорит.

«Я боюсь!» – сказала она громче.

И аж зубами застучала – от страха.

Я прошел мимо нее твёрдым шагом.

– Открой! – стукнул в дверь.

Но я произнес это «открой» таким деревянным голосом, что самому неловко стало.

– Идиот, каждая минута дорога! – заплакала Илона К. – «Открой» я сама могу сказать!..

– Я принес сверток от Николая Р.! – известил я тогда фанерную дверь.

– Б-ть, уходи! – застонала Илона К. – Ты только хуже делаешь!.. Это же из-за него-о-о-о!..

И заревела в голос.

Там, за дверью правой комнаты, было тихо как в лесу.

– Вызывай милицию! – предложил я.

– Нет!.. – отвергла Илона К. и даже боднулась головой об стенку. – Вот тогда она убьётся наверняка!.. Ему назло!..

Так, что делать?!

– Эй! – сказал я в дверь.

В дээспэшную плитку.

– Помнишь, как я тебя выручил сегодня?!. На панихиде в Доме кино!.. Так вот, я тоже боюсь мертвецов!.. А самоубийц – особенно!.. Открой!..

4.

И тогда – со *скри-и-ипом* дверь поехала.

За нею Варя Н. стояла... в каком-то старушечьем пальто. И с огромным чемоданом в руке.

Вот всё что угодно готов я был увидеть за этой скрипучей, тихо поехавшей дверью... только не это.

Несколько мгновений мы стояли молча.

Она была как фасолевый стручок – такая сжатая.

Как гимнастка в нетопленном спортзале, за миг до того, как в тоненьком трико ринуться на брусья.

И только лицо красное как свекла.

– Ва-а-арька! – опомнилась Илона Ф. – Варечка-а-а!..

И шпынула меня локтем.

Я сделал шаг вперед и перехватил чемодан.

Он был как книжный шкаф – такой огромный.

Но легкий. Почти невесомый.

Девушки обнялись на прощанье.

Вдвоем с Варей Н. мы вышли в коридор.
Спустились по лестнице в фойе.
Выступили на улицу.

В этом своем нелепом, с жирной лисой-воротником пальто она точно из какого-то кино выступила. А не из 1981-го года. На улице не было ни души, но фильм этот, хотя и не виденный никем, был сила! Не знаю, что там в первых сценах, но эпизод, в который я угодил, следовал за тем, как пожилой, усатый, мрачный Николай Р. объявил ей: «Между нами все кончено! Я ухожу!», в результате чего уходит-то как раз она (из общаги на ул. Б. Галушкина, где, будучи москвичкой, жила не понятно на каких правах, чтоб поближе к мрачному любовнику).

Лицо ее было кочковатым, грубым.
Точно мешки с картофелем на полу навалены.
И хотя лицо ее оставалось ясное, от сочувствия у меня сердце свело.

– Знаешь, не надо бояться мертвецов! – объявил я, когда из общаги мы в уличную темноту вышли
Ну, чтобы что-то сказать.
А не молчать с неловкостью.
– Смерти нет!.. Обещаю!..

Здесь я запнулся.
Поймет – не поймет?

Но по лицу ее ничего нельзя было понять.
Точно фокусник улёгся на двух стульях, их выбили из-под него, и он в воздухе повис.
Такое вот непроницаемое выраженье.
На общагу даже не оглянулась (мол, бывай, молодость! бывай, 1-я любовь!).

Подошел 11-й трамвай, светящаяся кубышка.

– Я тебе обещаю, что смерти нет! – повторно объявил я в трамвае.
На чем была основана моя уверенность – бог весть.
Трамвай был полупуст.
Но мы как встали у кабины водителя, так и простояли все 4 остановки до метро.

Между тем, сказавши «*а*»...

– Потому что летел я однажды самолетом... – сказал я «*бэ*», – из Кишинева в Москву! С каникул!.. И вдруг какой-то малыш в соседнем кресле задает вопрос: «Мам, а когда наш самолет станет маленьким?»... Сечёшь?..
И обстукал ее лицо взглядом.
Теперь, если бы она не ответила на это мое дурацкое «*сечёшь*», то не знаю, что и было бы.
Хоть из трамвая на ходу выпрыгивай.

Но вблизи ее лицо было пористое, красное. С крючком каких-то безнадежных воли и решительности на дне глаз.
И клянусь, этот крюк поехал в мою сторону.
Зацепил услышанное.

– Короче, это обман зрения: «смерть»! – обрадовался я. – Это только взгляд с земли, ясно? Сам же самолет внутри себя никогда не станет маленьким!..
Во даю!!!

О как вовремя вспомнил: и самолет, и малыша... Наверное, это вид Вари Н. так на меня подействовал. Это ее пальто опилочного цвета, с бедной лисой на воротнике, точь-в-точь как старые тётки носят.

Возле метро ВДНХ мы вышли из трамвая.
Москва была тёмненькая, сдувшаяся.

Заходим в метро.
Решающий момент.
Если сейчас выдвинется к турникетам: «Ну все, пока!», то значит зря молол языком.
И тогда все фигня. Даже самолет, который никогда не станет маленьким.
И иди тогда проверь – есть смерть или нету смерти!

Ура, не фигня!!!

Едем дальше!!!

Она жила в 6-этажном доме напротив Нескучного сада. Метро Октябрьская, сталинский пояс Москвы.
Даже лифт в подъезде – профессорский, в чугунной сетке.
Проводил её до лифта.
«Пока!» – «Пока!»
И побежал домой – по проспекту.

Понравился ли я ей?
Хорошо бы.
Но я не знаю.
У нее большие лоб, глаза.
Слишком много воздуха в лице.
Не поймешь, о чем думает.

2 часа спустя.
Возвращаюсь в общагу.
В комнате моей стройбанковские чувихи спят табором.
Свалился рядом.
Думал, засну в ту же минуту.
Но что-то мешало.
Что?
Ё-моё. Сверток Николая Р.
Забыл отдать!
И Варя Н. не вспомнила.

Значит – урра! – увидимся еще.

5.
В те же дни.
Рапорт-РНО-99904 (112).
«Секретно. Багио. ЗН – Москве-2. Мониторинг основн. фнкц. Претендента в течение 1-й партии... Темп. тела – 36,4. Верхн. артер. – 130, нижн. артер. – 85».
Рапорт-РНО-99904 (113).
Секретно. Багио. Из разговоров Претендента.
Претендент: «Придумал!!! Я соберу пресс-конференцию и объявлю, что я... поляк!.. Ведь Ариадна Меркурьевна, бабушка моя, была полячка... Как ты думаешь, что будет, если я объявлю себя поляком?! Мол, поляки *выдвинули* меня!»

Помощник Претендента: «Я думаю, что это глупая идея! Польша сателлит СССР! Поет под дудку Кремля!»

Round 2 Baguio Convention Center [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»] 1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0 Nxe4 6.d4 b5 7.Bb3 d5 8.dxe5 Be6 9.c3 Bc5 10.Nbd2 0-0 11.Bc2 Bf5 12.Nb3 Bg4 13.Nxc5 Nxc5 14.Re1 d4 15.h3 Bh5 16.cxd4 Bxf3 17.Qxf3 Nxd4 18.Qc3 Qd5 19.Be3 Nxc2 20.Qxc2 Nd3 21.Red1 Rfd8 22.Qxc7 Qxe5 23.Qxe5 Nxe5 24.b3 f6 25.Bb6 Rxd1+ 26.Rxd1 Rc8 27.Rd2 h5 28.Be3 Kf7 29.f4 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (114). «Секретно. Багио. ЗН – Москве-2. Мониторинг основн. фнкц. Претендента. 2-й партия. Анализ газов артериальной крови Pao = Fio (Рб – 47) – Pco. Поглощение кислорода = СИ. 13,9. НЬ».

Round 3 Baguio Convention Center [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.c4 Nf6 2.d4 e6 3.Nc3 Bb4 4.e3 c5 5.Ne2 cxd4 6.exd4 d5 7.c5 Ne4 8.Bd2 Nxd2 9.Qxd2 a5 10.a3 Bxc3 11.Nxc3 Bd7 12.Bd3 a4 13.0-0 0-0 14.f4 g6 15.Kh1 Nc6 16.Bc2 Ne7 17.Rae1 b6 18.Rf3 Re8 19.Rfe3 Bc6 20.cxb6 Qxb6 21.g4 Qc7 22.f5 exf5 23.gxf5 Qd6 24.Rh3 Nxf5 25.Bxf5 gxf5 26.Rg1+ Kh8 27.Rh6 Re6 28.Rxe6 Qxe6 29.Qg5 Qg6 30.Qh4 Qe6 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (115). «Секретно. Багио. ЗН – Москве-2. Мониторинг основн. фнкц. Претендента. 3-я партия. Центральное венозное давление (ЦВД) 12–14 мм рт. ст в правом предсердии... После первого часа игры наблюдается рефлекторное увелич-е частоты сердечных сокращений, ведущее к увеличению сердечн. выброса...».

Round 4 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»] 1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0 Nxe4 6.d4 b5 7.Bb3 d5 8.dxe5 Be6 9.c3 Bc5 10.Nbd2 0-0 11.Bc2 Bf5 12.Nb3 Bg4 13.Nxc5 Nxc5 14.Re1 Bh5 15.h3 Re8 16.Bf4 Ne6 17.Bd2 Nc5 18.Bf4 Ne6 19.Bd2 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (116). «Секретно. Багио. ЗН – Москве-2. Мониторинг основн. фнкц. Претендента. 4-я партия.На втором часу игры снижение МВЛ от 140 до 128 л/мин вследствие уменьшения объема вентилируемой легочной ткани и снижения бронхиальной проходимости».

Рапорт-РНО-99904 (117).

Секретно. Багио. *Из разговоров Претендента*.

Претендент: «А что если я объявлю, что меня Израиль выдвинул?!.. Все-таки я еврей наполовину!»

Помощник Претендента: «Израиль это не ко мне! Меня там подставили на большие деньги! Братья по маме подставили, ха-ха! Чтоб в семейное дело не лез!»

Претендент: «Но какой выход? Кто выдвинул меня?!..».

Рапорт-РНО-99904 (118). Секретно. Москва-2 – Б-му. Багио. «Ход первых 4-х партий считаем удовлетворит-м. Сообщите, на когда планируется нанесение 1-ого удара?»

Round 5 [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.c4 Nf6 2.d4 e6 3.Nc3 Bb4 4.e3 c5 5.Ne2 d5 6.a3 Bxc3+ ... 122.Bd2 Kh8 123.Bc3+ Kh7 124.Bg7 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (118). «На 5-м часу игры у Претендента увеличение числа дыханий в единицу времени. Частое (22-24 вдохов в минуту) неглубокое дыхание».

Round 6 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi"»] 1 e4 e5 2.Nc3 Nf6 3.Nf3 Nc6 4.g3 Bb4 5.Bg2 0-0 6.0-0 e4 7.Ne1 Bxc3 8.dxc3 h6 9.Nc2 Re8 10.Ne3 d6 11.Qc2 a5 12.a4 Qe7 13.Nd5 Nxd5 14.cxd5 Nb8 15.Be3 Bf5 16.h3 Nd7 17.c4 b6 18.Qc3 Nc5 19.b3 Qd7 20.Kh2 Re7 21.Bd4 f6 22.Rac1 Qe8 23.Qe3 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (119). «Мочеотделение Претендента во время партии. Ходы 1-17 М. осм/П.осм=2.0, ходы 21-23 М. осм/П.осм= 1.8».

Рапорт-РНО-99904 (120). Секретно. Багио. Из разговоров Претендента.

Помощник Претендента: «Ну какой выход?! Играй за отца и мать! Будем считать, родители тебя *выдвинули*!»

Претендент: «Это не выход. Потому что мать меня колотила в детстве, когда у меня зубы резались и я по ночам орал! Ее горсуд лишил материнских прав! А отец до смерти напугал меня в 41-м году, когда пришел с позиций на полдня. Помню, входит он в дверь и, коротко обняв Олю, бежит ко мне! Но это был не он! А какой-то старик в колючей, плохо пахнущей шинели! С дырами вместо щёк и смертной тиной в глазах!..»

Round 7 [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.d4 Nf6 2.c4 e6 3.Nc3 Bb4 4.e3 0-0 5.Bd3 c5 6.d5 b5 7.dxe6 fxe6 8.cxb5 Bb7 9.Nf3 d5 10.0-0 Nbd7 11.Ne2 Qe8 12.Ng3 e5 13.Bf5 g6 14.Bh3 a6 15.Ng5 axb5 16.Ne6 c4 17.Bd2 Bc5 18.Nc7 Qe7 19.Nxa8 Rxa8 20.a3 Nb6 21.Qc2 Bc8 ...

Рапорт-РНО-99904 (121). Секретно. ЗН – Москве-2. Мониторинг основн. фнкц. Претендента после 21 хода 7-й партии: сердечный индекс (СИ) = СИ = 2,5-4,0 л/(мин-м2)...

...22.Bxc8 Rxc8 23.Ba5 Nbd7 24.Qd2 Bd6 25.Bb4 Nc5 26.Bxc5 Bxc5 27.Kh1 Qd6 28.Rad1 Kh8 29.Qc2 Qe6 30.Ne2 Qc6...

Рапорт-РНО-99904 (121-2). Ударный индекс (УИ) Претендента после 30-го хода: средн. объем, выбрасываемый желудочком сердца с каждым сокращением 35-40 мл/м2 ...

...31.h3 Re8 32.b4 Bb6 33.Qb2 Kg8 34.Rfe1 Kf7 35.Qc2 d4 36.Ng3 Rd8 37.exd4 exd4 38.Qd2 d3 39.Qh6 c3 40.Ne4 Nxe4 41.Qxh7+ Kf8 42.Qh8+ 1/2-1/2 (общий счет в матче 0:0).

Рапорт-РНО-99904 (122). Секретно. Москва-2 – ЗН. «В связи с отсутствием показателей превосходства в матче доложить: 1. об эффективности решения медико-биологических проблем. 2. о качестве сна и быстроте засыпания тов. Карпова. 3. об эффективности телеметрического датчика с характеристиками сна тов. Карпова и передачи данных на ЭВМ».

Round 8 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»]...

Рапорт-РНО-99904 (123). Секретно. Багио. Б-й – Москва-2. «Согласно В. директиве заявлен отказ от рукопожатия в начале партии».

...1.e4e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0 Nxe4 6.d4 b5 7.Bb3...Сод. арт. О2 Претендента = 20 об% 1,39. HbaQ) + (Рап . 0,003)... 28.Nd8+ *1-0* (общий счет в матче *1:0* в пользу тов. Карпова).

Рапорт-РНО-99904 (123-2). Москва-2 – Багио, Б-кому. «Поздравляем!.. Ждем развития успеха!»

Рапорт-РНО-99904 (123). Секретно. Багио. ЗН – Москва-2. Из разговоров Претендента.

Претендент: «Ты видел?! Он мне руку не подал!»

Помощник Претендента: «Ну, чтоб ты задергался!»

Претендент: «Ведь я никто и звать меня никак!»

Помощник Претендента: «Ну вот! Задергался!»

Претендент: «Эх, был бы я с Урала!..»

Помощник Претендента: «За...л (*нецензурно*) своим Уралом!..»

Претендент: «Это из-за Оли все! Из-за того, что она Хвола вдруг! Ну вот кто она на самом деле? Кто?..»

Помощник Претендента: «Какая разница, кто она?! Вырастила тебя, и ладно! Спасибо ей скажи!»

Претендент: «А вдруг ее шпионить поставили за мной?»

Помощник Претендента: «Что?.. С детства – шпионить за тобой?..»
Претендент: «А вдруг?!»
Помощник Претендента: «Ты ё...? (*нецензурно*)»
Претендент: «А кто тогда Сергея Хавского предупредил?! Партия против Сергея Хавского (весна 1945-го, турнир 2-х подтвержденных разрядов, Дом пионеров). Я готовился к защите Грюнфельда, но Хавский берет и сворачивает в Земиша. Как будто в курсе. До того он одного Грюнфельда белыми играл, а теперь вдруг в вариант Земиша свернул (3.Kb- c3 Cf8 – g7 4. e2 – e4 d7 – d6 5. f2 – f3 Kb8 – d7 6. Cc- e3 e7- e5 7. d4- d5...)! Который я не подготовил! Ну вот кто его предупредил? Кто?»
Помощник Претендента: «Может, и я тогда шпион?!..»
Претендент: «Я такого не говорил!»

Рапорт-РНО-99904 (124). Москва-2 – Багио, ЗН. «В свете успешной разр-ки психологического портрета Претендента и с целью *дальнейшей деморализации* – развернуть по месту проведения Матча (Baguio Convention Center) выставку – наглядный стенд о присоединении к России земель Поволжья, Урала и Сибири (включая Дальний Восток), организовать демонстрацию художеств. фильма «Ермак» (с английскими субтитрами)».

6.
В те же дни.
Витя Пешков. Москва.
Сдавали лыжный кросс в Яузском лесу. Четыре круга вдоль заснеженного ольшанника.
Нинель[1] запустила секундомер.
Все понеслись как угорелые.
Я один спокойно покатил (Нинель заказывала мне красное вино из Кишинёва. Зачёт у меня в кармане). Съехал в полуовраг и встал там себе.
Здесь снег еще не сроднился с залогом земли, хотя и накрывал её вихреобразными барханами. Деревья росли, наклонённые в одну сторону, и снег был в синяках от солнца.
Я встал у кустарника. Вето тишины опустилось. Вот тут бы и умереть! Потому что небо, точно мокрой глиной, было обшлёпано синью. И тишина такова, что я без разбега стал 30-летним, 40-летним. Всего себя прозрел в полной размотке.
И я дал себе слово, что никогда не пожалею о том, что я *есть*.
И о том, что *я* это я.

А потом вернулся на трассу, и чуть костей не собрал. Какие-то бабы налетели сзади.
«Лыжню!.. лыжню!..»
Чуть не смели нахрен.
Это были актрисы с герасимовского курса.
В том числе и Варя Н.
Которая даже не посмотрела в мою сторону.
Но клянусь – она стала свекольно-красной.

Конформистка. Вечно в толпе.
Повсюду они ходят своим глупым шумным курсом: в столовую, в туалет...
Но куда ни повернусь – она.
Единичная, как напольное дерево в горшке.
Как из черной фотобумаги – вырезана из мира.
---

[1] *Нинель – препод по физвоспитанию.*

Занятия по танцу происходили у них на 4-м этаже. В фойе с толстыми колоннами и грудастым роялем по паркету. Старинные менуэты натаптывались там торжественно и манерно... – до звонка!

По звонку – всем гуртом вниз.
Лбы толоченные, удаль рабфаковская.
Парни атлеты. Девки – породистые, мордатые.
Мрамор лестниц резонировал от их гона.

И Варя Н. была частью их.
Но она притворяется.

От отчаяния я сверток развернул (ну тот, от Николая Р.).
В нём был банный халат в подсинённую нитку.

Спустился в 203-ю к Илоне К.: «Дай мне номер телефона Вари Н.!»
– А зачем тебе? – стала вредничать она.
– Халат передать!..
– Принеси, я сама ей передам!.. – фыркнула она с презрением.

Я стушевался. Точно Варя Н. уже пренебрегла мной. Хотя это была всего только Илона К.

– Сейчас принесу! – пообещал я и ушёл.

Вхожу в лифт – в нем полно народу. Какие-то аспиранты, арабы. Жены арабов. Пьяные заочники.

Вдруг... дверка лифта стукнула за спиной: еще кто-то втиснулся.

Илона Ф.

– На! – протягивает какую-то промокашку. – Желаю удачи!..

И ретируется из лифта.

На промокашке – *234-99-87 Варька*

---

3 месяца спустя.
Общежитие.
Петриченко, Юсиф Алиев и Рубик (соседи) уходят погулять.
Воскресенье.
9.45 утра.

1. *Петриченко* (*на прощанье, грозно*): «...и чтоб никакого тут прелюбодейства, понял?!..»

2. *Юсиф Алиев* (*по-заговорщицки тихо*): «Жду смачного описания прелюбодейства!»

3. *Рубик* (*уже в дверях вспомнив о чем-то и на носках вернувшись в комнату*): «Пускай она думает, что ты умный!» (*снимает Цицерона со своей книжной полки и устраивает на моей*).

Гуськом выходят друг за другом.
Оставляют мне жилплощадь – для любовного свидания...

... о котором я так давно грезил.

Это правда!
Правда!

Это были ненормальные 3 месяца.
Напивался через день.
Палил гитару по общежитью.

Без чувств валялся на этажах...

А приду в себя – бегом к телефон-автомату (*234-99-87... 234-99-87... 234-99-87... 234-99-87...*).

Как Аю-Даг – за 2 телефонные копейки – вдавался в море ее слуха. В 12 ночи, в час ночи...

Пока не отважился – в гости позвать.

7.

В ожидании Вари Н.

10.00 утра.

Прислушиваюсь к шагам в коридоре.

Она?

10.20.

Она?

10.35.

Надо же, как втюхался!..

10.45.

Она?

Прям бедствие какое-то.

Как если бы разделся перед сном и повесил рубаху на спинку стула – а утром смотрю: что-то такое в рубахе моей надулось, пока я спал! Какое-то космическое тело.

11 утра.

Во даю.

Как если бы 1000 сибирских пихт стояли в таёжном руне, а мне дело до одной-единственной упавшей иголки.

11.15.

Не любит.

11.20.

Но почему?

Неужели из-за того, что мне росту не хватает?

Сантиметров 4-5.

11.30.

Шаги по коридору.

Она?

11.45.

Но ведь я...

Я тот, из-за которого всё на свете.

Я тот, из-за которого Сталин наложил лапу на Бессарабию (чтоб мои родители встретились!).

Почему это не действует на Варю Н.?

11.50.

А потому, что она конформист.

Вечно с сокурсниками

Уж я этих её подружек, Машку, Катьку, Маринку... терпеть не мог. Сама наружность их, мордато-самоуверенная, наглая, была отказом мне.

И нет в ней ни одной зацепки за любовь, ничего из того, что в моем вкусе.

12.00.

Ну и отчего же я страдаю?..

Отчего сокрушаюсь с такой силой, точно вода попала в ухо и приходится высоко подпрыгивать на одной ноге?...

12.10.
Для успокоения – взял Цицерона с тумбочки.
Мимо сознания.

Но под Цицероном – коробка.
Та самая (Список пунктов, по к-м т. Шор (Ильин) допустил недопустимые идейно-художественные просчеты и грубые фальсификации: 1. «О румынско-бессарабских «перебежчиках» в СССР (1935–37). 2. «О вынужденной подделке румынско-бессарабскими перебежчиками своих оригинальных документов»...).

Приоткрыл крышку.
Бумаги какие-то.
«10.6. 1941, Оргеев. Акты о принятии государством ниспоренского имения. 1. Рама лесопильная W12-A!.. 2. Брусоукладчик W14-1... 3. Станок плющильный... 4. Станок обрезной W12-G... 5. Станок заточной TA-7... ***Кап. Рудягин:*** «А сам-то Иосиф (по слогам)... Ште... ште... барг где?.. ». ***Гр. Шантал Стайнбарг:*** «Умер от болезни. Похоронен тут в Оргееве на еврейском участке!» ***Ст. лейт. Ильин:*** «Есть свидетельство о смерти в Оргееве?..»
Бр-р-р.

12.30.
И вот, еще и по осьмушку не въехав во все эти брусоукладки, станки и свидетельство о смерти какого-то Иосифа Штейнбарга, я, с холодком в душе, узнал почерк.
3-й Ша.
П-ц!
Не быть мне русским поэтом.
И лапа сталинская – не помогла.

12.45.
Аж в груди закололо.
Не быть мне возлюбленным Вари Н.

13.20.
Но я буду!..
Буду!
И... я знаю, что делать (вот только Петриченко придет)!

13.40.
Петриченко вернулся.
«Приходила?»
«Угу!» – соврал я.
И водрузил Цицерона – на полку Рубика.

«Игорь, я креститься хочу! – объявил я вслед за тем. – В русскую веру!.. Устрой мне это дело через Третьякова Н.Н.!..»

8.
Багио. Филиппины. В те же дни.
Round 9 [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.c4 Nf6 2.Nc3 e6 3.Nf3 d5 4.d4 Be7 5.Bf4 0-0 6.e3 c5 7.dxc5 Bxc5 8.Qc2 Nc6 9.Rd1 Qa5 10.a3 Be7 11.Nd2 e5 12.Bg5 d4...
Рапорт-PHO-99904 (135): Претендент: метаболический ацидоз после 1-го часа игры: $PaCO_2$ = 1,7 x [HCO_3-] + 7 мм рт. ст.
...13.Nb3 Qd8 14.Be2 h6 15.Bxf6 Bxf6 16.0-0 Be6 17.Nc5 Qe7 18.Nxe6 Qxe6 19.Nd5 Rad8 20.Bd3 Ne7 21.Nxf6+ Qxf6 22.exd4 exd4 23.Rfe1 Rd7...
Рапорт-PHO-99904 (135-2). Претендент: давление, регулирующее венозный возврат после 4 часов игры: «66/e55».

...24.Re4 Nc6 25.Qe2 g6 26.Re1 Kg7 27.b4 b6 28.Qg4 Rfd8 29.h4 h5 30.Qg3 Qd6 31.f4 Re7 32.Rxe7 Nxe7 ... 41.Be4 Rc3 1/2-1/2 (общий счет в матче 1:0).

Рапорт-РНО-99904 (136). Секретно. Багио. ЗН – Москва-2. Из разговоров Претендента:

Помощник Претендента: «Значит, про Олю-Хволу! Вот книга! Чтоб тебе все понятно было! Чтобы ты ее не подозревал!» (*дает книгу*).

Претендент: «Откуда у тебя?».

П-П: «Ну так! Я ведь тут тоже... ха-ха... фигурирую!..»

Претендент: «Кто автор? Почему имени автора нет?»

П-П: «Суд пока не решил, кто автор!»

Претендент (*листая книгу*): «Оргеев какой-то... Где это?»

П-П: «Ты почитай! И ты тут тоже... ха-ха... фигурируешь!»

Претендент: «Я?!»

П-П.: «Если понравится, то всё. Считай, что мы тебя и **выдвинули**! Весь наш **семейный** клан!»

Round 10 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»]1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0 Nxe4 6.d4 b5 7.Bb3 d5 8.dxe5 Be6 9.Nbd2 Nc5 10.c3 d4 11.Ng5 dxc3 12.Nxe6 fxe6 13.bxc3 Qd3 14.Nf3 Qxd1 15.Bxd1 Be7 16.Be3 Nd3 17.Bb3 Kf7 18.Rad1 Ndxe5 ... 40.Rhxe5 Rxe5 41.Rxe5 Ra4 42.Re4 Ra5 43.h4 h5 44.Rf4 1/2-1/2 (общий счет в матче 1:0).

Рапорт-РНО-99904 (137). «Претендент. Кривые диссоциации оксигемоглобина в течение 10-й партии (схема)».

В тот же день. После партии. Корчняк в библиотеке Baguio Convention Center.

Encyclopædia Britannica:

1. Оргеев (Orhei) – *бессарабский* город на месте бывшей *дакийской* (Dacia) крепости.

2. Бессарабия (Bessarabia) – восточная часть Молдавского княжества, регион Прутo-Днестровского междуречья. С 16 в. под властью Османской Порты. В 1812 г. согласно Бухарестскому мирному договору отошла к России. С 1918 по 1940 – Королевство Румынии. С 1940-го – СССР.

3. *Река Прут* (Prut) – приток Дуная, образующий естественную границу Молдавии и Румынии.

Рукой Претендента – на промокашке: «Ура! Нашел Прут на карте!.. Нашел Оргеев!..»

4. *Королевство Румынии* – образовано в 1859 году в результате слияния княжеств Валахия и Молдавия (граница по реке Прут)...

5. *Османская Порта*...

6. *Бухарестский Мир*...

7...

...

15. *Даки* – группа фракийских (или славянских?) древних племён, от к-х предположительно произошли современные *румыны*.

Рукой Претендента: «Ну что, Толя, поборемся?!.. Ура! Выдвинут! Выдвинут!»

Round 11 [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.g3 c5 2.Bg2 Nc6 3.e4 g6 4.d3 Bg7 5.f4 d6 6.Nf3 Nf6 7.0-0 0-0....49.gxh5 Qg5+ 50.Qg3 Qd2+ *1-0* (общий счет в матче 1:1)

Рапорт-РНО-99904 (145-6). Москва-2 – Багио. Б-му. Секретно. «На что 2 месяца ушло? Где игровая доминация? 1. Срочно доложить о практич. мерах в соотв. с мониторингом основных жизн. функций Претендента во время партии, особенно в напряжен-

ные решающие моменты игры. 2. Найти дополнительные факторы морально-психологич. давления. 3. Помощник Претендента (Пешков-Стайнбарг) – в разработку».

Round 12 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»] 1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0 Nxe4 6.d4 b5 7.Bb3 d5 8.dxe5 Be6 9.Qe2 Be7 10.Rd1 0-0 11.c4 bxc4 12.Bxc4 Bc5 13.Be3 Bxe3 14.Qxe3 Qb8 15.Bb3 Na5 16.Ne1 Qb6 ...

Рапорт-РНО-99904 (146-2). Багио – Москва-2. Секретно. Транспорт кислорода, характеризующий деятельность сердечно-сосудистой и дыхательной систем Претендента. Сод. 02. СВ. 10, где СВ – сердечный выброс...

...17. Qxb6 cxb6 18.f3 Nxb3 19.axb3 Nc5 20.b4 Nd7 21.Nd3 g5 22.Nc3 Rfc8 23.Nf2 d4 24.Ne2 d3 25.Nxd3 Bc4 26.Ng3 Bxd3 27.Rxd3 Nxe5 28.Rd5 Ng6 29.Rxg5 Rc2 ...

Рапорт-РНО-99904 (146-2). Багио – Москва-2. Секретно. Расчет: а) перенос О2 арт. кровью по Сод. арт. О2; б) перенос 02 смеш. вен. кровью по Сод. вен. 02; в) 10 – коэфф. для пересчета мл О2/100 мл крови в мл 02/л крови (DQ – доставка (снабжение) или транспорт 02, соответствует тотальной доставке 02 в ткани) Do = 900-1200 мл /мин

...44.Rg7 Rh8 1/2-1/2 (общий счет в матче 1:1).

Round 13 [White «ViktorKorchnoi»] [Black «AnatoliKarpov»] 1.c4Nf6 2.Nc3 e6 3.Nf3 d5 4.d4 Be7 5.Bg5 h6 6.Bh4 0-0 7.Rc1 b6 8.Bxf6 Bxf6 9.cxd5 exd5 10.g3 c6 11.Bg2 ... 59.Kd2 Qa5+ 60.Kd1 Qa1+ 61.Kd2...

Рапорт-РНО-99904 (152-1). Секретно. Багио. Б-й – Москва-2. «Выяснено, что помощник Претендента *Пешков-Стайнбарг* – бывш. гражданин СССР». ЗН – Москва-2. «Выяснено, что в СССР проживают *бывш. члены семьи* Пешкова-Стайнбарга: *жена и сын*».

Часть II

1.

«...и сын».

Спустя месяц.

В храме пахло, как в погребе.

И хор пел нестройно.

Деревянные полы скрипели без конца, и кадильный пламень с трудом попалял дух старых досок.

От усталости меня судорога стала драть по левой икре.

Онемение от колена.

Май, 1982, село Отрадное, Белорусской железной дороги.

Я стал озираться. Наших пятеро (не считая Третьякова Н.Н. на правом клиросе). Толстяку Юсифу хуже всех – натощак с утра.

Я стал делать ему знаки. Ну, чтобы выйти, покурить. Подышать сельским воздухом. Послушать пение дроздов в низких ракитах вдоль ж.д. путей. Он бы вышел, если б не боялся Петриченко. И если б перед Третьяковым Н.Н. не было стыдно.

Но – ура. Зашевелилась стена народа: это в левом пределе исповедь началась.

Наконец-то.

Когда ждешь своей очереди на исповедь, скорее время идет.

Из-за пиджаков и косынок я не видел, кто исповедует сегодня. Обычно исповедывал отец Василий в ярко-синей рясе и с каким-то затравленным несмелым взглядом. Точно после дождя глина под ногами поехала – такой взгляд. Зато перед ним исповедаться не стыдно. Но если из Москвы подваливало много народу, то рядом с его столиком выставляли и другой столик под ризой – для о. Владимира Шибаева или о. Валериана Маслова.

О, эти двое были сила.
Они исповедовали так, точно траншею копают.
Или деревянную изгородь сколачивают.
Или каучуковыми выбивалками – пух! пух! – выбивают пыль из тяжелого ковра.

И все равно к ним пол-Москвы ездило.
А к отцу Василию никто не шел.
Из сочувствия я встал в короткую очередь к отцу Василию. Два человека передо мной.
Пока он исповедывал их, я собирался с мыслями.

Как я очутился здесь?!
Все просто! Ведь я и раньше верил. Задолго до Третьякова Н.Н. Задолго до самолета, ставшего маленьким.
Л.И. Брежнев – в снаряде кишиневской «Чайки» – вот исток.
Чудо-гол Олега Блохина... боги ручьев, полей и васильков... – вот направление!

Но сейчас мне стал нужен именно третьяковский русский бог.
И то сказать – нужен!
Потребен как само дыхание.
Ибо в Нем одном и Москва, и Варя.
В Нем одном Россия!

Вот именно!

«Кто православный, тот и русский!» – учит Третьяков.
Должно ли мне идти против рожна?

И я свидетельствую, что весной 4-го курса родилась во ВГИКе православная церковь в катакомбах.
Братство навеки.

Но в чем же я исповедуюсь сегодня?
О, это полногрехий грех. Из 10 Заповедей. Не убийство, конечно. И не воровство... А то, что между ними.
И Варя Н. причина его.
Косвенно, к сожалению.

Ну. С чего начать.
Наверное, с того, что была весна 4-го курса. А во ВГИКе учатся 5 лет, и только актеры – 4 года. Через месяц ее не будет в этих стенах.
И тогда я набрал это 234-99-87 – трезвый.
Решился наконец.
Пригласил в ресторан «Нарва» (на сливе Цветного и Трубной). Бедный такой кабак. Но я других я не знаю.

В «Нарве». Спустя 2 дня.
– «Мастера и Маргариту»[1] репетируете? – спросил я, когда мы уселись за столиком в «Нарве». – А ты хоть имеешь представление, что это за роман?..
У нее, конечно, не было представления.

Официантка принесла меню, и я перехватил его с ловкостью завсегдатая.
– «Мастер и Маргарита» это Евангелие от Сатаны!.. – объяснил я, рассматривая меню. – Абсолютно антиправославная вещь!..
Как раз плов подали. И выпивку в графинчиках.

[1] *Дипломный спектакль их курса.*

– А ведь ты русский человек! – я налил ей коньяку из графинчика. – И твои корни – в православной культуре!..

Мой собственный тон (изрядно пожившего человека), пожалуй, удивлял меня.
Для хладнокровия я водки выпил.

«А кого ты играешь?» – спросил я, сделав вид, что не в курсе.
«Маргариту!» – отвечала она.

Но я прошу не обращать внимания на восклицательный знак.
Не было там восклицания (!) после *Маргариты*.

А дело вот в чем. В детстве я каждое лето проводил в Одессе, где синедузое море и спутанные пряди солнца на воде. И только однажды я побывал в Одессе зимой. Так вот, Варя Н. была зимнее море. Она не умела восклицать.

Это душа моя восклицала.

– Мои поздравления!.. – воскликнул я. – Ты играешь ведьму!..
И пристукнул черенком вилки о скатерть.
Мы выпили.
По крайней мере – выпил я.
И рассмотрел ее – впервые с тех пор, как мы сошлись сегодня.

Она показалась мне постаревшей. Старше меня на 10 лет.
Лицо ее было каким-то удлиненным, с немолодой кожей.
От белокурой миловидной кукольности не осталось и следа.
И глаза были тусклы. Точно она старше меня лет на 20.

– Ну вот сама подумай! – забормотал я, захмелев. – С Мастером она... *что*? С Мастером она мужу изменяет!.. Верно?..

Здесь она прямо выставилась на меня своими зелеными, своими точными глазами.
На один миг с ее лица щит был поднят.
И хотя она не подтвердила «Верно!», равно как и не возразила «Нет, не не верно!», я прозрел. Увидел всё, что нужно было увидеть.

Попробую объяснить.
Вот, допустим, имел место ледниковый период на Земле. Палеозой какой-нибудь. Миллионы лет до человека. Но – внимание! – ЭВМ были уже тогда. А также телефон и радио. Пенициллин и антибиотик. Самолеты и атомоходы. С первых дней Творенья это все находилось в нем.
Просто щит не был поднят.

Вот так и лицо Вари Н.
Всё моё будущее в нем заключено.

– А взять Мастера! – в волнении я задвигал стулом. – Ну вот давай прикинем – кто он, этот *Мастер*?.. – и заозирался по сторонам.

Ресторан «Нарва» был 1-комнатный, в десяток столиков.
День будний.
Мы единственные обедаем.

– *Мастер*, – зашептал я с выражением высокого ужаса на лице, – это одна из главных степеней посвящения знаешь у кого?..
Я смотрел на нее, ожидая, когда прекрасное ее лицо последует моему волнению.
И оно последовало.

Послушный ответный ужас отпечатался на нем.
Это был наигранный ужас. Но она старалась.

«У кого?» – спросили ее глаза.
– У *масонов*! – заключил я одними губами.

Короче, дело пошло!
Сейчас я открою ей глаза – на всё на свете. В том числе и на роман «Мастер и Маргарита». Расскажу, что он буквально пропитан символикой масонской и... сионистской! Да-да! Вспомнить сцену купания в ритуальной крови!
То-то я Златоуст.
В упоении я наметил план: убедившись, что чаемый духовный переворот в Маргарите моей стартовал, везти ее не медля в Отрадненскую церковь – для принятия св. крещения. Вот завтра с утра – и везти!..
И я увидел нас в рассветной электричке. Белорусский вокзал, пригородные платформы! А от тех платформ – совсем недалеко до жениха и невесты.
И мысленно я дал обет Владыке Мира, что *ничего* у меня с ней не будет. Ну *в том* смысле. Пока не обвенчаемся как супруги...

Но она вдруг объявила, что ей пора.
И лицо стало такое, точно весь обед мы о погоде болтали. Или о какой-то другой ерунде.

Все перевернулось в одну минуту.
От неловкости я чуть не заболел.
Но – поздно.

Похолодев, я последовал за ней в гардероб.

Гардероб был тесный.
Дождь за витринным стеклом.
Подавая ей курточку, я думал, что сейчас мы разойдемся по своим дождям-ветрам, метро-автобусам, а я так и не объявил ей главного.
А ведь мы расходимся навсегда – за порогом этой «Нарвы».
Во 2-й раз она не придет слушать про масонов. И про сионистов.
Что же делать? Что делать?

– Я люблю тебя! – объявил я, едва мы на улицу вышли.
Но день был какой-то пересвеченный, белый. Не понять, что у нее в глазах.
Она стала торопить с расставанием. Мол, «*ну хорошо, хорошо... ну ладно, ладно...*».
И вид ее при этом стал несчастный, злобный.

Тогда – с этой своей голой любовью – я стал надвигаться на нее, а она отступать с шипеньем.
Нейлоновая, несуразно-большая куртка синела на ней до колен. Желтые штанишки росли из-под нее, как два тонких прутика.

От винта, Витька!

2.
Я двинулся по бульвару, когда ночь уже моргала.
А пока ехал на метро, веко ее совсем упало и лежало, как зашитое.

Вылез на ВДНХ. Сел в 169-й автобус.
С какой-то стати поехал в институт.
Пьяный от дневной водки, бродил по коридорам ВГИКа.
Здесь еще довольно было жизни.

В левом крыле 3-го этажа я приостановился у кабинета ИЗО.
Кожаная дверь казалась задублённой наглухо, но мне почудился стрекот пишмашинки за нею...

И там, в кабинете ИЗО, у меня произошло что-то ужасное с Илоной Ф., которая попадалась мне повсюду.

«Что ты тут... печатаешь?» – спросил я пьяным языком.
И тогда она аж удвоилась от важности.
Оказывается, Паола Волкова[1] доверила ей перепечатать подпольный «Этногенез» Льва Гумилева.
«Умники! – заворчал я. – Нашли, что перепечатывать!»
«Да, умники! – отвечала Илона Ф. с вредностью. – А тебе что?»
– А то, – зарычал я, – что ерунда это: «*пассионарии – фаза подъема – фаза перегрева*!..»
«Ерунда это!» – захрюкала она, копируя меня. – А тебе что?..»
– Бог творит историю, дура! – топнул я ногой. – А не «пассионарии»!
«Бог творит историю! – тогда она тоже топнула ногой. – А тебе что?..»
И так противно она меня копировала... что я... напал на нее.
На письменном столе, возле пишмашинки.

И я совершил с ней тот грех, что между *не убий* и *не укради*.
Да еще и оскорбил «Целка проклятая!»
А она заплакала: «А ты выкрест проклятый!»

Вот в чем предстояло мне каяться отцу Василию.
Ну что же...
Не приятно, но и не смертельно.
Отец Василий не страшный.

Как вдруг!.. Как вдруг!..
В толпе народа воронка образовалась.
Сбоку, из обклеенной золотом низкой алтарной дверки, под недоуменное, а потом восторженное людское гудение, под какой-то обессиленный выдох счастья, служка с серой косицей выводил кого-то, пока невидимого, в левый предел, где исповедь.
Спиной, полусогнувшись, он пятился... на меня.
Перед ним все расступались на пути.

О. Василий, хотя и занятый исповедью, тоже почуял перемену. Коротко оглянувшись, он бурно покраснел и, испуганно кланяясь, отступил в растревоженную толпу, давая место у аналоя тому, кого сутулый служка буксировал.

Точно неизвестное светило в храме зажглось.
Тесноты и духоты – не стало.
А возле шаткого, со скошенной столешницей аналоя раскладной стульчик возник.

Служка распрямился и отошел.
И мы увидели Тихона Кроткого в клобуке.
Величайшего старца!

Шажочки его были столь мелкими, что между ними зазора не виднелось. Разминать комок пластилина в руках – и то амплитуда будет больше.

Он был такой же древний, как Габрилович. Если не еще древнее.
От клобука и до пола, вдоль монашеского черного струения, в нем росту было как в 10-летнем ребенке.

[1] *Паола Волкова – преподователь кафедры ИЗО.*

Само лицо его смотрелось как заметённое временем.
Это был очевидный святой, Серафим Саровский наших дней.

Но самое в нем удивительное было то, что, с 1945-го года в затворе, он для одного Отрадненского храма делал исключение, выбираясь сюда (как снег на голову!) один раз в год. Не чаще.

И вот – как стоял я второй в очереди к непопулярному отцу Василию, так стал вторым к Тихому Кроткому. На исповедь. Про... кабинет ИЗО.

Бежать?
Под землю провалиться?

Между тем весь левый предел храма бурлил.
К святому старцу всех качнуло.

Вот он уже исповедует того, кто передо мной...
Я следующий.

Ну всё.
Пропал.

3.
Исповедь.
Складной стульчик был низенький, и Тихон Кроткий мал, как пенёк. Пришлось на колени – точно лицом в шубу, висящую на вешалке.
Ох...
Сейчас только воздуху наберу...

Батюшка смотрел на меня слезящимися глазами, огромное лицо клонилось на грудь.
Потом он совсем уронил голову, и перед собой я увидел большое, огромное ухо в желтоватой седине, обращенное в мою сторону.
Это был знак – чтобы я начинал.

И я поведал ему о том, что замучен любовной скорбью.
Если открыть, батюшка, мою грудную клетку, – то всё там *Варя Н.*
Которая меня не любит.
Теперь уж в этом нет сомнений.
И вместе с тем... остаются большие сомнения. Сами посудите. Сидим мы как-то у Петриченко в комнате («мы» – это наша вгиковская церковь в катакомбах, а Петриченко это самый главный среди нас, он прочитал уйму православных книг и теперь всех поучает и клеймит). И вот, значит, собрались мы у Петриченко и говорим на наши темы: ну там Флоренский-Бердяев... Шмеман-Сурожский... отец Серафим Роуз (это к-й про НЛО пишет с православных позиций)... Пока Петриченко не спохватился, что уже 20.50, а в 21.00 буфет закроют. Меня и Володю Щ. отрядили за едой. Прибегаем на 9-й этаж, а там толпа! Я Володе: «Ты присядь, я постою!» Это потому что он с инвалидной палочкой ходит и в ортопедическом надутом башмаке. Он послушал и присел за столик возле балкона. Я – в очередь. Стою, прикидываю: тэк-тэк, сосиски, яйца, бисквиты к чаю... – что для братской трапезы берем. Но меня крик буфетчицы отвлек: «Куда лезете, я закрываюсь!»
21.00, 25 мая, 1983 года, Москва.
На кого это она?
А это из коридора ещё люди вошли.
И *Варя Н.* среди них...

Вот как передать, батюшка, что это было: увидеть ее – впервые после «Нарвы».
Не могу передать.
Но я махнул ей рукой.
Мол, давай сюда!

Как раз моя очередь к прилавку подходила.

Как в мультфильме – перенеслась ко мне.

И вот уже буфетчица обслуживает её.
Отвернулся, чтоб не палить ей затылок.
Был я все-таки счастлив в жизни.

«Между вами было *поле любви*! – поделился Володя Щ., когда с 9-го этажа мы со свертками поднимались. – Я видел! И думаю, что все видели!»

Батюшка, что это за «*поле любви*»?

Или вот еще случай.
Петриченко домосед, каких мало. А тут приходит Юсиф Алиев с горящими глазами (Юсиф это тоже наш человек, тоже верующий, хотя и искушаем грехом чревоугодия) и говорит: «Поехали на Курский, там в буфете холодную курятину дают! Со свежим огурцом!»
Умеет, гад, нарисовать картинку!
И так нас зацепило, батюшка, что встали и понеслись – с ВДНХ на Курский вокзал! В 11 вечера.
Приезжаем.
Так и есть! Курятина! Огурец! Оранжевая «Фанта» в веснушках пузырьков (по всей Москве всего несколько автоматов «Фанты»)!

Поели, попили.
И в обратный путь.
Пешком для кайфа!
Навсегда запомню ту прогулку.
Москва меня как телю облизывала. Столько материнской ласки в прощальном выражении.

Заговорили о будущем. О предстоящей мне армии.
Петриченко служил, говорит, что не мёд.
«Но ты теперь верующий, вот и не бойся. Поупражняешься там в смирении!»
Ха. Славная перспектива!
И еще я обязан отметить, что, пока мы с Петриченко обсуждали мою грядущую армию, Юсиф завёл нас на пл. Ногина. В ночную пельменную «Огонёк» для таксистов. Это важная деталь, батюшка.
В «Огоньке» мы продолжали тему.
«...Некий святой старец с Афона, – Петриченко размазал сметану по пельменям и обильно полил уксусом, – оставил пророчество: “Наше время родило святых. После нас будут достигать середины святости. Ну а далее и вовсе потонут во грехе. Аки свиньи. Но зато испытают *скорби*! И вот они-то и вознесутся выше всех! За то, что *претерпели*!..” Полагаю, что это о нас!.. Полагаю, что мы-то и есть эти самые... *аки свиньи*... которые *претерпят*!..»
И покосился на меня и Юсифа.
Юсиф закусил губу в волнении.
А я сделал веселое лицо.

И только через час, когда последним поездом пригнали на ВДНХ, спрашиваю:
«Ну и что это ... гм... за *“скорби”*... придется претерпеть?..»

А Петриченко уже забыл, о чем говорил.
Он облокотился на перила эскалатора и ковырялся спичкой в зубах.
Пришлось напомнить ему: про старца с Афона, про «*аки-свиней*»...
– А-а-а! – включился он.

И, проделав что-то такое со своим лицом, так, что веселое оживление и суровая постность вместе появились на нем, поцыкал языком со скукой:
– Речь о *Последних Временах*!.. А потому советую каяться и плакать!..

Монотонный эскалатор – и тот охнул от его слов.
– А как скоро, – уточнил я нервно, – эти «*последние времена*»?..
– При нашей жизни, голубь! – просиял Петриченко (он как будто ждал моего вопроса). – Гарантированно при нашей!..

– Ну прям! – в растерянности я посмотрел по сторонам. – Так уж и «*при нашей*»!..
Навстречу народ ехал. Не толпа, конечно. Но все-таки народ.
Слышали ли они то, что слышал я?!..
Нет. Никто не слышал.

– И что б-б-будет? – спросил я, заикаясь.
– Увидим! – пожал плечами Петриченко. – Старцы не посвящают во все детали!..

Я вот только не понимал, отчего он так доволен.
Аж порозовел от удовольствия.
Можно подумать, у него имелся свой собственный шкурный интерес в *конце света*.

Убил бы его – за такие речи.
Ведь я не написал еще своих главных стихов. Не добился Вари Н... а он мне про конец света!
Я не согласен!

И вот что сказать, батюшка.
С тех пор как втюхался я в эту Варю Н. – не жизнь у меня, а колода карт.
Крапленых!
День и ночь, холодная курятина и свежие огурцы, Курский вокзал и ночная пельменная для таксистов... – какую карту ни потяну, всё Варя Н. будет.
Потому что – Вы не поверите! – она сама наросла встречным курсом.
Слово даю!
В ту самую минуту.
В начале второго ночи.
В метро ВДНХ.
В Москве, многовариантной, как звездные скопления.

Мы поравнялись на эскалаторах.
Лицо ее посветлело.

Всё.
Батюшка, вот что мне делать?

Я умолк.
Огромное Ухо отдалилось.
И мы с отцом Тихоном погоревали на двоих.

После чего дрожащая голова его развернулась в сторону иконы Казанской Божьей Матери на стене.
Он смотрел на Неё исподлобья.
Для выпрямленной осанки у него жизненных сил не осталось.

Было видно, как молитва заработала.
Она не могла остаться без ответа.
В ужасе я подался вперёд, и Тихон Кроткий медлительно, убеждённо прикрыл меня тёплой епитрахилью.

4.

Багио. Филиппины. В те дни.

Роман о «*всём нашем клане*» был интересный. Многоплановый.

Но вместе с тем... какой-то нелогичный.

Недостоверный.

Возьмем курортную линию.

«Вот, иду я по аллее.

Качу перед собой Львёнка в коляске. Глазею на витринки bijoutierie по бокам.

И тогда вдруг цвет неба переменился. Воздушный простор в конце аллеи стал блестящ и раздался так, точно там обрыв. Теснина в скалах была разведена чем-то блестящим, новым.

Да, гранитная теснина в кустарнике разъехалась по сторонам, и я увидела *м....е*».

Что сказать.

С одной стороны, красиво, поэтично.

С другой, как свести «Львёнка» в сидячей коляске и 40-летнего как бы родственника Лёву в одно лицо?!

В книге: «...я присела возле коляски и стала направлять его крупную головку в сторону блестящего обрыва в скалах».

Тогда как в реальной жизни эта женщина совсем не рада была встретить сына после 36-летней (!) разлуки.

Или, например, любовная линия.

Почему она к мужу охладела? Будто он виноват в том, что детей – живого и мертвого – через речку обменяли?!

Бедный Иосиф С.! Мало того, что не любим, так еще и заболел-умер. И – могила фиктивная!

Далее. Отец главной героини.

Кто он: столяр-неумеха?.. писатель-самородок?.. преступный эгоист, из-за которого вся семья в лапы немцев попала?..

И таких вопросов (Корчняк стал заносить их записную книжку) – пруд пруди:

1. Бессарабия– *<u>исторически</u>* – это Румыния или Россия?
2. Даки – это геты или готы?
3. Чей прах в действительности покоится в могиле Иосифа С.?
4. Кто в действительности отец «Львенка», Льва Пешкова (Фогл?.. Иосиф С.?)?
5. Кто самый достоверный из историков: Плутарх или Геродот? Ксенофонт или Фукидит? Тацит или Тит Ливий?

«Не копай ты аж до Геродота! – посмеялся Лёва. – Копай начиная с *28.6.1940.* Это когда мать из Бухареста вернулась!.. от умирающего отца!..»

5.

28.6.1940. Мать из Бухареста вернулась (Шанталь).

«Где Львенок? – спросила я еще в калитке. – Инсулин кололи? Запах ацетона был?..[1]

– Мы здесь! – из комнаты отвечала мама. – Кололи четыре единицы в сутки!..

– Не паникуй! – добавил папа. – Не было запаха ацетона!..»

– А ультиматум? – без сил я опустила чемодан на землю. – Был?..

– Не знаю, не интересуюсь! – отвечал папа нервно. – Ну был, был ультиматум! – поправился он. – Вот народ! Лишь бы помешать! Лишь бы сосредоточиться мне не дать!..

[1] *– Ацетоном – от диабетиков пахнет! – пояснил Лева.*

Ультиматум Иосефа Сталина мерещился мне повсюду: в центре города и на окраине у леса, в дачной местности на Иваносе и на 3-х Полянах. На мамином сероглазом лице. В раструбах лопуха у сарая...

Папа говорит, что пол-Оргеева высыпало смотреть, как румыны уходят. Военный гарнизон, жандармы, примарь с своими чинушами, оба попа из Троицкого собора, m-me Angel с мужем... – все до единого слуги румынского короля покинули город.

– И нашлись дураки, – вставила мама, – что смеялись солдатам в лицо!..

– «Ну погодите, жиды. Мы еще вернемся!» – процитировал папа оскорблённых солдат. – В самом деле дураки!.. – вынужден был он признать. – Кто знает, как оно в будущем повернется!..

– Но самый отчаянный дурак это наш Шурка! – продолжала мама. – Потому что он записался в патруль *местной обороны* и получил ружьё с 10 патронами. Кто-то накрутил его. И вот, позавчера на Торговой он сорвал погоны с 2-х солдат. Не пойму, как его на месте не убили!.. А потом... – мама вопросительно посмотрела на папу, – говорить, не говорить...

– Говори! – разрешил папа.

– Потом он напал на прокурора Попу возле банка Резников!.. «*Стой!.. Отдай оружие*!»... и... и...

– «*Стой, сложить оружие*!» – со смехом поправил папа. – А не *отдай оружие*!..

Но я видела, что им обоим не до смеха.

Мама шумно выдохнула. Веки ее покраснели.

– Ну-ка без слёз! – воскликнул папа. – Помяни мое слово, Шурка еще генералом будет при этой власти!..[1]

– Хочу видеть! – поджала губы мама.

И тогда папа снова стал говорить, что все вокруг только тем и заняты, что не дают ему сосредоточиться. Отвлекают своими ультиматумами.

...

На другой день.

Вернулись доктор Мотька Брик* и др. военнообязанные. Мотька хвастал, как они румынов провели. В армейском строю – *ать-два-ать-два* – до темноты, а там к реке сбежали. Сидели в плавнях среди окуней. Дышали в соломинки от камыша.

Недолго, впрочем, и искали их.

Йосеф Сталин на пятки наступает.

---

*__Рапорт-РНО-99904 (152-2).__ *Из разговоров Претендента.*

*(*Помощник Претендента*: «Мотька Брик – это который Изабеллу Броди сдал в НКВД! С мужем!..»*

Претендент*: «А кто такая Изабелла Броди?»*

П-П*: «Это которая Адассу обокрала в ссылке!..»*

Претендент*: «А кто такая Адасса?»*

П-П*: «Это сестра твоей Хво... или как ее... Оли...»)*

6.

Рапорт-РНО-99904 (152-2).

Из конспекта Претендента: «*Происхождение бессарабцев*.

Расселение индоевропейских народов (4000 лет д.н.э.):

–> романские народы (или?) фра(н)кийские народы,–>

[1] *Лева: «В чине подполковника умер!»*

–>Даки (или гето-даки? По Геродоту – фракийские племена. По С. Соловьеву –«франкийские», т.е. германские), Балканы, Тис, Дунай. Карпаты, междуречье Днестра и Южного Буга – 20-7 в. до н.э –2 в.н.э. –>
–> Римское завоевание – 2 в.н.э.,–>
–> 1-е Болгарское Царство – 7 в., –>
–> Византия – 8 в.,–>
–> 2-е Болгарское Царство – 9 в.,–>
–> Киевская Русь – 10-11вв.,–>
–> Галицко-Волынское княжество – 12 в.,–>
–> Золотая Орда – 13-14 вв.,–>
–> Венгерские Короли – 14 в., –>
–> Независимое Молдавское княжество – 15 в.,–>
–> Польское королевство – 15 в.,–>
–> Независимое Молдавское княжество при Стефане Великом – 15 в.,–>
–> Османская Порта – 16-18 вв.,–>
–> Прутский Поход Петра I – 1711 г.,–>
–> Османская Порта – 18-19вв.,–>
–> Русско-турецкий мир 1806 года (создание Бессарабской Губернии в составе Российской Империи),–>
–> Создание Королевства Румынии – 1877 г., –>
–> 9.4.1918 – присоединение Бессарабии к Королевству Румынии,–>
–> 28.6.1940 – присоединение Бессарабии к СССР. Образование Молдавск. ССР».

Образование Молдавской ССР (*из книги, к-ю читает Претендент*).

«Шанталь. На Реуте малярийные комары. Апрель 1941.
Йосеф Сталин дал приказ: не допустить эпидемии.
Львенка покусали.
Мама приносит пучки травы, разминает стебли, чтобы выделился сок. Смазывает в местах укусов.
Но это полбеды – комариные укусы.
Беда, что в аптеке тонких иголок не стало (для инъекций инсулина). А наша тонкая иголка затупилась.

По поручению главврача Борисова я хожу по домам, где квартирует Йосеф Сталин со своими заместителями, и раздаю акрихин-хинин.
Нелегкое это дело.
Они спят допоздна, приходится подолгу колотить в ворота. Бесить собак.
Вот, щеколда гремит.
Открывают косматые люди в исподнем. Или бритые наголо.
Мы пугаемся друг друга.

Интересно, кто из них Йосеф Сталин?

Они заняли лучшие дома: Воловских, Тыш, Тростянецких... Господи, сколько раз мы с моим Иосифом бывали тут! Каждая петля на дверном засове, каждая щербинка в садовом булыжнике... всё родное. «Ny? Chi fachem ky restul serii?» («Ну! У кого какие идеи на остаток вечера?» – *рум.*) – как имела обыкновение спрашивать недалекая m-me Тыш после покера...

Я сказала себе, что не буду переступать порог.
Акрихин и хинин. Всё.
Но увы. Переступаю.
И от увиденного – больно.
...

В воскресенье я отправилась в Бутучень – по губе реки, вдоль котельцовых карьеров. Убедиться, что скальный монастырь на месте и вековая крепость с булыжным валом обыкновенно выдается над рекой.

Ну да...

Отёкшая река в излуке была подведена так же своевольно и тонко, как в детстве. И называлась Реут, как всегда. Но, спекшись от жары, я входила в нее по грязевому дну – обмочить лицо, шею. И хотя вода была со слабым духом серы, знакомым с детства, и ее мутная гладь привычно искусана мальками и стрекозами... – это была другая вода.

А мой Иосиф? Не подменили ли его, живого и единственного, – лепешкой моей памяти о нем, моих раскаяния и обиды?

Не подменили его Йосефом Сталиным, бритым или косматым?

Рапорт-РНО-99904 (152-2).

Из конспекта Претендента: «Готы – варварские племена германского происхождения (вандалы, галлы, вест-готы, ост-готы...). Геты – фракийцы (по другим источникам – скифы). Каким образом готы и геты упоминаются как один народ?!»

7.

Round 14 [White «Anatoli Karpov»] [Black «Viktor Korchnoi»] 1.e4 e5 2.Nf3 Nc6 3.Bb5 a6 4.Ba4 Nf6 5.0-0...

Рапорт-РНО-99904 (164-4).

Книга, к-ю читает Претендент.

«Шанталь. А в пятницу утром я встретила пьяного у городского парка. Там, где герб с орлами и «1829 годъ» на входной ротонде.

Ну, по порядку.

В 6 утра я шла с лекарствами вдоль парка.

Вдруг... у водоколонки человек сидит.

В элегантном костюме, в шляпе.

Суёт лицо в струю. Голова откидывается от водобоя.

Я перешла дорогу.

– ...*Chantal*!.. – окликнули меня. – *Домна Штейнбарг*! –

19 апреля 1941-го, Оргеев.

Это был доктор Мотька Брик.

Пьяный, как слободской.

Но при этом в шляпе и с лайковыми перчатками, выставленными в кармане.

– Пока есть время, – забормотал он, держась за хоботок водоколонки и силясь с четверенек выправиться, – идёмте в НКВД!..

Мне бы удрать.

Но... эти лайковые перчатки...

Доктор Мотька Брик: «Потому что он напился и такое агитировал!.. За Палестину!.. За Сибирь!..»

Я: «Кто напился?..»

Мотька: «Волгин, кто!.. Ну, соври еще, что ты не знаешь Волгина?!»

Я: «Как Вы разговариваете!?.. И – нет! Не знаю я никакого Волгина!»

Мотька: «Это жених твоей подруги!.. А арестуют нас!..»

И... ой, мамочки... его бросило на меня.

На колено подломился.

Дура! Беги!
Почему я не убегаю?!

– Не знаю я никакого Волгина! – повторила я, не умея отвести глаз от его перчаток, шляпы...
На коленях он подобрался ко мне.

– Это проверка, я чую! – с быстротой он нашел мою руку своей рукой. – Они испытывают нас!.. А потому надо первыми пойти и заявить!..
Бог весть, что поразило меня сильнее: его пьяная агония или перчатки, выставленные в кармане с такой неуместной, дикой элегантностью, будто всё вокруг осталось как было. Будто все еще поправимо для меня.

Опомнившись, я стала руку выдирать.
Но он ухватился как утопленник.
– Ты единственная, кто отказала мне!.. Почему?.. Почему?!..
И залапал бесстыдно.

– Докто-ор... – от омерзения я чуть на землю не села.
Пятно на халате – от его рук – привело меня в чувство.

– Опомнитесь, доктор Брик! – ударила его сумкой.
Фельдшерским sac-de-voyage – по голове.
Ударила.
И, кажется, плюнула в него.
Плюнула.
И побежала наконец.

– Тогда я в НКВД расскажу, – крикнул он мне в спину, – что Иосиф с румынами ушел!..

ТПРУ-У-У-У!!!

– Иосиф никуда не уходил! – объявила я вернувшись.– У него липома, развившаяся в опухоль!.. Ли-по-ма!.. И не врите, что вы не в курсе!..
В ответ он с деловитостью встал с земли. Всего себя двумя руками обхлопал. Пыль с костюма побил.
В НКВД, мол, идет.

Так-так-так... надо успокоиться.

– Вы подлый! – сказала я, успокоившись. – Но в долгу я не останусь! Где ваш племянник по имени Фогл, а?.. Где Миха Фогл, удравший в Палестину?.. А до того – студент в Германии!?..

Это было в яблочко!
В сердцевину яблочка!

– Так вот! – заключила я победносно. – Только сболтните там про моего Иосифа!..

Но все равно...
Дело плохо.

В панике я к Шурке понеслась.
А к кому еще?
Шурке покровительствует русский военный комендант. Коренастый человек с бритой головой и чёрной правой щекой. На Шуркиной недавней свадьбе он главным гостем был.

Рапорт-РНО-99904 (164-4).

Из конспекта Претендента: «Кому-то, может, все равно: геты или готы... фракийцы или франки! Но мне это мешает!.. Я так не могу!..»

8.

Далее из книги «о нашем клане»:

1. Шанталь –> за помощью к Шурке (мл. брату) –> Шурка, придумай, что мне делать, если обвинят, что Иосиф с румынами ушел? –> Шурка придумывает: переписать на Иосифа могилу некоего Ёшки-пчеловода (заросшую репьем). –> Дескать, это Иосиф Ш. в ней. Следовательно, он никуда не уходил. –> Сказано – сделано.

2. И все равно к ней с ночным обыском приходят.

Сцена обыска.

«...Синяя папка.

Акты о принятии государством ниспоренского имения...

Акты по лесопильному заводу:

1. Рама лесопильная W12-A

2. Брусоукладчик W14-1

3. Станок плющильный

4. Станок обрезной W12-G

5. Станок заточной ТА-7...».

Сидят за столом, проверяют по пунктам.

Понятой (наш квартирант) зевает, трет глаза... но, встретившись со мной глазами, приодергивается и ободряюще кивает. Это Ильин, молодой учитель из России.

Я как на иголках.

Прислушиваюсь к дыханию Львенка за пологом.

Пока пишут «акт о принятии», пожилой военный с улыбчивыми морщинами у глаз обходит комнату. Он ступает медленно, как бы без дела... приостанавливается возле туалетного столика... настойчиво, хотя и негромко притоптывает каблуком офицерского сапога по половицам... и, выставив тупое колено в натянувшемся сукне, опускается на скрипучий пол, заглядывает под кровать...

За дверным пологом дыхание Львенка все еще ровное. Как у ежика. Или барсучка. Но как всегда – за несколько минут – я угадываю момент его пробуждения.

...

«... 26. Станок вальцовочный В180\ПВ ЛБ

27. Торцовочный станок – 2 шт.

28. Раскройный станок Ц-250

29. Фуговальный станок СФ4-1Б...»

...

Сейчас Львенок запоёт. Всегда он просыпается, напевая.

...

Ну вот. Запел.

...

Сейчас появится в дверях.

Будет выглядывать из-за полога и щуриться на свет.

...

И тогда все поменяется в обеих комнатах.

...

Умеет мой сынок растоплять сердца. И при румынах все улыбались ему: даже надменные офицеры из комендатуры, даже самые грубые из gen'd'armes.

– Послушайте! – объявляю поспешно. – Сейчас мой сынок проснется. Ему всего-то 4 года! Поэтому я должна предупредить! Этот доктор Мотька... и эта Изабелла Броди... ну, в

общем они любовники были! А может, и до сих пор! Поэтому не верьте доктору Мотьке!.. Что бы он ни наплел – не верьте!..

Военные (заинтересованно): «А что он должен наплести?»

Шантал С.: «Про Волгина, ее жениха!.. Да что бы ни наплел!..».

Военные: «А ну-ка садитесь, напишите!.. (дают бумагу)... Вот тут!»

...

Сажусь... пишу.

...

Пожилой военный с улыбчивыми морщинками показывает Львенку фокус. Монета между пальцами. Волнообразно водит рукой. Дует на руку. Монета пропадает.

...

«...28. Раскройный станок Ц-250

29. Фуговальный станок СФ4-1Б...

...

54. Доллары США (монеты)... в количестве...

55. Золотые украшения (кулоны, серьги...)... в количестве...»

...

Подписали акт и ушли.

Машина отъехала.

12.6.1941.

Ильин вернулся.

«Вы медвежье сало любите? – протягивает сверток. – Попробуйте! Полезно!..»

И пока я сверток открывала...

Ильин (на жаргоне[1]): «Скоро война!.. Может, в эту субботу, может в следующую! Он, гад, всегда в субботу нападает!..»

– Кто? Мотька в субботу нападает? – машинально я тоже съехала на жаргон.

А потом осеклась. И посмотрела на него внимательно.

Ильин (по-русски): «Гитлер нападает! (*смеется*)... А не Мотька!.. Так вот, если завтра война, хотите, я вам сына эвакуирую? В глубь страны!.. С детьми наших офицеров!.. Он будет в безопасности – до победы!..»

Рапорт-РНО-99904 (164-4).

Из конспекта Претендента: «Значит, на месте Балканского п-ва и в районе Карпатских гор, в долинах Дуная, Тисы, Буга находилась географическая Dacia, которую населяли Daci (Даки), не оставившие о себе свидетельств. Но потом их завоевали геты. И народ стал «*гето-даки*». А не «*готы-даки*»! Во всем виноват Геродот. В ходе борьбы варваров с эллинами (потом римлянами) скифы у Геродота превратились в сарматов, фракийцы – в этрусков, геты (даки) – в готов...»

9.

Далее из книги «обо всем нашем клане».

Война. Июнь 1941 –>

–> Шурка (мл.брат Шанталь) –> в сержантскую школу –> на фронт.

–> Адасса (жена Шурки) –> в поселок Резена, к своим родителям.

–> «Львенок» –> в глубь страны, с детьми работников НКВД (благодаря Ильину).

–> Ильин (к Шанталь): «Вашей семье выписан эваколист до Куйбышева! В 3 часа ночи быть с вещами у горсовета!».

–>Отец Шанталь и Шурки: «Не поеду я ни в какой Куйбышев! Не тяните корову на чердак!».

–>Быстрое наступление немецко-румынских войск. Быстрая оккупация Молдавии.

–>Адасса и ее родители (Москович Ревн-Леви) бегут в Одессу.

---

[1]*Жаргон (здесь) – язык идиш.*

–> Август-сентябрь 1941. Оборона Одессы. Фашисты на пороге города.

–> Адасса и ее родители бегут из Одессы дальше на восток –> но остановлены на КПП Николаевской дороги как «не имеющие эваколиста».

–> С целью получения эваколиста Адасса отправляет запрос в НКВД г.Ленинграда на имя Хволы Москович (старшей сестры).

–> Бои на окраинах Одессы. Высадка немецкого десанта.

–> Всякое утро Адасса ходит в горотдел НКВД – пришел ли ответ от Хволы.

–> После очередного такого визита ее арестовывают на месте – как сеющую панику среди населения (сентябрь 1941г.).

–> Эшелон с заключенными (вкл. Адассу) по маршруту Одесса – Новосибирск –> Тюменская область.

–> Отход частей РККА из Одессы. Сдача города немцам и румынам (октябрь 1941).

–> Москович Ревн-Леви и его жена –> расстреляны в пос.Дальник.

–> Адасса – ссыльная в рыболовецком совхозе «Зимовный», Усть-Енисейского р-на п-ва Таймыр. Работает на рыбно-консервном заводе.

–> Там же отбывает ссылку Изабелла Броди (ее муж Волгин А.Ф. – заключенный Ивдельлаг).

–> У Адассы диагностирован туберкулез (начальная стадия, ноябрь 1943).

–> Изабелла Броди выпрашивает (выкрадывает?) у нее медицинскую карту с туберкулезным диагнозом и добивается перевода на материк (с целью лечения).

–> Адасса «доходит» от туберкулеза в рыболовецком совхозе.

–> Врач О., бывш. з.к., теперь ссыльный, выхаживает ее.

–> Адасса (в письме) Шурке: «Я полюбила другого!». Другой – это врач О.

А тем временем*:*

–> Хвола (не ответившая на запрос из Одессы) –> ее муж, Корчняк Лев, пропадает без вести в боях Ленинградского ДНО (Дивизия Народного Ополчения) в р-не Ладожского озера.*

–> после войны ее пасынок Виктор делает успехи то ли в шашках, то ли в шахматах.

–> Хвола отрицает получение какого-либо запроса от родных из Одессы.

А тем временем:

–> Оргеев захвачен немцами и румынами. –> Отец Шурки и Шанталь («не тащите корову на чердак») –> расстрелян за городом (вместе с другими нетрудоспособными).

–> Унгар (оргеевский юденрат[1]) –>записывает Шанталь в «трудоспособные».

–> Шанталь –> депортация (Оргеев –> Ботошаны –> ст. Раздельная –> товарный состав –> Одесса-Сортировочная –> пос. Березовка –> пеший этап в пос. Богдановка (Березовский р-н Одесской обл.).

Рапорт-РНО-99904 (167-23). *Из конспекта Претендента:* «...Геродот («Отец Истории») компилятор, плагиатор. В Египте, Персии, Ливии не бывал. Не говоря про Подунавье и Поднестровье. Писал с чьих-то слов. Ходил на рынок и разговаривал с купцами, с странствующими религиозн. проповедниками, с приблудными бродягами. От них и набирался басен. Не верю ему! Вот если бы сейчас выйти из гостиницы и встретить хоть самого захудалого гето-дака! Чтобы рассказал, кто он на самом деле! Вот тогда бы я поверил...»

10.

После 4:2 (22 сыгранные партии).

Рапорт-РНО-99904 (212-1). Москва-2 – Багио. Б-му. «Матч затягивается. Список всего необходимого – инвентарь, специалисты – мне на стол до 7.00 утра время моск. Доложить о морально-физическом».

[1]*Юденрат – комитет еврейского самоуправления, назначаемый немецко-румынской администрацией.*

После 5:2 (25 сыгранных партий).

Рапорт-РНО-99904 (215-21). Москва-2 – Багио. Б-му. «Требуется ли дополнит. помощь для нанесения шестого завершающего удара? Москва-1».

После 5:3 (27 партий).

Рапорт-РНО-99904 (219-8). Москва-2 – Багио. Б-му. «Есть мнение, что матч *сильно* затянулся. Проверить, нет ли среди членов делегации заинтересованных в искусственном затягивании дорогостоящей зарубежной командировки!»

После 5:3 (29 партий).

Рапорт-РНО-99904 (254-2). Москве-2 и Б-му. «Приказываю отмобилизовать все материальные и человеческие ресурсы для нанесения шестого завершающего удара! 3,5 месяца вошкаетесь! В чем там дело у вас? Москва-1».

После 5:4 (30 партий).

1. **Рапорт-РНО-99904 (273-1)**. Москве-2 и Б-му. «Посдурели? Захотели 3-й мировой? Приказ: готовность №1. Москва-1».

2. **Рапорт-РНО-99904 (273-2).** Багио. Б-му. «Доложить немедленно, сколько времени надо закончить катавасию! Все до единого члены делегации отвечают головой! Москва-2».

---

3. **Рапорт-РНО-99904 (273-3)**. Москва-1 – Москве А.

Просим Вашего утверждения.

«В свете непростой спортивной ситуации, создавшейся в безлимитном матче и в свете усталости (физической и психологической) тов. Карпова – наше (неофиц.) Предложение Претенденту (*Проект*):

1. По мед. причине (болезнь глаз Претендента? обострение язвенной болезни? Виза главврача матча!) – матч объявлен закрытым (Москва А.: «*Обострение язвенной болезни*!»).

2. Счет 5:4 итоговый. Чемпион мира тов. Карпов сохраняет звание.

3. В Генпрокуратуру СССР. Максим Корчняк, 1962 г.р., сын Претендента, досрочный выход из мест лишения свободы в течение 1 (одной) недели с момента закрытия матча (Москва А: «*4-х недель! Убедиться, что не подан судебный иск, оспаривающий результат матча*»).

4. Претенденту предложено возвращение в СССР – на правах советского гражданина (а также «Гроссмейстера СССР» и «Заслуженного мастера спорта СССР») с сохранением прежней квартиры и получением новой 3-комнатной в г. Москве или в г. Ленинграде (по желанию). (Москва А: «*2-комнатной*».)

5. В случае возвращения в СССР – Претенденту гарантируется достойная шахматная загрузка (100–120 турнирных партий в год, из них 50% – в турнирах, проводимых за рубежом, из них 50% – в кап. странах (Москва А: «*Начните переговоры с 25% в кап. странах*»).

6. Претенденту гарантирована встреча в аэропорту Шереметьево г. Москвы – на уровне 1-го зам. предгоскомспорта СССР (Москва А: «*Дайте еще на уровне зампредгорисполкома г. Москвы*»).

7. По прибытию в Москву Претенденту предложено дать пресс-конференцию для западных СМИ, где он выразит сожаление о событиях, предшеств. конфликту. Со своей стороны спортивным руководством должно быть признано (в самокритичной форме), что в отношении Претендента в свое время были допущены ошибки и просчеты, способствовавшие ослаблению патриотического чувства и приведшие к побегу из СССР (Москва А: «*Не к побегу! К выезду!*»). *Подчеркнуть*: Спортивное руководство верит, что второй шахматист мира Корчняк В.Л. способен принести еще немало пользы Советскому Спорту в соревнованиях высшего уровня.

8. В случае отказа Претендента возвращаться в СССР и вместе с тем в случае принятия им остальных пунктов соглашения – нами гарантируется отказ от бойкота любых соревнований с его участием (Москва А: «*и с участием его помощников!*»).

Срочно просим Вашего утверждения. Москва-1.9
Москва А.: «С соблюдением всех мер секретности. Утверждаю!»

11.

Книга про «*весь наш клан*».

1. Шантал –> Пос. Лидиевка, Богдановский р-н, хутор «Красный Виноградарь» –> Труд-лагерь «Александру Чел Бун» –> расселение в бывшем телятнике –> работа на перелопачивании зерна –> сильные морозы –> истощение.

2. Начальник жандармского поста: «Объявляю приказ румынского командования! Как враги румынского народа, вы сосланы в Транснистрию для того, чтобы физическим трудом искупить вину и помочь стране, ведущей священную войну против коммунистов. Вы должны строго соблюдать режим, установленный румынской администрацией. За любое нарушение режима, а также за плохую недобросовестную работу вас настигнет суровое наказание, вплоть до расстрела».

3. Шантал –> заболевание и смерть 4-летнего сына (токсическая диспепсия).

4. Унгар (юденрат) –> перевод Шантал на работу в отапливаемое помещение (свинарник) –> котелки с горячей чорбой из жандармской кухни –> и др. знаки поддержки и любви.

5. Шантал –> Унгару: «Ты моих родителей на расстрел отдал! Даже не смотри в мою сторону!»

6. Унгар –> Шантал: «Поверь, что *нетрудоспособных* нельзя было не отдать!»

7. Шантал –> Унгару: «Вот и не смотри в мою сторону!..»

8. Унгар –> Шантал: «Но это нечестно! Сколько лет я твоего отца деньгами выручал!.. С детства он мне клялся... что ты будешь моею!»

Шантал: «Не ври!»
Унгар: «У меня расписка есть!.. Вот!..Узнаешь почерк?!..»
Шантал: «Боже, я не могу поверить!..»
Унгар: «Я тебя спасу, уберегу!..»
Шантал: «Как он мог!?.. И для чего?!..»
Унгар: «Для того – чтоб комедии свои выпустить на мои деньги!..»
Шантал: «Это позор семьи – его комедии!»
Унгар: «И для того, чтоб я кредиторам его долги отдал!»
Шантал: «Тогда запиши и меня... на расстрел!..»
Унгар: «Никогда!.. Я буду тебе верным другом до старости и смерти!»
Шейндел: «Не прикасайся ко мне!»
Унгар (отдергивая руку): «Я люблю тебя!.. Сколько себя помню – люблю тебя!»
Шантал: «Запиши меня на расстрел, собака!»
Унгар: «Не будет больше расстрелов! Я добился перевода к нам Идл-Замвла из Резены[1]. А там, где Идл-Замвл из Резены, там не будет расстрелов!»
Шантал: «Мне нужно поговорить с Идл-Замвлом из Резены!..»
Унгар: «Это невозможно! Идл-Замвл из Резены женщин к себе не подпускает!»

12.

Увы, так оно и есть.

Многие чудеса приписывают Идл-Замвлу из Резены. Далеко не всему я верю. Но то,

[1] *Идл-Замвл – прославленный цадик из Резены.*

что до войны он жил как пещерный человек, и если и выходил из дома, то только по ночам (чтоб не видеть женщин!), это правда.

А тут – такая испорченная женщина, как я.

Спустя несколько дней.

Унгар –> Шантал: «Идл-Замвл ходит ко мне на конюшню за фуражом. Я попросил его встретиться с тобой. Сначала он и слышать не хотел. Но тогда я говорю: «*Ребе, у меня к вам дело! Дали мне конские упряжи ремонтировать к весне. Уздечки починять. В помощники пойдете?*» Ух, как он обрадовался!.. Короче, приходи сегодня после работы на конюшню!»

На конюшне. После работы.

Идл-Замвл: «О чем ты хотела поговорить?..»

Шейндл: «Меня преследует мысль...что родителей убили – из-за меня!.. Ребенок умер... тоже из-за меня!.. Сама война – из-за меня!.. Это правда?..»

Идл-Замвл: «Вы до войны делали мицвот? (религиозн. заповеди – *ивр.*).

Шейндл: «Муж давал деньги на синагогу! Никто другой столько не давал. А вот папа любил мушку! Просто не мог обойтись без сырокопченной мушки! И покупал ее на базаре у молдаван!..»

Идл-Замвл : «А бабушка?..»

(Откуда ему известно, что у меня бабушка была?!)

Шейндл: «Бабушка догадывалась, что мы едим свиную мушку!.. Она просила, чтоб мы ели с бумаги, а не с тарелки!..»

Идл-Замвл: «Почему у тебя только один ребенок?»

Шейндл: «Я... не любила мужа!.. Я... бросила его... умирающего!..»

Идл-Замвл: «Был ли у него повод – беспокоиться о твоей неверности?..»

Шейндл: «Был...»

Идл-Замвл: «Зряшный повод?.. Или обоснованный?»

Шейндл: «Обоснованный!»

Идл-Замвл: «С излиянием семени?..»

Шейндл: «Да!..»

Идл-Замвл: «Ну значит, война – из-за тебя!»

Тогда я поднялась и вышла в темноту.

Немедленно мороз меня ожег.

Идл-Замвл меня догнал.

Вместе мы побежали к приземистому строению на краю оврага: нашему телятнику.

Идл-Замвл: (*на бегу*): «Не отчаивайся!»

Шейндл: (*стуча зубами от холода*): «Неужели всех *нетрудоспособных*... убили из-за меня?!»

Идл-Замвл: (*на бегу*): «Да!.. Но не отчаивайся!»

Шейндл: (*встав как вкопанная*): «Как это так – *из-за меня!*.. Откуда Гитлеру известно о моем существовании?!..»

Идл-Замвл: (*встав как вкопанный*): «מדא ארבנמלועה ארבנ ילִיבשב רמול ביִיח דחאו דחא לכ דכיפל ידיחי!»[1]

Шейндл: (*стуча зубами*): «Но я не просила... *ради меня*... создавать мир!... Не надо – ради меня!»

Идл-Замвл: «ותעדל וארבנ (ותמוקל) תישארב השעמ לכ»[2].

---

[1] *Адам был создан в единственном числе. И потому каждый из нас должен сказать себе: Ради тебя был создан мир! – Вавилонский Талмуд, Трактат Сангедрин 27-А.*

[2] *Все творения с их ведения сотворены! – Вавилонский Талмуд. Трактат Рош-а-Шана 11-А.*

Шейндл: (*тронувшись с места*): «Я не помню, чтоб меня спрашивали – хочу ли я быть сотворенной!»

13.

«Не помнишь?» – спросил он горестно.

И, убедившись, что – нет, не помнит эта изможденная женщина, чтобы когда-то давным-давно, еще до появления на свет, имелся у нее выбор: быть или не быть, родиться или остаться втуне…

и, главное, будучи уверен, что никто, кроме нее одной, от сотворения мира и до наших дней не осквернял супружеского священного ложа, и, стало быть, все убийства, грабежи, пытки и надругательства лета, осени и начала зимы 1941-го, все дожди с градом и морозы с въюгой имели место по ее вине…

и, что интересно, этот исхудалый, с запавшими щеками Идл-Замвл, который за связку гнилого бурака и прелой морквы из конского фуража дубил и кроил кожу для Унгара и шил постолы для березинских крестьян…

а с другой стороны, этот самый прославленный Идл-Замвл из Резены, про которого говорили, что если он только захочет, то заговорит Луну, и ни одна животная самка не сможет забеременеть…

а по другим слухам, именно этот Идл-Замвл, который двоился и троился, четверился и пятерился, как преломлённый в линзе, и с ноября 1941-го по апрель 1944-го обитал *од-но-вре-мен-но* в Александру Чел Бун и на Веселом Хуторе, в Богдановке и Доманевке, в Мостовом и Катоусе, в Березовке и Лидиевке, равно как и в других лагерях-гетто Заднестровья, где лечил наш дух и воскрешал наши тела…

ну, короче, тогда он и говорит: «Ты одна, и я один! Давай … э-э-э… помогать друг другу!»

Всем он помогал в нашем телятнике.

Но прежде всего – Богу.

Дескать, אַהֲבָת עוֹלָם בֵּיתְךָ אָהָבְתָּ[1].

– Возлюбить-то возлюбил! – спорила я. – Да только что Он может?!.. Эти румыны, они же такие антисемиты! Сколько мой бедный муж натерпелся от них!..

«Что *Он* может?! – удивлялся Идл-Замвл. – Быть здесь!.. участвовать во всём!.. Вот что *Он* может!..»

Напуганная его криком, я опускала глаза и из-под опущенных век оглядывала наше унылое жилье: заштропанный соломой потолок, едко тепелящую печь с 2-коленчатым ходом, шатоватые нары, застланные рогожей…

«*Быть здесь… Участвовать во всём*»?!

Не видно, чтоб – Участвовал.

– *Бог*, что ли, плелся с нами в пешем этапе (с побросанными по краям дороги трупами, оранжевыми от обмороженья)…

– *Бога*, что ли, закинули в товарняк на ст. Раздельная (без воды-еды-туалета на двое суток, среди стоячих трупов, затиснутых в толпу)…

– с *Бога*, что ли, сняли теплую одежду в Доманевке…

– а в нашем телятнике *Его* ли сынок умер от кровавого поноса…

«Да, плелся! – настаивал Идл-Замвл. – Да, закинули в товарняк!.. Да, сняли теплую одежду… Да, Его сынок – от кровавого поноса… Потому что если Он не здесь, то… то… это уже не *Он*!..»

– Приетень кэ приетень дар брынза ку бань![2] – напомнила я тоном моей мамы.

---

[1] *Любовью вечной возлюбил Он свой народ.*

[2] *Дружба дружбой, а денежки порознь! – рум.*

«*Он* здесь! – не слушал Идл-Замвл. – Потому что, если *Он* не здесь, то, значит, Он опыты проводит!.. А по какому праву?!»

И, видя, что не верю, – ...вдруг выпаливает: «Ты вдова! И я вдовец!.. Идем под хупу[1]!..»

Все, что было у него (самого себя!) отдал.

Ради того, чтобы я в *Бога* поверила.

Говорят, что до войны он круглый год делал миквэ[2] в Днестре.

В самые лютые морозы полынью рубил.

Целый Днестр, от моря до Карпатских гор, делался целебной водой в те минуты, когда Идл-Замвл из Резены окунался в миквэ.

А когда он молится, то обсыпает себя печным пеплом и лежит обсыпанный на земляном полу.

Немцы – обходят его стороной.

Румыны – прикусывают языки в его присутствии.

Вечно пьяные шуцманы из местного населения – рычат как собаки, наводят оружейные обрезы... но боятся.

Не стану врать, что не завидовали мне.

Завидовали.

И тогда припоминали, что Идл-Замвл глубокий старик. Да еще – двоится и троится. Четверится и пятерится.

Дескать, я за привиденье вышла.

Им виднее.

Зато с циклами Луны – все хорошо. Семеро детей (с 1945 по 1957) – в браке с Идл-Замвлом из Резены...

14.

Окончание испытаний.

1. Апрель 1944. Освобождение Транснистрии войсками Второго Украиского фронта.

2. Сталин строит форпост социализма на Ближнем Востоке –> (негласное) добро на выезд в Палестину (через пограничный пункт гор. Черновцы) евреев, настроенных социалистически.

2. Шурка – офицер штаба Прикарпатского ВО (Черновцы) – записывает Шантал и Идл-Замвла в «социалистически-настроенные» и... способствует их выезду в Палестину.

– Подожди, я не понял! – спросил Корчняк, откладывая книгу. – Выходит, что ты в телятнике умер! От кровавого поноса!..

– Ну да! – со смешком неуверенности отвечала Лева.

– А кого же тогда в летний лагерь отправили?! для детей работников НКВД?..

– Сам не пойму!.. – стал оправдываться Лева. – Может, у нее и другой сын был!..

И поведал про своих братьев-сестер (по маме), нисколько не обрадованных его появлению в Израиле в 1976-м году (испугались, что в семейное дело попросится! А дело у них – ого-го! Алмазы из Африки!).

– А вот про пасынка там... – перебил Виктор, – который в шахматах успехи делает... это кто?..

– А самому подумать?! – предложил Лева.

---

[1] *Хупа – свадебный балдахин.*

[2] *Миква – очистительный водоем.*

– Я, что ли?..
– Ты! – подтвердил Лева с торжеством.
– Нет!.. – сразу отверг Виктор. – Это не я!..
– А кто – *я*?.. – посмеялся Пешков.
И напомнил про 47-й год, про кубок с бегуном в шкафу...

Бесполезно.

– Это не я!..

И – разговор окончен.
Точно влажная губка проехала по исписанной школьной доске, так лицо Корчняка опустело в одну минуту.
Неприятное деловое выражение встало в нем.

Дал обычные свои *цэу* на завтра: серый костюм, синяя рубаха... носки-ботинки... на завтрак овсянка на воде с какой-нибудь ягодой... а разбудить в 9 утра, не раньше, но и не позже...

И двинул к лифту – отдыхать перед партией.
Вот кадр!

«А вот не разбужу!.. – в спину ему бросил Пешков. – И синюю рубаху не постираю!..»
«Что-о?» – не понял Корчняк.
И придержал дверки лифта.
– В пальто! – выругался Пешков. – Я думал, хоть ты у меня есть! А тебе западло!..

И вот тогда...
Будто сноп верхового пожара – по воздуху перелетел.

– Да, западло! – с пол-оборота завелся Корчняк. – И не смейте обо мне писать в ваших книгах!.. Я сам все знаю о себе!..
Никогда раньше он так не психовал! Даже когда партии дул. Дверки лифта били по нему, а он все стоял с выставленными локтями и орал на Лёву («*Не смейте обо мне писать!.. Я сам все знаю о себе!.. Не смейте обо мне писать!..*») таким некрасивым дурным голосом, что у Лёвы кулаки зачесались.

15.
«Я сам всё знаю о себе».
В том-то и дело, что не всё. Рукописи Геродота найдены в XV в. (т.е. с 2000-летним опозданием). Скорее всего это подлог. Политический заказ.
Кто ответит за достоверность т.н. «исторических документов», когда их в каждом веке переписывают – в духе тех или иных коньюктур.
Так, в одной книге сказано, что в верхней Италии живут геты-русы (гетруски –> этруски).
В другой: «Геты – славяне».
В третьей: «По правую сторону Дуная обитают геты (скифы), по левую сарматы, а язык у них один».
В четвертой: «Геты предки украинских казаков».
В 5-м... в 6-м... в 7-м...
Т.е. вертят, как хотят.
В шкурных интересах.

Значит, некому *выдвинуть* меня?

Round 31 [White «Viktor Korchnoi»] [Black «Anatoli Karpov»] 1.c4 e6 2.Nc3 d5 3.d4 Nf6 4.cxd5 exd5 5.Bg5 Be7 6.e3 0-0 7.Bd3 Nbd7 8.Nf3 Re8 9.Qc2 c6 10.0-0 Nf8 11.Bxf6 Bxf6

12.b4 Bg4 13.Nd2 Rc8 14.Bf5 Bxf5 15.Qxf5 Qd7 16.Qxd7 Nxd7 17.a4 Be7 18.Rfb1 Nf6 19.a5 a6 20.Na4 Bf8 21.Nc5 Re7 22.Kf1 Ne8 23.Ke2 Nd6 24.Kd3 Rce8 25.Re1 g6 26.Re2 f6 27.Rae1 Bh6 28.Ndb3Bf8 29.Nd2 Bh6 30.h3 Kf7 31.g4...

И тогда он прибегнул к последнему приёму.

Который хранил в тайне от всех.

Да, был у него такой приёмчик.

Мол, *я* это *не я*.

Давным-давно его открыл: когда в секцию бокса пришел (в 7-м классе) и стал всеобщей грушей для избиения – пока не придумал, что делать.

«Я это не я!» – вот что надо было делать.

Я это не я, а что-то другое. Большее.

Воздух и Свет.

Ход часов на стене в кухне.

Наклон Дерева за окном.

Высокое Струенье Туч в небе.

Поток Жизни, одним словом.

Вот что такое *я*.

И вот, стоило мне подумать, что *я* это не я, а всецелый поток жизни, как я стал непобедим в боксе. Как только не лупили меня. Какие фонари не навешивали.

Да если б и прибили насмерть – и то непобедим.

Вскоре этот фокус помог мне на даче.

Оля приходит и говорит: «Я ходила за капустой в подвал. А там у порога большая дохлая птица. С собаку величиной. Ты ведь знаешь, что я не боюсь никакой грязной работы, но убрать эту птицу выше моих сил! И из соседей никого нет!.. Помоги, если можешь!..»

И вот – что я делаю. Иду за огород, к сараю.

Сказать, что мне страшно – ничего не сказать. И тогда я включаю мой приём: «*я* это не я! А что-то второе, большее. То, из-за чего облака по небу идут. И стрелки по циферблату. Вот пускай оно всё устроит!»

И – устроило!

Подхожу к этой птице. С веником и совком. Замел на совок. С совка – в дерюгу. Отнес, выбросил в овраге. Вымыл руки с песком. И говорю: «А теперь я – это снова я!»

Давно это было.

...Bf8 32.f3 Rd8 33.Ndb3 Nb5 34.Rf1 Bh6 35.f4 Bf8 36.Nd2 Nd6 37.Rfe1 h638.Rf1 Rb8 39.Ra1 Rbe8 40.Rae1 Rb8 41.e4 dxe4+ 42.Ndxe4 Nb5 43.Nc3 Rxe2 44.Rxe2 Bxc5 45.bxc5 Rd846.Nxb5 axb5 47.f5 gxf5 48.gxf5 Rg8 49.Kc3 Re8 50.Rd2...

И если смысл того, чтоб «*выдвинули*», в том, чтобы мое «я» оказалось весомее Толиного «я», и т.о. я бы в матч его одолел, то смысл «*я это не я*» уводит в другую сторону.

Смысл его в том, что я есть часть большего, чем я. И друг без друга мы не умеем.

Оно не испытывает меня. Не судит за ошибки. Не принимает у меня экзамен. Но я это Оно.

Оно не обещает мне победы над Толей, зато обещает, что я буду всегда. И в продленности своей не уступлю Вселенной.

Никто не выдвинул меня? А никого и нет!

Отныне я назначаю, кто есть на самом деле.

Главное – помнить себя во всякую минуту. Видеть себя во всю карту.

А не так, чтоб через 2 тыс. лет гадали, кто я был: гот или гет, фракиец или франк. А то и вовсе предали бы забвению.

...Re4 51.Kb4 Ke8 52.a6 bxa6 53.Ka5 Kd7 54.Kb6 b455.d5 cxd5 56.Rxd5+ Kc8 57.Rd3 a5 58.Rg3 b3 59.Kc6 Kb8 60.Rxb3+ Ka7 61.Rb7+ Ka6 62.Rb6+ Ka7 63.Kb5a4 64.Rxf6 Rf4 65.Rxh6 a3 66.Ra6+ Kb8 67.Rxa3 Rxf5 68.Rg3 Rf6 69.Rg8+ Kc7 70.Rg7+ Kc8 71.Rh71-0 (общий счет в матче 5:5)

После 5:5 (31 партии).

Рапорт-РНО-99904 (279-12-44).

Москве-1.

«Рассматриваем как диверсию 1-й степени. Со всеми вытекающими! Москва-А».

Рапорт-РНО-99904 (279-12-45).

Сов.секретно.

КГБ СССР.

В Политбюро ЦК КПСС.

В свете критической ситуации, сложившейся в матче на первенство мира по шахматам (счет 5:5 – при игре до 6 побед), и в свете отказа Претендента принять наши компромиссные предложения, а также учитывая исключительную роль Стайнбарга-Пешкова в поддержании на высоте морального и физического состояния Претендента и его прямую вину в срыве переговоров с Претендентом по теме нашего компромиссного предложения,

предлагается:

– воздействовать на Стайнбарга-Пешкова путем угрозы применения наказания к его сыну, Пешкову Виктору Львовичу, 1961 г.р., гражданину СССР, студенту ВГИК (Москва),

– довести до сведения Стайнбарга-Пешкова о мерах воздействия по отношению к его сыну, как-то:

– отчисление из института кинематографии (ВГИК),

– немедленная выписка из г. Москва,

– призыв в Вооруженные Силы СССР с прохождением службы в одном из трудных с климатической т.з. поясов Кр. Севера, либо в районе выполнения интернационального долга на территории Демокр. Респ. Афганистан,

– применить строгие карательные меры в случае уклонения,

– немедленный (тлф.) контакт со Стайнбаргом-Пешковым – осуществить через его *бывшую жену*.

Сообщение ТАСС: «Чемпион мира Анатолий Карпов взял тайм-аут перед 32-й партией матча на первенство мира». Партия перенесена на четверг.

Сообщение ТАСС: «Чемпион мира Анатолий Карпов взял дополнительный тайм-аут перед 32-й партией матча на первенство мира». Партия перенесена на понедельник.

Рапорт-РНО-99904 (279-12-5.5).

Кишинев – Багио (тлф.):

Бывшая жена: «Лева, это ты?.. Лева, я решилась позвонить, потому что у нас общий ребенок!..»

Пешков-Стайнбарг: «Кто это?!»

Бывш. жена: «Это Надя!.. Наш Витенька в опасности!..»

П.-С.: «Надя?..»

Б.ж.: «Да! Это Надя!..»

П.-С.: «Надя?!.. Откуда?»

Б.ж.: «Из своей квартиры!.. Очень плохо слышно!..»

П.-С.: «Из своей квартиры?!.. Оп-па!.. И чего надо?»

Б.ж.: «Витенька в опасности!.. Теперь ты меня хорошо слышишь?»
П.-С.: «Нормально слышу!»
Б.ж.: «Ты все понял про Витеньку?»
П.-С.: «Нет, не понял!»
Б.ж.: «Наш Витенька в опасности!»
П.-С.: «В какой опасности?»
Б.ж.: «Сейчас... минутку... я успокоюсь!.. расскажи (*всхлипывает*), как ты?.. Семью завел?»
П.-С.: «Не завел!.. Откуда у тебя этот номер?..»
Б.ж.: «Значит, Витенька у тебя единственный ребенок!.. Раз ты семью не завёл!..»
П.-С.: «Не твое дело!.. Как ты меня нашла?»
Б.ж.: «Через посольство!.. Ты в команде перебежчика-дезертира... (*плачет*)... а покарают Витеньку!..»
П.-С.: «Да прям покарают!»
Б.ж.: «Да, прям!.. Нет, мне трудно... Прости, я по бумажке (*плачет*)... Итак!.. Лева!.. Мы с тобой давно идем разными дорогами! Не важно, кто больше виноват! Важно, что у нас ребенок и ему грозит беда!.. Алле, ты слышишь?»
П.-С.: «Ну и что за беда ему грозит?»
Б.ж.: «Я продолжаю!... Наш ребенок учится в Москве. По профессии он будет тем, кем был твой дед! И мой папа! Он проживет долгую и яркую жизнь! Если его не покарают... (*плачет*)...если дадут... доплыть до диплома...»
П.-С.: «Куда-куда доплыть?..»
Б.ж.: «До диплома!.. Приказ об отчислении уже подписан (*плачет*)... и о том, чтоб... о том, чтоб...»
П.-С.: «О том, чтоб – что?»
Б.ж.: «О том, чтоб ... в Афганистан!.. Под пули!..»
П.-С.: «Ха!.. Шантаж!..»
Б.ж.: «Я своими глазами видела!.. Не губи сына!..»
П.-С.: «При чем тут я?!..».
Б.ж.: «Ты работаешь на предателя!..»
П.-С.: «Да прям работаю! Борщи ему варю! Трусы его стираю! Вот и вся работа!»
Б.ж.: «Не губи сына!.. С тобой свяжутся!..»
П.-С.: «Зачем?»
Б.ж.: «Тебе объяснят!» (*плачет*)
П.-С.: «Кто объяснит?..»
Б.ж.: «Сделай то, что они попросят, Левушка!.. Ради всего хорошего!.. (*плачет*). .. Ради всего хорошего, что у нас было!»

16.

«Все хорошее, что было».

До сих пор жизнь была как многовагонный состав, поставленный на рельсы и запущенный по маршруту, придуманному для него, «Львёнка», кем-то чужим и недобрым.

Что он знал про себя?

– Дата-место рождения (17.8.1937. Оргеев, согл. паспорту).
– Отец умер перед войной (ноль воспоминаний).
– Мама?.. (лучше б тоже о воспоминаний).

Далее.

Детский лагерь НКВД под Одессой (о воспоминаний) –> война, эвакуация в глубь СССР –> детприемник в Куйбышеве...

Там, в куйбышевском детприемнике, память вспыхнула наконец – от ножниц, побежавших по голове.

Запомнил шишакасто-одинаковые головы в шеренге.
Запомнил кальсоны, брюки, телогрейку...
Там он много чего запомнил такого, что лучше бы забыть.

Ладно, дальше.
Побег –> облава –> детдом в с. Троицкое (Чувашия) –> школа юнг в Лиепае –> Балтийский флот –> дмб 1958 –> в Черновцы к дяде Шуре.

Далее.
Черновцы, дядя Шура –> в Молдавию на ПМК «Оргеев» –> Надя... Надя... Надя –> женитьба –> любовь –> сын –> своя (!!!) квартира со всей обстановкой...
Вот так!
Вопреки детприемнику и детдому, вопреки сиротству и садисту Андрей Ивановичу, вопреки неласковым нравам на военном флоте, вопреки бездомности, нищете, эмфиземе легких –> вдруг своя 3-х комн. квартира с обстановкой, вдруг семья, тепло (Надька мне ногти стригла!) –> пока, дурак, не впутался в авантюру: швейный цех –> обувь на микропорке –> уголовн. следствие –> ИТЛ (Чувашия) –> развод –> отъезд –> встреча с матерью и ее новой семьей (ювелирн. бизнес) –> алмазн. биржа Т.-Авива –> алмазн. шахты Ботсваны –> *$... ооо* штраф (за потери веса при резке камня...) –> суд, угроза тюрьмы –> ожидание бумаг на переезд к Фоглу в ФРГ...

Что же в итоге?
В итоге – если размотать катушку жизни и вывесить ее, как проявленную фотопленку на веревке, то – и смотреть не на что. Тьфу.
Кроме одного-единственного кадра.
Для которого и стоило рождаться.

«Один-единственный кадр, для которого и стоило рождаться».
Много лет назад.
Совмин СССР постановил: «В целях упорядочения цен на продукты народного потребления – произвести Всесоюзную переоценку основных средств производства».
На РПК под это дело списали массу ремесленных «Зингеров». Паша Скобикайло (швейн. цех) куда-то их припрятал. А потом встречает и говорит: «Переходи ко мне, я штамповщика ищу. По деньгам не обижу, мягко говоря!»
Апрель 1960, Оргеев.
ПМК «Оргеев».
Пешков не стал бы переходить (цех далеко за городом). Но из-за огнетушителей у него эмфизема проявилась (гальваника!). Проблемы с дыханием.
Посоветовался с Надей, она говорит: «Конечно, переходи!»

В швейном цеху. Через месяц.
Посадили за обработку пластика. Штампить обувные формы из полистирола. Химия опять же. И расценки не бог весть.
Но Скобикайло успокаивает: «Имей терпение! Вот только имей немного терпения!»
Шифрует явно.

Скоро прояснилось.
Ноябрь 1960.
Оказывается, есть подряд: колхозные мастерские в Резене, пр-во полистирола для мелиорации.
Невыработанный полистирол – себе на обувь!
Ну и хват Пашка!
Стали шить обувь на микропорке (на «Зингерах», на тех самых!). Кто в цехах, кто надомник.

Пешков смотрел-смотрел, и не выдержал: «Давай-ка и я шить буду! Надоело штампить!»

«Давай, шей! – согласился Скобикайло. – Бери станок, осваивай!.. Но у меня одно условие: ты шьешь, ты сбываешь! Чтоб без чистоплюев! чтоб по справедливости!»

Пешков покривился: «Да я... военный моряк... боцман на боевом корабле!.. И чтоб я с грузовика торговал?»

Решил идти обратно на огнетушители.

Но Скобикайло покупал при нём сибирские бурки у Волгина А.Ф., главного инженера. По 20 рублей бурка. Это надо было видеть. Как богатый нищего одаривает (хотя бурки из настоящего оленьего меха! им цены нет!). Волгин чуть не плакал от унижения (он честный, ему и на простую жизнь не хватало).

Пешков не хотел себе такой участи. И не только себе, но и Наде. Потому что у нее в семье никогда денег нет. Тесть запаял железную банку из-под кофе и по большим праздникам кидает по железному рублю в щель. Все накопления – в банке из-под кофе.

Потому и пошел работать к Скобикайло.

Обувь сбывали методом выездной торговли. В деревнях, на полевых станах.

Через год внёс пай за 3-комнатный кооператив!

Ура!

Потому что с родителями не жизнь в одной квартире.

Суют нос не в свои дела – раз. И тяжелый характер тестя – два. Запретил, например, покупать колбасу в дом. «Сварите курицу или котлет нажарьте, если голодные! А *колбаца* это баловство, а не еда!» И притом Отелло конченый. Теще Сонь Михайловне под 50, а он места себе от ревности не находит. «Ты понимаешь, – поделился он с Пешковым, – вот кто бы ни пришел в дом: водопроводчик с ЖЭКа, почтальон с бандеролью, агитатор на выборы... она хотя б на минуту, но обязательно окажется с ним наедине, за закрытой дверью!..» И это еще не все. Был у него пунктик: пешковского деда вспоминать. К месту и не к месту. Про то, как эваколист ему выписал на всю семью, а тот уперся: «*Не тащите корову на чердак!*»

Эх. Сегодня Пешков дорого бы дал, чтоб послушать про тот *чердак* и про ту *корову*. А тогда, в 1960-м, терпел с трудом. Потому что одна Надька на уме. С глазами своими черножарыми! Ах, как она смотрела на него в 1960-м, 61-м, 62-м. Даже немного еще и в 1963-м. Она смотрела так, точно ветер с подволновкой тычет привязанную лодку в пирс, или младенец учится лопотать «ты... ты... ты!». С таким самозабвеньем смотрела. Всякое ее сказанное слово, и разлётные брови, и черноглазый напор лица, – всё было тычком в него, в Леву Пешкова, в сеточку его души, всё говорило «ты... ты... ты Лёва Пешков, мой муж».

И от того, как близко она подходила, глядела в глаза, толкалась их общим животом (если родится мальчик – то *Виктор* (*победитель*), если девочка, то *Майя* (*Весна*)...) – от всего этого умереть можно было!

Рапорт-РНО-99904 (279-12-5.5).

Кишинев – Багио (тлф.):

Бывшая жена: «И еще один момент!.. Если ты поможешь... если сделаешь то, о чем тебе попросят... то вам уступят авторство книги! Твой дед будет автор! А папино имя не услышит никто!..»

...

Пешков-Стайнбарг: «Сколько мужчин у тебя было... после меня?»

17.

Товарищу Брежневу Леониду Ильичу

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Счастлив доложить, что матч на звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой.

Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча.

Заверяю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы.

Чемпион мира Анатолий Карпов

Товарищу Карпову Анатолию Евгеньевичу

Дорогой Анатолий Евгеньевич!

Был очень рад получить Вашу телеграмму. Горячо и сердечно поздравляю Вас с победой в ответственном и нелегком матче.

Вся наша страна гордится тем, что в тяжелой, упорой борьбе Вы проявили высокое мастерство, несгибаемую волю и мужество, словом, наш советсткий характер.

Уверен, что Вы в дальнейшем умножите свои творческие усилия и внесете крупный вклад в сокровищницу шахматного искусства.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, ярких побед во славу нашей великой Родины.

Л. Брежнев

ЭПИЛОГ

1.

Кишинев. 15 июля 1983 г.

Я вернулся домой в купейном «пятом» («Москва – Бухарест») – далеко за полночь.

Воздух на перроне был летний, но безрадостный.

Вышли на привокзальную – там всё низенькое, мутное.

Холм завода Котовского – точно ж. на шляпу сели – такой придавленный, низенький.

Мама сразу уловила мое настроение.

«Понимаю, – сказала она, пока топтались в очереди на такси, – жаль покидать Москву!.. Но какие мы с тобой молодцы, а?!.. – и стиснула мою руку. – Доплыли все-таки до диплома!..»

«Не *до-плыли*, – подумал я с тоской, – а при-плыли!..».

Не передать, какой это был отстой: привокзальная ночная площадь в огарках фонарей, ленивый сквер с бесчувственным фонтаном.

Ровно телегу с горки спустили в лопухи – такой отстой.

Эх, почему на москвичке не женился?! На горбатой, на кривой, за деньги!..

Теперь-то что будет?

А будет вот что: завтра мне надлежит явиться на киностудию в отдел кадров. Известить о прибытии. Они посылали меня учиться в Москву, теперь я у них в кармане. Навсегда.

Надо ли говорить, что это за отстой – местная киностудия!

И на киностудию не похоже.

Так, дворик с кошками и голубями на Мичурина, с полопавшимся асфальтом в выпушке травы, с уличным пахучим нужником в тупике у забора, с осами и пчелами на оконных карнизах и шелкопузыми гусеницами под ногами.

И там, на киностудии, меня тотчас припишут служить с 8 до 5 в казенном кабинете без телефона. Перекладывать бумаги с места на место: из шкафа на стол, со стола в мусорную корзину.

Я обречен.

Но с утра пораньше звонила Лия Мироновна, мама Хаса, и просила о встрече. В тайне от него.

«Вся наша семья рада, что ты вернулся, – объявила она, едва я вошел. – Дай-ка я на тебя посмотрю!.. Ну-у, подрос!.. Возмужал!..»

Ее черные бусинки-глаза блестели вполне добродушно.

Но затем она перешла к делу.

То да сё, мол, Хас был на выставке собак и познакомился там с девушкой... *не подходящей* ему.

Мол, повлияй на него, пока она не забеременела.

И полоснула по мне – испытующим взглядом.

– *Не подходящей*? – уточнил я. – А это по каким параметрам?..

Совсем не добродушная пауза воцарилась, в течение которой мы в моргалки играли.

Лия Мироновна была маленькая, крепко сбитая. Выражение сильной воли в загорелом лице и какой-то, что ли, геометрической устойчивости в фигуре держалось в ней все годы – а я помню ее с 3-го класса.

– Витя! – наконец вымолвила она. – Я знаю моего сына! Он не гений! Но красный диплом – получил! Олимпиаду по химии – выиграл! В аспирантуру Академии наук – прошёл!.. А она...

И – осеклась.

Как члену КПСС и советскому педагогу (она в 1-й молдавской школе историю преподавала), ей приходилось выбирать слова.

И вот – «выбрала»:

– Эта девушка ленива и неопрятна!.. Нигде не учится и не работает!..

(*Короче, эта девушка – не еврейка*! – от автора).

И, приняв мою задумчивость за понимание:

– Вправь ему шарики, а?! Пока она не забеременела!..

Разряд растерянности прошел по ее загорелому лицу.

Не помню, в каких именно туманных выражениях я пообещал ей содействие. Главное, что улизнул.

И выйдя из подъезда на улицу, расправил плечи и задышал полной грудью.

Молодец, Хас!

Ясное дело, никакого вправления шариков.

Но напротив – поддержать рывок к свободе.

К умерщвлению ветхого Адама в себе – ради новаторского «*нет ни эллина, ни иудея*»!..

Хм, а может, и Кишинев не такая уж и дыра?!

2.

Вечером Хас представил меня своей Лидочке, и я нашел, что она мила. Хотя и с очень тонкими, детскими лодыжками. И с выщипанными бровями.

Втроём мы покатались в кабинке «Солнышка» в парке Победы, зашли на бесплатную выставку в Собор, послушали споры фанатов на бирже «Нистру», попили газировки с горячим серым на Пушкина... после чего проводили наконец Лидочку домой.

Она жила на Щусева возле детской библиотеки.

В летних сумерках Кишинев там дивный. Змееволосые тополя, плескучие липы в дробящейся зелени.

«Ну, как тебе она?» – спросил Хас по пути домой.

И, пока я с мыслями собирался, выпаливает вдруг:

«Она беременна, я люблю её и ухожу из дома! Можно у тебя переночевать?»

«Есть!» – подумал я. Новые мехи. Новое вино[1].

И объявил ему следующее: «Ночуй, нет проблем! Но при одном условии!.. Ты обещаешь креститься и венчаться!.. Лию Мироновну я беру на себя!»

В тот же вечер.

Я (*Лии Мироновне, с напором*): «Понимаете, они любят друг друга!..»

Лия Мироновна (*ей уже не до улыбок*): «Но она глупа! Неразвита!..»

Я: «Согласен, знаний у нее немного! Но общая культура есть!.. Недавно они ходили на симфонический концерт!»

Л.М.: «О какой общей культуре ты говоришь? По воскресеньям они приходят к нам на обед, и как же проходят эти обеды?! Сколько они тут сидят, ровно столько она молчит, отвечает лишь тогда, когда ее спросят, и то односложными фразами!.. Где ты разглядел общую культуру?!»

Я (*вдохновенно*): «Обещаю Вам, Лия Мироновна, составить для нее список литературы – обязательной для прочтения!»

Л.М.: «Витя-а!.. Я думала, ты умный – после Москвы!»

Я: «Вот именно!.. В Москве я понял, для чего мы живем! Раньше не понимал! А в Москве – понял!»

Л.М. (*в сильном волнении*): «Мы живем для того, чтоб жить! Не утонув посередине!..»

Я: «Вот они и проживут! В любви... и поисках Бога!..»

Л.М. (*рассмотрев меня так, точно впервые видит... точно не знает меня с 3-го класса*): «Витя, Витя... тут одно из 2-х!.. Либо ты такой же дурак, как мой сын, даже еще больший дурак!.. Либо у тебя какой-то свой... шкурный интерес!..»

Я: «Побойтесь Бога, Лия Мироновна! Ну какой у меня может быть шкурный интерес?»

(Нет, ну интерес-то у меня был: а именно воцерковление Хаса и Лидочки. Но назвать такой интерес шкурным я не мог!)

Л.М.: «Послушай, ты случайно не Идл-Замвл из Резены?.. Нет?.. Вот и помолчи про Бога!..»

Я: «Какой еще Шпиндель-Савл из Резены?»

Л.М.: «Сначала стань таким святым, как Идл-Замвл из Резены! А потом про Бога!»

Я: «Не знаю я никакого Шпиндель-Савла!»

Л.М.: «Ну всё, Витя!.. До свиданья!»

Я (*расстроенно*): «До свиданья, Лия Мироновна!»

Л.М.: (*мне в спину*): «И передай своему другу... что если только он женится на ней, я... я... налысо постригусь!.. Я... я... в окно горсовета булыжник брошу!»

– Зачем? – воскликнул я со смехом.

Л.М. (*выпроваживая меня за дверь*): «Я думала, ты друг! А ты!..»

Я: «Конечно, друг!.. С третьего класса и – навсегда!..»

Л.М.: «Не ври!.. Уж самому себе ты такой *а шиксэ* не устроишь!»

Ага. Проговорилась.

А еще – советский педагог. Член (ха-ха) КПСС!.

– Устрою! – только и осталось пообещать. – Вот увидите, что устрою!..

[1] *«И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие...» (Лк.5:37-39).*

3.

«...а шиксэ».

Три недели спустя.

– Любовница?.. – и моложавый, с седым чубом, режиссер Ион С. хитро сощурился.

– Нет, – выдавил я, – просто однокурсница...

– Алла! – зычно позвал он помрежа, курившую у раскрытого окна. – Пригласи на пробы... э-э-э... как её... – защелкал он пальцами.

– *Варя Эн*! – подсказал я.

Не веря в то, что происходит.

Кишинев. Старая киностудия на ул. Мичурина. 22.8.1983.

Низкое окно выходило в пригретый солнцем студийный двор.

И вот, пока Ион С. щелкал пальцами и звал помрежа Аллу, я только и успел задержать дыхание.

И выпустить через ноздри дым.

Дым своей души.

«КАК СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ», СССР, МОЛДОВА-ФИЛМ, 1984, цв., 68 мин. Режиссер-постановщик: Ион С. Редактор-стажер: Виктор Пешков. Краткое содержание. Талантливый рационализатор – выпускник школы – Петря Чиримпей – остается работать в родном селе. Он мечтает стать знаменитым и когда-нибудь все же покорить сердце бывшей одноклассницы Лучии, в которую также влюблен зоотехник Шаптебой (надутый и вредный). Петре удается и то и другое, и фильм завершается свадьбой».

– Короче, вызови мне Витину любовницу на пробы!.. – заключил Ион С.

– Да нет же! – тихо запротестовал я. – Однокурсницу!..

– На какую роль? – загорелая, в широкой юбке из белой марли, помреж Алла легким шагом вернулась от окна к столу.

На столе она раскрыла перекидной блокнот-календарь.

– Лучии! – режиссер Ион С. почесал чуб. – А там посмотрим!..

– Телефон? – помреж подняла на меня глаза.

И я продиктовал ей тот самый номер (*234-99-87*), которым юность моя была перехвачена, как резинкой.

Спустя 3 дня.

– Одну дыню! – попросила Варя Н. – И всё!.. Большое спасибо!..

– А виноград?.. – возразил я. – А персики?.. – и попёр, как крейсер, сквозь рыночную толпу. – Когда еще на юге окажешься!..

Варя Н. – послушно за мной.

Базар был толподавый, летний.

Будто жирненького хруща придавили пальцем, и из него тысячи хрущей брызнули.

Давленные баклажаны на земле между лотками, и те пахли сенсационно, по-новому.

Мотоциклетные выхлопы возле цирка... духмянный навоз под крестьянскими телегами... вёдра соленой черемши в рассоле... жок из репродукторов на столбах... кэрнацеи на огне... – все было новое, будоражащее.

Будто бы до сей минуты на Земле обитал один-единственный я (то веселый, то грустный) – и вдруг (*allez-hop*!) все человечество вспыхнуло.

Будто бы Кишинев был провинцией и дырой – и засиял вдруг, как *поднебесное НЛО с инопланетянами*.

Но самая главная сенсация – в брючках-самопалах и туфлях-лодочках – шла рядом со мной, не привлекая ничьего внимания.

Не верю.

Вон северная стена базара, за которой ЖЭК-10 (форма с гетрами!).
Вон фотография «Цэрэнкуца», в которой я на комсомольский билет фотографировался.
Вон «Авто-вело» (нипели для «Орлёнка)... вон горячая пшёнка у ворот (20 копеек штука)... вон Дом быта... Швейная фабрика... 5-е отделение милиции... Короче, все детство моё, и... Варя Н. – рядом с ними!
Чудеса в решете!
...
– Персики! – разгулялся я. – Вишня-черешня!..
Утром на киностудии я получил свой стажерский первый аванс и готов был целиком спустить его для гостьи.
...
– Слушай, 1000 извинений! – говорит вдруг Варя Н. – Мне в туалет нужно!..
Еще бы. Гуляем пятый час. Полгорода покрыли.

Приходим к туалету у южной стены.
А там...
Реки испражнений вдоль забора. Цыгане, пьяницы. Копоть автовокзала.
Как я не предусмотрел!
Ну во мне, допустим, вся физиология остановилась – от кайфа. Но ведь есть и другие люди на земле.

– Пошли! – говорю.
И повел ее к себе домой. Это через 2 квартала.

25 августа 1983. 15 часов. Кишинев. Мой двор.
Я (*Варе.Н.*): «Вот ключ! Туалет из прихожей прямо!.. Успехов!..»
Варя Н. (*мне, удивленно*): «А ты?»
Я: «Дома никого нет!.. поэтому я во дворе подожду!»

Со связкой наших домашних ключей Варя Н. направилась к подъезду.
Я знал, там Санька Локтионов целыми днями в подъезде курит. Читает журнал «Подвиг» на широкой лавке под лампочкой.
Прислушался. Все тихо.
Присел за стол в палисаднике.

Спасибо, Тихон Кроткий!..

4.
Ночью гуляли у режиссера Иона С. на Пирогова.
Под звездами в теплокровом небе!
Под виноградом, пропущенным через веранду особняка.

– Я очарован!.. – Ион С. подсел к нам и обнял Варю Н. за плечи. – Пробы ну просто прекрасные!.. Алла!.. – через весь стол крикнул он помрежу. – Скажи, как мы все очарованы Вариными пробами...
– Высший класс! – подтвердила помреж Алла.
И оператор с художником тоже загудели «*Высший класс-с-с!..*»
И все, кто был за столом, загудели в том же духе.

– Я на будущий год запускаюсь с «Дамой в белом»! – сообщил тогда Ион С. – Беру тебя без проб!.. Обещаю!.. Хочешь, расписку дам?..
– Хочу! – сказала Варя Н.
– Найдите мне бумагу, найдите ручку! – зашумел Ион С. – Ловите меня на слове!..
Все засуетились в поисках бумаги и ручки. Стали бить себя по карманам, рыться в сумках.

– «Дама в белом» это твоё! – добавил Ион С, улыбаясь в пшеничные усы. – А Лучия – она же доярка! От нее навозом воняет!.. Ни фига себе, почему не ешь? – отвлекся он вдруг. – Люди, шашлыки сюда!..

Тарелка Вари Н. и вправду была пуста. При том, что стол под завязку в яствах! Горы подрумяненного шашлыка, пронзительные соленья, рыба в красном соусе, овечья брынза... чего там только не было – на том столе. Не говоря про вино в кувшинах – домашнее, пузырящееся.

– Я не ем шашлык! – тихо отвечала Варя Н.

– Любая классика её! – с другого конца стола подсказала помреж Алла. – Не только дама в белом!..

– Потому что Варя дворянка! – широким жестом Ион С. набросал куски шашлыка на тарелку Вари Н. – Самых голубых кровей!..

– Вегетерианка!.. – поправила Варя Н. – А не дворянка!..

– Ешь! Ешь! – не слушал Ион С. – Дворянок... фу-ты... доярок на экране много!.. А аристократов – х!..

Между тем я вместе со всеми бил себя по карманам в поисках ручки или карандаша – чтоб поймать его на слове. И не находил, как назло.

– Пьем за Варю! – провозгласил Ион С. – За ее великое будущее в кинематографе!..

И все с восторгом выпили. За что, не знаю. Вроде бы за Варю Н. А скорее – за эту ночь, за это южное лето. За счастье вот так вот сидеть на веранде за накрытым столом и выпивать с друзьями.

Через два часа.

Вдвоем с Варей Н..

Улицы Кишинева.

1:27 ночи.

Я: «...А это музей Котовского и Лазо!.. Здесь меня в пионеры принимали!.. Ты из-за этой Лучии... не расстраивайся, а?.. Образ не прописан, играть нечего!..»

Варя Н.: «Да я бы и не стала доярку играть!»

Я.: «Тоже мне доярка!.. Ничего общего с реальной деревней!..»

Варя Н.: «Я бы на пробы не прилетела – если б знала, что это с животными связано!..»

1:54 ночи.

Я: «А это больница Чорбы! В 8-м классе я тут всю 2-ю четверть провалялся (с желтухой)!.. Варь, я для тебя одной писать буду! Я придумаю для тебя много ролей!..»

Варя Н.: «Спасибо! Но постарайся, чтоб там издевательств над животными не было!..»

2:39 ночи. Возле главпочтамта.

Я: «Видишь киоск? В нем я всю "Молодежь Молдавии" скупил – с моим первым стихотворением! И вон в том киоске – через дорогу – тоже скупил! А вегетерьянцы это кто? Те, что морковные котлетки едят?»

Варя Н.: «А ты не смейся!..»

Я: «Я не смеюсь!»

Варя Н.: «Ну тогда послушай!»

Оказалось, что – согласно Варе Н. – животноводство это... убийство.

И вот почему.

1. *Коровы.*

Когда корова беременная –> у нее вырабатывается молоко для кормления будущего ребенка –> но едва ребенок рождается –> его у матери отнимают (телушку – в молочное стадо, теленка – на котлеты) –> и кто хоть раз слышал, как воет-плачет корова-мать при отъеме ее ребенка, тот больше не притронется к парной телятинке...

2. *Свиньи*.

Вот и свиней превратили в машину для размножения –> фермы напоминают концлагеря с металлическими и бетонными загонами, в которых не развернуться –> 3 раза в год их насилуют (насильственно оплодотворяют) –> когда же у свиньи рождается ребенок, то через 2-3 недели его отнимают на забой (для поставки в рестораны молочных поросят, любимого блюда обжор и гурманов) а свинью заново оплодотворяют...

3. *Рыбы*.

Холоднокровную рыбу убивают всеми возможными способами –> утешаясь при этом ложью, что, дескать, нервная система рыбы недостаточно развита для ощущения боли –> так вот, это ложь и самообман –> рыба в полной мере чувствует боль: от конвульсий на рыболовном крючке до извлечения икры из еще живого тела.

4. *Еда, одежда (кожаная), охота-рыболовство-цирки-зоопарки*... все завязано на одном непрерывном преступлении против животных, на одном непрерывном издевательстве и жесточайшем убийстве...

5.

И вот, когда она заговорила о скотобойнях, электрошокерах, подвешивании на крюк, отрезании копыт и клювиков, освежевании и потрошении еще живых, даже не оглушенных свиней и коров, затем о китайских пушных зверьках, которым рубят лапы и сдирают шкуру живьем, я наконец отвел глаза от ее голоса и вникнул в смысл ее слов.

Она была из тех, кого я никогда не перебуду. Не устраню из книги жизни.

И потому, если б она вздумала переметать таблицу Менделеева... или переписать итоги мировой войны... или назвать день ночью, а меня (Виктора Пешкова!) назвать, допустим, *Пафнутием*...– и то я бы считался с таким порядком.

Поэтому, независимо от того, есть ли у животных собственное *я* и осознают ли они ужас собственной смерти, потрясение ее стало моим потрясением.

Я: «Ну и что оно изменит, вегетерианство твое?! Весь мир-то – вон как мясо трескает!»
Варя Н.: «Каждый вегетарианец спасает 198 животных ежегодно! Это доказано!..»

Что означало: «в этом году *я одна* спасла 198 животных».
Даром что одних только кур – ежедневно – убивают 20 000 000 по всему миру!
Вот так.

Впервые мне попался человек, чье *я одна* было больше моего *я один*.

Я любил ее, но терял достоверность рядом с нею.

Ни слепая Даша, ни Веснушка, ни Лазарев, ни Костя Тронин, ни Сергей Гуденко... не шли в сравнение с этими ее 198 не-убитыми, не-растерзанными, не-освежеванными животными.

Господь Судья – да будет судьёю между мной и ею.

Как раз мы на Ботанику пришли.

3: 41 утра. Ботаника. Долина Роз. Первое Озеро.
Я: «А вот здесь... мой дед утонул... при мне!.. и я впервые здесь... с 1973-го года!..»
Варя Н.: «Твой дед?»
Я: «А чей? Пушкина дед?!.. Мой дед Петя, конечно!..»
Варя Н.: «Неужели... *при тебе*?»
Я: «А при ком?!.. При Пушкине?!.. Сначала мы с Вовкой Елисеевым искупались...»
Варя: «Кто это – Вовка Елисеев?»
Я: «Друг на старой квартире... еще до того, как мы с Ботаники в Центр переехали!»
Варя: «С какой Ботаники?»
Я: «Ну вон видишь дома на горке? Это и есть Ботаника... Так вот, мы с Вовкой пошли плавать, а дед Петя вещи стерёг!.. А потом поменялись!..»

Варя: «Какие вещи?»

Вопросы ее сыпались с такой испуганной, взволнованной и вместе решительной частотой, что я почувствовал себя молочным поросенком из списка-198.

Я: «Его книгу за границей напечатали... и оклеветали! Мол, не он написал, а кто-то другой!.. А на озере в это время дамбу срыли! А он заплыл! Несмотря на таблички НЕ ЗАПЛЫВАТЬ! Ну и вот... под новой дамбой – до сих пор!.. Я даже скучать по нему боюсь!..»

Варя: «Под новой дамбой?.. до сих пор?»

Я: «Ну да!.. Под этой дамбой!..»

Варя: «А дамбу... зачем срыли?»

Я: «Чтоб два новых озера наполнить!»

4.02 утра. На виадуке.

Я: «Да откуда я знаю, зачем дамбу срыли?! Я знаю, что у него копилка была. В запаянной кофейной банке. И я из нее железные рубли тряс! Тогда баба Соня у меня копилку отбирала: мол, дед Петя так никогда на машину не накопит, если ты еще и последние рубли вытрясывать будешь! А дед Петя говорил: “Ребенку можно!” И отдавал мне банку!»

4: 53 утра. Телецентр. Гостиница-общежитие «Экран» (при киностудии). В безлюдном ночном фойе.

Варя: «А на самом деле – кто книгу написал? *Он*? Или *не* он?»

Я: «Суд постановил: *не* он!.. Вся надежда – что он сам знает: он... или не он!»

Варя: «...»

Вместо слов – порывисто обнимает меня.

Перед глазами кадка с березой, два кресла, щит «При пожаре». Витрина из толстых кубиков закалённого стекла.

4:55. Объятие.

Мои мысли во время объятья: «Ее самолет в Москву через 4 часа. Если позовет в номер... то до венчания нельзя!.. Запомни – *нель-зя-я*!»

4:58. Объятье.

Рассвет в витрине – будто, жур-жур, из чайника на руки поливают.

5:01. Объятье.

5:04. Объятье.

Варя: «Идем!..» (*отходит*).

5:05.

Варя (*с лестницы, ведущей на этаж*).: «Идем, ну!.. Дома никого нет!..»

Я: «Нельзя!»

Варя Н.: «Почему?»

Я: «...»

Бог не велел. Залог моего «я один».

6.

Во вторник утром баба Соня отправилась в зубную поликлинику на бульваре Негруци и... как-то незаметно вечер наступил.

А потом мама вбегает: «Поехали за бабушкой! Срочно!..»

Оказывается, звонили бывш. соседи.

Мол, баба Соня сидит возле своей бывш. квартиры.

На ступеньках возле мусоропровода.
Пьет какие-то таблетки и говорит, что хочет менять квартиру обратно.

– Да кто же согласится! – сказал я маме в машине. – Квартиру... ха-ха... обратно менять!..
– Бабушка нездорова! – отвечала мама.
– Мам, ну не переедем же мы обратно на Ботанику? – не отставал я. – Ведь 11 лет прошло, а?!..

Приезжаем на Негруци.
Бросили машину на тротуаре у подъезда.
К лифту.
Я смотрю – кнопка вызова лифта та же, что и 11 лет назад. Этакого пожилого, тускло-помадного цвета.
И лифт тот же. И настоявшийся дух половых ковриков на этаже.

– Это нервное у нее! – в лифте поделилась мама. – От того, что пенсию хотели отобрать!..

7-й этаж. Мусоропровод.
42-я квартира (в к-й бабушка раньше жила).

Новые жильцы 42-й квартиры: «Это вы?.. Проходите, она здесь у нас!..»

Баба Соня в своей малиновой кофте сидела на кухне.
По кофте я узнал ее.
Все остальное в ней казалось новым.
Особенно взгляд.
Взгляд ее стал таков, точно она в одностороннее зеркало смотрит и не знает, что с другой стороны это простое стекло. И что за ней наблюдают.

– Мамочка, едем домой! – мама стала упрашивать ее. – С удобством... на машине!..
– На какой машине? – не поверила баба Соня.
– На нашей, конечно!..
– Откуда у нас машина?..
– Мамочка, у нас уже 5 лет машина!..

Баба Соня посмотрела в окно.

– А деньги на машину... откуда взяла? – спросила она, глядя в сторону. – С моей сберкнижки, наверное?
– Это почему же, – не поняла мама, – *с твоей*?!..
И, вздохнув, кивнула новой жилице.
Новая жилица тотчас вышла за ней.

Мы вдвоем с бабушкой остались.

– Из-за тебя всё!.. – вдруг едва слышно объявляет баба Соня.
Я подумал, это она сама с собой.
С зеркалом односторонним.

– Что именно, – переспросил я на всякий случай, – *из-за меня*?..
Но бабушка не отвечала.
В ней одна малиновая кофта... хм-м... проявляла признаки жизни.

– Бабушка, поехали домой, а!.. – попросил я тогда.

А надо было хватать в охапку.

А не просить.
Если бы знал, как все повернется.

– Домой?.. – переспросила баба Соня. – Здесь мой дом! Из-за тебя квартиры поменяли!..
– Ха-ха! – посмеялся я. – Не смешно!..

Баба Соня: «Подумаешь: один раз утонул при тебе!.. И что?!..»
– Ничего! – растерялся я.
Баба Соня: «Он себе утонул – а нам квартиры из-за него менять?! Не много ли чести?..»

Но как раз мама влетела.

Мама (*бабе Соне*): «Какие таблетки ты пила?.. (*новой жилице*) Где упаковка?..»
Та в панике роется в мусорном ведре.
Мама: «Где сумка?.. Сумка её где?..»
Новая жилица: «Она без сумки была!..»
Мама: «Так!.. скорую!» (*ищет взглядом телефон*).
Новая жилица (*дрожащим голосом*): «Вот!»
Мама (*накрутив номер*): «Алле, скорая!..»
...
Мама (*повесив трубку*): «Будут через 10 минут!.. (*мне*) С бабушкой побудь, я в поликлинику – сумку искать!..»
Новая жилица: «Я – на улицу скорую встречать!..».
Убегают.

Баба Соня (*мне*): «Подумаешь: один раз утонул при тебе!.. А если у меня вся жизнь погублена – из-за него!»
Я: «Не говори о нём так!..»
Баба Соня*:* «Попросила метрику подделать! И всё!.. А не украсть! Не изнасиловать! Под землей не замуровать!..»
Я*:* «А вот я его люблю!..»
Баба Соня*:* «Ты?..»
Я: «Я»!
Баба Соня: «Да ты мне никто! Понял?! Если б я только с Хволой не бежала!..»
Я: «Куда бежала?»
Баба Соня: «По льду!..»
Я: «С какой еще Хволой?»
БС: «Нет, надо было в Ленинграде остаться. Как Хвола. А не под землю с ним. Нас там замуровали в Нерубайских катакомбах и газом выкуривали! У нас там тиф был из-за антисанитарии, я его умоляла, отпусти. Там были партийные с семьями, эти своих жён вытолкали наружу. На конспиративные квартиры. А меня нет! Главное, Шлёме не отдать! Косте Адаму не отдать!.. И обрюхатил в катакомбах, гад!.. Я не хочу, чтоб ты родился!»
Я: «Кто?.. Я – чтоб не родился?..»
БС: «Ты!»
Я: «Но я родился!..»
БС: «Но я не хочу!»
Я: «Но поезд ушел! Ха-ха!..»
БС: «Ничего он не ушел!.. Я забираю ход обратно!..»

Мама вбегает.

Мама: «Эти? – показывает упаковку от таблеток. – Мамочка, зачем?!»

Бригада «скорой помощи входит. Фельшер, врач.

7.

Через 10 минут. В кунге скорой.

Я: «Бабушка, ты зачем эти таблетки пила! Самоубийство грех!»

Баба Соня (*на носилках*): «Кто сказал?!»

Я (*покосившись на фельдшера*): «Бог!»

Баба Соня: «Он мне не указчик!»

Я: «Он всем людям указчик!»

Баба Соня: «Он там... я здесь!..»

Я (*шепотом*): «Он тоже здесь!..»

Баба Соня: «У него колит, как у меня?».

Я: «Не богохульствуй, бабушка!»

Баба Соня: «У него вздутие живота, как у меня?.. Гипертония, как у меня?.. Артрит, как у меня?..»

Я: «Он муки на кресте принял – за людей!..»

Баба Соня: «Он с нелюбимым жизнь угробил, как я?»

Я: «Он в ад спустился – ради нас!»

Баба Соня: «Кого – *вас*?!.. Вы мне никто!..»

Я: «Ха-ха!.. Я твой внук, бабушка!»

Баба Соня: «Я забираю ход обратно!»

Я: «Какой ход?»

Баба Соня: «Я не переходила с Хволой!»

Я: «Куда не переходила?..»

Баба Соня: «Хочу к мамуле своей обратно!»

Я: «Не торопись к мамуле!.. Бог сам решит, когда!..»

Баба Соня: «Мне до лампочки, что он там решит!»

Я: «Так уж и до лампочки: воскреснуть или умереть?!..»

Баба Соня: «До лампочки!..»

Я: «Как так – до лампочки?! Жить – или уйти в минералы! Жить – или разложиться в перегной!.. Не верю, что до лампочки!»

Баба Соня: «А я говорю – до лампочки!»

Что ответить?
Господи, научи!

Приехали как раз.

Тут и мама – на «Москвиче».
Выбежав из машины, она кинулась к носилкам, но фельдшера оттеснили ее.

– Что я наделала! – обняла меня мама. – Я думала, это промыть желудок и всё!.. А это... А это...

Я тоже растерялся.
Вокруг была деревня: водокачка, шпалеры мохнатого табака за кривой канавой.
Какая-то всеобщая нетребовательная тишь.
Ну и старинный флигель за каменным забором.

Тогда я тоже растерялся.
Ведь я поднаторел в спорах «Есть ли Бог» и «Почему истина в православии, а не в католицизме».

Но мне нечего было возразить бабе Соне, выпившей полную упаковку снотворного.
Не отличающей минералы от Жизни Вечной.

И при том я даю слово, что баба Соня очень хороший человек.
Высоконравственный. Добрый.

Не говоря о том, что у нее есть медаль «За оборону Одессы». Которую у нее хотели отобрать (вместе с персональной пенсией). Но не отобрали.

– Бабушка! Не надо в минералы! – попросил я. – Нам будет плохо без тебя!..
– Не будет вам плохо! – с носилок возразила бабушка. – Вас самих нет!..
– Неправда! Мы есть!.. – только и нашел я, что ответить.

Но она не слышала. Не хотела слышать. Одну себя слышала.
«Я забираю ход обратно!»... «Я не переходила по льду!» – вот все, что выборматывалось из ее белого лица.

И вот, она так убежденно верила, что можно взять ход обратно и что она не переходила реку по льду, а значит и меня, В.Л. Пешкова, попросту нет на свете... – что пришлось мне остановиться.
Прекратить этот разговор.
Встать под деревом в больничном саду.

И вот там, под деревом, я подумал-подумал и окончательно решил, что... *я есть*!
Как мне ни жалко бабушку!
Как я ни люблю ее.

Ведь правда – это то, что я сам знаю о себе.
А я-то знаю, что *я есть*!

Следовательно, все верно:
...всё так!

Всё только так!

Всё для того, чтоб я был.

И вообще.
Если кто-нибудь когда-нибудь, даже через 1 000 000 лет, заявит, что это он, а не я, стоял с Варей Н. в фойе гостиницы «Экран», и что это *его*, а не мое обьятье с ней длилось 9 минут на рассвете в августе, и некому будет опровергнуть плагиат... – не страшно.
Главное – что я сам знаю.
И потом – ведь был там отвесный луч рассвета в витрине.
В кубиках закаленного стекла.
Тот, Который не велел до свадьбы.

1995 – 2016

Лариса ЙООНАС

***

В феврале бывал сильный ветер
с юга, прямо в наши окна.
Старые рамы скрипели и стонали,
стекла выгибались,
сдвоенный огонек лампы дрожал в них,
плыл и таял.
Квартира была как лодка,
окна как парус.
Мы лежали, обнявшись,
готовые к путешествию в никуда.
Потом заменили окна.
С тех пор я не знаю страха,
а ветер каждый год возвращается,
надеясь на легкую добычу.

Tundma oma kodumaad[1]

Я знаю эту страну.
Вот здесь, на повороте, стоит остановиться –
открывается необычный вид.
Давайте сфотографируемся на фоне индустриального пейзажа.
Вот тут проверим аистов,
вернулись ли в старое гнездо.
Тут хутор, ночью в нем светятся два окна,
желтое и красное.
Здесь я обычно плачу.
А это – указатель, который мы всегда читаем справа налево
и смеемся.
Маленькая страна, легко выучить
все повороты, все здания.
Все такие знакомые лица.
Все звуки, все слова, и все языки.
Все мысли, вольные и невольные,
высказанные или утаенные.
Все облака, зарождающиеся за моим окном,
весь этот воздух, выдохнутый нами,
и вдыхаемый заново.

[1] *Узнать свою родину (эст.)*

Лариса Йоонас (Larissa Joonas) родилась в 1960 году в Татарстане. Училась в Москве. С 1983 года живет в г. Кохтла-Ярве, Эстония. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Воздух», «Новый Таллин», в сетевых журналах. Автор двух сборников стихов.

Ощущаю себя страной.
Или менее, чем страной.
Или более –
например, человеком.

***

Бытование в этой действительности утомительно
выходишь для битвы снаряженный на все случаи жизни
в этот серый туман ежедневного преодоления
бредешь по тусклой мокрой жесткой льдистой земле
(согреваемый любовью) – дым земли подсвечен клубится
поднимается ввысь обнимая низкие облака.

Во что возможно поверить на той стороне земли
где разъединение важнее слияния и недоверие сильнее дружбы
где логика замыкается на первом же слове
не подкрепленном взаимностью раскланиваний
где непозволительная неосторожность (согреваемая любовью)
становится единственным пропуском в настоящий мир.

Почему почему не хватает простых слов которых хватало раньше
почему обнажение смысла это дешевый стриптиз
неужели (согреваемые любовью) мы все еще можем вернуться к истокам
в надежде на (согреваемый любовью) (согреваемый любовью)
(согреваемый любовью) мир.

***

Противопехотные мины
Разрывные пули
Стадвадцатидвухмиллиметровые гаубицы

Высокотехнологичное железо
разработанное лучшими умами
живущее своей жизнью
спрятанное от глаз
в тайных хранилищах
командует людьми
требует беспрекословного послушания

ни один человек не убил танк
не застрелил револьвер
не победил атомную бомбу

можно еще говорить и спорить
но по приказу нашего железа
мы маршируем все добросовестнее

часовые нашего оружия следят за тем
как мы держим строй.

***

Спрашивают – какая поэзия может быть после Освенцима?
А какой Освенцим мог быть после Гете?

***

В тот день, когда всем сказали прийти
по определенному адресу,
некоторые остались доесть свою отбивную,
договорить по телефону,
досмотреть сериал.

Другие просто испугались,
их генетическая память
сказала – повременить.

И только трое встали во тьме
полупустого кинотеатра
и вышли в широко открывшиеся двери.

И только трое спаслись.

***

Все вспоминают, и я помню,
что держала на руках крохотного сына,
и качала его, и плакала над ним,
потому что боялась, что и на его долю достанется война,
вдруг переставшая быть просто словом.

***

Выражение «гамбургский счет»
не существует в других языках

поэтому почти невозможно объяснить
любознательному путешественнику
так называемый национальный характер
склонность к максимализму
деление на черное и белое
и вот эту непримиримость
граничащую с ненавистью
граничащую с любовью
граничащую со смертью
без границ

***

Человек в конверте постели
как послание собственному подсознанию
бесконечно откровенное

беззащитное
возвращаемое поутру адресату
без ответа.

***

Иногда я много работаю и мало сплю
и начинаю забывать свое предназначение
зачем для чего и ради каких целей
меня забросили в этот заснеженный город
вечной зимы
на краю бесконечного света
в бессмысленный круговорот ничтожных и мелких событий

что мне надо делать
кого спасать
во имя каких забытых идей

кто послал меня
не научив до совершенства
не придав мне уникальных качеств
забыв обо мне наконец
оставив меня на попечение
собственного угловатого тела
ограниченного разума
обстоятельств не благоприятствующих свершениям

если бы вспомнить

а пока ни шагу в сторону
на случай если
именно я держу этот мир.

***

Можно ли верить во всемогущество вдохновения,
застигшего тебя темным зимним утром
ни с чем?

***

Тысячелетиями
одно и то же
одно и то же
одно и то же
одно и то же
одно и то же
одно и то же

И вдруг все останавливается и появляешься ты
Единственный
Неповторимый
Как себя чувствуешь посреди вселенной в центре всех времен?

***

Переводчик волнуется
отравленный чужим вдохновением
ядом незнакомых ощущений
тяжестью порочащих связей
образами чуждых миров
внезапно ставших своими.

***

Кинематографическое
отражение непогоды –
в неживом свете на мокром асфальте
в луже
пустой пластиковый стакан
с леденящим скрежетом
описывает полукруг –
и возвращается к прежнему положению.

Никого на улице.
Только фонари,
только дождь, который почти бесшумен.
Живого –
только этот резкий звук,
вызывающий содрогание.

Невероятное одиночество и неприкаянность,
хочется подойти и – .
Но что будет делать исправленный мир,
лишенный единственного смысла?

***

Видела большую стаю мелких птиц,
облепивших ржавеющие тополя напротив
и оглушительно галдевших.
Но удивительным было не это.
Иногда они замолкали,
будто всю эту сотню-другую микродрелей
вдруг выключали нажатием одной кнопки.

Помолчав несколько секунд,
они опять начинали галдеть вразнобой.

Потом опять замолкали
в одно мгновение.

В первый раз я подумала, что это игры слуха,
или, возможно, источник звука не там,
а в руках у коварного мистификатора,
который наблюдает,
как люди идут по дороге и останавливаются,
чтобы разглядеть что-то небывалое в кронах.

***

законсервированное воспоминание
сохраняет неизменную форму
в соответствии с эксклюзивными правами
на образ
запечатленный в памяти на десятилетия

ты протягиваешь мне бутерброд
с сыром
во время короткого обеденного перерыва
мы едим и болтаем о главном

Таким ты остаешься на века.

Таким ты остаешься, пока сажаешь деревья,
одно, другое,
целый лес разных деревьев,
одно другого выше, и некоторые даже зеленее обычного.
Строишь дома, и тоже один другого
непременно выше,
с такими крутыми крышами,
под которыми селятся ласточки,
из столетия в столетие,
выводят птенцов.
И малиновки со славками выводят птенцов
в сирени возле твоих домов,
в ней распевают тысячи соловьев
многоголосых, как небесные арфы.

Таким ты остаешься, когда твои дети
из крохотных, несомых в заплечных мешках,
вырастают в синеглазых великанов,
белокожих и темнокожих,
совершают свои подвиги,
поворачивая вспять реки,
возводя мосты через океаны.

Таким ты остаешься,
начиная революции

и останавливая их,
перемещая планеты на орбитах,
прочерченных уверенным циркулем,
укрощая пламя и возжигая его,
проходя по бесконечным землям,
засаженным желтыми и белыми цветами.

Все это теряется
где-то в том самом будущем,
которое незаметно становится прошлым,
пока ты протягиваешь мне бутерброд с сыром,
нарушая движение времени,
не способное победить память.

***

Поразительно
как мы научились сосуществовать с
иными видами отличающимися от нас
иначе мыслящими
иначе воспринимающими жизнь

что думает кошка глядя в окно на красную машину
движущуюся по разбитой дороге
по трухе
пересохшей травы
скошенной неделю назад
что думает она о том что я думаю
глядя в окно одновременно с ней?

***

Легко сочувствовать, если сам испытал подобное.
Был беженцем, иностранцем-гастарбайтером,
бедным, больным, безработным.

Если долго жить,
то можно примерить шкуру
сироты, инвалида, ребенка, одинокого.

Не всегда получится, конечно,
стать женщиной или собакой,
но некоторым удается.

Вот так вот смотришь – и думаешь:
это мои братья.
Мои сестры.

Владимир ДРУК

АЛЕФ-БЕТ
Формы, числа и номинации

Юне и Исааку Шер, бабушке и дедушке;
Равам И. Гинзбургу и А. Каплану, поздним учителям

Алеф

1.
пустота отступила

соединяющий верх и низ
и верхние и нижние воды
и твердь

каково тебе там одному?
каково тебе здесь?

первый
единственный
неповторимый
нерастворимый
в своём одиночестве

одиночество одиночеств
такое одиночество другим неподвластно
такое одиночество трудно вообразить

в тебе
потенциальны
тысячи тысяч миров

что ты можешь один?
здесь?

ты первый но счёт
начинается со второго

назови этот мир
здесь нет ничего даже имён

Владимир Друк родился в 1957 году Москве. Окончил факультет психологии МГПИ и отделение интерактивных коммуникаций факультета кино и телевидения NYU. Один из основателей Московского клуба «Поэзия». Создатель и главный редактор издательства «звучащих» авторских книг TEXTONICA в Нью-Йорке (2014). Стихи печатались в ведущих литературных журналах, переведены на 15 языков, вошли в несколько антологий современной русской поэзии: «Самиздат Века», «Строфы века», «Освобожденный Улисс», Twenty-first Century Russian Poetry, 20th Century of Russian Poetry, Crossing Centuries: The new Generation of Russian Poetry, Third Wave и др. Автор шести поэтических книг. Победитель конкурса «Русская Америка» (2002). Дипломант премии «Московский Счет» (2009). Живёт в Нью-Йорке.

назови одиноких
зверей
их некому приручить

назови одиноких
чтобы было кому показать твою власть

2.
... ты был первым
мой мальчик
прости что оставил тебя

одного

здесь

Бет

1.
дверь открытая северной ночи
страх открытой двери
страх темноты

страх неба –
единственное
что неподвластно небу

ветер закроет дверь и тогда
ты останешься с самим собой

но пока – дверь открыта
и там – темнота темноты

странный дом –
будто кто-то подглядывает за тобой

а ведь здесь все твоё
все знакомо
и все это ты

настоящий мужчина
обладатель вещей
без которых тебя просто бы не было

отчего это чувство что ты не один?
что сидишь на чемоданах

хозяин взятого напрокат – пользуйся арендатор –
здесь ничего тебе не принадлежит

ты сидишь на чужих чемоданах

и это начало книги

2.
твоя женщина накрывает на стол

стол накрыт

дверь открыта

хозяин сейчас придёт

Гимел

почему расписание поездов заставляет нас торопиться?

пустота подвижна

беспокойство частиц оправдано
если оно оправдано

бегая частицы обнимают друг друга
сообщают новости
делятся светом и едой
трутся и убивают друг друга

пустыня полна невидимой жизнью
мелкие звери песка
и большие песчинки звери

энергия беспокойства
сорок лет беспокойства

подели свою жизнь на сорок
сколько в остатке

в остатке нехватка
любви покоя и света

об этой математике не говорят в школе

поэтому беги не оглядываясь
беги по песку
может успеешь

спешить ещё не значит проигрывать

Далет

человек озабоченный попрошающий человек
согнут протянут рукой
как неохотно он берет милостыню!
молча
хотя он слышал про царскую щедрость
от других нищих

бедняга не знает букв
не знает и четырёх букв

он пойдёт на войну или вернулся с войны
он слит с толпой
толпа хочет чтобы он снова пошёл на войну
и он не прочь опять оказаться там

он принадлежит толпе
он одинок

и беден
как все здесь
и он не видит выхода

«человек и камень растения и звери
все времена года
все стороны света и элементы
огонь земля вода и воздух
четыре силы
тяготения и электричества
слабые и сильные
четыре кубка с вином – суть
четыре заветные буквы» –

так сказал ему книжник
однажды встреченный на базаре –

он пробует понять

бедняга согнулся в поклоне
и просит подаяния

у него ничего нет кроме этих четырёх букв
буквы рождаются из ничего

рождаются как луна которая отражает чужой свет
и есть четыре способа понять эти буквы

Хей

язык был един и речь ясна
и мысль была одна

чаша разбилась
теперь
осколки имеют
[право на]
личную жизнь
и свободу выбора

выбирай
выбирай наконец

Вав

разогнись
вопросительный знак
держись прямо
опираясь на землю
ты касаешься неба

даже если ты малого роста
помни:
ты подпираешь небо
и ещё:
разделяя право и лево

оказывается ты можешь соединять прошлое с будущим

да мы говорим о будущем которое можно менять
меняя прошлое
крыльями исправляя ошибки

стоять прямо – проще простого:
видеть правду
которая посередине внутри
музыки
вещей и людей

правду которую ты знаешь с рожденья

правду музыки что была в начале
когда любовь побеждала страх

Заин

вот женщина накрывает праздничный стол в Субботу

зажигает Субботние свечи
украшает тебя короной

это корона любви
корона страха
и корона покоя

твоя женщина
твоя хозяйка

самое время понять кто тут хозяин

самое время позвать друзей
самое время раздать все богатства

но у тебя ничего нет кроме букв
самое время понять кто тут хозяин

седьмой день
раскрывается в лепестках тишины

оторвёшься от книги
оглянешься назад:
понедельник немыслим
никогда больше не наступит

нет больше работы
вся работа теперь –
напевать по слогам
и готовиться умереть
в Субботу

книга раскрыта
ещё не прочитана до конца

сюжет известен
но тонкости в будущих комментариях

ещё не все потеряно
ещё ничего не потеряно

ты напеваешь: «...бокал вина
и медовая сладость Субботних яств...»

семьдесят корон
над всеми уровнями непонимания
невеста ждущая жениха
оглядываешься вперёд:
ступеньки
раз два три четыре пять шесть – семь

семь ступенек до Твоей двери

Хет

участвовать но не принадлежать
принадлежать но не участвовать

касаться не дотрагиваясь
пробовать не касаясь

пух
бабочка
ветер
любимая

радио
страх
правда

невидимое присутствие
видимое отсутствие

солнце за горизонтом
луна в полдень

пробую на вкус пробую на цвет на ощупь
двигаюсь среди дней

все вижу

танцую в парке
среди корней и крон

кто-то танцует во мне
внутри меня

ранка бьётся и кровоточит
птица кормит птенцов
жених и невеста стоят под хупой

помни: всегда есть возможность уйти

вдох и выдох
говори
речь оживляет дни

на пороге смерти
прорываясь
умирая и возвращаясь обратно
умирая и оживая

дыхание речи оживляет мёртвых –

А́мен!

Тет

очертания лодки скрыты в изгибах реки
очертание дней – две ладони сомкнуты чашей

вкус последнего глотка вина

что будет скрыто в том что есть

в беременном мире
мир элементов в мире с самим собой
мир огня и воды едины и в мире друг с другом

наши жизни – суть одна
скрытая в со-творимом

правда скрыта во лжи
пройдёт семь лет пока ложь превратится в правду

быть здесь и сейчас
значит
быть не здесь
не сейчас

не гадай
правда проста
власть справедливости –
власть воображения

так цветное стекло
драгоценнее золота

двенадцать колен
двенадцать чувств
(отгадка в том что потеряно)

девять лодок девять кругов над десятым
девять месяцев вынашивания плода
девять вестников девять звуков трубы в полнолунье

беспечность реки

произносимая книга

здесь и сейчас –

не здесь
не сейчас

Йуд

есть такая точка
где ты весь
но кажется что тебя нет

здесь и сейчас
начало всех измерений
здесь и сейчас
начало и конец каждой буквы

сокровенная точка где сходятся нет и да
в конце и начале каждого вдоха

здесь ты один хотя
вокруг полно гостей
траур неотличим от пира
ночной кошмар от счастливого воспоминания
лепет ребёнка от научного трактата

в неё
свёртываясь и развёртываясь
улиткой
уходит и приходит время

простые вещи – завтрашний дождь и
позавчерашний снег

пятнышко полустёртое принципом суеты
напоминает тебе о единой причине
на которой держится мир

...десять речений
десять первых вещей
десять мужчин
десять заповедей
десять проклятий десять чудес
десять дней траура

Судный День

одинокая труба раскаяния

никуда не беги
все происходит вовремя

ничего не проси
все уже есть

Каф

корона священников
корона царей
корона книги
(все велики)

протягиваю пустую ладонь
сжимаю и разжимаю

читаю по слогам
читаю по буквам

Адам познал Еву

задыхаюсь

так рыба лопает воздух

буквы кубики кислорода
ими заполнен воздух девяти измерений

не беспокойся там есть и твоя буква

научись ждать
как собака умеет ждать

и Он будет ждать
пока ты научишься ждать

Ламед

двоечник на последней парте
тянет шею пытаясь разглядеть написанное

у нашего учителя плохой почерк
все написанное неразборчиво
все сказанное угасает в шуме
утренних новостей

новости встречают тебя в халате
беззащитный
ты ищешь очки
чтобы увидеть необъяснимое

радио связывает буквы в слова
шум нарастает

обними меня
положи руку на сердце
я буду Твоей антенной

на этой волне на этой войне
ветер утих и ночь светла

к небу приставлена лестница
научи меня как ей пользоваться

говорят что в мире летающих башен
легко дотянуться до звёзд

но в хорошей школе не любят отличников

Мем

в дни потопа
лучше плыть по течению

попробуй убедить воду
попробуй убедить время

что на поверхности?
бултыхаясь
тебе кажется что ты думаешь своей головой

что там
на глубине?

зародыш
ты ныряешь пытаясь нащупать дно

но темнота не имеет дна

сорок дней раскаяния
сорок лет скитания
сорок лет ожидания хороших вестей

сорок лет новостей

сорок отличных британских сериалов

как минимум надо размножаться

Нун

1.
верный слуга
ждёт приказа хозяина

ждать бессмысленно
ждать бесполезно
ждать невыносимо

я жду

вестей
новостей
сигнала
намёка
знака

мелкая рыба в темноте океана
на что я надеюсь?
мне никто не пишет

когда ждёшь трудно забыть самого себя
только цари и собаки умеют ждать
умеющий ждать не ожидая
есть царь

рыба в темноте
пятьдесят уровней (не)понимания

Твоё присутствие как Wi-Fi
искать тебя и ждать
вот и все моё путешествие

когда возвращаешься
всегда уже осень

2.
сегодня я получил email
пишешь все в порядке
несмотря ни на что
и предлагаешь купить мебель со скидкой
это неслыханное предложение (deal)
я немедленно бы им воспользовался
но у меня уже есть кровать и стол
и шкаф где я храню письма
вырезки из газет и журналов –
Твои послания
я перечитываю их иногда
думая об оставшихся возможностях

3.
завидую птицам и рыбам
трудно плавать на глубине
и летать в небе

чтобы остаться самим собой
самое время завести визитную карточку

Самех

1.
известно
жизнь идёт по кругу
огораживая пустоту
и все повторяется
до смешного

или
допустим
это некий центр обложенный валежником событий
куда я не могу войти
не нарушив его кривизны

центр где в пещере горит огонь
отражаясь на соседнем склоне
огонь между твоими ладонями

спрашивается:
где у круга начало
и где конец
если в начале зимы шелушится лето
а в конце весны слышно как пляшет опавший осенний
ветер
вокруг твоего огня

может конец и начало просто слова
чтобы приободрить и поддержать?

2.
у каждой окружности
есть внутренний круг
и внешний

события внешнего круга
касаются нас по касательной
а события внутреннего круга
превращают его в спираль
бед и побед

и мы опускаемся все выше и выше
и мы поднимаемся ниже и ниже
пока не заходим так далеко
что уже не найти куда и откуда мы шли

возвращаясь на исходе дня мы видим
дыру горящего черным огнём заходящего солнца

спрашивается:
на чем держится этот мир?
эта круглая буква выбитая в скрижалях?

и мы ответим: у нас нет ответа

а Он ответит: на чуде

и отвернётся

Айн

чтобы смотреть сны
не нужны очки

и ещё:

прозревая
внимательно
осмотрись

ты – это то
что ты видишь

все что ты видишь – ты

Пэй

прикуси язык
держи его за зубами

скажешь и сотворится
скажешь
и будет по-твоему

думай
что говоришь
что ни скажешь произойдёт
окажется

в этом тайна

молчи!

здесь и сейчас
говорит твоими губами

молчи
и слушай

ветер листает страницы книги
не отличая благословения от проклятий

а ты знаешь

правда губы мои сожжены –
говорит правда спрятанная во лжи –
говорит ложь
влажными липнущими губами

выходит
правда да создаёт миры
а ложь помогает

выходит
как скажешь

молчи!
слушай песни миров

даже шёпот

и да
реки будут рукоплескать тебе да
и горы да вознесут тебя да

на вершину

Цади

и ветер
и небо

и ветер и солнце
и небо

и ветер
и листья

и дети и дети
и птицы
и птицы и звери и птицы и звери
и ветер

и небо и солнце и птицы и звери и А́мен и А́мен

и дождь и надежды и страхи
и птицы и звери и люди и гады и годы
и ветер и ветер и А́мен

и кроны и корни
и мысли и песни
и крики и стоны
и буквы и книги и песни и песни и песни и А́мен

и стены
и годы

и время и звезды и море и небо и ветер
и быстро
и страшно
и больно
и А́мен

и рано и поздно
и глупо и быстро
вчера и сегодня
сегодня
сейчас

со мной
и с тобой – А́мен и А́мен

А́мен и А́мен и А́мен и А́мен и А́мен!

не повторяясь

А́мен и А́мен и А́мен и А́мен и А́мен!

и ветер
и ветер

Куф

отпусти
отойди

дай этой осени
побыть без тебя
повыть без тебя
в одиночестве

верная собака
в доме одна без хозяина

отойди
дай миру побыть без тебя

не то чтобы ты всем надоел
но просто тебя много
ты заслоняешь свет

отойди и увидишь
тайную жизнь корней
и крон

смотри

вот секрет ветра
вот тайна луны

вот загадка
Его
вот отгадка

наступает конец темноты
рассветает

умирает все мёртвое

все живое
виднее

отойди

или

дай свету пройти сквозь тебя

Рейш

склони голову и говори
склонив голову

как будто тебя уже нет
как будто тебя ещё нет
как будто ничего ещё нет
как будто все только начинается
говори
будто ты в самом начале или накануне конца

говори когда все молчат или кричат от боли
говори будто ты один в середине мира

будто Он говорит вместо тебя
двигая твоим языком толкая дыхание в горле
запинаясь говори

говори бедняга
понимая насколько бедна твоя речь
насколько беден ты сам
онемевший из-за куска хлеба

говори гордо склонив голову
будто богач говори
громко и шёпотом
себе и другим

тайное и явное скрытое и открытое
говори чтобы тебя поняли
говори склоняясь все ниже и ниже к сердцу
говори будто ты понимаешь время
тайну письма и счета

говори шершавым горлом сухими губами
говори теряя остатки ума и силы
умирая

говори будто пришло твоё время
время праздника
время которое становится праздником

говори
то что невозможно произнести

говори
обретая дар речи
в начале конца

в середине мира
в темноте темноты

говори
будто хочешь назвать вещи своими именами

все что можешь сказать
все что в силах сказать

говори

Шин

1. ничего не меняется
2. все может измениться
3. все меняется [не меняя сути]

сидящему у огня:
черные угли
скрывают тайну
есть чёрное пламя букв
есть белое пламя букв
есть тонкое пламя над белым пламенем
и есть ещё одно пламя

ждущему благословения:
ложь не выживет если в ней нет правды

времена года сменяют друг друга
старея
разрушают друг друга
и ты помнишь ту осень которая будет завтра

душа в изгнании
свернулась собакой
спит у огня
в ожидании четвёртого пламени

4. все изменится

Тав

вот и все
тишина

конец разговоров и споров

конец книги
возвращение в алеф

теперь будем говорить молча

лизну почтовую марку
и приклею ее на лоб

книга закончена

после всего что было
выдох последнего «да»

Андрей КРАСНЯЩИХ

МОЙ ДРУГ ЮРИЙ ЦАПЛИН
(глава из романа «О себе»)

Я безумен только в норд-норд-вест;
при южном ветре я ещё отличу сокола от цапли.
В. Шекспир, «Гамлет»

В 1998 году рецензию на книжку Цаплина «Маленький счастливый вечер», вызвавшую множество подражаний, пародий и восхищений, я закончил приблизительно такой фразой: «Юрий Цаплин уже так талантлив, что его не жалко и убить», – и сейчас, спустя много лет, мне пора если и не оправдаться за неё, то уж точно каким-то способом объясниться, не превратив это ни в собрание анекдотов из жизни большого человека, ни в статью о проблемах творчества.

Аристократизм – вот первое, что вертится и ещё долго будет вертеться на языке, когда вы знакомитесь с повадками этого человека: все слова взвешены, ни одного лишнего, иногда даже кажется, что он боится лишних слов, но это неправда, страх ему не присущ, ни одного фальшивого или беспорядочного поступка (о непорядочных речь не идёт вовсе) – в общем, если вам нужно кого-нибудь уважать, уважайте Юрия Цаплина.

Синоним аристократизма – благородство, и это правда. Цаплин всегда ведёт себя так, словно в мире остались только он и бог, и ему, им необходимо каждую минуту учитывать это. Я легко представляю Цаплина графом или даже наследным принцем – с рюкзачком за спиной, в куртке-ветровке, под которой обязательный свитерок с «горлом» – Юра всегда мёрзнет, ему не хватает нашего обычного солнечного света, – в кедах, взбирающимся на вершину какой-нибудь не слишком высокой горы. Цаплин любит путешествовать, он хороший турист, и попозже я расскажу об этом подробнее.

Добавьте ко всему этому железную литературную хватку, как у хорошо растренированного пса, и цаплинское чувство юмора – портрет, если вы не забудете о последней фразе из той моей старой статьи о Цаплине, будет полным.

Цаплин не страшен и даже миловиден, величав (вот третье слово, что почему-то вылезает из памяти последним), но я замечал, что многие его побаиваются или боятся, словно замирают в нерешительности, подбирая нужные и точные слова в общении с ним. Многие люди в разное время признавались мне, что с Юрой им тяжело общаться – может, именно в силу этой величавости, возносящей его фигуру высоко и далеко над всеми и от всех, на постамент («не жалко и убить») или пьедестал. Они пасуют и испытывают жуткое напряжение. Цаплин задаёт тон, правила игры, и ты волей или неволей их принимаешь и не можешь, не имеешь права показывать себя при нём дураком или пустобрёхом. Ты начинаешь бекать и мекать, давиться словами, не в силах с ходу решить, какие из них те, а какие – не те, у тебя потеют ладони и учащается дыхание (я сам, беседуя с Цаплиным по телефону, несколько раз замечал, как мои ладони становятся мокрыми, а мой голос отплясывает какой-то дикий ломаный танец), и я понимаю тех, кто старается свести общение с Юрой к минимуму и поскорее уйти домой.

Андрей Краснящих родился в 1970 году в Полтаве. Окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета. Сооснователь и соредактор литературного журнала «©оюз Писателей». Автор сборника рассказов «Парк культуры и отдыха» (2008; шорт-лист премии Андрея Белого). Главы из романа «О себе» публиковались в журналах «Новый мир», «ШО», «Черновик», газете «НГ – Ex Libris», альманахе «Абзац», интернет-издании «В моей жизни», в переводе Сергея Жадана на украинский – в коллективных сборниках «Готелі Харкова: Антологія нової харківської літератури» (Харьков, 2008) и «Харківська Барикада № 2: Антологія сучасної літератури» (Киев, 2008); в переводе на английский – в журнале «The Massachusetts Review» (США). Лауреат «Русской премии» (2015), премии им. О. Генри «Дары волхвов» (2015), премии журнала «Новый мир» (2015) и др. Живёт в Харькове. В «Волге» опубликованы интервью (совместно с Юрием Цаплиным) Юрию Соломко (2014, № 5-6) и главы из романа «О себе» (2015, № 3-4, № 11-12, 2016, № 5-6).

Но как бы то ни было, в случае Цаплина пословица-поговорка о том, что боятся – значит уважают, верна: Цаплин давно уже не человек, да он никогда и не был человеком, – а фигура – знак, символ, образ, – существующая в литературе и мире для того, чтобы они не размагнитились и не отпали друг от друга. Человеком, со всеми человеческими страстями, подлостями и метаниями, возможно, был Волохов, но я его не знал, никто из нас его не знал и никто сейчас не называет Цаплина Волоховым.

Я только что говорил о литературе и мире: чтобы они не разбежались в разные стороны, им всегда необходим кто-то; количество таких людей, кто будет их общим представителем, проводником для всех остальных из одной формы жизни в другую, ответственным и за ту и за другую стороны и умеющим как никто другой нести эту ответственность в глазах всего человечества, редко насчитывает более сотни. О таких людях не говорят: «Он, конечно, хороший человек, но как писателя я его не воспринимаю» или «Да, он здорово пишет, но его образ жизни оставляет желать лучшего», – человеческое и писательское лица такого проводника соединяются в сознании и его союзников, и его противников в одну единую фигуру. Почти все великие писатели были такими фигурами: Эсхил, Данте, Шекспир, Пушкин, Толстой, Уайльд, Лоуренс – да кого ни возьми из плеяды великих, его жизнь, цельность и монументальность (в хорошем смысле этого слова) характера, всё то, что он делал, как шёл от рождения к смерти, можно рассматривать как часть литературы, а его писательские миры – как здоровое и необходимое дополнение к миру людей. Не надо зачислять такие фигуры исключительно по ведомству проповедников, борцов и учителей; да, Мильтон, Гоголь, Торо, Достоевский и почти все французы занимались прямой проповедью и учительствованием, строили – именно строили – свою жизнь в согласии с этой проповедью и готовы были принять за неё любые мучения от мира; но Вийон, Шекспир, Пушкин и Джойс ничего не проповедовали, и их свободная от чётких заданных схем жизнь была легка и хаотична – и всё равно, в итоге, не менее увлекательна и поучительна для читателя, чем жизнь Толстого или Альбера Камю – борцов с собой, несправедливостью и общепринятой идеологией. А ведь были и есть ещё и срединные фигуры, я имею в виду Генри Миллера и Юкио Мисиму, чьи лёгкость и изящество счастливо соединялись (я не говорю – уравновешивались) с довольно жёсткой проповеднической волей.

Случай Цаплина пока не укладывается ни в один из этих трёх типов: он в своих рассказах и стихах не учит жизни и не призывает её менять, но сам живёт так, будто идеальная жизненная программа – ни шагу вправо или влево – им уже придумана и начертана, и он готов пойти за неё на каторгу и на эшафот. Дайте Цаплину написать его «Выбранные места из переписки с друзьями» или «Жить не по лжи», а потом заставьте его принять самые страшные мучения за это, и вы получите в его фигуре полноценный первый тип. Но художественная проповедь всегда находится на грани публицистики, а Цаплин ненавидит это слово, к тому же в его характере – что ничуть не отменяет аристократизма и величавости – много вздорного, весёлого, щенячьего. Видели бы вы, как он прыгал и резвился на Белом море, попав на Терский берег, где сама природа – суровая, но дарящая невероятное чувство свободы, счастья и – как назвать это? – безграничного внутреннего успокоения, отрешённости от всего бренного и сиюминутного, – полноты жизни, – словно заставляет тебя раскрыться ей навстречу и стать ребёнком, щенком, существом без сущностей и стягивающих сознание планов на прошлое и будущее. Кстати – может быть, кому-то интересно, – на меня аскетичное величие северной природы подействовало совершенно противоположным образом: обычно шумный, ребячливый и говорливый, на тоне́ у Комарова я неожиданно для себя погрузился в полнейшее молчание и созерцание, чуть ли не безразличие ко всему происходящему, и просидел так, камнем у моря, все три дня.

«Не мало ли мы пьём воды?» – беспокоился Юра во время длительного перехода через Хибины. Такие фразы, странные для тех, кто думал только о тяжёлых рюкзаках, надвигающейся грозе, пройденных и ещё не пройденных километрах пути и прочих «тяготах и лишеньях» (так называлось наше путешествие на русский Север), вырывались у Юры довольно часто, и постепенно мы привыкли к тому, что он думает вроде бы о том же самом, о чём и все, но как бы с другой стороны. Гружёный, как и мы, Цаплин шёл легче и быстрее, по пути внимательно разглядывая то интересные цветом и формой листочки какого-то растения, то виды по-особенному красивых ледников, а то и просто небо у себя над головой. Вообще – и у меня ещё не было случая об этом

сказать – в характере Цаплина всегда всем интересоваться, а тем, что вызывает у него особый интерес, ещё и любоваться. Да, Цаплин – из породы любующихся жизнью. На любование всем, что его окружает, у Цаплина уходит девяносто процентов свободного от сна и работы времени, хотя не знаю, может, он и на работе, придумывая и проверяя на жизнеспособность новые компьютерные программы, сидит и любуется ими. И это ещё одна парадоксальность – хотя, если приглядеться и подумать, никакого противоречия в ней нет – его характера: всем известно, как Цаплин ценит каждую минуту и как его приводит в бешенство пустая трата времени, когда кто-то опаздывает и его приходится ждать или когда при нём – при Цаплине – происходит пустопорожний, ничего ему не дающий разговор, или когда его – Цаплина – обстоятельства или люди вынуждают присутствовать на каком-то важном только для них мероприятии. В отличие от меня или, скажем, Беляева – всеядных и заворожённых самим словом «литература», – Юра никогда не возьмёт в руки книгу, если он не будет уверен, что она ему интересна или полезна. Всё полезно, что в рот полезло – это не о нём, а о нас, питающихся подножным кормом случайных впечатлений и не видящих различия между действительно необходимым и важным и лишь кажущимся таковым. Попробуйте всучить Цаплину свою любимую книгу, от которой у вас уже столько лет перехватывает дыхание и которая вам регулярно спасает жизнь, но Цаплину с первого взгляда, с первой страницы показалась пусть и не лишённой внутреннего изящества, но, по большому счёту, безделицей и эстетской погремушкой, и сами увидите то, что не раз видел я: как длинное, вытянутое черепашье лицо Юры образует слово «нет», которое ни при каких условиях не станет «да».

Я вернусь к тому, с чего начал, – к аристократизму. В наше время он всё больше и больше соседствует с ханжеством и высокомерием. Но это ложный, ненастоящий аристократизм, цаплинской натуре он не свойствен. Рассказать при женщинах рисковый анекдот – он прозвучит без грубости и жеманства; послать в сердцах кого-нибудь на три всем известных буквы – тоже не проблема, точнее – проблема для того, кого посылают: он довёл Цаплина до точки кипения и, следовательно, заслуживает ещё и не такого обращения с собой. Один раз Костя Беляев опоздал на два часа, мы с Юрой сидели и ждали его на кафедре, давно переговорив всё, что нужно было по журналу, и откровенно маялись ожиданием, а от прихода Беляева зависело что-то важное, сейчас не помню что, и мы не могли уйти, не дождавшись; зато когда дождались, Беляев выгреб от Юры по полной программе и жутко обиделся.

Но думаю, что литературный пёс Цаплин умеет не только рычать и гавкать – кусать и рвать на части он тоже умеет. Никогда не видел его дерущимся – но мне почему-то кажется, что дерётся он тоже хорошо, как конандойловский Шерлок Холмс: быстрый резкий хук в челюсть, отскочил назад, оценил обстановку, теперь – правой (Юра – левша), снова отскочил и – заключительный удар – под дых, в солнечное сплетение. Наверное, Цаплин – боксёр, хоть и доберман пинчер. Но – всё честно, по правилам, никаких исподтишка и ниже пояса, ни одного запрещённого приёма. Интеллигент.

Цаплин, конечно, знает, что правда и добро никогда не восторжествуют, но это ещё не значит, что жить необходимо по лжи или со злом не надо бороться. Он и борется с ним всеми доступными для себя средствами, и прежде всего – словом. Цаплин – писатель, но быть писателем – это уже само по себе зло, рождающее зло, поэтому Цаплин борется со злом силами самого зла. Само представление о писательстве и обо всём, с ним связанным, вызывает у Юры чувство глубокого стыда и горечи. Но Цаплин ещё и поэт хороший, а поэт – это худший из писателей, поэт – это писатель в кубе или в квадрате, поэтому само слово «поэт» вызывает у Юры сильнейший рвотный позыв. Я никогда не слышал, чтобы Цаплин говорил о себе «я – писатель» или «я – поэт», но он знает, что является таковым, и ничего с этим поделать не может: не писать – для него значит умереть; умереть он готов, а вот не писать не способен. Это дурацкий парадокс, он по-человечески неразрешим и безысходен; Юра крутится, нанизанный на него, как вражеский гонец на пику царского стрельца; глаза выпучиваются, вылезают из орбит, из горла идёт кровь, руки и ноги трясёт в конвульсиях, а Юра всё пишет, пишет и пишет... Я знаю, он старается это делать как можно меньше и реже, больше вычёркивать, чем дописывать, выдавать по строчке раз в полгода – не чаще, и не печататься, когда этого можно избежать, всё время повышать и повышать требования к себе, к тому, что делает – чего не делать не может. Страшная картина, да? – с одной стороны, род деятельности, увеличивающий количество зла в мире, с другой – честный, любящий красоту и правду человек, призванный богом

именно к этому роду деятельности. Если бы Цаплину хоть немножко тщеславия и двоедушия, хоть немного мелочности или корыстолюбия – как у других, как у меня, – он ещё был бы способен усидеть на этой пике, как в седле, или хотя бы сделать вид, что ему там удобно и комфортно, – но, лишённый этих необходимых настоящему писателю качеств, Юра вынуждает каждый день и каждую ночь снова и снова разбирать себя по винтикам – на запчасти – и складывать из них – всякий раз новую – фигуру своей личности: эта будет меньше похожа на образ писателя? а эта? а та? а сегодняшняя? – вот предмет и цель его человеческого поиска, смысл его жизни.

Отдадим должное подвигу этого человека – совершать его ему никто и ничего не помогает: Юра почти не пьёт, не курит, у него нет бога, точнее – он ему не молится, развесёлые друзья, если когда-то и были, остались за скобками, а я... от меня тоже мало проку; у Юры даже не бывает интрижек с женщинами – этими славными созданиями, приносящими непьющим писателям хоть малое, но утоление. Вместо этого Цаплин – прилежный семьянин, умеренность и сдержанность заменяют ему радость фанаберий и мелкого распутства, но знали бы вы, с каким выражением лица – оно не поддаётся описанию, – с какой неприкрытой завистью слушает он меня, когда я ему о них рассказываю. И он бы так хотел! Но не может, не должен, не имеет права.

Школа, институт, женитьба, работа – в жизни Цаплина было совсем не много настоящих человеческих, экзистенциальных радостей, разве что путешествия и книги. Бывает ли у Юры вдохновение? Об этом его не осмелится спросить ни один человек, спросить об этом – значило бы залезть к нему в душу и так и остаться в ней, со всеми со своими грязными сапогами, беспринципностью и безыдейностью и прочей дрянью. Но Юрина душа и дрянь – понятия малосовместимые, это видит каждый, прообщавшийся с ним хоть пять минут. Свою нерасщеплённую душу Юра содержит в идеальном порядке и, хотя время от времени гордится тем, что его бабушка была шизофреничкой, Цаплин – лучшая из всех норм, которых я знал за свою долгую ненормальную жизнь: хорошая книга, любимая девушка, любимая книга, хорошая девушка – что ещё надо для настоящего счастья?

Я скажу больше: не вымучивая из себя гения, Юра таковым и является – объективно, только для меня или для меня и ещё кучки людей – не знаю, да и, собственно, знать не хочу, мне это совершенно не важно. Важно – что есть норма, образец, что есть на кого равняться и с кого брать себе пример. Десять лет назад, едва познакомившись с Цаплиным, я написал в той злополучной статье: «Цаплин, ясен пень, гениален. Такое впечатление, что до него не было ни литературы, ни философии, ни культуры, вообще ничего: мир девственно нов, чист и свеж. Цаплин – дефлоратор мира, ему до всего есть дело, всё интересно, его цель – лишить клинком дефиниций этот мир невинности». Сегодня, десять лет спустя, могу добавить: «И нас». Цаплин лишает нас невинности, а этот мир – нас. Это очень сложно понять, ещё сложнее – объяснить, но это так: я знаю множество людей, которых Цаплин – в силу своего расположения к ним и участвуя в их судьбе – вынул из этого мира и поместил в свой – нет, не в художественный, не в литературный, сейчас не об этом. А в реальный мир, преображённый его личностью и силой его таланта, – я и сам из таких, перемещённых им оттуда сюда лиц. Ему хватает ума и деликатности делать это мягко и неназойливо, хочешь – да, не хочешь – нет. Вольному – воля, спасённому – рай.

Цаплин говорит: «Что нового это привносит в литературу?», «В чём цель этого текста?», «Чем тебе помог этот текст?» Цаплин говорит: «Любопытно читать, а что дальше?» и «Что в этом душеполезного?» Цаплин говорит: «Хороший текст, внятный, хорошо проартикулированный». Цаплин говорит: «Этот текст не производит надо мной никакой работы». Цаплин говорит: «Тончее надо, Петросян, тончее». Цаплин говорит: не надо бояться менять себя, бросать всё и начинать с нуля, пусть даже ты напишешь полный бред и ерунду, главное – ты поменял себя. Последнее для него самое важное. Он знает, о чём говорит: попробуй в себе ничего не менять – и ты всю жизнь будешь идти на поводу у своего разлюбезного прошлого и кивать ему вслед головой. А оно будет вечно дышать тебе в затылок и ныть: «возьми меня с собой, дружочек». И конечно, ты никуда не пойдёшь, так и останешься топтаться на месте.

Здесь я хочу вернуться к одной недавней фразе и продолжить её в другую сторону. Я знаю множество людей, которых Цаплин – в силу своего расположения к ним и участия в их литературной судьбе – вынул из этого мира и поместил в свой – нет, не в художественный, сейчас не об этом, а в реальный мир, преображённый его личностью и силой таланта. А через какое-то время, вскоре, и

ты, ставший частью преображённой им действительности, начинаешь в свою очередь преображать его. Ты говоришь: Цаплин – знатный рыбак и футбольный фанат, – и Цаплин, никогда в жизни не бравший в руки ни удочки, ни мяча и питавший к ним лёгкое писательское отвращение, вдруг садится в лодку и едет на рыбалку, а потом идёт к телевизору и следит за ходом чемпионата мира по футболу, болея за наших. Ты говоришь: «Цаплин не человек, а фигура, терминатор харьковской литературы», – и, глядь – Цаплина уже нет, а есть – ладно скроен, крепко сшит – человек не человек, а действительно, фигура, терминатор, стоит и возвышается над нами. Ты говоришь: «Ладно, теперь я не хочу никаких терминаторов, а хочу просто друга, на которого можно положиться в тяжёлую минуту и пожаловаться ему на жизнь и на, допустим, женщин – этих славных созданий, приносящих непьющим писателям хоть малое, но утоление», – и нате вам, пожалуйста, терминаторов больше не существует, а на их месте просто хороший человек, друг, которому можно пожаловаться на славных женщин. В этом весь Цаплин. (Так один маленький мальчик когда-то сказал: «Юрий Цаплин – верный друг, нос нормальный, но притух, по утрам встаёт он рано, ноги врозь, а руки прямо...» – и Юрий Волохов стал Юрием Цаплиным безо всякого ущерба для себя, мира и этого ребёнка. Никто не остался в накладе, и все от этого только выиграли.) Цаплин вообще одна из тех фигур, от которых все только и делают, что постоянно выигрывают: литературный конкурс, беспроигрышную лотерею, право на свет и на воздух, дорогостоящий городской тендер на строительство нового жилмассива и даже в карты. Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел, как Цаплин играет в карты или в «мафию»? Я – да, и это доставило мне массу удовольствия: Цаплин хороший игрок. В любой игре, а в «мафии» – особенно, нужно блефовать, мухлевать и обманывать противника, Цаплин же врать физически не умеет или, во всяком случае, никогда не спешит с этим, предпочитая пусть и болезненную и неприятную для обеих сторон, но всё же правду. Плохо быть честным человеком среди лжецов, тем более когда всё – правила игры, обстоятельства, негласный договор, который ты заключаешь с ними, глаза противников и напарника, – всё говорит тебе: давай, ври, теперь можно и даже нужно, это – твоё время, ты свободен от самого себя и тебе за это ничего не будет. Но Цаплин никогда не бывает свободен от самого себя, он никогда не воспользуется – хоть на минуту – правом побыть другим человеком – хуже, ниже, гаже, бесчестнее, чем он есть; и в этом его величие и его беда. Цаплин – кем бы он ни был – всегда только Цаплин.

Но это ещё не значит, что мир Цаплина узок и вмещает в себя только фигуру самого Цаплина. Нет, мир Цаплина значительно шире, и у меня было немало поводов и случаев убедиться в этом. В последний раз – в городе Днепропетровске, когда Цаплин падал. Вообще – и это, что ли, закон такой нашей жизни – человеческое величие, как правило, наиболее отчётливо проступает в падении, именно падение даёт человеку проявить себя во всём великолепии. Кто-то падает плашмя, как подрубленный, и шмякается о землю, расшибая себе всё что можно – нос, лоб, щёки, мозги; кто-то летит на землю с жутким рёвом и проклятиями по адресу всего мира; кто-то группируется, как солдат, и – позёр, рисовщик – извлекает даже из падения максимальную выгоду и пользу. Цаплин же просто падал – без криков и проклятий, но и без унизительного фатализма; он ничуть не группировался, не сражался за свою жизнь и не воспринимал это падение как вызов судьбы; он просто сделал всё возможное, чтобы смягчить удар и расшибить себе колени, но не лоб. Встал, отряхнулся, посетовал на разбитый фотоаппарат и порванную куртку и пошёл дальше на троллейбус – всё. Ничего лишнего, ничего мелочного или напускного, ничего из того, за что потом станет стыдно.

Вот и пишет Цаплин так же, как падает: естественно и легко, без каких-либо видимых выкрутасов и нарочитости. Прямодушно и честно. А потом отряхивается и идёт дальше. Дальше – это значит пробует себя в чём-то другом: ином жанре, иной манере («надо меняться»), ищет новый взгляд, новый фокус. Не знаю, как другие, но я никогда за ним не успеваю и всегда на несколько шагов отстаю; Цаплин-сегодняшний и Цаплин-вчерашний – вечная для меня загадка: один ли это человек или нет, два разных человека. Мне всегда или почти всегда понятен вчерашний Цаплин, я влюбляюсь в его техники, приёмы и способы художественного мировидения, но то, что он делает в данную минуту, постоянно выше моих сил и мозгов: мне кажется это ерундой, полным провалом, результатом деградации художественного мира и слова, каким-то бессмысленным опрощением или, наоборот, сверхъестественной заумью и розыгрышем самого себя. Но проходит время, я меняюсь, меняется мир вокруг меня, и на фоне всех этих изменений я вижу – Цаплин был прав, всё так и есть,

как он сказал и написал вчера. Но Цаплин уже снова другой и опять пишет всякую хрень, за которую, если б это написал я, мне было бы стыдно, и опять я не знаю, как сказать ему об этом, ограничиваясь словами «мне это не совсем понятно» и «я не смог разобраться». И снова проходит время...

Я долго думал, что приводит Цаплина в большее бешенство: сигаретный дым, телевизор или мои стихи, – что он ненавидит больше всего? И так и не нашёл ответа. Иногда мне кажется – телевизор, иногда – сигаретный дым, а иногда – когда я не в силах сдержать порыв написать стихотворение, а потом ещё один – показать его Цаплину, – что мои стихи. Но за приступом шизофрении всегда следует парафрения, и вот уже Юра сидит перед телевизором и радуется, как и все мы, «Новогоднему огоньку», и клубы табачного дыма ничуть его не смущают, а моё стихотворение, написанное по случаю и с целью позлить его, отправляет на какой-то конкурс или в какой-то журнал. В такие минуты он велик, совершенен, единолично управляет миром и поэтому может позволить себе закрывать глаза на его недостатки: разве мир, которым ты управляешь, может быть ущербен или неправ? В такие минуты вечно юный щенок превращается в сытого и умиротворённого пса – но не того, что охраняет литературные границы, не Цербера, а существо другой мифологии, Пса-Пантократора – и предстаёт во всей красе. Уходят к чёрту сдержанность и настороженность, боязнь потерянного времени и зря потраченных слов и остаётся одно, ничем уже не прикрытое желание одарять и одарять весь мир и населяющих его животных и людей собой. Именно в припадке такого настроения Цаплин фотографирует собачек – всех подряд, – или подолгу разглядывает замысловатый карниз попавшегося по дороге подъезда, или носится от избытка витальности и любви к миру по лугам и полям, или вступает в долгие споры с Беляевым и Фёдоровым. «Где ты был, когда я полагал основания земли? Скажи, если знаешь» – и Беляев что-то отвечает или не отвечает, «Шесть дней работай, и делай всякие дела свои» – и Фёдоров что-то мямлит в своё оправдание, «Вот знамение завета, который я поставил между мной и между всякою плотию, которая на земле» – и я цепенею, не зная, что на это ответить.

Терпение, друзья мои, ещё немного терпения, скоро мы дойдём до самого главного, если, конечно, самое главное не осталось уже у нас позади. Разумеется, Цаплин не обычный парафреник, если бы это было так, то нам бы ничего не стоило поместить его в психиатрическую лечебницу, пусть его там наблюдают врачи-профессионалы, да и дело с концом, а мы бы занялись чем-нибудь лучшим, например, написанием докторской диссертации о роли и мифологической подоплёке образа собачки-страдалицы в мировой литературе. Но нет, загадка Цаплина держит, держит всех нас и не отпускает, а мы всё крутим в руках предполагаемую разгадку, то так то эдак, и не знаем, всё сомневаемся: тот ли это ключик, что откроет нам путь в сокровищницу цаплинской души, или так, просто кусок ржавого железа.

Давайте по-другому, давайте представим, что вы мне сказали: «Забудь о цаплинском аристократизме, забудь о величии и благородстве, забудь об интеллигентности как таковой и о писательском гении Цаплина тоже забудь. Пусть от него не останется ничего, пустотелая оболочка, бледная улыбающаяся фигурка на фоне дикой и прекрасной природы Севера – всё. А теперь возьми и вдохни в эту фигурку своё слово, только одно-единственное, да так, чтобы она задрожала, ожила, зашевелились ручки-ножки, закрылись и вновь открылись глаза, прохладный беломорский ветерок вымыл их солёной пеной, а шум прибоя раскачал маховик сердца». А сейчас, Андрюша, давай-ка отойдём немного в сторону, на несколько шагов, дальше, дальше, чтобы он, не дай бог, нас не услышал, и ты прошепчешь, скажешь нам на ушко то самое своё слово, что только что говорил, шептал ему. Внимание, Андрюша, внимание, не ошибись и не перепутай – от этого зависит многое, слишком многое, едва ли не всё сейчас, в этом тексте, и если тебя сейчас вдруг перемкнёт или заклинит, если ты обосрёшься с перепугу и ломанёшься к выходу, если беспомощно разведёшь руками: мол, зачем вам моё слово (нет и не было у меня никакого слова), – то и этот текст, этот портрет героя можешь тоже считать пустым и никому не нужным, годным лишь на то, чтоб – ты слышишь, Андрюша, слышишь? – в очередной раз распалить им костёр своего тщеславия?

И тогда, если вы всё это мне скажете, припёртый к стенке и понукаемый вашим нетерпеливым «ну же!» и «громче, чёрт тебя подери, Андрюша, громче, нам не слышно!», я оближу шершавым языком пересохшие губы и ещё раз произнесу то, что сказал ему, моему другу, тогда, на комаровской тоне у Белого моря. «Друг, – скажу я, – мой друг Юрий Цаплин».

Виктор ЛИСИН

***

есть ли у вас тигровые чайные цветы из
Китая собранные заботливыми и нежными
руками юноши влюбленного в лошадь?

очень очень плохо, Михаил!

тогда водки Белая березка
и пиво Золотая бочка
и еще суши император только без кунжута!

***

от создателей чешского Крота
«мы придумали для России
особенного персонажа так
сказать специально для
российских маленьких
зрителей и их родителей
чтобы всем было интересно
первый сезон состоит из
семи серий приятного
просмотра вам и да мы
уже работаем над
продолжением»

Господь и ИНН налогоплательщика
Господь и 23 февраля и 8 марта
Господь и спрайт со вкусом огурца
Господь и сексуальное раскрепощение
Господь и Господь в зеркале
Господь и поликлиника
Господь и травля в интернете

***

Это стихотворение визитная карточка для
Литературного сайта или журнала

Виктор Лисин родился в 1992 году в Нижнем Новгороде. Публиковался в различных Интернет-изданиях, журналах «Воздух», «Волга», «Транслит». Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2014, 2016). Лонг-лист премии «Дебют» в номинации поэзия (2015). Премия им. Евгения Туренко в номинации «На взгляд впереди» (2016).

Это стихотворение презентует меня как
Поэта и многое объясняет обо мне

Это стихотворение умерло от рака на
Моих руках седовласое стихотворение мое
В опухолях без обезболивающего умерло
Вот и всё я зову его Инна

***

Господь мой подойди пожалуйста к
России поближе пожалуйста подойди ой
здесь плохо ловит тебя.

***

Господь мой самая великая твоя идея
динозавры и я подумал вдруг ты
неосознанно разрушаешься через нас
чтобы потом придумать новых
динозавров?

***

Господь мой вчера ты сказал мне что ты
Бетономешалка мешаешь бетон как мне
Теперь быть пшеницы в горшочках встреча
С мертвой бабушкой чудесные чудеса твои
Все не так не так ты бетономешалка моя ты
Мешаешь бетон ты сказал мне вчера
Сказал честно искренне и разве могу я
Меньше любить тебя после этого?
К тому же никто и не спрашивал кто ты!
Я знаю ты бы сказал так же нежно и чисто
Я люблю тебя бетономешалка ты чудо
Господь мой я не отвернусь от тебя

***

а Эмма верблюд
а Эмму жизнь ровняет как надо!
по горбам ее надгробия ставит!
а Эмма верблюд все равно не плюется
иногда бахнет только коньяка
наденет коньки
и катается по поверхности небесной реки

говорит там на дне как в русском порно
очень плодотворно

***

союзмультфильм распался на 23
самостоятельных государства
каждое из которых потихоньку
накапливает ядерный потенциал
8 ведут переговоры о альянсе мультик
для всей семьи чтобы исключить с
мировой арены остальные 15
одно из восьми
этих государств тайно
ведет разработки химического оружия
ежик в тумане для уничтожения
всех остальных государств
те самые 15 оставшихся государств
вступают в небольшие конфликты с
переменным успехом почти все
мирные люди во сне смотрят
немое кино про паровозик из
ромашково очень медленное
и очень страшное кино

***

душа говорит душе мой Вася такой
клевый он тапочки мне оставил
а у меня ножка 35 размер и теплый
пол даже включил и фондю сделал
из сердца банановое люблю Васю

***

Евтушенко чокается с Евтушенко в зеркале
Евтушенко опохмеляется пивом Жигули
Евтушенко выпивает бутылку водки
Евтушенко все это делает по любви
Он говорит до алкоголя у меня не было
Цели не было таких искренних чувств
Евтушенко чокается с Евтушенко в зеркале
Евтушенко говорит я женюсь

***

Он работал тяжело и много а потом
спал как убитый вернее раздавленный и

сны его были похожи на огромных
разросшихся медведей среди туалетов и
только в моменты счастья редкого
счастья когда он видел что кого-то
увольняли его глаза наполнялись
светом и слезами а ночью из печени
рос маленький приятный фикус и
снилась мама либо игра в салки.

***

1
и руку в штаны положив
понимаешь что
всё еще жив

2
но однажды
проснувшись
заметишь в руке
ёжика с дудочкой
в синем цветке

***

И Господь
в помутнении
говорит
Господи помоги
Но никого
нет
только ангел Фотий
ангел Филарет.

Ольга АНИКИНА

Рассказы

С НАЧАЛА ДО КОНЦА

Стоял ноябрь, через два дня мне исполнялось одиннадцать лет, и, может быть, именно поэтому со мной, а не с кем-то другим по дороге из школы случилось чудо.

У входа в подъезд, возле маленького подвального вентиляционного окна, я нашла двух замёрзших птиц с оперением, невозможным для наших сибирских мест: одна птица была жёлтой, а другая – оранжевой.

В Новосибирске ноябрь – это настоящий зимний месяц, когда температура воздуха может опускаться ниже пятнадцати градусов. Уже в октябре земля глубоко промерзает, замирает река, а на деревьях не остаётся ни одного жёлтого листа. Небо и земля блёкнут, становятся чёрно-белыми, и любое цветное пятно на снегу светится ярче и праздничнее, будь то шапка, сумка или китайские ватные сапоги, обшитые дешевой плащевой тканью. Птицы, сидящие на льду, прижавшись друг к другу, с глазами, закрытыми от холода, нахохленные, с судорожно вжатыми в заледенелый пух шеями, были похожи на два рваных цветных теннисных мяча. Они, кажется, даже уже не дышали, так мне почудилось, когда я, присев возле подвального окошка, сдёрнула с рук варежки, и почти бессознательно, с настоящим священным трепетом, потянулась к ним.

Они легко дались в руки – ещё одно волшебство, в которое дома никто так и не смог поверить. Птицы дрожали, их острые коготки царапали мои ладони, но вырваться они не могли и не пытались. Мне стало страшно их держать, меня тоже затрясло от волнения, но разжать пальцы было немыслимо. Вот в таком виде нас и увидела стоящая на пороге мама – меня с ошалевшими глазами и двух разноцветных канареек с раскрытыми клювами, торчащими из моих кулаков.

Дома мы посадили птиц в старый круглый аквариум, прикрыли его верхнее отверстие марлей и придвинули поближе к батарее. Сначала канарейки не двигались, и мама сказала мне, чтобы я не ревела, если новые питомцы вдруг умрут: никто не знает, сколько времени провели они на морозе. Потом птицы зашевелились, и мы на нитке спустили к ним поилку, сделанную из пластиковой баночки. Жёлтая птаха, видимо, была сообразительнее оранжевой, она первая нашла воду и стала пить. Потом мама насыпала в аквариум пшена, но пшено осталось нетронутым до вечера. Когда в комнате выключили свет, из-за стекла послышался шорох и тихое чириканье. Я так и заснула, слушая, как в аквариуме тонкими голосами переговариваются две канарейки.

Знающие люди нам сказали, что птицеводы, разводящие канареек на продажу, таким способом выбраковывают неудачные экземпляры: они просто выбрасывают птиц на мороз. Когда мы с мамой пригляделись получше, мы обнаружили, что у кенара оказалось всего по два пальца на каждой лапе, а у жёлтой самочки – на фоне идеально ровной окраски – на шее было хорошо различимое серое пятнышко. Но для нас это не имело никакого значения, и мы купили волшебным птицам большую клетку, стеклянную поилку и целый килограмм специального канареечного

Ольга Аникина поэт, прозаик, критик. Родилась в Новосибирске, закончила Новосибирский медицинский институт. Училась в Литературном институте им. Горького. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Новый Мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба Народов», «Новая Юность», «Волга», «Дети Ра» и др. Автор трёх поэтических сборников. Роман «Тело ниоткуда» (М.: Современная литература, 2014) стал дипломантом премии им. Н.В. Гоголя в номинации «Вий». Шорт-лист (2014), дипломант (2016) Волошинского конкурса.

корма. Кроме того, знающие люди хорошо осмотрели кенара и заявили, что, похоже, он очень молодой, и относится к разновидности певчих, то есть при благоприятных условиях эта птица может научиться петь не хуже соловья. Самочка, похоже, была постарше и ничего интересного не представляла, кроме того, что, освоившись на новом месте, она сразу предъявила самцу свои права на власть: кенару разрешалось подходить к зерну и поилке только после того, как наестся и напьётся маленькая леди с серым пятнышком на шее.

Научить кенара петь – это теперь была моя главная мечта и задача. В моём детстве интернет ещё не существовал, а книжки по содержанию птиц было не так-то просто достать. Я бегала по библиотекам, знакомилась с орнитологами и выяснила: для того, чтобы кенар запел, ему нужен учитель. Учителем может быть любой певчий экземпляр, и необходимо, чтобы он жил в том же доме в отдельной клетке. К моему горю, взять учителя напрокат стоило дорого. Так дорого, что мама не только наотрез отказалась от этой идеи, но и, заметив в моём дневнике какое-то количество троек-новобранцев, вообще пригрозила отдать моих птиц продавцам на птичьем рынке или выбросить их в форточку. Тогда я нашла другой выход.

Один из орнитологов сжалился и одолжил мне на два-три месяца маленькую клетку. Туда нужно было отсадить кенара, для лучшего его обучения. Это оказалось кстати ещё и по другой причине: стервозная жёлтая самочка начала отгонять самца от поилки весьма наглым способом: когда кенар наклонялся попить воды, она подлетала к нему и била клювом по голове. Темечко у бедняги полысело, но он был благороден и смирен, и не отвечал своей экспрессивной даме ни единым выпадом.

Кроме того, в ларьке с кассетами, которых в девяностые годы было великое множество, я купила запись соловьиного пения. Это была редкая кассета, но продавец достал её мне под заказ, за немалые для пятиклассницы деньги. Теперь я могла включать кенару учителя и ждать, когда он сообразит, что от него требуется.

Кенар оказался способным, и первые звуки, похожие на песню, он начал выводить уже две недели спустя. Он имитировал короткие фразы, какие-то триоли и форшлаги. На большее дыхания у него не хватало: он словно бы медленно разучивал соловьиный язык по отдельным рваным кусочкам, дотошно повторял каждый однообразный ход и замолкал. Он был похож на меня, когда я училась в музыкальной школе: так же, как кенар, запинаясь на ошибках, я играла какую-нибудь пьесу *Da capo al fine*[1], повторяя по сто раз корявые мелизмы, с трудом выползающие из-под моих напряжённых пальцев. Вроде бы это тоже была мелодия, гармоничные, приятные звуки, но в них не было главного: завершенности, и, оборванные на середине фразы, они в определенный момент начинали резать ухо. К концу третьего месяца кенар воспроизводил короткие чистые отрывки и остановился на этом этапе.

Клетку нужно было возвращать. Орнитолог мне сказал, что для дальнейшего обучения самцу уже не нужна изоляция, и его можно вернуть на общую территорию, тем более что с марта по июнь канарейки размножаются, а значит, можно купить им маленькое гнездо и смотреть, что из этого получится.

Самочка больше обрадовалась гнезду, чем старому боевому товарищу. На следующий же день она начала таскать в своё новое приобретение перья и прочий мусор. Кроме того, леди не забыла былую неприязнь к супругу, и время от времени норовила стукнуть того клювом. Но у кенара уже имелось своё собственное утешение и защита: замолчав на сутки после переезда, он возобновил занятия пением, и мне казалось, что заученные короткие соловьиные фразы помогают ему проще переносить тяготы семейной жизни.

Однажды, когда я вернулась домой из школы, в кухне неожиданно раздалась высокая трель. Она длилась всё время, пока я стаскивала с ног неудобные китайские сапоги, пока вешала на крючок уже тесную в плечах, ношеную цигейковую шубку, пока мыла в руки в ванной комнате. Я замерла возле входа в кухню, а кенар, сделав короткую паузу, снова вытянул вверх пушистую

[1] *Da capo al fine – с начала до конца (ит., муз.).*

рыжую шею и, зацепив с необычайной лёгкостью минорную триоль, начал полоскать и полоскать в своём маленьком горле какой-то новый пассаж, уже не соловьиный, а свой собственный. Это было так чисто и хорошо, что я смотрела во все глаза на стоящую высоко клетку, замерев и не смея вдохнуть. А певец весь вечер сидел на своей жёрдочке напряжённо и почти неподвижно, вытягивая из воздуха свою новую песню.

Потом вернулась с работы мама. Она тоже улыбалась, слушая нашего «ученика». Мы ужинали, а он всё пел и пел. «Не охрипнет?» – тревожно спросила мама. Я пожала плечами. Мама сняла стоящую на холодильнике клетку и поставила её на стул. Кенар замолчал. Он переступил лапами на жёрдочке, потом перепрыгнул на противоположную.

Кенар повернулся к нам другим боком, и мы увидели, что на месте, где раньше у него был левый глаз, теперь видна только влажная чёрная дырка, блестящая и страшная. От этой впадины по рыжей щеке и шее птицы бежала тёмно-коричневая дорожка, и оканчивалась она густой вязкой каплей. Кенар качнулся, снова неуверенно переступил лапами, вскинул голову и запел.

Всё это время самка настырно выковыривала клювом пёрышко, застрявшее между прутьев – ей ни до чего больше не было дела.

БОЖИЙ ДАР

I

Несколько месяцев назад Роберт попал впросак. Он не мог найти выхода. Он начал просыпаться ночами, сидеть на кухне до утра и курить в форточку. Его стали мучить боли в желудке. Бровь его дёргалась почти постоянно. Есть статусы в социальных сетях, в которых значится: «всё сложно». Раньше Роберт над ними посмеивался, а сейчас смеяться перестал. Не только над ними, но и вообще.

Роберта назвали Робертом в честь поэта. Того самого. И хотя время шестидесятников отходило, и начинались новая эпоха, «тот самый поэт» был личностью положительной, и в семье решение было принято единогласно. Этот ли факт сыграл в жизни Роберта роковую роль, а может быть, покладистый характер и удивительное обаяние, которыми его наградила природа, но получилось так, что Роберт всегда нравился людям. Было в нём нечто располагающее. Особыми талантами он не отличался, да и внешностью обладал скорее заурядной, хотя и не лишённой приятности: высокий рост, крепкая фигура, продолговатое лицо с мягким подбородком. У Роберта были русые волосы, которые могли выглядеть и тёмными и светлыми. Коричневые вкрапления на серо-зеленоватой радужке придавали ей странный оттенок; не знаю, почему, но многие считали Роберта кареглазым, хотя мне всегда казалось, что его глаза голубые.

Роберт умел говорить с людьми, и казалось, что в процессе разговора он как будто становился похожим на своих собеседников. Но происходило это не путём пошлого подхалимажа, а по причине высокой чувствительности. В минуты волнения у него начинала дёргаться левая бровь и угол рта; так было с детства, так осталось и на всю жизнь. Впрочем, эта трогательная особенность обычно играла ему на руку, потому что вызывала ответные подрагивания материнского и бабушкиного, а впоследствии вообще всех жалостливых женских сердец.

Очень часто такие натуры, как Роберт, становятся артистами или художниками, но его родители однажды решили, что знание права всегда будет в цене, и юрист при любых обстоятельствах не останется без заработка. Роберт с восторгом узнал, что юристами были и Гёте, и Чайковский, и даже Станислав Лем, и, в целом, ничего не имел против такого хода судьбы. Ему, как и почти всем любимым детям, легко давались все школьные предметы, и поэтому Роберту было из чего выбирать: с аттестатом, в котором пятёрки были ровненькие, словно бы выпущенные из одного пулеметного дула, он попал точно в цель: двери юридического факультета перед ним распахнулись во всю ширь. Впрочем, мне кажется, что, если бы родители увидели в Роберте врача или бухгалтера, он отлично бы справился и с той, и с другой ролью.

Сначала Роберт стал старостой группы, потом – председателем профкома. Через два года после окончания института Роберт, имея хорошие связи, умудрился сколотить свою маленькую юридическую фирму, и дела у него пошли совсем неплохо. Да и в целом жизнь его сложилась бы удачно, если бы в течение нескольких лет к Роберту медленно не подползал бы один каверзный вопрос. И наступил день, когда вопрос подполз совсем близко и встал перед ним, как лист перед травой.

– Определись, короче, за кого ты: за этих или за тех, – сказал ему однажды Лёва, неизменный товарищ со времен студенческой, походно-палаточной юности. Сам он давно уже определился, да так, что однажды даже пострадал за свои приоритеты. – Что для тебя важнее? Власть или свобода?

Роберт тогда улыбнулся и похлопал Лёву по плечу. Друзья потому и друзья, как говорил Эпикур, что они смотрят всегда в одном направлении. Роберт и Лёва в тот вечер, помнится, пропустили ещё по одной и разъехались в хорошем расположении духа. И эпизод забылся.

Забылся, но неожиданно тот же самый вопрос, негодуя, вскоре задала Роберту его собственная жена. Она стояла над ним с половником, и глаза её горели.

– ...как ты с ними общаешься? Они же все, вот и Лёва твой тоже – просто искатели проблем! Не нравится им – пусть валят за границу! Скатертью дорожка!

Роберт в ответ на эту тираду многословно похвалил рассольник и внезапно вспомнил про деньги, которые жена просила выделить ей на личные нужды. Домашний вечер был спасён. Но этим дело не кончилось.

– Нам нужно быть предельно осмотрительными в выборе клиентов, – сказал Роберту один из партнёров. – Надо думать о репутации. Обстановка накаляется.

И партнёр предложил новую стратегию. Обе фирмы должны были отказаться сотрудничать с представителями определённых взглядов. Роберт потёр виски и положил рацпредложение под стекло.

Через несколько недель снова объявился Лёва. Он звал Роберта на важное общественное мероприятие в центре города. В одном из парков была сооружена сцена, а служители порядка заблаговременно оцепили бульвар на небольшом отдалении от неё.

Роберт демонстративно захлюпал совершенно здоровым носом. Сославшись на простуду, он остался дома, слушать, как жена сотрясает воздух и поносит ненавистного Лёву с единомышленниками. Лёва после того случая не звонил другу и не брал трубку. «Как же так? – спрашивал себя Роберт, понимая, что происходит непоправимое. – Из-за какого-то митинга!» Но Лёва был непреклонен.

В социальных сетях раскол ощущался ещё острее. Люди с разными взглядами обливали друг друга грязью, бились за свои убеждения не на жизнь, а на смерть, если таковая возможна в виртуальном мире. Роберта одновременно отфрендили один некогда дружественный коллега и бывший клиент, которому он выиграл дело. В чём причина? Роберт терялся в догадках. Но контрольный выстрел в голову не заставил себя ждать.

К Роберту через посредников обратился клиент, и ему нельзя было отказать. Но Роберт должен был отказать.

Клиент Х был неофициальным лидером таких, как Лёва. Но его проклинали такие, как жена. Да и партнёры никогда не поняли бы Роберта, подпиши он злосчастный договор. А вот родители, например, как люди старой закалки, восхищались этим человеком, потому что Х был неоднозначной, яркой фигурой. В голове Роберта творилось чёрт знает что. К тому же журналисты пронюхали про контакты Роберта с Лидером и, сделав конфликт достоянием общественности, ждали, какое решение будет принято.

Жена схватила в охапку дочку и демонстративно уехала с ней в отпуск, бросив Роберту на прощание презрительную гримаску.

«Почему, почему всё это навалилось так внезапно, так жестоко?» – думал Роберт, опустошая пачку за пачкой и привычно смахивая дым в форточку, хотя дома, кроме него, никого не было. Он

вдруг понял, что ему глубоко плевать и на власть, и на свободу. Это были вещи абстрактные, и он, чувствуя, что должен сделать выбор, видел сложность не в самом его факте, а в том, что последует за ним. Великие нравственные вопросы, из-за которых его близкие люди спорили до хрипоты, казались Роберту сущей ерундой, ведь ему предстояло решить задачу сложнее и страшнее. И он мог вытерпеть что угодно, кроме противостояния: друг или жена, родители или партнёры. Чтобы оттянуть решение, он был согласен на всё, даже на инфаркт. Время от времени он прислушивался к собственному сердцу, но сердце оказалось на удивление крепким. «Ну хорошо, не инфаркт, пусть тогда будет инсульт, хоть самый маленький. Микроинсульт». Но и сосуды работали отменно.

Уродливая, несправедливая жизнь крепко вцепилась в Роберта, она признала в нём своего, плоть от плоти. Как так получилось – Роберт не понимал. То ли частица, сродни компьютерному вирусу, внедрилась в давно отлаженную систему, то ли он сам – инородное тело, наконец-то обнаружившее себя. Нужно было наконец шагнуть хоть куда-нибудь, сделать хоть что-нибудь.

Но Роберт не двигался, он сидел на кухне, и сквозь него проходили дни, недели и годы. Рассвет сменялся полночью, снегопад перетекал в последний жар бабьего лета. Стоящие на кухне предметы отражали падающий свет, и оказывались на поверку обтекаемыми цилиндрами, суровыми параллелепипедами, частями усечённого конуса. Они издавали звуки, чайник трубил, тарелки тоненько звенели, а на выпуклой деке дуршлага обозначились струны, похожие на струйки воды. Кухонные ножи, висящие на магнитной подставке, в зеленоватом ночном освещении походили на острые листья странного тропического растения, они словно бы шевелились на ветру. Холодильник с налепленными на него разноцветными туристическими магнитами напоминал яркую рубашку неформального лидера, а горбоносый кухонный кран оказался вылитым Лёвой. Электрическая плита с её выбеленным лицом заливала кухню футуристическим сиянием.

II

На следующий день Роберт побрился под ноль. Утром, в первой попавшейся по дороге парикмахерской. Он попал в руки симпатичной южной девицы с прозрачными усиками над верхней губой и аккуратно подведенными оленячьими глазками. На её бейджике значилось «Гуля», и Роберт про себя нарёк её Гюльчатай. Она сперва всё отказывалась брить Роберта наголо, видимо, решив, что у того нет денег на модельную стрижку.

– Я вас очень хорошо подстригу, такой красивый будете, – убеждала девица. – Потом придёте заплатите. Жалко же! Ай, как жалко.

И Гюльчатай, цокая языком и отводя глаза от зеркала, осторожно, словно бы пугливо прикасалась к Робертовой макушке, и казалось уже, что девица беседует именно с ней, надеясь найти в отросшей шевелюре верную союзницу. Но макушка отказалась. Гюльчатай вздохнула и, заметно расстроенная, принялась за работу. Последний раз коснувшись его затылка опасной бритвой и, наконец, сняв с обновлённого Роберта чёрную накидку, она отошла на два шага, посмотрела на свою работу и вздохнула:

– Ну, теперь из вас Фантомас получился. Не говорите никому, что у нас были. И хозяйки нашей сегодня нет, хорошо.

А Роберту нравилось. Он засмеялся, похлопал себя по свежей лысине и заплатил Гюльчатай как за модельную, она взяла деньги и потеряла к нему всякий интерес.

По дороге на работу затылок Роберта обдувал непривычный холодок, и ему казалось, что голова его как будто плывёт по воздуху отдельно от тела. Немного покалывало за воротничком: видимо, туда попали волосы, не желавшие навсегда покидать хозяина.

Придя в офис, он первым делом вызвал к себе зама.

– Как там у нас с договорами?

– Да, Роберт Александрович, новые вот тут, в папке... – зам запнулся, глянул на начальника и хмыкнул, – Эк вы нынче. Прямо как я.

И провёл рукой по голому темени.

Роберт подписал две или три бумаги и вопросительно уставился на зама.

– А где договор с Х?

– Так мы ещё не составляли, – пожал плечами зам.

– Ну так составьте. – Роберт пролистал оставшиеся бумаги; их он уже видел. – К завтрашнему дню.

Зам взял протянутую папку, встал с кресла и выждал паузу.

– То есть мы сотрудничаем с ним, я правильно вас понимаю?

Роберт поднял глаза от монитора.

– А что, у нас так много клиентов, и мы бросаемся ими направо и налево?

– Да хватает клиентов, вообще-то. – Зам тоже открыл папку и переложил в ней какие-то листы. – А вот партнёров не густо.

– Партнёры нам денег не платят, – сказал Роберт, и стало понятно, что разговор он закончил. – Работаем.

Зам захлопнул папку и вышел.

В обед Роберт позвонил Лёве. Лёва работал в больнице.

– Не могу, старик, у меня дежурство.

– Раньше можно было.

– Раньше много что по-другому было... – Лёва вдруг куда-то пропал, в трубке зашумело, застучало, и снова послышался голос:

– Ну давай приезжай. Зайдёшь со стороны приёмника, как обычно. Только не раньше десяти, лады?

В дребезжащем больничном освещении Роберт заметил про себя, что, оказывается, Лёва постарел. Под его глазами выбухали отчётливые желтоватые мешки, кожа на щеках слегка обвисла. В ординаторской стоял обычный Лёвин беспорядок. Роберт всегда удивлялся, как в его друге сочетается патологическая бытовая неряшливость и занудная врачебная скрупулёзность, когда дело касалось вверенного ему отделения реанимации. «Дома солдат снимает шинель», – отвечал Лёва на все попытки приучить его к порядку. Ординаторскую, похоже, Лёва считал своим вторым домом.

Он раскопал из недр хлипкого больничного шкафчика чашку для Роберта, такую же, как у себя – с коричневой чайной каёмкой. Порезали, разлили.

– Ну, давай. За нас, – сказал Лёва. – В реанимации пить за здоровье не принято.

Первая пошла хорошо. Лёва развалился в кресле, которое, хоть и выглядело ненадёжно, оказалось вполне достойным своего седока.

– Никто из твоих подопечных сегодня не... того? – спросил Роберт. – Не будет как в тот раз?

– Не, эти ребята нормальные. – Лёва подцепил колбасу на кусок хлеба. – Завтра всех разберут по отделениям. Да уж, никогда не забуду, как ты у меня дефибриллятор держал.

– Если надо, и сегодня подержу.

– Типун тебе знаешь куда? – Лёва огляделся, ему показалось, что в дверь ординаторской кто-то заглянул. – Жена тебя, что ль, отпустила?

– Мои все в отпусках, – поморщился Роберт.

– Да-а... – протянул Лёва. – А я четыре года в отпуске не был. Чёртова система. Столько времени и сил угрохал, а даже на квартиру дочери заработать не могу.

– Но ты же не пойдёшь лекарства продавать, – Роберт взял в руку пузырь, поглядел на Лёву вопросительно, и тот махнул, дескать, наливай.

– Нет, Боб. Не пойду.

– И правильно.

Роберт выудил из банки огурец, немного помедлил над ним и сказал безо всякого перехода:

– Лёва, думай обо мне что хочешь, но с вашим Х я не работал и работать не буду.

Сказал и закусил огурцом.

Лёва посмотрел на него внимательно и тоже взял из банки огурец.

– Ну что ж, Боб, я, собственно, ничего другого от тебя и не ожидал.

Роберт смотрел на Лёву, тот сидел, спрятав ладони подмышками и слегка наклонив голову. Он разлил по чашкам то, что осталось в бутылке.

Лёва выпил молча. Потом развёл руками. Роберт всё так же смотрел, как старый товарищ щёлкнул суставами пальцев, повертел в руках пустую чашку, потом взял со стола и сосредоточенно начал листать какие-то истории болезни. Наконец он закрыл их и отложил в сторону.

– Ну так, значит, так. – повторил Лёва, почти уже примирительно.

– Да, так, – сказал Роберт и, немного помолчав, добавил:

– Хотя и не совсем так, – и, видя вопросительный Лёвин взгляд, ответил:

– Но я почему-то думал, что всё это тебе не важно.

Роберт ехал домой в такси, и отрывочные мысли донимали его всю дорогу; он то пытался вспомнить, как работает дефибриллятор, то перед глазами вставали Лёвины мешки и щёки, и опасная бритва летала в воздухе возле его уха, а в шорохе целлофанового пакета, брошенного водителем на заднее сидение, Роберт слышал хруст пальцев, который уже не раздражал, просто становилось тоскливо, потому что был в этом хрусте какой-то болезненный призвук, похожий на эхо сломанной ветки или на треск сосновых дров, прогорающих в костре. Он чувствовал, как бровь снова начинает дёргаться. Сначала это сильно раздражало Роберта, и он пытался избавиться от тика, плотно сжав пальцами кожу лба, но всё было бесполезно; он вздохнул, разжал пальцы и оставил всё как есть.

Дома он внимательно рассмотрел своё отражение в зеркале. Да уж, это очень не понравится жене, думал он. Скорее всего, тоска вернётся, а может быть, и останется теперь навсегда. Он чувствовал это и смирялся: всё будет так, потому что, единожды потеряв, человек уже не сможет остановиться. Это как в уравнении: вычитая слева от знака равенства, придётся вычитать и справа, иначе всё зашатается и рассыплется, только в математике всё-таки легче отсечь целое число.

Роберт прошёл на кухню: натюрморт из кастрюли и чайника был таким же выпуклым, хоть сейчас садись и рисуй. Кран, похожий на Лёву, отвернул от хозяина свой блестящий нос и теперь смотрел куда-то в стену. Роберт повернул его к себе и открыл вентиль. Воды в трубах не было.

Он расстегнул рубашку, сел на диван и закрыл глаза. «Дома солдат снимает шинель», повторил про себя Роберт. Перед тем, как отпустить себя из замкнутого пространства навязчивых мыслей, он почему-то вспомнил девушку из парикмахерской, её пушистые усики и недовольный взгляд, и представил её себе так ярко, что нехотя улыбнулся.

Татьяна РИЗДВЕНКО

КУРТКА
(роуд муви)

Заглянем в левый рукав: узнаем – когда.

1991 год. Видимость, однако, прекрасная, ни тумана, ни патины.

Посмотрим в рукав правый, выясним, где.

Польша. Лесная, полевая, деревенская.

Ворот, рукава, обшлага обстрочены километрами дорог, маскирующимися под узорную тесьму. До сорока километров в день пешего хода.

Расстелем на траве, свернувшись калачиком, уляжемся.

Поместимся целиком, как Маленький Принц на своей Планете.

****

Вам шили куртку в подарок?

Мне шили.

Ручная работа, искусная. Оттенка осоки, деликатно простёганная. Отделана тесьмой. С латунными, тяжёлыми, немного отвисающими пуговицами.

Не просто подарок – сюрприз.

Сшита однокурсницей Тамарой. Вкус, золотые руки. Глаз-алмаз. Ни примерок, ничего такого. Окинула точным глазом, и всё, куртка села как родная.

...А надо понимать те времена в плане как раз одёжном. Одеваться в начале 90-х – придумывать, выкручиваться, доставать. Шить, перешивать. Красить.

Пойти и купить? – Смеётесь!

У однокурсницы Жени люминесцентно-лаймовый комплект, браслет и гетры, сияющие заморским неоном, торговали прямо с тела. Молили: девушка, продайте!! То есть: скрутить с руки браслеты, стянуть, разувшись и балансируя на одной ноге, гетры – нате, носите...

Обескураженная Женя отмахнулась, мотнула кудрями: нет, что вы!

Так обстояло с красивыми, подчеркиваю, вещами. Прикрыть-то наготу всегда было чем. Серым, коричневым, колом стоящим, с катышками.

И тут эта куртка... Вручена на день рождения. Конец пятого курса.

Предмет одежды, на который тогда, по скудости, люди неизменно обращали внимание, даже оборачивались.

Что совершенно не укладывается в голове по нынешнему изобилию...

****

В качестве вещи а) красивой, б) практичной, куртка поехала со мной в Польшу, по групповой визе. Многие помнят тот выезд: молодёжь со всего мира ехала на встречу с Папой Римским, тогда Иоанном Павлом Вторым, в Польшу, в городочек Ченстохову.

Лихо сорвавшиеся, плохо подготовленные, мало понимающие, о чём идёт речь и как всё будет, мы рванули в путешествие небольшой компанией. Присоединились к сотням таких же искателей приключений. Подавляющее большинство которых впервые покидали пределы родины.

Татьяна Риздвенко окончила Худграф Московского педагогического университета. Была художником по росписи фарфора, преподавателем живописи, журналистом, копирайтером. В настоящее время работает в сфере арт-коммуникаций и руководит литературной студией для подростков в Доме Щепкина. Живёт в Москве. Стихи, рассказы, рецензии печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Волга», «Арион», вестнике современного искусства «Цирк "Олимп"», поэтических антологиях. Автор трёх поэтических сборников.

Формат, как скажут, был неясен. Помню молодых мужчин, оснащённых для поездки только зубной щёткой и открывалкой для пива.

Русские выделялись среди паломников-европейцев. Последние были прекрасно подготовлены к долгому пешему походу. У «местных» понизу лёгкого яркого рюкзачка крепился пластиковый тазик, помыться-постирать. Красивые кроссовки и трекинговые ботинки взбивали дорожную пыль. Одежда паломников ловко сидела на юных телах; мы замечали невиданные предметы дорожной амуниции. Сверкали, струились, развевались белокурые волосы, мы и не представляли, что существует столько оттенков, от солнечного золота до снежной белизны, от вулканического пепла до кукурузной поленты.

Моя подготовленность к поездке была сконцентрирована в маленькой зелёной куртке, элегантной даже по европейским меркам. Ещё она служила сидушкой, подушкой, пледом и так далее.

Стартовали из Варшавы. В Ченстохову шли пешком, колоннами, около недели. Габаритные вещи ехали на грузовиках, поджидая нас в деревнях запланированного ночлега. Спали на сеновалах. Мылись... ох, не спрашивайте.

Колонны были промаркированы каждая своим цветом; наша – *амарантова,* малиновая. За колоннами следовали машины-амбулансы. Пострадавшим оказывали срочную помощь. Она, как правило, касалась мозолей, сбитых ног, чего-то более серьёзного не помню. Ссадины мазали жидкостью типа нашей зелёнки, но ярко-фиолетовой. Фиолетовые бинты на лодыжках были символом того путешествия.

Ещё в Варшаве нас оснастили буклетами с картой паломничества: план всех переходов, стоянок, ночёвок. Мы разглядывали эти бумажки с вялым интересом, реагируя только на цифры планируемых дневных переходов (16 км – мин., 40 – макс.).

****

Еда. На стоянках готовили нехитрую походную пищу: котёл варева, котёл чая. В дороге перекусывали интересней. Деревенские жители, не избалованные событиями, ждали паломников с любопытством и грудами незамысловатых, нечеловечески вкусных *канапек* с салом, грудинкой, салатной зеленью, на подносах и вынесенных из дому столах. Чаны и чашки с *квасным млекем,* простоквашей, ждали страждущих: в зеленоватой сыворотке плавали, фосфоресцируя, крупные куски амброзии. Простокваша восстанавливала силы во мгновение ока, – если доставалась нам.

...В этом и была загвоздка. Провинциальные, ничего не понимающие, безъязыкие, поначалу мы нигде не поспевали, всюду опаздывали. Когда добирались до стоянки, мечтая помыться, деревенские колодцы пустели. Заканчивались вода, каша, чай, удобные места на сеновале, бутерброды на подносах, простокваша в вёдрах.

После многих километров пути фиолетовые ступни гудели. Джинсы держались на веревочке. Дух закалялся, природная смекалка напружинивалась, готовясь заработать на полную силу.

****

В один прекрасный день мы почувствовали: всё, так больше продолжаться не может.

Идти колонной, ограждёнными от проезжающих машин натянутой бечёвкой. Как детский сад, чесслово. Как стадо бычков, весело понукаемых задорными вожатыми, назовём их так. С хоругвями, малиновыми значками на грудях. Распевая гимны и псалмы (пели поляки, мы слушали, в результате многие я помню до сих пор).

Звеном долгой гусеницы, влачащейся по польским дорогам, по команде идти, по команде останавливаться.

Хлебнувших конкурсов строя и песни, умевших рассчитаться на первый-второй-третий, построиться в колонну по одному, – нас не прикалывал такой формат.

И у нас же были маршрутные карты.

Потомки Сусанина, оказавшись на польской территории, мы услыхали в себе настойчивый лесной зов.

Уйти с маршрута было легко, чистые казаки-разбойники. Шаг вправо – и ты свободен, растворён в зелёном, коричневом и голубом.

До того дорожная, шоссейная, Польша открылась нам лесами, помнится, широколиственными. Мы срезáли лесом, срезáли полем, миновали деревни, оставляли за спиной одиноко стоящие монастыри. В лесу, в лощине, я запомнила лежащего поперёк ручья мёртвого, но с виду совершенно живого оленёнка. Будто хлебнул мёртвой воды и заснул до воскрешения. Он лежал, аккуратненько вытянув ножки, с умным лобиком и открытыми глазами.

Налюбовавшись, мы пошли дальше.

Интерпретируя маршрут по собственному вкусу, мы сильно обгоняли колонну паломников и в обеденные и полдничные деревни входили первыми.

– Где же остальные, – немного разочарованно спрашивали *хлопи* с подносами деревенских канапе, увидев вместо праздничной, с флагами, хоругвями и усилителями колонны – восьмерых бродяг.

– Там, скоро придут, – беспечно махали мы, примеряясь к хлебу, салу, незабвенной простокваше.

Следуя впереди автопробега, мы, *бендеровцы* с ударением на первый слог, снимали пенки и сливки, наслаждались свободой и бутербродами.

Из Москвы мы ехали маленькой компанией – я, сестра, подруга, приятель. В поездке компания разрослась.

«И удвоил в пути небольшую семью...»

Подружка по прозвищу Елань шла впереди в коротеньких шортах. Стройные ноги в примитивной обуви, типа тряпичных тапочек, перелистывали километры.

Пойдя впереди автопробега, мы забыли о мозолях. Хотя километраж остался тот же, мы особо не сэкономили.

****

Изредка, из приличия, мы примыкали к колонне, и тогда этот парень держался неподалёку. Из-за бороды мы подозревали в нём законспирированного русского, но он оказался бородатым поляком, с русским именем Гжегош. Григорий, Гриша. Мы подружились. Словоохотливая Елань рассказывала Грише смешные случаи из нашей худграфовской жизни, он посмеивался в бороду и всё, кажется, понимал.

****

Спали на сеновалах. На женских сараях висели картонки с надписью SIOSTRY, на мужских, соответственно, BRACIA.

Пельгжимка, так паломничество звучало по-польски, была очень целомудренным предприятием.

Или мне так только казалось?

Однажды проснулись, показалось – горим. Всё вокруг было раскалённым и даже дымилось, но огня не было. Усугубляя апокалиптический эффект, в темноте, подвывая, бормотала молитвы паломница-полька. Выяснилось следующее: плохо просушенная солома накалилась, и мы пеклись в своих спальниках, как сосиски в тесте. Всклокоченные, красные, в темноте уползли с нехорошего места.

****

Вожаками были ксендзы, сплошь молодые и до обидного симпатичные. Они поднимали боевой дух паломников различными способами. Не вяжущимися, на наш взгляд, с их положением. Задрав черные одежды и сверкая мускулистыми волосатыми икрами, с гиканьем гоняли мяч. Отплясывали шутовской канкан, прихватив под ручку юных паломниц-блондинок и выше головы забрасывая ноги в отличных трекинговых ботинках.

****

...На такую удачу мы и не рассчитывали.

В очередном посёлке городского типа втроём зашли в малоэтажный дом, серую панельку. Постучались в первую попавшуюся квартиру. С собой у нас были картонка из-под сока и баллон из-под пепси-колы, думали разжиться водой.

– *Мыч ше?* – переспросила женщина, оглядывая нас и протянутую тару и даже, кажется, поводя носом.

Мы закивали немытыми головами.

...Добрая женщина пустила нас в тесненькую ванную. Кивнула на полку с пузырьками и тюбиками. Дала каждой по мягкому полотенцу.

В комнатку набились втроём. Одна мылась, беспорядочно выжимая из банок, сладострастно намыливаясь, следующая раздевалась, предыдущая вытиралась, натягивая джинсы на невысушенную кожу.

Чистые – да что там – заново родившиеся, мы благодарили польку, пустившую троих чужестранок в бедняцкую квартирку, в крошечную ванную, где работала-скакала стиральная машинка, на ней прыгали наши одёжки, а моя зелёная куртка брякала пуговицами.

****

До Ченстохова оставался день пути. Недолгий двадцатиминутный отдых организовали в большом, с костёлом, селении. Я кинула куртку, зёленую на зёленую траву, недалеко от стен *кошчула,* упала на неё и отрубилась. Правый рукав пошёл под голову, ноги, свернувшись калачиком, я пристроила на левом рукаве, остальное уместилось между.

Проснулась от гула. Осторожно открыла глаза. Обтекая мой зеленый остров, со службы шли люди. Множество ног качалось надо мной, уходя ввысь. Со сна, показалось, их сотни. Люди обходили спящую паломницу бережно, будто действительно я была островом, а они рекой. На моей зелёной куртке я чувствовала себя в безопасности. Я медитировала, наслаждаясь кинематографическим аттракционом.

****

В небольшом Ченстохове, набитом паломниками под завязку, мы квартировали в монастыре сестёр-назаретянок, больше похожем на хутор. В яблоневом саду, на краю образцового огорода, сёстры позволили нам поставить палатки.

Настоятельница, крупная женщина, похожая на Елену Блаватскую, в очках, с выбивающимися из-под коричневого чепца кудрями, знала русский – училась в молодости в Москве.

Вечером, накормленные кровяной кашей, не похожей ни на что из того, что мне приходилось прежде есть, мы сидели за длинным столом под яблоней. Пили чай; настоятельница расспрашивала нас, мы её, беседа журчала, а когда на секунду стихла, мы отчетливо услышали размеренный хруст. Все повернули головы в дальний конец стола, где новообретенный друг Василий сконфуженно замер над фарфоровой сахарницей с полной ложкой в руке: человек дорвался до сладкого.

У Василия был профиль Адониса и *локоны цвета половой мастики*. Молодой экономист, только что закончивший Плешку, прибился к нам вместе с авоськой, в которой коровьим боталом брякали алюминиевые кружка и миска. Через месяц мы влюбимся, через два года расстанемся, дружить не перестанем.

****

В знаменитый храм, к чудотворной иконе Ченстоховской Матки Боски, шли свои паломники, отнюдь не молодежь. Больные, увечные двигались небыстрым, но плотным потоком. Родственники толкали по брусчатке колясочников, стучали по камням костыли, зрелище было почти средневековое.

Мадонна с усталым осунувшимся юным лицом, с очень человеческим, будто бы портретным младенцем на коленях, оказалась выучена нами по паломническим буклетам.

Черная Мадонна, главная польская святыня, выглядела смущённой. Слишком большая ответственность была возложена на её узенькие плечи.

****

С Папой была так. Его провезли мимо паломников на открытой платформе. Увидеть Папу собственными глазами удалось только Елани. Худышку, её посадил на плечи рослый парень, остальным зрелище загораживали спины тысяч, без преувеличения, желающих.

– Белый и золотой, – в молитвенном экстазе повторяла Елань, снова обретя почву под ногами. – Он весь белый и золотой.

****

Наутро после явления Папы молодёжи городок как бы очнулся от морока. Мы брели по колено в непротивном мусоре: флажках, буклетах, афишках, пластиковых и бумажных пакетах.

****

На обратном пути, в Чопе, прибитые дорожной усталостью, валялись на рюкзаках и шептали шершавые слова польской молитвы:

Матка боска! Модльче за нами, гжешнэми!
Тераш и в година шмэрти нашей.
Амен!

****

Роуд муви имело неожиданный финал. По молодости и легкомыслию мы не почувствовали его драматизм. Не оценили исторический пафос момента.

Папа – мой собственный – встречал нас с сестрой на вокзале. Зачем, казалось, встречать 18-ти и 22-летних женщин, вполне самостоятельных?

А в Москву, хотя была, была возможность завернуть на пару дней в Краков, мы вернулись, как дураки, аккурат 19 августа 1991 года.

Одновременно с нашим поездом, прибывающим на Белорусский вокзал, по федеральным трассам в столицу втекали колонны БТР-ов.

Грязно-зеленые потоки военной техники превратили Волгоградку, в низовьях которой стоит дом моих родителей, в Нил и Миссисипи, кишащих крокодилами и пираньями. Вид, открывающийся с высокого этажа, усугублял сходство запруженного шоссе с опасной рекой. Город на глазах переходил на военное положение.

Папа, запаниковав, рванул на вокзал за дочками.

Так совпало. Одновременно с путешествием, студенчеством, юностью заканчивался существующий строй; начиналась совсем другая история.

****

К концу поездки куртка изменила вид.

На груди, плечах и спине она поседела. Выгорела до оттенка ягеля.

Под мышками осока сохранила сочность.

Куртка вроде как постарела, это коррелировалось с лёгшим на её и мои плечи многоликим опытом. Какими-никакими испытаниями...

Несколько лет после той поездки куртка доживала у меня. Это была счастливая старость дорогой сердцу вещи, которая красиво старится и долго помнится.

Антон МЕТЕЛЬКОВ

***

зебры-зебры, вы березы?
мы березы, да-да-да!
мы покинули колхозы
улетели навсегда!
зебры-зебры, что вам снится?
корка хлеба в облаках
снежный иней на ресницах
и есенина строка

***

твой французский маникюр
не излечит целлюлит
александр сергеич шнур
приступ острова бали
утоли мою тайгу
у майора две ноги
там где утром был шойгу
будет вечером айги

***

есть ли свет в конце тюленя?
есть ли люди там на судне?
люди все позеленели
жадность размешав в простуде
зеленее стали воды
зеленее стали травы
как соленый вкус свободы
их заморские приправы
ты плывешь себе на льдине
сверху небо, снизу небо
сгусток штрих-пунктирных линий
маленький детеныш нерпы

Метельков Антон Сергеевич родился в 1984 году в г. Новосибирске. По первому образованию – проектировщик радиоэлектронной аппаратуры, по второму – режиссер любительского театра. Работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН, там же учится в аспирантуре. Автор сборника стихов «Футляр» (2015). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Наш современник», «Дальний Восток» и др. Участник и организатор многочисленных поэтических акций в Новосибирске и других городах России. Редактор культурного путеводителя «Речпорт». Член Союза писателей России.

***

проснешься – уже не уснешь
тогда выползают из ниш
куница и, может быть, еж
чего, говорят, ты не спишь?
да-да – говорят, ты не спишь
маячишь по кухне как нож
бормочешь: ведь это стихи ж
проснешься – уже не уснешь
полкухни за сон отдаешь
полкухни оставишь на чай
проснешься – уже не уснешь
а если уснешь – не серчай

***

звездочка, сто пять, решетка
и на крыше гребешок
дочка спросит: где мишутка?
и ответит: он ушел
он ушел, кудрявый мальчик
затерялся во полях
где вчера звенели матчи
а сегодня на нулях
спотыкнулся, замер счетчик
и молчит: присядь со мной
пусть твои румяны щеки
отольют голубизной
как на небо любоваться
с запрокинутым лицом
похмелясь дурным баварским
под газетным под листом
ты сопишь, хрипишь и бредишь
пугачевою храним
ты обратно не приедешь
очарован и раним
путешествие в обратно
кто-то строго запретил
машут крыльями ворота
без руля и без ветрил

***

нас лето словит на весну
словариком простым и праздным:
побудь со мной, хмельным и грязным
бычком качаясь на плаву
бычком качаясь на плаву
лучом вечерним истончаясь
продребезжав стаканом чая

заваривая в нем листву
заваривая в нем листву
со сладким ароматом тленья
а жизнь могла бы быть горенье
а смерть бывает наяву
а смерть бывает наяву
и человечек засыпая
продребезжав стаканом чая
уходит в вечную листву

***

льется с неба лунный свет
обь стянуло рукавами
дочь проснется со словами:
расскажи о рождестве
свет впадает в каждый дом
подо льдом замерзли рыбки
дочка спросит: от улыбки
им теплее подо льдом?
улыбнется как во сне,
ей одной понятной шутке
что сказать такой малютке
если всюду этот свет?
если ночь – уже не ночь,
если сами мы – как дети
новорожденной планете
уподоблены точь-в-точь
если все на этом свете
для тебя. и дремлет дочь

***

прищемить полоску света
что могло бы быть больней
а при взгляде с того света
этот кажется белей
опустить в почтовый ящик
пару-тройку голубей
а для всех сыгравших в ящик
нету слова хоть убей
так смеются молодые
в старом фотомираже
все кто были молодые
не состарятся уже

***

перелистывать зимний альбом
любопытно смешливой сороке
пораженье в сраженье со львом

не грозит штукатуру на стройке
оборвется цепочка следов
не в плюще под змеиной горою
безнадежное слово любовь
штукатур штукатуркой укроет
бесконечное слово любовь
разлетится на птичьих языках
закрывается зимний альбом
и звучит не смолкает музыка

***

любовь не терпит много гитик
но просыпаясь по ночам
я вижу спутник на орбите
и стену цвета кирпича
мне спутник подмигнет печально
стена сочувственно смолчит
и я пойду поставлю чайник
а в это время кирпичи
меняя времена и нравы
рисунок выстроят иной
и станут как бы переправой
в тот мир, который за стеной
любовь не терпит нетерпенья
но с каждым новым кирпичом
я вспоминаю: ветер – пенье
осталось вспомнить лишь – о чем

***

система станиславского гласит
что нужно быть потерянным в лесу
и боже упаси на небеси
изобретать себя подобно колесу
система мосина в своем алаверды
до киева играясь увлечет
услышь плесканье незадачливой звезды
в ведре, что вынет деревенский звездочет
системно размышлять не запретишь
прилег усталый логик на крыльце
и всюду тишь да гладь да гладь да тишь
лежишь и спишь, и кончились кц

***

мы с тобою жгли костер
он был чистый как вода
и под шепот трех сестер

к нам пришел жан-люк годар
примостившись на бревне
доставая портсигар
он сказал тебе и мне:
мне не чужд ваш перегар
там, где сизый ходит дым
там, где черный дремлет лес
там я стал совсем седым
персонажем ваших пьес
и теперь мне все одно
хоть в пучину, хоть в острог
если есть у мира дно
я найду там пару строк
мы сидели у костра
ночь качалась на весах
и тропинку до утра
освещал вишневый сад

***

как говорил один известный лосев
врагу не продается брат иосиф
увы, не по карману он врагу
как хороши прогулки в сентрал парке
где как придурки, сиречь как подарки
приляжем мы навеки на лугу
как две скульптуры из макулатуры
осадки мировой литературы
собою недовольные вполне
скажи-ка, брат, ведь жизнь прошла недаром
пропахнув дымом дегтем скипидаром
в безвыйгрышной игрушечной войне

***

вражда враждой, а табачок-то общий
чинарик шел по кругу не спеша
как часовая стрелка, как извозчик
в котором еле теплится душа
на карусели нового столетья
хрома лошадка, да и сам он хром
поднимем тост за возвращение в сорренто
где солнце дозревает между крон
где те из нас, кто был однажды молод
на цыпочках дотянутся к столу
перевернуть пластинку, чтоб не смолкла
мелодия, кольнувшись об иглу

Анатолий БУЗУЛУКСКИЙ

Рассказы

ПРИКУСИЛ ЯЗЫК

Студенцов прикусил язык. И фигурально, и натурально. Прикусил, когда говорил с сыном по телефону и ел греческий салат. Прикусил от гнева и голода. Из-за сына.

Справа на языке полыхала рваная ранка. Когда-то в молодости так же до крови впилась зубами в язык Студенцову его жена Мария. Он уже не помнил, чем тогда ее разозлил. Кажется, тем, что полез целоваться, не извинившись, как ни в чем не бывало, как будто за пять минут до этого не плюнул ей в душу. Мария тогда простила его, после укуса, когда слезы у него брызнули из глаз, как у маленького ребенка, от несправедливой боли. «За что?» – вскрикнул он. «За то, что ты даже не понимаешь, за что», – отрезала жена.

Студенцов доел салат левой стороной рта. Крупно молотый перец жег язык ярко, очистительно, словно не жег, а прижигал. Гасило же огонь душистое оливковое масло. Сильнее жжения был вкус помидорок черри с рассольным сыром.

Сын Кирилл жил с матерью. Она оставалась одинокой, и сын в свои двадцать девять лет был одинок. Их одиночество – каждого в отдельности и при этом словно общее, бывшей жены и взрослого ребенка, – томило Студенцова сильнее, чем его собственное одиночество. Ему казалось, что их одиночество настоящее, не изживаемое, а его притворное, желанное, завоеванное.

Сын не работал, не мог найти работу, не искал ее толком. Он говорил, что он из тех людей, которые не сразу встают на ноги, запоздало остепеняются, любят свое детство. Он говорил, что его социальное развитие отстает от нормы лет на десять, что он наверстает свое с лихвой, не упустит предназначенного и полюбит независимость и самодостаточность. Полюбит до такой степени, что будет с недоумением вспоминать свою патологически раннюю ностальгию, продленную беззаботность, просроченную ребячливость.

Мария прислала смс-ку бывшему мужу: «Кирилл не поехал на первое занятие». Речь шла о курсах электриков, которые сыну оплатил отец. Студенцов набрал сына. Кирилл объяснил, что не поехал из-за внезапно заболевшего друга, с которым они собирались посещать эти курсы вместе. Отец спросил: «Ты совсем ничего не можешь делать без сопровождающих?» «Могу», – буркнул сын. «Нет! – негодовал отец. – Ты шагу не можешь сделать без меня, без матери, без приятеля». «Мы восполним пропущенное занятие с другой группой, тем более что оно вводное», – оправдывался сын. «У тебя все вводное. Сидишь на моей шее. Я уже устал спрашивать: стыдно тебе или нет? Не хочу с тобой разговаривать».

Он хотел сказать сыну самое горькое, но прикусил язык. Он боялся, что эти горькие слова, несмотря на то, что всегда звучат театрально, могут оказаться правдой: «Ты нас с матерью медленно убиваешь – своей ленью, своим многолетним бездельем, отговорками, своим характером, неслыханным поведением, вернее, полным его отсутствием. Ты нас убиваешь, Кирилл, своим ничтожеством». Слава богу, что прикусил язык.

Анатолий Бузулукский родился в Самаре в 1962 году. Окончил филфак Ленинградского госпединститута им. А.И. Герцена. Служил в армии, учительствовал. Член Союза писателей России. Автор книг прозы «Время сержанта Николаева» (СПб, 1994), «Антипитерская проза» (СПб, 2008) и публикаций в журналах «Звезда», «Знамя», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Нева», «Русская жизнь». С 2008 года – постоянный автор журнала «Волга». Лауреат премий им. Гоголя и журнала «Звезда» за лучшую прозу. Живет в Санкт-Петербурге.

Студенцов вспомнил себя маленьким. Отца не было. Маленький Студенцов о нем не расспрашивал мать. С матерью Студенцов несколько лет снимали комнату в частном секторе, в доме у некой хмурой, но не грубой тети Нины – в неизменном темном платке, которым она покрывала голову и до самоубийства своего сына Сергея, и после, когда она осталась одна. Одна, с несколькими кошками. Сергей был таким же нелюдимым, как и мать. Он был мосластым, некрасивым, словно затравленным, ходил быстро и бочком, ни с кем не разговаривал, никто ему не улыбался. Только тетя Нина улыбалась сыну украдкой из-под платка. Улыбалась в спину, нежно. Сергей, вероятно, не любил, когда улыбались в лицо. Он повесился на вишне в собственном саду, на электрическом проводе. Вынимал его из петли молодой квартирант Володя, студент-юрист, любивший в саду делать физзарядку по утрам, обливаться холодной водой из ведра и растирать свое грациозное тело большим полотенцем. Когда он снимал мертвого Сергея с дерева, как пальто с крючка, тетя Нина стояла рядом недвижимо, не кричала, не закрывала глаза, а только качала головой из стороны в сторону. Так непроизвольно трясти головой она начала с этого страшного дня. Сергею было двадцать семь, помнил Студенцов. «Младше Кирилла, – думал Студенцов. – Работал электриком, и я своего сына, дурак, толкаю в электрики. Аналогий надо остерегаться в этом сплошь симметричном, связанном, повторяющемся мире».

Помимо Сергея Студенцов вспоминал одну из кошек тети Нины, рыжую. Это воспоминание с годами становилось самым неприятным для Студенцова – гадким, острым, ясным. Студенцову казалось, что в итоге от жизни у человека остается лишь одно воспоминание, заполняющее собой всю память, все сознание. Таким воспоминанием для Студенцова становилась рыжая кошка из детства. Будучи мальчиком в целом жалостливым и чувствительным, он однажды бил эту несчастную рыжую кошку самым бесчеловечным образом. Так он играл однажды, играл в гестапо. Он играл фашиста, а кошка была пленным советским солдатом. Он поймал ее, связал ей лапы и начал стегать ее ремнем, полагая, что она не кошка, а враг. Он не мог играть русского контрразведчика, потому что думал, что русские не истязают своих пленников. А ему хотелось сыграть роль мучителя. Это было однажды, но этого хватило на всю жизнь. Иногда он думал, что избиение кошки ему приснилось. Рыжая затем не подходила к нему и не оглядывалась на него. Рыжая была самая ласковая из тети Нининых кошек и самая доверчивая. Она такой и осталась. Она ластилась к людям, терлась об их ноги. Однажды она опять подбежала к мальчику Студенцову, быть может, перепутав его с другим человеком. Но стоило ему протянуть к ней руки, какие-то виновато дрожащие, покаянные, желающие загладить свою вину, рыжая тут же отпрянула от мальчика как ошпаренная и забилась под сарай.

Студенцова тревожило, что его Кирилл и бывшая жена часто болеют. Болеют то одновременно, то друг за другом, заражая друг друга каким-нибудь вирусом, гриппом. Ему казалось, что их бесконечные недомогания стали частью их сокровенного уюта, привычной атмосферой дома. Студенцов говорил сыну: «Тебе надо больше гулять, ты совсем не дышишь воздухом». «Дышу, – отвечал сын. – Что на улице делать? Мне дома хорошо». Ему было действительно хорошо дома: зимой тепло, летом прохладно, днем дремотно, ночью радостно. Ему было приятно знать, что мать рядом – в дальней комнате. Они по неделе могли не видеть друг друга, но слышали друг друга непрерывно. Сын слышал, как покашливает мать. Мать слышала, как топает сын. Иногда они вместе ездили в торговый центр ИКЕА – любоваться новинками мебели. Изредка покупали новую полку или подушку.

Иногда к Студенцову приходила мысль, что образ жизни его сына не так уж и безнадежен, что это странное его прозябание – насыщенно, секретно, целомудренно, необходимо. Иногда Студенцову казалось, что сын знает все про него – всю подноготную отца, его тщеславные выверты, неблаговидные поступки, знает даже про кошку, про его живодерство. Знает и прощает отца – и за кошку, и за мать, и за себя. Прощает теплым взглядом, слабой улыбкой, копотливой походкой. Ждет ли мой сын хоть чего-нибудь – чуда, встречи? Не напрасно ли он ждет? Не прождет ли всю жизнь? Нет, ничего он не ждет. Именно это мне представляется несносным и гибельным в сыне. Но именно это в сыне великолепно – равнодушие к будущему как уверенность в нем.

Студенцов полагал, что у Марии, вероятно, имелось другое мнение о сыне. Иногда она не знала, как лучше сказать и как лучше подумать. Она вдруг говорила, что ей скоро потребуется

помощник, тот, кто будет ухаживать за ней, недужной, болеющей. И хорошо, если таким помощником станет любимый сын. Иногда она говорила, что у сына натура отца. И упаси бог дать ход этой натуре. Такой шаткой натуре хода давать нельзя. В ней – подлость доброго человека. Она говорила: «Я не хочу, чтобы Кирилл прошел путь отца. Деятельные люди совершают как добро, так и зло». Иногда она думала, что оправдывает сына, что бывшего мужа оправдывает сыном. Она понимала, что оправдывать – все равно что выгораживать. Она понимала, что не так должно быть. А возможно, и так. Если так есть, то так и должно быть, – успокаивалась Мария.

ИВАНЫЧ

Самойлов вел Иваныча под ручку, как отца. Не вообще отца, а как своего отца. Хотя своего отца вести под ручку Самойлову так и не посчастливилось. Непреодолимый холодок разделял Самойлова с отцом. И когда отец был жив, и когда Самойлов начал искать причины своей сыновьей неблагодарности в себе. Шагать Иванычу помогал Самойлов с заботливостью хоть и чистосердечной, но не лишенной наигранности. С иронией и сокрушенностью. Одно без другого не уживалось в характере Самойлова. Он теперь хотел относиться к Иванычу безукоризненно сочувственно, но ловил себя на мысли, что вид Иваныча его смешил, что Иваныч с трудом передвигает ноги не от какой-либо благообразной болезни, а из-за упадка сил, вызванного пьянством.

Последний запой у Иваныча совпал с отпуском. Самойлов не преминул съязвить: Иваныч посвятил свой отпуск запою. В первый день после отпуска Иваныч не появился на рабочем месте. Самойлов о том, что Иваныч не выйдет на работу, предчувствовал заранее: всю предотпускную неделю от Иваныча попахивало спиртным, так Иваныч готовился к заслуженному отдыху. Не раз Самойлов сострадательно (но опять же не без смешливого скепсиса) советовал Иванычу в отпуске заняться своим здоровьем, посетить врачей, обследоваться – Иваныч начал все чаще жаловаться на позвоночник, давление, ноги.

Все утро Самойлов будил Иваныча длинными телефонными звонками. «А что, уже на работу?» – наконец сипло отозвался Иваныч. «Да, отпуску пришел конец», – злился Самойлов на Иваныча. «А я думал – еще неделю. Я себя хреново чувствую, ноги отнимаются». Самойлову хотелось воскликнуть: «Пить надо меньше». Но он почему-то произнес: «Выходи, Иваныч. Я тебя встречу у подъезда. Помогу до цеха дойти. Руки-то не сильно трясутся». «Вообще не трясутся. Как новенькие. Ноги не ходят». «У тебя главное руки, Иваныч». «Логично», – сказал Иваныч. Иваныч был токарем, последнее время, случалось, портачил, но типовые фланцы худо-бедно вытачивал. Самойлов, под началом которого состоял Иваныч, подумывал избавиться от него. Иваныч на завод пришел лет сорок назад, сразу после школы, а мать Иваныча была учительницей у нынешнего хозяина завода. Когда мать Иваныча умерла, хозяин во всеуслышание заявил, что не бросит Иваныча на произвол судьбы. После кончины матери Иваныч начал пить без зазрения совести. Приютил подружку-собутыльницу, потерявшую по пьяной лавочке квартиру, документы, дочерей – те не пускали ее к себе на порог, она твердила, что они отреклись от живой матери, но она не обижается на них. Однажды Самойлов видел эту горе-подружку. Иваныч волок ее по земле к дому. Самойлов заметил, что Иванычу стало стыдно – не потому что у него такая жалкая сожительница, а потому что тащил он ее за руки по дороге, как тюфяк на свалку. Ему было стыдно, что ее ноги оголились и что грязные эти ноги еще были красивыми, женскими. И ей было стыдно, думал Самойлов, за свои голые ляжки. Поэтому она космами прикрывала свое лицо.

Иваныч жил в двух шагах от завода. Самойлов вел его час к проходной и столько же от проходной к цеху. Иваныч еле-еле перебирал ногами, как воробей в кандалах. Он морщился, стонал, обливался потом, через каждые пять метров останавливался передохнуть. Казалось, ему нравилось кряхтеть от боли. «А говорил, руки не трясутся. Они у тебя, Иваныч, ходуном ходят». – «Разве? А я уже не замечаю их. Вот ноги это да. Вот ноги ломит». – «Как же ты такими руками работать будешь?» – «Легко. Руки это ерунда. Руки не болят. Потрясутся и успокоятся. А вот

ноги болят, терпения нет». – «Может быть, это у тебя от почек ноги болят?» – «Может быть». – «Лечиться тебе надо, Иваныч. Иначе коньки отбросишь. Кондратий может хватить в любой момент. Подумай об этом, Иваныч: вот жизнь и сразу раз – смерть». «Логично», – сквозь зубы пролепетал Иваныч.

«Веду его, а боль его не чувствую, – думал Самойлов. – И когда отец умирал, боль отца не чувствовал. Хотел чувствовать, но не чувствовал. Хочу чувствовать и теперь, но не чувствую. Не чувствую я чужую боль. Вот Иваныч, наверное, чувствует чужую боль. Наверное, когда чувствуешь чужую боль, свою терпишь лучше. Моя душевная черствость – что это? Эгоцентризм, безответственность, подлость или ребячество? Какие живут на свете замечательные люди, те, которые вызывают огонь на себя!»

Самойлов последнее время не стеснялся думать о любви. Русский мужик не должен думать о любви, а он думал. Он ждал неизмеримо большей любви. «Ответьте, – взывал он внутри себя, – где любовь, а где лишь моление о любви? Я тоскую, я молюсь. Об этом никто не знает, но я не люблю. Может быть такое и так? Быть может, это и есть любовь – моление, вымаливание? Все, что происходит, – не любовь ли? А большей любви не бывает. Мы рождены, чтобы свобода, пронизывая нашу тоску, становилась любовью. Какое это вкрадчиво трагическое, малерское звучание! Как хорошо – вести свою партию! У отца было кисловатое от никотина дыхание. И мать говорила, что ничего приятнее для нее не было, чем это отцовское дыхание. А мой сынок говорит, что тело без татуировки – словно не современное, не молодое, не живое... Там всегда вытерпишь. Потому что иного, кроме терпения, там нет. Здесь, устав терпеть, будучи свободным и с волей, ты можешь уйти. Там ты с собой не покончишь. Там только терпение. Там не скажешь: терпеть невозможно. Даже если скажешь «Терпеть невозможно», будешь продолжать терпеть – терпеть, как жить, терпеть, как дышать, терпеть вечно». Самойлов вспомнил, как у известного политика в телевизоре спросили: «А вы любите людей?» У того аж слезы из глаз брызнули – но не от досады, негодования или недоумения, не от обидной неожиданности, а от справедливости этого вопроса. И Самойлов увидел, что хоть этот известный политик и не любил людей, но, кажется, все-таки он их любил, хотел любить.

Через два месяца Иваныч вернулся с лечения. Сначала он лежал в наркологическом отделении, затем – в хирургическом. Хозяин завода не отмахнулся от Иваныча, слово свое сдержал в память о любимой учительнице. Иваныча выходили. В цех он вошел с клюкой, но выбритый, надушенный, бодрый, в белой водолазке и черном жилете. Самойлов усмехнулся: вспомнил слова своего сынка: «Для жилетки нужны оттопыренные уши и ноги колесом». Ни того, ни другого у Иваныча не было. Иваныч охотно рассказывал о больнице, о своей позвоночной грыже, о бывшей жене, которая вернулась к Иванычу и успела сделать ремонт в квартире.

Первые дни Иваныч звонил из больницы, беспокоился о своей сожительнице Ирке, просил Самойлова купить ей продуктов: Ирка умрет с голода, передвигаться сама не может. Вскоре Самойлова проинформировали, что тревожиться об Ирке не стоит: хозяин завода распорядился очистить от Ирки квартиру Иваныча. Ирку куда-то увезли.

Выздоровевший Иваныч об Ирке не вспоминал. Однажды Самойлов поинтересовался у него об Ирке. Иваныч промолчал, но слезы у него навернулись на глаза, как у того политика после вопроса о любви. «Жалко бабу», – сказал Самойлов. Иваныч не ответил. «Логично», – подумал Самойлов вместо Иваныча.

Иваныч любил, когда при нем говорили, как ему помог хозяин завода, как не дал скопытиться. Иваныч улыбался с упрямой горделивостью и посматривал на Самойлова: вот, видишь, менеджер, где я и где ты, тебя хозяин спасать бы не стал.

Самойлов задавался вопросом: а я смог бы вот так вот забыть, например, свою Таньку, как Иваныч забыл свою Ирку? Если Иваныч смог, то я бы и подавно смог. Он не ерник, а я ко всему прочему ерник. Говорю правдиво: смеяться над другим – сквернять ся, смеяться над собой – очищаться. Говорю так, но фигу в кармане складываю.

...Майским утром Самойлов подходил к заводской проходной. Вдруг он увидел, почувствовал, понял, как хорош мир. Как чудесно это весеннее тепло, как спокойна эта небесная синь, как радостны эти тополя! Как удобны туфли на ногах! Из каких душистых дежавю, дней юности и детства сотканы порывы майского ветра! Самойлову показалось, что такое счастливое ощущение красоты дается буквально перед смертью. Дается не для того, чтобы человеку было тяжелее расставаться с нежностью. Напротив, дается для того, чтобы расставаться было легко, почему-то легко, словно и не расставаться. «Логично», – улыбнулся Самойлов.

ГОЛОСА В ЛЕСОПАРКЕ

Баталов приходил в лесопарк без наушников, слушать голоса, невинные, ненужные, обреченные. Приходил за дежавю, за размытыми границами времени. Птицы порой щебетали высоко, низко редко опускались. Это ведь не лес, а лесопарк. Вдруг бордовокрылая бабочка чуть ли не садилась на плечо Баталова.

Вот мужчина, в какой-то детской панамочке и полусапогах, кустарно обрезанных, интересуется у приятеля, старше себя, за шестьдесят, рыхлого, потного, расстегнутого, наверное, домовитого: «Ты со мной?» «Еще немного. Ты определись, рыжего тебе надо?»

Бледный, сухой муж что-то сказал бледной жене (жена главная, из-за нее муж не пил всю жизнь), глядя на пьяненького, шатающегося паренька, возвращающегося в одиночку с шашлыков. Жена: «А разве нет? Праздник».

Два тридцатилетних битюга на корточках друг перед другом (рядом за парковым столиком – их полнотелые супруги, стол заставлен закусками). Один – другому, как маленькому: «Не так, Андрейка! Не так, Андрейка!»

Старушка, прощаясь с другой старушкой: «Ну ладно. Храни тебя Господи».

Сожительница – сожителю: «Забыли мы с тобой шахматы».

Девушка, угрюмая, в телефон: «Ну, эти, высоковольтные».

Молодая мама – малышу в коляске: «Хорошо в лесопарке?» Мальчик молчит. Глаза у него прекрасные и строгие. Он станет юношей, станет стариком в инвалидной коляске, и глаза у него останутся такими же – ясными, красивыми, строгими. Строгими от красоты.

Две родственницы (одна малиново-рыжеволосая, другая, ее бабушка – иссера-буроволосая). Молодая: «Вот женщина. У нее же паразиты внутри». Пожилая настолько интеллигентна, что не хмыкнула, бровью не повела. И потом, наедине, не выговорит внучке, что та бывает чересчур громогласна при посторонних.

Перед Баталовым идут тетка с болезненно-громоздким задом, девушка и кривоногий парень. Бокастая: «Я считаю, если мужчина любит, если он это, он должен...» Парень: «Может быть, Андрей Борисыч подвинется?» Женщина (по всей видимости, мать она этому парню, не теща, громче, чтобы и Баталов слышал о ее принципиальной позиции): «Что значит подвинется?» Парень-сын (возможно, об отчиме): «Начнет работать, наконец». Женщина (не озлобленно, желая быть рассудительной): «Это не твое дело – Андрей Борисович. Андрей Борисович – это твое последнее дело в этой жизни».

Какой-то неопрятный – Баталову: «Когда сморчки пойдут, не знаете?» Баталов, засмущавшись: «О, это не в моей компетенции».

Бабушка – трех-четырехлетней внучке: «Пирожок будешь?» Девочка: «Нет!» «А мороженое?» О мороженом, как о менее полезном, бабушка спросила в последнюю очередь. Но девочка, кажется, уже знала бабушкины уловки, поэтому столь категорично отказалась от пирожка.

Мальчик: «Ворона!» Его моложавая бабушка (чтобы услышал симпатичный прохожий, Баталов): «Сам ты ворона, это голубь». И мягче (только внуку): «Голубь, не ворона, маленький».

Когда Баталов входил в лесопарк, в кювете валялся пьяный доходяга. Когда через два часа Баталов возвращался, этот мужичонка стоял у дерева и, как мог, справлял нужду, повернув опухшее лицо к дорожке, к людям.

Баталов думал: «Я прихожу в лесопарк замирать. У меня столько одиночества, что я могу им поделиться. Там, где нет человека, там еще рай».

Два пенсионера, один по-рокерски молодцеватый, в ботинках-казаках. Рокер поддерживает за талию второго. Второй – рокеру: «А пенсии в области меньше». Рокер с матерком: «Не то слово... Тысячи на две меньше... Никого нет. Я специально приехал, а никого наших нет». «Вон Толя идет». Баталов догадался: это были престарелые картежники, играющие много лет кряду в лесопарке дружной компанией на интерес.

Эффектная дамочка: «Могла себе позволить – там никого не было». Ее откровенно ироничный спутник: «Это да». «Не надо ничего желать, кроме любви. Тогда всего будет хватать». Спутник: «Кроме любви». Дамочка: «Даже любви».

Страдалица – всему лесу: «Утром только проснусь – раскалывается башка. Иду в поликлинику. Без талонов».

Сорокалетние. Она, бойкая: «Я говорю ему: «Хорошо, что в лесу сейчас ничего нет. Я что-то дома делаю. Было бы сейчас что-то в лесу, я по лесу бы шарила». Спутник улыбается (она ему нравилась): «В лесу всегда что-то есть».

Вдруг с Баталовым поздоровалась незнакомая женщина: «Доброе утро!» «Здравствуйте!» – еле нашелся Баталов. Полнозвучно он приветствовал от неожиданности. Впервые с ним поздоровались в лесу.

Два немолодых собеседника. «Ну, они таким образом хотят откреститься. Сепаратисты, террористы». Кажется, говорили об Украине. Смущенно, обтекаемо. Один не ведал, что думает в действительности другой, какой стороне симпатизирует. Нащупывали друг в друге единомышленников.

Заканчивала куковать кукушка. Два старика. Один: «Не успел сосчитать. Только в конце опомнился. Но, кажется, полтора десятка раз откуковала» Второй: «Да, полтора. Не больше». Первый: «Да, не больше. А больше и не надо». Второй: «Да, больше и не надо». Посмотрели на Баталова с неловкостью: словно Баталову можно было и больше полутора десятков прокуковать. Хорошо, что с неловкостью.

Девочка-подросток обнимает бабушку. Идут в обнимку. Бабушка из учительниц. Девочка отстраняется. Бабушка вспоминает кого-то: «Я тебе, говорит, помогать буду. Ведро вынесу. Не надо, говорю. Представляешь, ведро вынесет».

Крепкая черная птица вспорхнула, отлетела на несколько метров от Баталова. Кажется, галка. Хотя, скорее всего, не галка. Но хотелось Баталову называть ее галкой – за крепость и хозяйские замашки. Птицы и даже насекомые здесь вели себя по отношению к человеку снисходительно. Мол, ничего-то ты не понимаешь в лесу и в лесе, человек. В городе, да, мы к тебе приползем, прилетим. А здесь нет.

Молодая мама с детьми-дошколятами. Мама: «Славочка, не подходи ко рву, стой на дорожке». Слава схватил младшую сестренку за руку и остановился. «Господи, как хороша невинность у человека!» – обрадовался Баталов.

Худосочная собачница с тремя полканами – огромными, серыми, словно приблудными. Залаял пес на Баталова. Баталов внимательно посмотрел в глаза женщины. Женщина стала отчитывать пса. А чего же не лаять? – словно оправдывался пес. – Кто это? Чего он тут ходит? Ходит и боится нас, собак. Раньше человек собак не боялся, а теперь боится. Две другие дворняги, старые, дородные, лениво, как тетки, потряхивали боками. Чего он боится меня? – продолжал пес. – Вы же, люди, сами говорите, что собака кусает того, кто ее боится. Миф про нас придумали, мы же должны его подтверждать – вам же в угоду, людям.

На тропе перед Баталовым лежала мертвая птица. Кажется, умерла своей смертью. Птицы тоже умеют умирать своей смертью. Лежит на дороге бескровная, тряпичная. Умерла недавно. Сегодня уже кто-нибудь сковырнет ее палкой с тропинки в мох.

2016 г.

Александр ПЕТРУШКИН

***

Не посетил, но выкопал в себе пейзаж и поезд, двигающий веер
путей для археологов в горе, чьи корни оживают, как тоннели,
что ищут паузу, как бабочку в огне, сказавшую их здесь, но не поверив
[в] Элладу, что голубок от плеча бросает, словно локоны медузы,
чьи клавиши под перьями бренчат внутри их тени, как змеи укусы,

которые здесь выдыхает Кто, скрываясь за пределами, как Боги –
но ты поверишь: это не порог, а промежуток или дождь. В итоге –
выходит археолог, как тоннель и дерево, и, как Никто исходит
из облака, в которое пророк сложился, спутав карты, сети, лодки,
чтобы расти короткою волной, где кости речи, сетевые пробки

качаются в пещере, что водой как смертью обросла и кораблями,
как музыкой, названьями, тоской и запятыми рыбными, узлами
в ладонях у блудливых рыбаков, которыми в пейзажи замерзаем
двадцать девятого, как будто октября, где бабочка, как яблоня и сфера –
и ты, как Полифем окаменев, не покидай тебе назвавшейся пещеры

***

Словарь безнадёжный, как ангел,
надёжный, как пёс и пловец,
меня посылаешь ты на три
не буквы, а неба, чей вес

приставлен ко мне, как охранник,
горит, словно спирт и разбой,
словарь, развернувший предметы
на их оболочку и вой.

Ты плачешь, как я и собака,
на каменной этой воде,
где имя есть отчество страха
забывшее буковку е.

***

Носишь себя от сердца справа,
собираешь своё из всего, что в левой
части мира, слова с его угаром,
парохода, птицы и сына с девой,

Александр Петрушкин родился 1972 году в Челябинске. Автор нескольких книг стихотворений и ряда журнальных публикаций. С 2005 года живёт в Кыштыме Челябинской области. Куратор евразийского журнального портала «Мегалит».

а настроишь оптику – и десница
упадёт вороной на снег с врачами,
и созреешь ты до того, что снится
проливными, словно агу, ночами.

Отмолчишься. Справишься. Перебьёшься.
обрастёшь смолою и перьев пеплом –
только слева останется то, что было,
потому что справа спадает тело.

***

Одиночества подсказка,
где нас держит в пряже дым:
Каин, Каин, где твой Авель
и кукушка, что над ним
в белый воздух остывает
в анальгине из обид?

Авель, Авель, где твой камень?
– под затылком, птенчик, свит,
видит Бога, а не знает,
потому поёт, как лифт,
агнцем на лугах порхает.
Через глины красный шрифт

Авелю приснился Каин
в ком идут они вдвоём:
тот, что спит, конечно, правый,
тот, что рядом, водоём.

***

Возьми кириллицу, как колесо:
смотришь на ось и видишь – осу
вынимает свет, просмолённую, как весло,
и прибитую к берегу ветки росу.

Вот и весь язык, язычок, замок на двери,
лодка, зобка последнего табака –
вспоминаешь ось, вынувшую осу
из Кирилла с Мефодием кулака.

Высока рука, что горит, как звезда в воде –
водит нас, как стада, ловец – медоносный жук,
чей Державин смеётся, и Пушкин среди тёмных его бровей
ожидают, что ты, вслед осе, обратишь в колесо свой слух.

***

Если всё же я умру – в смысле, не поверю
больше в тело, что лежит как ворона в белом,

расцветающем вокруг, яблоневом свете,
пялится на смерть в дыру, что видна из щели,

как отсутствие моё – глупый барабанщик,
постучись в глухую дверь, что переиначит

это тело, этот прах бессловесный, глупый –
дятла, что учился здесь голос вышний слушать

в умирании своём, в скрипе каждой лодки
что плывёт наверх и вниз в торопливых лёгких,

с телом гибельным моим в споре и скандале,
что там? кто там? – если я всё же умираю,

если водку не допив,
небо собираю.

*

смерть неприятна, как и любой из нас:
смотрит в лицо, в глаза, в руки, что её обнимают –
смущённо смеётся, бьётся в стекло к мотылькам,
что за окном в новый мир без неё проникают

она непонятна и от того разговор
тянется жизнь всю её, как деревянный ангел
от братьев Райт до перемоги в порту,
где и булыжник любой плачет в пернатый камень.

смерть неприятна и от того близка:
скоро экран заполнит, как запоздавший зритель –
вот и лежишь у неё на плече насекомом там, где её река –
собака, бумага, буква и свет на твою обитель

***

Зверь над водою и тень в её животе
прекрасны, как наше знание о кипарисе,
и выбираешь из трёх не своих Елен –
ту, что не миф о себе, но вещество. И виснет
здесь над тобою место, где серафим
крылья себе отрубил, как снег, то есть память о месте,
где рыба зеркальна, как глина, попавшая в сеть,
или птица в курятнике, на насесте.

И проплывает зверь, как радуга или бобр,
прутья рёбер своих несёт, чтобы хижину строить –
там под водой, как жажду, которая высоко,
и лабиринт сквозь время, как Пушкин какой-нибудь, роет.
Страшен ли вид его? тут ли нужен слепец?
чтобы воды сухой напялить на тело кольца –
рыба плывёт наверх к звериному в тьму окну.
Аукнешь – и в тишину её окно разобьётся.

Это скорее зима, нежели то, что мы
своё присутствие в ней выходом доказали –
зверь сквозь тебя глядит, как кипарис
в страшные, как усы оспы грузинской, дали.
Зверь детворы бежит, цокает лёд во рту –
коньки, как Ясон, держит под каждой мышкой –
так и вода ржавеет, когда на дне
её серафим стоит, сигналит, как сом, одышкой.

Но – ничего, ничего, Эллада вся где-то там
в животе у воды, на дне, мерцает, как бабочка в знаке,
в салазках дракона, в Дао и приглушённом бобре,
что дом из себя построит на этом хрустящем мраке.
И успеваешь «ма» произнести, как метель,
пока беспечальный зверь с её живота как с горки
скатывается к рыбе, лежащей здесь, в каждом дне,
времени суток, как дым, что порежут коньком на дольки.

***

Шар холода, катающийся в ложке,
подобен лодке в перископе чайки –
замри на месте, воздух мотыльковый,
мы ничего тебе не обещали

где речь Господня состоит из пауз
сужается до конуса из света,
и достаёт фунфырик из кармана
дыхания – молчанием согрета.

Плесни и ей ты праздника из речи,
сквозит на нас пернатая подлодка –
и будет день нам первый и – вкруг звери
горят, как шарики из холода, нечётко.

***

Вспомни, как проходил бессонницу,
как урок или урок, птиц, из которых небо
вывалилось – как будто в тебе наблюдатель
умер вечером, сжатым в пределы web-а.
Вспомни, как перечислял ты буквы –
складывались крылья их и рассыпались
в прогноз погоды худой, как линия клёна,
который линем стоит в середине своей печали.

Вот барашки: один, второй, остальные – бараны,
скрученные в воронки снега, в пустые барханы
стрелок на сторону ту, где звёзды нам сочиняли

частокол, огород, пастбище, прочее трали-вали.
Глаз твой становится миром округлым, как кофе –
сон, что не стал тобой, тот ещё всем архангел –
имя ему Харон, голова собачья,
стоит, в половину свою темнотою плача.

Заплати ему два-три обола, не жмоться, слова –
в телефонной книге, как в Иерусалиме, найдя Иова,
проведи рукой по пейзажу и тот исчезнет,
станет ау, как клёна жабры, гребок и ветви,
где механика больше нашей с тобой пропажи –
вот и избавились мы с тобой от резной поклажи,
от того, что лежит на виду и совсем незримо
носится так легко оттого, что неизносимо.

Вот и стал ты бессонницей,
метеорологом, полярником, Пушкиным, чёрной речкой,
правой рукой своею, холодной печкой,
дымом этих неправильно сложенных срубов,
ледяной водой, которой не знали губы,
и идёшь, как лёд из тонкого птичьего брюха,
где не голос растёт, но окно, оканье, Вологда или слуха
ожидание, город в холмах, где смолкаешь в прахе,
от того, что твоё ожиданье подобно плахе –

только радостней, отчего не сгорает небо,
но становится новым и ждёт от тебя побега.

***

Бог прекрасный, словно грязь,
Бог бессмысленный, как радость,
посмотри: от нас осталась
речь, похожая на лаз

в дождь, что падает на наше
в нём отсутствие, как в пашню,
будто ласточка в себя,
отраженье теребя,

как соломинку и глину,
красную свою гортань,
с этим телом невозможным,
совершающую брань,

где собака бежит пряжей
сквозь ужасный слова снег
и связует, как молчанье,
в мир собрание прорех.

Бог живой, как будто смертен,
говори через меня,
где лежу в твоих полозьях,
как сухая полынья,

где дышу, себя воруя
у последнего себя,
словно белая воронка
ласточки среди огня.

***

Он, собранный из всплеска и камней,
как телеграмма в полости войны
всплывающей, поскольку невесома,
порхает, словно бабочка, корней
воды касаясь, покидая дома –
густеющий в морозы – круглый свет.

Лежит на дне, остряк и сердцевина,
причина снега, дерева, себя,
и циркуля воды, который светом
бежит внутри его и, как волна
от камня, собирается в окружность,
а после – только каплями видна.

Он – зеркало своё и, собираясь
из ямы света, будто кислотой
он выжжен был на стороне до рая,
чтобы восьмёркой стать или дугой,
теперь он – дверь и карп, хвостом мигая,
сшивает телеграммы пустотой.

***

В слепоту, где свернулся простора
мотылёк, как преддверье огня,
я несу свою паузу – скоро
развернёшь ты её из меня.

Зашуршит – к атональному свету
на булавку прикрепленный – снег,
наконец-то свершивший вендетту,
как масон и смешной человек.

Будет текст наконец-то написан
и отправлен, что верно, в свой ад,
в глину речи, которой неслышно,
в колесо, что в просторе и над.

Андрей ТОРОПОВ

***

Йорки перережут друг друга,
И Тюдоры займут их место,
Чтобы перерезать друг друга,
Здравствуй, просто душка невеста,

Не хватило одного раза
Что ли трудовому народу?
Прямо из колымских рассказов
Выходите к ним на свободу.

Или возвращайтесь обратно,
Там хоть шелуха и баланда,
Лучше спать в тарелке салатной,
Чем входить в шпионскую банду.

Ставьте новогодние елки
И катайтесь с горок на досках,
Пополняйте книжные полки,
Покупайте пони в киосках.

Ричард одолел Эдуарда,
Эдуард другой сделал Дика,
Едут в Ванинский порт бастарды,
Там не так, как в Лондоне, дико.

***

Добролюбов лирику напролет
О короткой жизни, любви несчастной...
Подходил к концу переломный год.
Подходил к концу его путь ужасный.

Если бы он выжил и постарел,
Стал бы простодушным к посмертным славам,
Стал бы вдруг счастливым, добро имел,
А не призывал бы к делам кровавым.

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Живет в Екатеринбурге. Работает главным специалистом в Управлении архивами Свердловской области. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая юность», в «Литературной газете», газете «Поэтоград» и др. Автор трех поэтических книг.

Но одно он классно успеть сказал:
«Не забыл тебя, потому что брошен»,
До сих пор не гаснет, пусть слаб и мал,
Лучик в темном царстве души тревожной.

***

Приходили к Ленину белые ходоки
С баночкой варенья от гробовой тоски,

Дедушка в баночку пальцы запускал,
Сладкий под тальяночку лопал самопал.

Яйца нервно чешутся, стало быть к дождю,
Так идите к лешему, нашему вождю.

Греется в земляночке, дорогой Ильич,
После пятой баночки схватит паралич.

Баррелями сладкое свозят в мавзолей,
Надают за кадками звонких тумаков,

Посадили карлика на железный трон
Ледяная армия, голубой барон.

***

Где щас – театор коляды,
Тогда стоял кинатеатор,
Пополнив задние ряды,
Я заявлялся на монматор.

Оставив задние ряды,
Я возвращался в наши горы
В стихах густой белиберды
И несоленого хоррора.

Зачем нас вынесло домой
Из грез, иллюзий и фантазий,
За что терпели, Боже мой,
Лечение змеиной мазью?

***

Воспевать бескорыстно свое отечество,
Не прихватизировать, а давать.
Здесь хорошая рифма есть – человечество,
А правительство можно не воспевать.

Что же вы натворили, мои хорошие,
Что же вы изменились, мои плохие?
Родина – это слово совсем непошлое,
Плачут по ней современные иеремии.

А, казалось, срок твой скоро закончится,
Но уже, говорят, начинается новый срок.
И отечество с горечью одиночества –
С человечиной сладкий мой пирожок.

Танцы с волками – 2

1.
Лучший фильм – это «Танцы с волками»,
Да танцует танцующий волк,
Мы прижмемся друг к другу в фигваме,
Презирая любой кривотолк.

До Коуровки на электричке
И пешком по недолгой тайге,
В старосветской помещичьей бричке,
На крылатом твоем утюге.

Доберемся до нашей картошки,
Буссенара зачитанных книг,
Да посыпятся наши горошки
На уставший от горя язык.

А потом мы вернемся обратно
Из уральских индейских саванн...
Почему я пошел на попятный,
Оживляя своих могикан?

2.
Мой Джанлука Виалли
В фильме «Танцы с волками»
Забивает в финале
На своем мундиале
Золотыми ногами.

И везде оэкранен,
Получает свой «Оскар»,
Иногда – Северянин,
И везде – Кевин Костнер.

Это так справедливо,
И красиво и добро,
И такие мотивы
Мотивируют бодро.

И проходят бизоны,
Проезжают мустанги,
Открываются зоны
На моем правом фланге.

3.
«Если б жили мы в совершенном мире...» –
Говорит Клинт Иствуд из девяностых,

«Совершенный мир» – это фильм для взрослых,
А не Сен-Симон и Фурье во фронтире.

И зачем «Хороший» снимсал про это,
Убивал хороших в прямом эфире,
«Мы давно живем в совершенном мире»,
Отвечает очередное лето.

И когда поймешь, что пути окружны,
Перестанешь ждать и начнешь сегодня,
Потому что завтра уже не модно,
А зимою будет уже не нужно.

Чилаверт, один, не протащит Чили,
Но в запасе множество утешений,
Не стреляй в охотника на оленей,
Он играет так, как его учили.

***

На финский нож или якутский
Не хватит денег все равно,
Уехать бы в индейский Куско
И пить атлантское вино.

Забыть, забить или остаться,
Дождаться новенькой лыжни,
На старых лыжах покататься,
Чтобы не плакали они.

«Они», а это не про лыжи,
Не про людей, ни про кого,
А просто так на свете вышло,
Не добавляя ничего.

К тому, что сказано и было,
Но прав безденежный клиент:
Телега, а за ней кобыла
Идут под аккомпанемент.

***

Лучше жалкое подобие счастья,
Чем совсем отсутствие счастья.
Если хорошо так бывает,
Значит, он не зря прозябает.
Переев иллюзий Бальзака,
Он дождался верного знака.
Пережив гранат – поединок,
Он себя выводит на рынок.
Покупайте нас, покупайте!
Продавайте нас, продавайте!
За скупую горсточку счастья –
Это лучше чем отсутствие счастья.

Нина ГОРЛАНОВА

Рассказы

ТРОФИМКА ИДЕТ В НАУКУ

Если что, то папа Трофимки – не такой, как все. Когда японцы подарили сакуру папиной фирме, она засохла. Так он весенней ночью – слегка выпив – приклеил к ней ветку цветущей яблони! И все сначала поверили, что сакура прижилась...

Вот и на этот раз! В школе задали провести эксперименты. Трофимке достались две луковицы. Их нужно посадить в баночки с водой и поставить в разные комнаты. Одну он поставил на подоконник в своей комнате, а вторую унес на кухню. И первой шептал добрые слова, а другой – недобрые...

– Очароваха, десять солнечных дней тебе и гугл в помощь! – это – своей луковице.

– Дура! Идиотка! – это – второй, а после добавил: – Подиумная ходилка! (слышал от старшего брата). Петарду тебе в почтовый ящик! (это слышал по телеку).

И первая луковица начала прорастать! Пустила корешок – седой, как борода у дедушки. Перья первые оказались бледно-зеленые, почти желтые.

– Мало хлорофилла еще, – похрустел огурцом старший брат. – Потом будет норм!

А вторая луковица пустила запах – такой кисловатый. Она вообще не росла – усохла и собралась умереть.

Трофимка часами бегал от одной к другой, сравнивал и радовался! Чудо науки! Так вот что значит – эксперимент! И уроки забросил.

Он ведь уже НАШЕЛ СЕБЯ буквально вокруг себя, в родной квартире! Будет биологом – значит другие науки ему не нужны. А он – Трофимка – будет нужен людям. Наука – это круто! Изи. И даже весело.

– Мама, кароч – я брошу аккордеон! Зачем мне музыкалка, если я буду ученым! Хочу найти общий язык с акулами.

– С акулами бизнеса?

– Нет. А может, да.

– Послушай, Трофимище: где мой андипал андипалыч? Голова заболела... Так вот: Эйнштейн говорил, что скрипка ему в науке помогает... Так что аккордеон бросать нельзя.

Трофимка – конечно – не ожидал такого поворота. Ну вот – что надо этому Эйнштейну – прикопался с этой скрипкой к бедному начинающему ученому...

– Скоро у меня преза результатов эксперимента. Нужно готовиться, мама.

– Сначала в музыкалку, а потом приговишь презентацию.

Ну, делать нечего. Трофимка взял мучебник по сольфеджио и пошел.

– Я не выдержу, – шептал он.

У него была привычка: потянуть мир на себя, чтоб стало внутри сердца радостно, но редко так получалось... Сейчас во дворе образовались дырки – в них проваливалось все нужное, в том числе и Трофимка был почти что там. К счастью, Мила из «а» класса никогда не проваливалась, а всегда была внутри. У нее ресницы до неба и синеет белизна зубов.

А кто точно не выдержал – так это отец Трофимки. Сначала он ходил задумчивый и бормотал:

– Я не могу так! Крокодильство... В чем вторая луковица провинилась? Египт-твою! За что ее ругать?

– Папа, это наука, – отвечал Трофимка. – Экс-пе-ри-мент! Чтобы знать...

– Наука, мой толстокожий персик, требует не только разума, но и сердца!

Нина Горланова родилась в деревне Верх-Юг Пермской области. Окончила филологический факультет Пермского университета (1970). С 1980 года – множественные публикации в толстых литературных журналах (стихи и проза, в том числе в соавторстве с В. Букуром): «Урал», «Октябрь», «Знамя», «Звезда». «Новый мир», «Октябрь», «Даугава и др. В «Волге» публиковались стихи (1995, № 2-3) и рассказы (2010, № 3-4; 2011, № 3-4, № 11-12). Живет в Перми.

– Кто сказал?

– Вроде Менделеев. На яндексе посмотри.

– Менделеев давно умер.

– Нет, он жив. И нас переживет... Таблица Менделеева – это вся наша планета.

– Ну и что?

– А то... ты что думаешь: Бога за бороду поймал?

– Я луковицу за бороду поймал. – Трофимка пожал плечами и ушел в свою комнату.

Но вскоре он заметил, что вторая луковица тоже начала расти и... догнала первую. Перья, борода, все появилось! Нежданчик случился! Дед сказал по этому поводу свое веское слово:

– Есть тайна жизни.

У него два варианта: «есть тайна жизни» и «нет тайны жизни».

Тут захотел пообщаться младший брат Трофимки – ему три года исполнилось.

– Скоро я боялся моря, а скоро не боюсь.

Бабушка стала записывать слова внука про море: мол, в фейсбуке вывесит.

– А про мои луковицы?

– Тоже надо.

– А как объяснить, что обе одинаковые? Кому сказать: спасибульки?

Скоро это выяснилось – кому сказать: спасибульки!

Это отец Трофимки ночью на кухне говорил ласковые слова несчастной луковице!

– Красавица ты моя! Солнце мое! Ангел!

А если называют «ангел», то нужно крылья выпустить, то есть перья...

Как Трофимка все понял? А пошел ночью по зову природы и вдруг слышит отцовский голос из кухни:

– Умница моя золотая! (и дальше про ангела).

Так вот почему эксперимент не идет! Родной отец вредит!

– Я в науке разочаруюсь! Вот! – завизжал Трофимка.

Он растолкал старшего брата и пожаловался на родителя. Слезы потекли так обильно, словно он лук почистил на плов, помогая маме.

– Утром! – прошептал старший брат и рухнул на подушку.

И утром он сказал отцу:

– Наука требует жертв, папа! Видел по ТВ: блохи в лаборатории за сутки заедают до смерти крысу – зато человек получает знания... как лечиться и все такое!

– Да, – добавил Трофика. – У Милы из «а» класса эксперимент другой – с горохом. Замочила в двух блюдцах и к одному поднесла мобильник... так он быстрее растет...

– Надо же! – вскричал дед. – У нас в деревне лошади только от мата быстрее шли.

– Я про излучение от мобильника – это неоднозначно для человека...

Кстати, вскоре Мила устроила клевую презу. Сразу для трех классов! Получила зачет. А Трофимка не получил – обе луковицы выросли одинаково. Эксперимент провалился!

Про папин поступок он не стал никому рассказывать. Потому что в это время бабушке из фейсбука написали вопрос: «А как цветы, с которыми разговаривал ваш внук? Помогли им ласковые слова?»

Бабушка долго ходила счастливая: луковицы превратились в цветы! И у Трофимки созрел план. И сделал он вот что: нервно попросил разрешения взять на улице котенка – конечно, заранее его нашел и держал под рубашкой.

– Ухаживать буду за ним, а то ваша наука меня сделала злым...

– Хорошо, – сказала мама.

А бабушка дернула плечом – это означало, что ее нельзя обмануть. Она знала: внук снова потянул мир на себя. А в этот раз удачно.

Он назвал котенка: «Гугл». Младший брат думал, что – «Угол». В конце концов все стали его звать «Уголь», потому что был он черный...

На этом бы можно закончить. Но нельзя.

Заболел папа. У него что-то с щитовидкой. И стал он всех обзывать: маму особенно. Мама ходила заплаканная. Трофимка спросил у деда:

– Почему папа луковицу пожалел, а родную жену не жалеет.
– Скоро он сделает операцию, и снова все будет в порядке.

Да, операция помогла: папа стал прежним – спокойным. Но зато Трофимка стал очень-очень неспокоен. Он никак не может научиться поднимать одну бровь. Все в классе уже умеют, но ему трудно... Целыми часами он тренируется перед зеркалом. А вы что думаете – это легко? Нет, это не легко. Попробуйте сами.

22 ноября 2016

КЛЮЧИ

Заводчик хорьков Матвей Мельников в сорок один год утратил интерес к своему делу, потерял покой и сон – победила депрессия... И вот уже его током бьет от раковины, от струи воды – все советуют заземляться. Покупал массажер бабушке – хотел опереться о металлическую стойку, но отдернул руку (молния извилистым червем проскочила между ним и металлом!).

И все-таки оставались эмоции, не доеденные чушкой жизни: забота о родных. В воскресенье увез сына Мишу в «Аистенок» (частный клуб по гимнастике), дочку Кристину – к своим родителям, взял у них ключи от бабушкиного подъезда и двери и поехал.

Она плохо слышала в свои девяносто, но не любила носить слуховой аппарат, а в остальном полный порядок: жила все еще одна (продукты и уборка – на соцработнице), приглашала соседок на чашку кофе и помнила, как боялась паровоза, когда бежали из колхоза после смерти Сталина (ее перевезли на телеге).

У ее подъезда стояли и словно стреляли в жизнь два траурных венка. Неужели?! Он через ступеньку рванул на пятый этаж, кого-то переубеждая:

– У нее же никогда ничего не болело!

Да, это правда – не болело! Лишь неделю назад спина заныла после того, как она за день связала крючком три коврика. А так все по-прежнему – два раза в день выходила гулять – два раза на пятый этаж! С правнуком Мишей перекидывалась парой фраз по-немецки, хотя последний урок немецкого взяла в 1941 году, а потом школу отдали под раненых... И вообще – в ее роду все умирали под сотню лет, и никакого альца (альцгеймера)...

На втором этаже слышались женские рыдания, но крышка гроба стояла на четвертом. Так что с бабушкой все в порядке. Про смерть эту не скажу, решил он. Однако она уже знала:

– Сергеич был много моложе. На радио служил. Про меня передачу сделал, когда я хор дворовый собрала. А как примет сто грамм – матерился: козолюбы да козолюбы! Утром в выходные сидит на лавочке с бутылкой кефира у лба... Я спрашиваю: «Чай? Кофе?» «Самогон», – отвечает. «Будьте так сказочно добры: налейте сто грамм». Мой самогон называл: «черное солнце»... я же до нынешнего лета не видела черного солнца.

– Да, все мы увидели... ураган здесь ничего не тронул? Свет горит в подъезде.

– Я позавтракала, да. Кофе хочешь?

– Я про ураган, – громко и медленно повторил он. – Мимо прошел?

– Какой там! Спасюки сделали свет. А с той стороны дома окна повыщелкнуло! Да, была у меня Альфиюша – ездила она вчера на кладбище... там на могилу Вити ветка упала – хабазина огромная! Нутрянкой чувствую: плохо ему от этого...Ты поезжай – убери.

Крутой чел у нас ба: спасюки! Он быстро показал, как пользоваться массажером, положил в холодильник пельмени и сыр.

– Сейчас же поезду.

– Подожди, Матюша. Как там правнуки?

– Вчера Миша волка жалел в сказке про Красную Шапочку – плакал... Мишульчик у нас гуманист.

Бабушка не слышала.

– А жена как?

– По-прежнему: считает, сколько седых волос выдернула... пять-шесть, о боже! Семь!

Она и этого как будто не расслышала.

– Какой ты у нас – кольцо с камнем и все такое! – перекрестила его и прочла – как обычно – мо-

литву на дорогу: – Благослови, Царица небесная, Матвея – буди ему Мати преблагая, необоримая стена и крепкое заступление! Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

После ухода внука долго бормотала:

– Каких людей наваляли: волосы подсчитывают. Ну что такое... Говорил же наш Сергеич: любовь – это горькое волшебство... знали мы все про его горькое со второго этажа, жена Люция знала тоже – Люция-революция – так мы ее звали... какие крики бывали... А Сергеич ей: «Бельчонок, бельчонок!» Царствие ему небесное!

Матвей в это время уже подъезжал к кладбищу. В первую очередь он очистил от мусора могилу своего тренера по боксу Валерия Иваныча – тот спас Матюшу, когда он тонул. Волос на голове как раз не было, так Вальваныч схватил его за ноздри – обе порвал! Но спас!

Прошел к деду и сел на скамью передохнуть:

– Здравствуй, дед! Пришел я наконец... плоховато мне нынче... понял – пока жив, все хорошо.

Матвей уже замечал, что дед разговаривает с ним без слов – ответы сами появлялись во лбу.

Он довольно быстро собрал ветки тополя и выкинул их за ограду. Попрощался с дедом и пошел к машине. А ключей-то и нет! Ну что такое! Куда они делись? Он вернулся и сел на скамью:

– Ну что, дед, хочешь еще поговорить со мной? Не отпускаешь меня? Ну, хорошо – давай разговаривать. Что у нас нового: тетя Маниш уехала во Влад. Во Владивосток. К сыну.

Дед ответил: это нормально.

– Бабушка Поля в порядке. Я сейчас у нее был. А моя бабушка вторая не очень... спрашивает, кем я у нее работаю. Называет Петей.

– Ясно.

– Ленусик вышла замуж. Боре поставили памятник – он больше не снится маме.

– Молодцы. Кто дал денег?

– Я дал. У тети Лиды в голове тараканы появились – откормленные!

– Это какие? – спросил дед.

– Рыжего кота перса она постригла, как льва – пушистыми остались только грива и хвост...

– Ладно, пусть, – сказал дед.

– Да, хорошая новость есть! У кузины Аллы муж все-таки заказал анализ ДНК сына... и оказалось, что он не отец... так он не уходит из семьи – любит их.

– Не верю.

– И правильно. Скорее всего, общая фирма держит их... но все равно хорошо.

– Да, так.

– Ну я поеду? Мне пора, дед.

– Ты о главном скажи.

– Зачем тебя расстраивать...

– Давай говори.

– В общем... моя жена сказала... нет, я не буду!

– Будешь.

– Она говорит: убей своих родителей, а бабушка, мол, сама скоро умрет...

– Повтори.

– Убить моих родителей: твою дочь – мою маму, твоего зятя – папу моего.

– Кира-Кира! Ей квартиры нужны? Деньги!

– Дед, я не знаю, как быть... в психбольнице страшно – я узнавал, там... не важно, ведь в тюрьме еще страшнее... она родила мне двух... хотя я на всякий случай уже записал на мобильник ее слова.

– Значит, знаешь, как поступить.

– Родители говорили про Киру: девушка с роковой подводкой глаз – поберегись! А я думал: вот люди-животные, не поняли...

– Жизняка все прояснила? И какого же пса ты тянешь?

– Тяну вот. Ночи не сплю.

– Вы все в опасности.

– Понял. Я понял, дед.

И Матвей поцеловал фотографию деда – она пожелтела, но все еще мужчина на ней был как Ален Делон! Дед такой и был: с ним встать рядом было нельзя – затмевал все вокруг на сто метров.

Что же делать без ключей? Кому сейчас звонить? Он смотрел под ноги и вдруг увидел свои ключи. Они лежали на самом виду.

21 декабря 2016

Михаил БАРУ

ЕДОКИ ТРАВЫ

Ардатов

Скорые и курьерские поезда проходили станцию Арбатов без остановки, с ходу принимая жезлы и сбрасывая спешную почту.
И. Ильф и Е. Петров

Обычный человек, если ему сказать, что есть на свете такой городок, а вернее, поселок городского типа, с названием Ардатов, скорее всего, покивает головой и скажет: «Как же, как же, знаем». И улыбнется, вспомнив роман Ильфа и Петрова. На самом деле он вспомнит Арбатов, а не Ардатов. Про Ардатов, если как следует поискать, в нашей русской классической литературе тоже можно найти несколько слов, и я их даже нашел у Мельникова-Печерского, который проезжал через город в середине позапрошлого века. «Три церкви, семь каменных домов, тротуарные столбики да две-три будки с заржавевшими алебардами у дверей напоминали, что это не простая деревня. Грязь, дома, крытые соломой, заросшие травой улицы и площадки, огромные лужи, в которых стаями полоскались утки, как грозные оппоненты силились доказать всю негодность этого города, и, признаюсь, доказательства этих господ имели свои причины и были сильны. Словом сказать, Ардатов – город, каких на матушке святой Руси довольное количество...». Ну, какой, спрашивается, из этого может быть эпиграф к рассказу об Ардатове? Такое даже на эпитафию не станешь брать. Подумал я, подумал и взял эпиграф из «Золотого теленка». Пусть и не содержит он дифирамбов, но и ругательным его не назовешь. Кабы я, читатель, тебе не рассказал, что одна буква в названии города изменена – ты бы и не заметил. А уж про то, что в Ардатове нет никакой железнодорожной станции и никогда не проходили через нее ни скорые, ни курьерские, ни обычные поезда... На этом месте я, пожалуй, предисловие закончу.

Когда рассказывают о таких городках, как Ардатов, то обычно начинают с фразы «его прошлое уходит своими корнями...». Еще как уходит. Глубоко-глубоко. Ардатов, если на него смотреть, как на растение, напоминает одуванчик – с виду маленький и беззащитный, а как начнешь выкапывать, то и окажется, что корень у него о-го-го! Вообще это сходство маленьких российских провинциальных городков с сорняками, которые все время норовят выполоть, полить какими-нибудь ядохимикатами, срезать листья, а они при этом все равно живут и не умирают...

Коротко говоря, начало истории Ардатова не разглядеть в самый сильный телескоп – так далеко отстоит оно от нашего времени. Кто только не жил в этих дремучих лесах между Муромом и Арзамасом. Сначала были кочевники без всякого названия. Потом пришли кочевники под названием поволжские финны. Эти последние мало-помалу превратились в угро-финнов, которые, в свою очередь, стали разделяться на племена муромы, мещеры, марийцев, чуди, меря и мордвы. Мордва, неисчерпаемая, как атом, стала делиться на племена эрзи, мокши, буртасов и терюхан. Этим уже некуда было делиться, кроме как на отдельных людей, и они стали размножаться, попутно занимаясь при этом охотой и собирательством. Охотились на медведей, которых в те времена здесь было больше, чем людей, били куницу, белку и бобра. Русских здесь не было до девятого века. Потом они стали понемногу приходить. Вернее сказать, прибегать, поскольку были они беглыми крестьянами. Жили мирно. Русские научили мордву сеять хлеб, выращивать скот и разводить пчел в дуплах деревьев. Разведение пчел в дуплах называлось бортничеством (от слова «борть», которое, собственно,

и означает дупло), и было это занятие так распространено среди русских, что в писцовых книгах семнадцатого и восемнадцатого века русских отождествляли с бортниками. Когда во второй половине семнадцатого века стали жечь леса, чтобы из золы добывать поташ, первыми пострадали пчелы, и цена меда... он просто пропал. Впрочем, до проблем с медом, как и до основания Ардатова, было еще далеко.

Понемногу русских становилось все больше, и пробирались они на восток все дальше. Завелись в здешних местах русские помещики, которым русский царь жаловал земли за службу. Правда, заниматься земледелием в этих местах было непросто, да и некогда – татары пошаливали. Так пошаливали, что большая часть времени уходила на то, чтобы от них обороняться. Те, кто получал порубежные земли и крестьян, назывались жильцами. Жильцы устраивали наблюдательные пункты, засеки, беспрестанно ходили дозорами и спали стоя в кольчугах или сидя в стременах. О чем бы их не спрашивали – всегда отвечали «стой, кто идет» или, если переспросить, «стой, стрелять буду».

Три раза проходил Иван Грозный своим войском мимо того места, где должен был возникнуть Ардатов, в сторону Казани. На третий раз, как гласит легенда об основании Ардатова, он, чтобы не сбиться с пути, решил взять себе провожатых. Вызвались показать ему дорогу через дремучие леса три мордвина, три брата – Ардатка, Кужендей и Торша. Проводили и вернулись, осыпанные царскими милостями, на берега речки Леметь. Ардатка поселился на том месте, где возник Ардатов, а братья его на месте будущего села Кужендеево, что находится в нескольких километрах от Ардатова. Вообще, если собрать все легенды, связанные с проходом войск русского царя по тем местам, то получится, что провожал его каждый третий, если не второй. Уж очень Иван Грозный плохо знал дорогу на Казань, хоть и шел туда в третий раз. Был еще крестьянин Калейка, проведший войско Грозного через выксунский лес и получивший за это несколько сот десятин земли и в придачу лес, по которому он так удачно всех провел. Об этом Калейке даже сложили народную песню.

Увы, факты легенду об Ардатке не подтверждают. Факты в виде археологических находок говорят о том, что основали Ардатов волжские булгары за триста лет до третьего казанского похода Грозного. Они оказались на берегах Лемети в середине тринадцатого века после разгрома монголо-татарами Волжской Булгарии. В те времена проходил по территории будущего Ардатовского района Великий шелковый путь. Татары оттеснили от него булгар, и пришлось им селиться вдоль других, менее оживленных дорог. К началу пятнадцатого века начались сложности и у татар. В связи с распрями в Золотой Орде татарский мурза Бахмет Усейн выделился из Большой Орды и основал таборный татарский поселок и таможенный пункт на месте поселения булгар. Несчастным булгарам пришлось еще раз подвинуться. Местное население называло этот татарский форпост Ордатовым. Местное мордовское, угро-финское и булгарское население не любило население поселка. Так не любило, что татарам все время приходилось держать навостренными уши, сабли и лыжи, если бы, конечно, последние у них были.

Скорее всего, как считают краеведы, и название Ардатов не имеет никакого отношения к имени Ардатка, а произошло от слова орда, которое с тринадцатого века никак не изменилось. Как бы там ни было, а в Ардатовском краеведческом музее на стене между первым и вторым этажами висит огромное панно, на котором нарисован и всадник на белом коне, долженствующий изображать Ивана Грозного, и бородатые русские воины, и даже священник. Кстати, о священниках. Какими бы заслугами перед русским царем мордвин не обладал, какую бы опасную службу не нес, а земельный надел он мог получить только после того, как крестился.

На этом панно большими красными цифрами записан год похода Ивана Грозного на Казань, который местные краеведы и предлагают считать годом основания Ардатова – при том что в первый раз «Ордатова деревня» упоминается в Арзамасских поместных актах в 1578 году, при том что поселение волжских булгар, середина тринадцатого века, таборный татарский поселок, мирза Бахмет Усейн, таможенный пункт... В конце концов дата казанского похода ничем не хуже любой другой даты. 1552 год старше 1578 года на двадцать шесть лет, и это совсем не тот случай, когда возраст надо убавлять.

Взятие Казани расширило границы московского государства. Засеки с их вышками, потайными проходами и дозорами отодвинулись на юг и на восток. Грозный раздал мордовские земли боярам, стольникам, татарским мурзам и служивым людям из Свияжска. Русских поселенцев в Ардатовском

крае становилось все больше и больше. К концу первой четверти семнадцатого века русское население уже преобладало над мордовским. Занимались русские, как и прежде, бортничеством. Меда добывали так много, что дети в семьях русских поселенцев представляли собой, как правило, большой слипшийся ком, который только в банные дни и можно было разделить на отдельных мальчиков и девочек. Даже казенные подати вносили медом. И все было хорошо до тех пор, пока не стали добывать в здешних краях поташ...

Впрочем, до поташа еще была Смута. Поначалу ардатовцы вместе с арзамасцами (Ардатовский край входил тогда в состав Арзамасского уезда) «были в измене, от царя Василья отложилися...» и вместе с отрядами других отложившихся уездов осадили Нижний в 1606 году. Дорого им эта измена и осада обошлась – царские воеводы Пушкин и Одадуров в тылу повстанцев пожгли и разграбили большое количество сел – и русских и мордовских. Осаду с Нижнего пришлось снять, а после разгрома, которые учинили им царские войска под селами Ворсма и Павлово, еще и в срочном порядке разбегаться по домам. Зато уже через два года ардатовские дворяне добровольно и с охотой вошли в арзамасское ополчение, сражавшееся вместе с рязанцами против Тушинского вора под Зарайском.

Поташ настал после Смуты. Самым крупным помещиком в Ардатовском крае в царствование Алексея Михайловича был боярин Б.И. Морозов. На двадцати специальных площадках (майданах) жгли лес, добывая поташ. В результате вырубили под корень все дубравы в округе.

К помещикам, которым пожаловал земли Иван Грозный, прибавились помещики, которым пожаловали земли первые Романовы. За две сотни лет после Казанского похода осели здесь Волконские, Гагарины, Оболенские, Шаховские, Голицыны, Одоевские, Толстые, Карамзины... Ардатов же при этом как был деревней... Нет, уже не деревней. В 1610 году построили в нем деревянную церковь Знамения Пресвятой Богородицы и деревня превратилась в село. В 1779 году село по указу Екатерины Великой превратилось в уездный город. В нем завелись мещанство и купечество. Вернее, их завели. Треть ардатовских крестьян записали в купечество, оставшиеся две третьих были записаны в мещане. По этому случаю ардатовских мещан освободили от крепостной зависимости, предусмотрительно оставив им земельные наделы для землепашества и выгона личного скота. Учредили в городе две ярмарки. Предполагалось, что на них будут съезжаться окрестные и не очень окрестные торговцы. Не то чтобы власти надеялись на немедленный расцвет Ардатова, на строительный бум, на дома с колоннами, на нескончаемые обозы с товарами, которые будут приезжать на обе ярмарки, на купцов-миллионеров, в пьяном угаре швыряющих под ноги привезенным по такому случаю из Нижнего цыганкам четвертные билеты, на промышленность... на науки... на изящную словесность, наконец... Нет, таких надежд не было. И хорошо, что не было. За полвека, прошедших со дня основания Ардатова, все вернулось в первобытное, сельское состояние. Купцы разорились до мещан, а мещане вернулись к землепашеству. В статистическом описании Нижегородской губернии за 1827 год Ардатову было уделено лишь несколько строк: «В нем находится жителей мужского пола высших и средних сословий 157 и мещан 668. Он имеет 3 церкви, одно публичное училище, 4 казенных здания и 306 обывательских домов. Жители сего города занимаются мелочною торговлею своих произведений. Кроме каждонедельного, здесь бывает также один и годовой торг». И все. И больше ничего. В соседнем Лукоянове, таком же захолустном, хотя бы случился страшный пожар, упомянутый в «Истории села Горюхина» Пушкиным, а здесь и пожара не было. Одна мелочная торговля своих произведений. Воображаю эти произведения. Если исключить детей, то останутся глиняные горшки, лапти, лошадиные хомуты, деревянные ложки, печные ухваты, подковы, топоры...

В довершение ко всему тому прекрасному, которое не случилось в городе за эти годы, императрица Екатерина Вторая, следуя из Арзамаса в Муром, проехала мимо Ардатова и переменяла лошадей не в городе, а в деревне Быковка, в имении отставного подполковника Быкова, который «устроил на месте остановки триумфальные ворота с аллегорическими картинами, а наверху ворот поставил музыкантов». Между прочим, когда Николай Второй в 1903 году ехал в Саров на открытие мощей преп. Серафима Саровского, он тоже проехал мимо Ардатова, но уже по железной дороге. Впрочем, это было уже после того, как железная дорога прошла мимо Ардатова.

Стоит ли удивляться тому, что Мельников-Печерский, проехавший через Ардатов, написал о нем то, что написал.

Однажды, в самом конце девятнадцатого века, приехал с инспекцией в город нижегородский генерал-губернатор Павел Федорович Унтербергер. Заглянул даже в тюрьму, где осмотрел камеры, поговорил с заключенными и попробовал то, чем их кормили. Вместо того чтобы после обеда, данного городскими властями, сесть в сани и спать под воздействием винных паров до самого Арзамаса, Унтербергер с немецкой дотошностью осмотрел земскую больницу, все помещения, начиная от палат и кончая чердаком, обратил внимание больничной администрации на то, что на белье для больных недостаточно клейм, отличающих их белье от белья заразных больных[1], велел над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке всякую болезнь, когда кто заболел, какого дня и числа, собственноручно придавил каблуком трех тараканов на кухне и замучил пациентов вопросами – отчего от них так сильно пахнет луком.

Может быть, больные были бы и рады долго и душисто отрыгиваться шашлыком, но бедный больничный рацион не позволял им этого сделать. Надо сказать, что не только больным, но и здоровым прокормиться в Ардатове и уезде было сложно. Земля здесь не очень плодородная. Можно, конечно, точить ложки и деревянную посуду на токарных станках, тем более что станки можно было купить недорого в соседней Выксе, можно гнать деготь, ткать грубые посконные холсты, плести рогожи или лапти. Лаптей, кстати, плели здесь столько, что обеспечивали ими не только себя, но крестьян Витебской, Тульской и Воронежской губерний. Все равно жили очень бедно, и приходилось искать работу на стороне. Во второй половине девятнадцатого века отходников было около половины от трудоспособного крестьянского населения. В поисках работы ардатовцы забирались даже на строительство Транссиба и Ленские прииски. Рубили уголь на шахтах Донбасса, работали сельскохозяйственными рабочими на Кубани, нанимались в коробейники и в бурлаки.

Тут еще и Московско-Казанская железная дорога обошла город стороной, пройдя на тридцать километров севернее через село Мухтолово[2]. Словарь Брокгауза и Ефрона был к Ардатову еще более беспощаден, чем Мельников-Печерский: в 1890 году в нем написали, что город не имеет ни промышленного, ни торгового значения, жители занимаются земледелием. Был бы Ардатов человеком – давно бы уже спился или даже удавился, но он не был, а потому продолжал медленно расти и развиваться, хотя и попивал, конечно, при этом. Его рост можно было заметить только в микроскоп, но он был.

Появилась в городе аптека. Первые несколько лет ее работы отпуск лекарств по рецептам в ней производился бесплатно за счет земства, но из-за ограниченных финансовых возможностей последнего пришлось ввести плату для состоятельных лиц. Составили списки местных финансовых и промышленных воротил. Оказалось, что часть ардатовских богачей каким-то образом исхитрилась избежать включения в эти списки, а часть попросту вписала в них своих давно умерших родственников. Тогда доведенное до крайних мер земство нанесло ардатовским богатеям ответный удар и ввело пятикопеечную плату за каждый рецепт. Правду говоря, с лекарствами в ардатовской аптеке дело обстояло худо. Чтобы долго не рассказывать о том, каких лекарств в ней не было, приведу список закупленных аптекой товаров в 1879 году: «Вино очищенное красное — 26 бутылок; хересу 3 бутылки; пива одна бутылка; сельтерской воды 24 бутылки: льняного масла 1/4 фунта; коровьего 1/4 фунта». Кроме того, было приобретено свиное сало, мед, сладкий миндаль, чернослив и, в самом конце списка, упоминаются пиявки и шпанские мухи. Представляю себе завсегдатая ардатовской аптеки, берущего пару бутылок красного, бутылку хересу, кулек сладкого миндаля, чернослив и на весь оставшийся гривенник шпанских мух.

Вместе с аптекой на средства уездного земства и города открылась и народная библиотека-читальня. Земство на его организацию выделило сто рублей, и шестьдесят пять рублей было собрано за счет двух благотворительных спектаклей. Книги для чтения брали в основном зимой и осенью. Читали чаще всего Писемского, Тургенева и Пушкина. Писемский был в два раза популярнее Пушкина. Из иностранной литературы читали Майн Рида, который был популярнее Писемского, Тургенева и Пушкина вместе взятых. Из почти тысячи читателей библиотеки четыреста крестьян, столько же мещан, три десятка учителей, по три с половиной десятка лиц духовного звания и дворян.

Все же не аптека с библиотекой, как бы ни были они популярны среди ардатовцев, определяли повседневную жизнь города. Газета «Волгарь» за шестое февраля 1897 года писала: «Г. Ардатов, Нижег. губ. Местным охотником г. Комаровым на днях убиты три медведя, из которых один весит

более пятнадцати пудов. В последнее время здесь замечается небывалое количество волков; нередки случаи, когда волки стаями разгуливают близ поселений». И эта же газета в этом же году под заголовком «Из путевых заметок скромного зрителя»... Нет, это иначе, как приговором и не назовешь: «Ардатов, едва ли не самый захудалый в губернии, маленький, захолустный, где нет ни общественной жизни, ни общества, в более или менее широком значении слова, где все серо, тускло, бесцветно, где из груди нового приезжего человека, едва лишь он попадет в эти палестины, невольно вырвется тяжелый стон:

– Вот где глухая сторона!

Этот город ничего не ждет, да и ждать ему нечего. Он стоит как будто не у дел, в стороне, и сами обитатели глухой стороны нередко задаются вопросом – зачем и для кого построен сей знаменитый град? Говорили, впрочем, что и в Ардатов откуда-то приведут "ветку" железной дороги – вероятно, когда ее будут строить на луну, но эта "ветка" является для ардатовцев веткой палестины, о которой неизвестно, каких холмов, какой долины украшением она была».

После этакой цитаты должно следовать многокилометровое многоточие, прерываемое частыми междометиями самого унылого свойства, но такой короткий текст, как этот, оно может просто удушить, если случайно вдруг намотается на какой-нибудь абзац, а потому мы, вместо того чтобы ставить многоточия, зададимся вопросом: если на одну чашу весов положить всех этих пятнадцатипудовых медведей, стаи волков и шпанских мух, отсутствие промышленного и торгового значения, а на другую историю Ивана Петровича Южилина, родившегося в середине позапрошлого века в крестьянской семье в одном из сел Ардатовского уезда, окончившего трехклассное училище в Ардатове, принятого на должность бухгалтера в Ардатовскую земскую управу, ставшего со временем ее секретарем и дослужившегося до заместителя председателя, добившегося открытия в Ардатове женской прогимназии и нескольких народных училищ в уезде, основавшего земскую библиотеку, устроившего обучение многих гимназисток за счет земства – что перевесит?

Был в Ардатове и свой поэт серебряного века. И не уездного, между прочим, масштаба. Андрей Владимирович Звенигородский его звали. Это тем более удивительно, поскольку в Ардатове не то что серебряного, но даже и бронзового века не было. Звенигородский родился в Ардатове и довольно долго в нем жил, работая земским начальником. Первая книга его стихов «Белая горячка» вышла в Москве, и сам Блок вместе с самим Брюсовым разругали ее в пух и прах. Вторую книгу стихов «Чуть на крылах», которую Звенигородский издал уже при новой власти, похвалил Мандельштам. Правда, она была рукописной. Правда, Мандельштам любил хвалить кого ни попадя. Новая власть не ответила поэту взаимностью и в двадцать третьем году уволила его из школы, где он преподавал детям историю по Соловьеву, Ключевскому и Карамзину, что было в те времена, мягко говоря, легкомысленно. Звенигородский очень расстроился и даже подумывал о том, чтобы уйти в монастырь, но не ушел, а уехал в тридцатых годах в Москву. Там он с помощью друзей устроился в Пушкинскую комиссию и принимал участие в издании собрания сочинений Льва Толстого. Публиковал свои стихи в разных сборниках. Был у Пастернака на даче в Переделкино. Анна Ахматова написала ему свои стихи в альбом. Дожил до шестьдесят первого года и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Собственно, и... Вот еще что. «Чуть на крылах» теперь у букинистов стоит довольно больших денег.

Кроме поэта серебряного века, был в Ардатове свой крахмальный завод и пять винокуренных. Водки производили на сто тысяч рублей в год. Была даже «Ардатовская». Пили много. Только в уезде было сто тридцать пять питейных домов, не считая разного рода харчевен, кабаков и трактиров. На весь уезд славились ардатовские пряники и мыло. Мыло, выражаясь языком биологов, было эндемиком – его, на протяжении почти ста лет, вплоть до сороковых годов прошлого века, варила в Ардатове всего одна семья Солодовниковых. Куски мыла делали похожими на сырные головки и продавали их на развес, разрезая на куски проволокой. Из-за внешнего сходства ардатовское мыло путали с местным сыром. Да и по вкусу они мало чем отличались. О пряниках можно сказать... Не будем, однако, говорить плохо о пряниках. Их давно уже не существует.

О том, что в столице поменялась власть, ардатовцы узнали от пассажиров поезда Москва – Казань. Вернее, сначала узнали об этом на станции Мухтолово, через которую проходил поезд, а уж потом эту новость привезли на гужевом транспорте в Ардатов. Советская власть пришла и принесла

в город все то, что она приносила и в другие города: беспорядки, экспроприацию экспроприаторов, голод, агитаторов, еще беспорядки, грабежи, сыпной тиф, продразверстку, создание коммун, развал коммун, голод, колхозы, раскулачивание, репрессии и снова голод. Мыло кончилось – вместо него употребляли глину. Жалеть было тоже нельзя.

В двадцать первом году Выкса вместе со своим металлургическим производством и близлежащими территориями добилась самостоятельности и выделилась в самостоятельный уезд. Еще через два года Ардатовский уезд и вовсе расформировали. Все, что от него осталось, расписали по Арзамасскому и Лукояновским уездам. Сам Ардатов в 1925 году был разжалован из города в село – центр Ардатовской волости Арзамасского уезда. Если бы тогда, в двадцать пятом, войско какого-нибудь царя по пути на Москву заплутало бы, проходя мимо Ардатова, в лесу, проводников бы нашлось...

Со всем тем нельзя сказать, что советская власть ничего не делала для ардатовцев. Конечно, оперного театра в Ардатове не построили, но баню отремонтировали. В двадцать первом году впервые в ардатовской истории стали издавать газету «Красный пахарь». Самым решительным образом боролись с самогоноварением. В двадцать пятом волостная милиция поймала почти три сотни самогонщиков. У них отобрали больше сотни самогонных аппаратов и сорок ведер самогона. В двадцать седьмом открыли книжный магазин. В тридцатом году в Ардатове организовали колхоз «Наш ответ кулаку». Через какое-то время его переименовали в колхоз «Имени Ю.М. Кагановича». К тридцать третьему году в колхозах состояло уже две трети хозяйств Ардатовской волости, а через шесть лет, к тридцать девятому, колхозный скот так отощал, что его не принимали на мясозаготовительных пунктах.

Газета «Колхозная правда», пришедшая на смену «Красному пахарю», писала, что в тридцать третьем в Ардатове показали фильм Чапаев, и в этом же году город подключили к всесоюзной радиосети. В августе тридцать четвертого приняли решение о постройке самолета «Ардатовский колхозник». В клубе крахмалотерочного завода проходили партийную чистку секретарь РК ВКП(б) Лучинин, зам. секретаря Овчинников и секретарь РК ВЛКСМ Суслов[3]. В августе тридцать пятого в городе организован сбор летучих мышей для опытов. Живых и мертвых мышей принимали по пять рублей за штуку, и сдавали лаборанту И.И. Косолапову[4]. В тридцать седьмом ардатовским пекарям пришла в голову удивительная мысль запекать в буханку кусок бечевки «для упрощения переноса хлеба и его транспортировки». В мае этого же года в маленьком ардатовском мире, в городской парикмахерской, научились делать шестимесячную химическую завивку. И это было куда лучше, чем то, что делалось в мире большом, несмотря на все его дизель-моторы, перелет вокруг света и Днепровскую гидростанцию.

В тридцать девятом году построили небольшой паточный завод, рассчитанный на 75 т патоки в квартал и кондитерскую мастерскую, которая производила тридцать пять тонн пряников и восемь тон конфет. Если поделить это количество конфет и пряников на количество тогдашних жителей Ардатовской волости, то получится, что в день на одного гражданина, включая беззубых младенцев и таких же беззубых стариков и старух, приходилось по одиннадцать грамм пряников и два с половиной грамма конфет. Если это количество в граммах разделить на средний вес одного пряника и средний вес одной конфеты, то получится, что каждый гражданин мог в день съесть пятую часть пряника и шестую часть конфеты. Не так уж и много пряников было у Советской власти для своих граждан. Кнутов было куда как больше.

В войну маленький, полуголодный Ардатов выходил и выкормил детский дом, эвакуированный сюда из Ленинграда в сорок втором. Больше ста человек. И это при том, что не было никакого водопровода, отопления, машин и лошадей. Был бык, на котором возили воду из речки и дрова из лесу. Женщины и дети возили. Почти все мужчины были на фронте. Из ушедших на фронт семи с лишним тысяч жителей Ардатова и района вернулось меньше половины. После войны ленинградские дети уехали домой, а детский дом проработал до шестьдесят девятого года. И до самого конца своего существования назывался Ленинградским.

После войны, в сорок девятом, крахмальный завод перевыполнил план почти на сорок процентов, артель «Красный Октябрь» всего на восемь, но зато и снизила себестоимость продукции на столько же процентов, а вот артель «Красный кустарь» снизила себестоимость всего на один процент. Мас-

лозавод... Нечего и говорить про маслозавод. Он вместе с промкомбинатом упорно продолжал выпуск некачественной продукции. В ответ на эти происки маслозавода и промкомбината силами актива учреждений культпросвета прочитано почти четыреста лекций, выпущено около семисот стенгазет, тысяча триста боевых листков и восемьсот «молний». Актив не сдался даже тогда, когда выяснилось, что из полутора сотен километров районных дорог всего четырнадцать с твердым покрытием. Была проведена тысяча бесед, около двух тысяч громких читок, сделано несколько сотен докладов к тому моменту, когда выяснилось, что из четырехсот с лишним погонных метров районных мостов пригодна к проезду лишь четверть. В следующем году и вовсе пришлось разобрать за ветхостью мост через реку Леметь и прекратить сообщение с соседним райцентром Кулебаки. Даже агитпоход лыжников и сто шестьдесят концертов и постановок дела не спасли – пришлось строить новый мост.

В пятьдесят третьем отпраздновали четыреста лет со дня рождения Ардатова. Заасфальтировали улицу Ленина и на Октябрьской площади установили памятник ~~мордвину Ардатке~~ ему же. Привели в порядок тротуары, о приведении в порядок которых писал еще Мельников-Печерский, убрали заржавевшие алебарды у будок и постановили решить вопрос об открытии музея.

И решили, но в восемьдесят втором году. Инициатором создания музея был второй секретарь Ардатовского райкома Иван Васильевич Трутов. Не в том смысле, что наложил резолюцию на бумаге о его создании, а в том, что сам создал, сам собирал экспонаты, сам писал рукописную историю Ардатова и сам был первым директором музея.

Музей находится в старом купеческом особняке, которому две сотни лет. В нем прохладно, много света от огромных окон и пахнет помидорной рассадой, которая растет в ящиках, стоящих на широченных подоконниках. Молодой экскурсовод Саша показал мне чучело волка с оскаленной пастью, рядом с которым любят фотографироваться школьники, приходящие на экскурсии. Рядом с волком торчит из стены деревянный муляж головы лося с настоящими, правда, рогами. На отдельной витрине кольца и браслеты времен волжских булгар. Есть лапти, есть небольшая модель стана для плетения рогож, есть кусок старой рогожи...

Саша приехал в Ардатов по программе привлечения молодых специалистов в богом забытые места, каких, как сказал Мельников-Печерский, на матушке святой Руси довольное количество. Государство дало ему денег на дом и машину, на которой он вечерами уезжает в Арзамас, к друзьям. Не выть же ему волком от одиночества здесь, в Ардатове. Жениться, конечно, хорошо бы, но при зарплате в двенадцать тысяч... Он бы и рад подработать в школе, но школы укрупняют, сокращая при этом учителей. В книжном магазине, куда меня привел Саша за краеведческой литературой, я спросил у продавца – за что он любит Ардатов? За что его можно не любить, пытаться уехать в Нижний, в Москву, в Арзамас, к черту на рога, я уже понял, а вот наоборот?

Продавец книжного магазина в своем похвальном слове Ардатову отметил, что, во-первых, он свой Ардатов не променяет ни на какие города на свете, во-вторых, никогда, в-третьих, в последние десять лет стали наконец-то асфальтировать улицы, в-четвертых, незаасфальтированные улицы, как он выразился, «защебенили», привели в порядок парк, в-пятых, работа в городе есть. Достаточно заглянуть на страницу объявлений местной газеты «Наша жизнь»[5]. В-шестых... тут он замялся и сказал, что сын у него безработный учитель биологии, которого сократили в результате слияния и укрупнения ардатовских школ, но идти грузчиком в продуктовый магазин по объявлению он не хочет, а упорно хочет преподавать биологию детям. Вот если бы сын имел профессию токаря, каким он сам когда-то был, то мог бы устроиться на местный завод «Сапфир»[6]. Правда, там надо всю жизнь пропахать, чтобы к пенсии иметь тысяч тридцать, что для Ардатова прекрасная, конечно, зарплата, но молодой токарь, особенно если ученик, получает тысяч пять или шесть и потому только и думает о том, как оттуда уехать в Нижний или еще куда подальше. В-седьмых, у него есть семья знакомых фотографов в Москве. Они хоть и члены московского или даже всемирного фотографического союза, а все равно ждут не дождутся пенсии, чтобы вернуться к себе в Ардатов, потому что в Москве, как известно, жизни нет. Одно плохо – раньше был в Ардатове народный театр, а теперь кончился, потому как режиссера сманили в Москву и он теперь там выступает в сериалах. Впрочем, не он, а она. И то сказать – отчего не выступить, если все, что нужно для выступления, при ней... Но это уже в-восьмых и даже в половине девятых.

Пожилая уборщица в музее, к которой я приступил с таким же вопросом, задумалась на мгновение, поправила платок на голове, улыбнулась и сказала:

– Все мне здесь хорошо.

Я ее потом замучил вопросами – спрашивал про работу, про детей, про будущее, но она твердо стояла на своем[7].

---

[1] Главного врача генерал-губернатор этими клеймами довел чуть не до истерики. После отъезда Унтербергера он в два дня заклеймил всю больницу, включая сторожа Михеича. Впрочем, сторожа за пьянство на рабочем месте он клеймил вербально и даже физически.

[2] Надо сказать, что руководители Общества Московско-Казанской железной дороги в 1892 году предложили Ардатовскому уездному земскому собранию проложить железную дорогу Ардатов – Кулебаки. При этом земство должно было гарантировать капитал на постройку этого участка в сумме триста шестьдесят тысяч рублей с выплатой пяти процентов в год. Земство отказалось. С тех самых пор и до сегодняшнего дня предложений не поступало.

[3] И подумать страшно о том, как их там накрахмалили.

[4] Лаборант Косолапов, начитавшись в районной библиотеке последних номеров «Ардатовского вестника эволюционной биологии и физиологии», решил выделять из несчастных мышей орган, который заведует у них эхолокацией. Набравши этих микроскопических желёз достаточное количество, безжалостный вивисектор предполагал их высушить, истолочь в порошок, приготовить спиртовую настойку и принимать ее несколько недель или даже месяцев, по истечении которых он надеялся стать первым в мире человеком-эхолокатором. В дальнейшем он планировал использовать свое изобретение в авиации – при подготовке полярных летчиков, работающих в условиях полярной ночи, а также военных летчиков, летающих по ночам. Он даже написал письмо начальнику Главсевморпути О.Ю. Шмидту с просьбой выделить ему для экспериментов несколько бочек медицинского спирта, но тот помогать ему не захотел, поскольку как раз готовился к очередной экспедиции на ледокольном пароходе «Седов» и у него каждая капля была на счету.

[5] Я не поленился и заглянул в газету «Наша жизнь». Так теперь называется ардатовская «Колхозная правда». Требовались грузчики в магазин «Теремок», рабочий на пилораму, сварщик, заведующий в ресторан «Юбилейный» и продавцы в Нижний Новгород. Скучная, надо сказать, газета. Среди статей о месячнике по благоустройству, об актуальности патриотизма и объявлений о продаже квартир мне запомнилось стихотворное поздравление зятю, подписанное «тесть, теща и свояченица» (орфография подлинника), и небольшая заметка под названием «Творчество против коррупции». В ней рассказывается об участии работ ардатовских школьников в конкурсе «Творчество против коррупции», объявленном Нижегородским Законодательным собранием. Долго я думал над тем, что могут собой представлять такие работы... Ничего не придумал.

[6] Завод «Сапфир», филиал одного из военных московских заводов, был построен в Ардатове хлопотами уроженца Ардатовского уезда Сергея Степановича Маряхина, генерала армии, заместителя министра обороны и начальника тыла ВС СССР в конце шестидесятых годов. Поначалу завод делал авиационные тепловизоры и какие-то фоторезисторы для ракетного комплекса «Игла», а с начала девяностых полностью перешел на инструменты для стоматологии. Знайте, если вам сверлят зуб бормашиной – скорее всего, это бормашина ардатовского завода «Сапфир». В Ардатове есть еще небольшой фанерный завод, но вряд ли вам придется воспользоваться его продукцией – вся ардатовская фанера расходится между местными жителями. Конечно, пролететь над Парижем на ней не удастся, но над маленьким Ардатовым, над тихой речкой Леметь, над Знаменским собором, над старыми купеческими домами, над огородами, над фонтаном* в сквере на центральной площади... Только попробуйте, и вам непременно захочется повторить.

*Фонтан этот имеет долгую и непростую историю. Сначала это был памятник Сталину. Потом его снесли и поставили памятник Ленину. Лучший друг детей простоял на площади до четырнадцатого года. Вы не поверите, но городские власти распорядились убрать Ленина и на его месте устроить фонтан. Правда, Ленина поменьше на всякий случай оставили перед зданием администрации. Конечно, он уже никогда и ни за что, но мало ли...

[7] Очерк мой, конечно, не имеет никакого научного значения, а потому и ссылочного аппарата ему не полагается, но не могу все же не сказать, что при его написании пользовался я разными материалами ардатовских краеведов, а более всего книгой А.В. Базаева «История Ардатова в события и лицах». Пользовался и биографическим словарем справочником «Знаменитые люди Ардатовского края XVI–XXI веков», которым остался недоволен, поскольку авторы записали в него и графа Дмитрия Блудова, и министра внутренних дел при Николае Втором, графа А.А. Закревского, хотя они и бывали в Ардатовском уезде наездами, поскольку имели там поместья. Мало того, они и Марью Игнатьевну Будберг включили в этот список лишь потому, что она была внучкой ардатовского помещика графа Закревского.

Лысково

Признаться, я ехал в Лысково, что в Нижегородской губернии, с некоторой опаской. За две недели до этой поездки я вернулся из Рима, где восемь дней без устали осматривал его достопримечательности. Осматривал, осматривал и, сидя на развалинах античной Остии, вдруг засомневался – а стоило ли много лет тратить все свои отпуска на поездки по российской провинции? Нет ни в Солигаличе, ни в Ардатове, не говоря о Лукоянове или Данилове, ни картин Рафаэля, ни скульптур Бернини, ни античных развалин. И никогда не было. Там не строил соборов Браманте, там не расписывал их Микеланджело. Может, нужно было все эти отпуска и все деньги потратить, как все нормальные люди, на... В конце концов, как Гоголь... Короче говоря, я ехал в Лысково и думал о том, что хорошо бы мироздание подало мне знак. Какой угодно знак, что не зря... а оно не подавало. В многокилометровой пробке возле Нижнего не подавало. В самом Лысково, где полтора года никак не могут починить очистные сооружения и иногда, когда подует ветер... подавало, но не тот, которого я от него ждал.

В местный краеведческий музей я пришел практически в состоянии не надеюсь, не зову, не плачу. По привычке включил диктофон и стал слушать директора музея. Директор, Елена Глебовна Пирогова, рассказывала прекрасно. По ней было видно, что знает она раз в десять больше, чем рассказывает, но... Я уже с закрытыми глазами могу по любому провинциальному краеведческому музею водить экскурсии – вот бивень мамонта, вот наконечники стрел, вот каменные топоры, вот шумящие подвески, вот бесшумные, вот меря, вот мордва, вот славяне, вот татары, вот снова татары, вот поляки, вот план города, утвержденный Екатериной Второй, вот позеленевший от времени кусок мыла местного мыловаренного завода, вот под потолком висит большая, вытянутая в длину, картина маслом – панорама села Лысково в восемнадцатом веке. Картина как картина – красивое село, девять храмов, стоящих довольно далеко от берега реки Сундовик и, в нарушение всяких законов перспективы, отражающихся в воде, вот двухэтажные здания присутственных мест, вот многочисленные домики обывателей, вот купеческие дома побогаче... и тут Елена Глебовна говорит:

– Посмотрите в левый верхний угол картины. Видите там пятиэтажное красно-коричневое здание?

Я присмотрелся и увидел. Действительно – пятиэтажное. Откуда в Лысково в восемнадцатом веке пятиэтажное здание? Тогда выше двух этажей и не строил никто. Тем более в селах. Оказалось, что картину в семидесятых годах прошлого века писал местный художник Виктор Константинович Фадеев. Собственно, даже и не писал заново, а снимал копию с оригинала начала прошлого века, который висел в одном из местных храмов. Куда делся оригинал, долго рассказывать, а вот это пятиэтажное здание – не больше и не меньше, как райком партии. Фадеев был активным то ли комсомольцем, то ли молодым коммунистом, то ли просто любил рисовать красно-коричневые пятиэтажные здания[1] – райком партии он вписал в панораму исключительно по собственной инициативе. Никто ему никаких руководящих указаний не давал. Когда же его спросили, какого... он это сделал, то Фадеев ответил, что хотел навечно... Впрочем, может, его и не спрашивал никто. Только покивали сочувственно головами и покрутили пальцем... или не покрутили, поскольку знали его с детства.

Тут я понял, что мироздание знак мне подало, и пора слушать не только диктофоном, но и обоими ушами.

Вернемся, однако, в самое начало истории Лыскова, когда еще никакого города и в помине не было, а были лишь кабаны, лоси, туры, медведи, волки и пчелы в больших количествах. Населяла эти места мордва, которая конкурировала с медведями по части отбора меда у диких пчел.

В самом первом зале местного краеведческого музея, по традиции посвященного природе здешних мест, стоит целых три медвежьих чучела – Михайло Иванович, Настасья Петровна и Мишутка. Чучелам этим сто лет. Каждому. Может, и больше, поскольку были они уже в первом лысковском музее, созданном в девятьсот шестнадцатом году, а привезли их из имения князя Грузинского, о котором речь еще впереди. Жизнь чучела сильно потрепала. Медвежонку где-то так испортили нос и все, что вокруг носа, что стоит он теперь, уткнувшись в колени медведицы, которая в лапах держит стеклянный ящик для сбора пожертвований. Когтей на передних лапах нет ни у одного из трех – неугомонные детские посетители музея, которым хоть кол на голове теши, повытаскивали все. Зубы у медвежьего отца семейства вставные – от другого медведя. У чучел волков все зубы свои и вид они

имеют такой свирепый, что даже дети, которые не боятся ничего и норовят потрогать все, что трогается, не посмели их тронуть.

На одной из стен зала висит огромная голова зубра. Их к сегодняшнему дню истребили всех, но теперь стали понемногу привозить из заповедников и расселять. В Лысковском районе семь зубров, но все они в частных владениях в заволжской части района. Немаленькие, должно быть, там частные владения, если в них расселяют зубров. Что же до медведей, то их истребить, к счастью, не смогли – они водятся во всех частях района и расселяются, где считают нужным. В десятом году, когда горели леса, через реку из Заволжья в сторону Лысково переплыло девять медведиц с медвежатами. Так они в окрестных лесах и остались жить-поживать да грибников пугать. Впрочем, местных охотников не испугаешь. Они на медведя ходить привыкли. Несколько лет назад принесли охотники в город трех медвежат, которых нашли возле убитой не ими медведицы. Медвежат разобрали по семьям. Само собой, никто и предположить не мог, что забавные медвежата вырастают и превращаются во взрослых медведей. Медвежонок Люся жил в доме рядом с музеем. Сначала его водили на веревочке по городу, а потом сделали клетку. Родители приводили к Люсе детей. Посмотреть. Сами. Никто их не принуждал. Когда подросший медвежонок ревел, бабки, сидевшие на скамеечке у соседнего дома, делали знающие лица и сообщали прохожим, что «Люся жрать хочет». Прохожие в одно мгновение становились пробегающими. С превеликим трудом удалось пристроить всех медвежат в более или менее надежные руки. В лес-то его обратно не выпустишь. Кого отдали в цирк, кого в зоопарк. Понятное дело, что в хороший цирк или зоопарк медвежонка без настоящих документов не возьмут, а какие у сироты документы...

Оставим, наконец, медвежат в покое и отправимся в те времена, когда в этих местах появились славяне и стали жить-поживать вместе с мордвой. Жили и поживали они до тех самых пор, пока в этих краях не стали безобразничать золотоордынские татары, которые жили неподалеку и поживали всех, до кого могли дотянуться. Пробовали прятаться от них по лесам, но передвижные амбары с хлебом тогда еще строить не умели, да и домашняя скотина прятаться не умела и не хотела этому учиться.

Пришлось строить укрепленное селение. Подобрали гору покруче у берега реки Сундовик – там, где она впадает в Волгу. Гора называлась Оленьей и высота скатов ее была около сорока метров. Она и сейчас такая же высокая и также называется. Теперь, правда, на ней никто не живет[2], но когда жили, то беспрестанно от кого-нибудь оборонялись.

Первое упоминание Лысково, однако, связано не с ордынским набегом. В четыреста одиннадцатом году у Оленьей горы русские войска сошлись с русскими войсками и постарались друг друга истребить. Одни русские войска были москвичами, а другие нижегородцами. Москвичи затворились в Лысково и оборонялись, а нижегородцы с помощью булгар начинали и выигрывали. Немногим москвичам удалось прорваться сквозь боевые порядки нижегородцев и бежать. Нижегородцы на радостях Лысково сожгли и разграбили. Время тогда было такое – все воевали против всех. Даже медведи остерегались вмешиваться в эти бесконечные разборки.

Как бы там ни было, а тысяча четыреста одиннадцатый год считается годом основания Лысково. Правда, некоторые краеведы утверждают, что можно этим годом считать и 1367 год, когда селение на Оленьей горе сгорело, поскольку его сжег ордынский хан Булат-Темир. В летописи нет указаний, что он сжег именно Лысково, у которого, скорее всего, тогда и названия не было, а только записано «пограби уезд весь даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы», но так как Оленья гора находится аккурат у реки Сундовик, а... теперь сюрприз. Археологи утверждают, что на Оленьей горе еще в двенадцатом веке существовала крепость волжских булгар, которая называлась Сундовит. Булгары пришли сюда еще в шестом веке. С археологами попробуй поспорь. У них радиоуглеродный анализ, а по его данным и вовсе выходит, что городище было здесь уже в четвертом веке нашей эры.

Москва, понятное дело, не успокоилась. Построили настоящую крепость с насыпными валами, деревянными стенами и десятком двухъярусных башен. Проезжие башни были высотой до тринадцати метров, а непроезжие до десяти. Был и ров с водой, на дне которого был частокол заостренных бревен, был и подъемный мост, и тайный ход к колодцу под стенами крепости. Общий периметр крепости был равен периметру Нижегородского кремля. В крепости был постоянный военный гарнизон.

Шестнадцатый век прошел в непрестанной борьбе с казанцами. Зимой 1536 года к Лысковской крепости, в которой укрылись местные жители, подступили татары, преследуемые полками нижегородцев и муромцев. Подступили, но взять не решились и ушли.

Это был, можно сказать, звездный час крепости. После взятия Казани она свое военное значение утратила. В ней останавливался Иван Грозный на обратном пути из покоренной Казани в Москву и приказал все пришедшее в негодность отремонтировать и привести в порядок. Через сто лет после его приказа мы находим крепость в полном упадке. Гарнизона уже не было, колодец был занесен песком, и воды в нем нельзя было найти. Вал и частокол местами обвалились. В крепости на Оленьей горе никто не жил. Жили все неподалеку – у подножия Лысой горы. Потому и селение называлось Лысково, а не Оленье. Так утверждают одни краеведы, а другие говорят, что в незапамятные времена прошелся тут татарский хан Лыско, который селение захватил, и в память об этом хане... Хорошо еще, что нет третьих. Между прочим, с вершины Лысой гор открывается прекрасный вид на Макарьевский монастырь, основанный преподобным Макарием Желтоводским на другом берегу Волги в первой половине пятнадцатого века.

В семнадцатом веке жители Лысково все же пытались восстановить крепость на Оленьей горе. По приказу боярина Бориса Ивановича Морозова, тогдашнего их владельца, они осмотрели развалины и увидели, что бревна в основании крепостных стен во многих местах сгнили, что сами стены повалились, что источник воды засыпан песком, что восстанавливать все это сложно, и будет ли от этого толк, еще неизвестно. Письмо с описанием осмотра морозовские приказчики отправили в Москву, а лысковчане стали таскать бревна для ремонта. Если бы не письмо Морозова, в котором он не велел восстанавливать крепость, то... восстановили бы.

Тут надобно сказать несколько слов о Морозове, который был не столько маркизом Карабасом, сколько Карабасом-Барабасом здешних мест. Как и Карабас-Барабас, который был ближайшим другом Тарабарского короля, Борис Иванович был ближайшим другом царя Алексея Михайловича. Царь пожаловал ему земли в районе Арзамаса. Земель было столько... и еще полстолька. Достались Морозову Лысково, Большое Мурашкино и еще три сотни приселков и деревень возле них. Морозов прислал в Лысково своего управляющего – окольничего Петра Траханиотова, который мгновенно увеличил крестьянские подати ровно в два раза, приказал строить на реках плотины, рубить мельницы, ставить житницы и везти к боярскому столу в Москву съестные припасы. Жили в те времена в селе Лысково большей частью оброчные бобыли. Бобыли не бобры, и строить плотины им не хотелось. Да и новые подати их разоряли. Стали они жаловаться по команде. Сначала писали Морозову о притеснениях Траханиотова. «Бедные и беспомощные сироты твои государевы, многих из нас твой приказчик изувечил, глаза подбил, инова руку переломил, посылает на работу до света за два часа, а с работы спущает час ночи». Крестьяне написали свою отдельную жалобу: «На боярской пашне мы повсядни, в неделю по шесть ден, и мы по наши грехам оскудели, не поспели посеять во благовремени, и поэтому по попущениям Божиим на наших крестьянских нивках кругом недород, рожь погибла травою, пить есть нечего и едим траву». Обе этих челобитных не возымели действия. (Да и какое действие можно ожидать от бумаги, которая заранее называется челобитной.) Стали все вместе бить челом доброму царю на злого боярина. ~~Так до сих пор и бьют~~. «И дети наши малые мрут, как мухи, а прежде того были мы, государь, черносошными, и оброки тебе, великому государю, платили исправно, а ныне боярскою хитростью боярина твоего, да корыстью приказных ябед попали мы, государь, в его боярина вотчину, а твоего, государь, указа не давал, а ныне мы в барщине извелись, пропадаем. Смилуйся, государь, пожалей сиротин, от хитрости сильных спаси...». Так и вижу, как эти оброчные бобыли и крестьяне, оторвав от себя последнюю деньгу и заплатив грамотею, пишут письмо царю. Картина-антоним к репинским запорожцам, пишущим письмо турецкому султану. Те, кстати, тоже писали свое письмо в ту же самую эпоху. Потом посылают верного человека с этой челобитной в Москву. Верный человек зашивает его в полу сермяги, берет с собой запас лаптей, краюху ржаного хлеба, несколько луковиц и идет, идет, остерегаясь лихих людей, медведей, волков и властей. А в Москве-то еще исхитрись найти нужного человека, через которого государю бумагу передать можно, да позолоти ему ручку размером с лопату, да... толку все равно никакого не будет.

Со всем тем нельзя сказать, чтобы Лысково при Морозове хирело и зарастало бурьяном. Страсть Бориса Ивановича к наживе подтолкнула его к организации производства поташа, к заведению железоделательных заводов и устройству кузниц. Из Польши были выписаны для этих целей мастера, которые с помощью местных мастеров разворачивают производство изделий из железа. Поташа добывают столько, что экспортируют его даже в Англию.

По писцовой книге 1624 года в Лысково, в котором тогда было 444 двора, проживали чуть более ста ремесленников тридцати двух специальностей, среди которых были плотники, судоплоты, токари, гончары, кожевенники, овчинники, дюжина калашников, один пирожник, один крупенник, один пивовар, шесть сапожников и десять портных. Был еще и скоморох Васька Степанов.

В 1646 году при Морозове количество ремесленных людей в Лысково уже равнялось двум с половиной сотням, и владели они шестью десятками различных специальностей. Появились мясники, количество сапожников увеличилось втрое, портных в полтора раза, и завелось даже восемь шапошников. Было что оброчным бобылям ломать при встрече с господскими приказчиками. Дела шли хорошо. В Лысково к тому времени уже была винокурня, таможня и таможенный голова, к таможенным рукам которого вечно прилипали какие-нибудь деньги. Один из сирот государевых, крестьянин Онтроп Леонтьев по обету на свои средства построил каменную церковь, купил для нее золотые и бархатные ризы, книги в дорогих окладах, а на многоярусную колокольню повесил набор колоколов общим весом в сто пудов. Между нами говоря, Онтроп Леонтьев имел у себя двух «купленных» татар и пятерых «дворовых» русских людей. Иначе говоря, холопов. Так что не все так просто было с этими «едоками травы».

Бурному развитию Лысково способствовала и ярмарка, ежегодно устраивавшаяся под стенами Макарьевского монастыря. Почти все участники ярмарки приезжали в Макарьево через Лысково. Местные жители тут же понастроили у перевоза кабаков, шалашей, харчевен, квасниц, ~~а в них блудниц~~, завели лодки, паромы и стали перевозить на ту сторону купцов и их товары. Не тут-то было. По государеву указу исключительные права на перевоз, кормление и спаивание купцов имел монастырь. Монахи умели жаловаться царю, а лысковчане... умели быстро строить новые кабаки взамен снесенных по царскому приказу. Борьба между ними продолжалась и при сыне Алексея Михайловича – Федоре Алексеевиче. К тому времени не стало и боярина Морозова. Борис Иванович был бездетным и все, что он копил и наживал непосильным трудом своих крестьян, коих было у него до пятидесяти пяти тысяч, отошло после смерти его жены в казну.

И десяти лет не прошло со смерти Морозова, как пришел на Волгу Разин. В сентябре 1670 года лысковчане встречали отряд разинцев под водительством атамана Масима Осипова хлебом-солью, крестным ходом и колокольным звоном. По некоторым данным в Лыскове собралось до пятнадцати тысяч разинцев. В самом селе больших беспорядков не было. Экспроприировали только тех экспроприаторов, у которых было две-три лошади, пять-шесть коров и много земли. Все это, однако, была лишь разминка. Руки чесались у сельчан пограбить Макарьев-Желтоводский монастырь, который был бельмом на глазу лысковской торговли. В начале октября соединенное войско разинцев и лысковчан переправилось через Волгу и предприняло штурм монастыря. Штурм не удался, но монахов он напугал. Через неделю они сами разбежались по окрестным лесам, которые в те времена были раз в пять или даже в семь глуше и дремучее.

Разинская вольница продолжалась в здешних местах недолго. Дворянское ополчение из Арзамаса перебило в сражении у Лысково уже малочисленные разрозненные отряды восставших. Тех, кого не перебили, а взяли в плен живыми, сажали на кол, прибивали к крестам и вешали на крюки за ребра.

К концу семнадцатого века население Лыскова составляет восемь тысяч человек. Это всего лишь в два раза меньше, чем в Нижнем. Профессий у лысковчан прибавилось. Появились медники, пуговичники, замочники, ножевники, оловянишники, муравщики и хомутинники. И все эти профессии освоили в основном оброчные бобыли, количество которых по сравнению с началом века возросло более чем в два раза. Краеведы так и не пришли к единому мнению – почему в Лыскове было так много бобылей. Каким образом они увеличивали свое поголовье.... Клонирования тогда еще и в помине не было, а почкованием только начинали заниматься всерьез, да и то в Европе, а у нас оно дела-

лось как бог на душу положит и зачастую приводило к самым неожиданным результатам. Впрочем, тот факт, что бобыли, вместо того чтобы искать себе жен, осваивали новые профессии, сомнению не подлежит.

Все эти пуговицы, ножики, хомуты, замки и глазурованную глиняную посуду делали в основном не для себя, а для продажи на Макарьевской ярмарке, которая со временем стала всероссийской. Кстати о замках. В Лыскове, начиная с восемнадцатого века, производили балагуровские замки, названные так по фамилии мастера Балагурова, который первым стал их мастерить. Судя по всему, эти замки были вариацией тогдашних шведских замков, только еще хитрее. Директор музея рассказывала мне, что в музее ядерного оружия в Сарове, куда, как известно, нет хода никому, макет нашей первой водородной бомбы закрыт на старинный балагуровский замок. Уж в каком месте он привешен и что закрывает – не знаю, но то, что закрывает, сомневаться не приходится. Дело в том, что Елене Глебовне об этом рассказал сотрудник музея города Павлово на Оке, а там такие мастера замочных дел, которые считают, что лучше Павловских замков... Он и рассказывал-то чуть ли не со слезами на глазах. В самом Лысково такие замки еще остались в семьях местных жителей. Закрывают они этими замками гаражи.

Мастера на все руки, лысковчане освоили и так называемый игольный промысел – стали делать булавки, наперстки, запонки, кольца. Медники делали медные бляхи для конских шлей, отливали колокольчики и бубенцы.

Немецкие туристы, время от времени приезжающие в Лысково, говорили Елене Глебовне, что с удовольствием покупали бы балагуровские замки, кабы... они были, то их не только немецкие туристы покупали бы, отвечала им директор музея. Мечтательные туристы говорили, что покупали бы вместе с этими замками и замечательные лысковские шкатулки, называемые «персидскими». Так их называли потому, что в незапамятные времена делали их на заказ персидскому шаху. Четыре таких шкатулки хранятся в коллекции Эрмитажа. Хранили в них деньги и драгоценности. Шкатулки, покрытые со всех сторон затейливыми узорами, делали с двойным дном, с потайными отделениями, с несколькими замками, которые открыть мог только ее владелец. И это не все – каждый замок открывался со своим звуком и даже с мелодией. Посторонний человек только тронет такую шкатулку в неположенном для трогания месте, а она тотчас же музыкально сигнализирует хозяину о том, что кто-то покушается на его сокровища. ~~Жен таких и тогда не делали и сейчас, если вы об этом подумали.~~ Деньги в таких шкатулках не боялись никаких пожаров. Купцы, продававшие персидские шкатулки, красиво бросали их в костер, а когда он догорал, вытаскивали шкатулку, в которой лежали нисколечко не изменившие цвета купюры. Короче говоря, шкатулок, как и замков, теперь тоже нет. Красиво говоря, искусство их изготовления утрачено.

В 1686 году Лысково снова подарили. На этот раз грузинскому князю Арчилу, сыну картлийского царя Вахтанга Пятого. Арчил с сыновьями приехал в Россию спасаться от иранских и турецких козней. Грузинский царь и его сыновья пришлись ко двору русского царя, и через четырнадцать лет после их приезда Петр Первый подписал жалованную грамоту, которой «...пожаловали подданного нашего царя Арчила Вахтангиевича и сына его Александра Арчиловича Имеретенских... даны им в 1700 году из наших Нижегородского уезда дворцовых волостей: Терюшевская да Белогородская и Лысковская волости с прилежащими к ним селы и деревнями». Всего им было пожаловано шесть сел и одиннадцать деревень. В крошечной русской короне грузинских князей, которую им дал поносить русский царь, село Лысково было самым драгоценным камнем.

Грузинские князья большей частью жили в Москве, а Лысковым управляли через приказчиков. Через тринадцать лет князь Арчил умер, потом умерла его жена Екатерина, потом дочь Дарья и, поскольку у нее не было прямых наследников, в 1722 году Лысково вновь отошло в казну. Все это время его жители продолжали богатеть возле Макарьевской ярмарки. В селе развернулось каменное строительство. Храмы лавки и амбары стали строить из кирпича, производимого на местных кирпичных заводах.

Всего два года Лысково побыло дворцовым селом, и вновь Петр Первый его подарил очередному грузинскому князю. На этот раз внуку брата князя Арчила Вахтангиевича. Бакар Вахтангиевич был грузинским царем, но до самой своей смерти в 1750 году жил в своей подмосковной деревне.

Правда, он часто наезжал и в Лысково. Здесь он даже завел церковь, в которой службу вели грузинские священники, и здесь же принимал многочисленных друзей, приезжавших к нему из Закавказья. Пока он их принимал, жители Лысково занимались все тем же – богатели, занимаясь торговлей при Макарьевской ярмарке. У Бакара было двое сыновей – Александр и Леван. Оба военные, офицеры русской армии. Леван умер в тридцать пять лет, а Александр после смерти отца унаследовал Лысково. И тут его попутал бес. Приехали к нему как-то в Подмосковье грузинские товарищи и предложили при поддержке Персии стать грузинским царем. Только и надо было отложиться от России и пойти под руку персидского шаха. Подумал, подумал Александр, посмотрел на сугробы за окном, на вязанку дров перед голландской печью, на тарелку с остывающими щами, которые он терпеть не мог, и согласился. Быстро собрался и тайно выехал на Кавказ. Не успел, однако, он далеко отъехать, как схватили его ищейки русской императрицы и отправили в Шлиссельбургскую крепость[3]. Наследником Александра стал его старший сын – Георгий Александрович Грузинский, владевший Лысковым до самой смерти в 1852 году.

С его именем связана целая эпоха в истории села. У Александра Бакаровича было от брака с Дарьей Меньшиковой, внучкой Александра Даниловича, пятеро детей. После того как он очутился в крепости, Лысково было передано под надзор опекуну генералу Камынину, но братья Георгий и Александр решили управлять своей вотчиной сами. Недолго думая[4], сбежали они из армии и тайно отправились в Лысково.

Георгий Грузинский имел два дома в Нижнем, несколько имений по всей губернии, но поселиться решил в Лысково, где выстроил себе дворец по проекту самого Растрелли[5]. В Лысково к тому времени проживало шесть тысяч человек, пристани, к которым причаливали торговые суда, тянулись на пять километров, работали винокуренный, пивоваренный и кирпичные заводы, вокруг села по холмам стояло более сотни мельниц. По многолюдству село не уступало иным губернским городам. И вишенкой на торте – ярмарка[6]. Понятное дело, что ярмарка была на другом берегу, но в Лысково купцы хранили на складах нераспроданный товар и привозили туда новый, поскольку монастырский берег был низким и его в половодье сильно подтапливало. На лысковском берегу шла торговля железом, кожей, солью, воском, хлебом[7] и другими товарами, которые из-за их тяжести или по какой-либо другой причине было невыгодно переправлять на другой берег. Часть доходов от этой торговли шла князю Грузинскому.

Братья Грузинские сразу показали свой крутой нрав. В 1789 году, когда только вступили они во владение Лысковым, приехали к ним из Макрьевской уездной управы судебные исполнители – исправник, сотник и канцелярист суда. Приехали описывать за долги часть села. Братья (тогда еще был жив Александр) описывать никого не пустили, а Георгий каждого еще и собственноручно избил. Несчастного канцеляриста бил, ругал последними словами и спрашивал, как смел он сюда приехать. Исправника и вовсе князь потащил на конюшню. Тот упирался, поскольку понимал, что дело пахнет вожжами, а то и розгами. Князь позвал дворовых на помощь... Уж как там было на конюшне, исправник никому не рассказывал, а только той же ночью ползком, задами огородов ушли судебные исполнители. По другой версии, люди князей Грузинских гнали исправника четыре версты от усадьбы до пристани плетками. Так или иначе, больше охотников описывать имущество князей Грузинских не находилось.

Кабы в то время существовало кино[8], то его можно было бы снимать в имении князя Грузинского без всяких репетиций. Однажды он подарил тому самому исправнику, который насилу от него ноги унес, дорогого коня и тут же исправника и высек, потому что тот осмелился в его присутствии дареному коню заглянуть в зубы. Тут уж нижегородский губернатор костьми лег и довел дело до суда и обвинительного приговора. Правда, приговор привести в исполнение не смогли, поскольку князь так подмазал уездных макарьевских чиновников, что те оформили его как покойника. Георгий Александрович устроил себе пышные похороны и три года жил, с позволения сказать, на том свете. Было все это в последние годы царствования Павла Петровича. Как только его сын взошел на престол, князь сам себя воскресил. Александр Первый воскрешенного князя амнистировал.

Георгий Александрович был, как сказал бы Митя Карамазова, широк. Слишком даже широк. И никакие власти не могли его сузить. Князь любил жить на широкую ногу. Во время ярмарки он

держал в своем имении открытый стол для всех. Для тех, кто был ему знаком лично, столы были накрыты во дворце, а для всех остальных в парке. А еще хор, а еще театр, а еще псарни, а еще конюшни... Широкая нога требовала денег. Надо сказать, что князь по части добывания денег был довольно изобретателен. При этом рамки закона он легко раздвигал руками, а если и это не помогало, ломал их, а обломки отбрасывал в сторону.

Привечал он у себя людей беглых и беспаспортных. Часть из них он записывал именами своих умерших крестьян, которые еще значились живыми по последней ревизской сказке. Из этих-то лихих ребят собирал он шайки, снабжал их оружием и отправлял грабить волжские караваны. Украденное добро оставлял грабителям, а себе брал украденные бурлацкие паспорта. Павел Иванович Чичиков по сравнению с ним был сущий ребенок. Однажды губернатор, до которого слухи обо всех этих безобразиях доходили, решил накрыть князя в его имении со всеми его беглыми. Кто-то князя об этом предупредил. Собрал Георгий Александрович несколько десятков человек, что укрывались у него тогда от властей, на мельничной плотине и велел рубить балки. Так и утопил их всех. В 1828 году против князя завели уголовное дело «о проживающих в его имении беспаспортных бродягах» и даже передали это дело в Сенат. Не явился князь в Сенат. Сам граф Бенкендорф писал «Князь Грузинский позволяет себе самовольные и противозаконные поступки. Он не только во множестве содержит беглых, но и записывает их в ревизские ведомости умерших крестьян. В порывах своего буйства он избил своими руками множество крестьян, купцов и даже дворян...» И это уголовное дело ничем не кончилось.

Крестьян у князя было много, но все равно мало. Завел он у себя в имении ящик, в который окрестные крепостные девушки подбрасывали своих незаконных, прижитых от помещиков, детей. Потом он всех этих детишек разом записывал к себе в крепостные в Макарьевском уездном суде. Со всем тем князь двадцать один год был предводителем губернского дворянства. Семь раз его выбирали на эту должность. Во время войны двенадцатого года организовал сбор средств на нижегородское ополчение, был его главой и сам пожертвовал большую сумму денег на вооружение ополченцев. В Лыскове построил школу, больницу и библиотеку. Вложил большие средства в строительство церквей. В центре села[9] в честь победы в Отечественной войне был возведен целый архитектурный ансамбль по проекту Монферрана. В него вошел Георгиевский храм, Вознесенская церковь, колокольный корпус, духовное училище и торговые ряды. Князь жертвовал большие суммы на благотворительность. Ежегодно выплачивал пособия малоимущим и... выпорол исправника. Точно медведь, которого прислали всех к одному знаменателю приводить, а он чижика съел.

С именем Георгия Грузинского связан и перевод Макарьевской ярмарки в Нижний. Нехорошо связан. Дело в том, что купцы уже давно просили власти перенести ее. В Нижний и товар подвозить удобнее, и хранить его там, и никакой князь не станет своевольничать, указывая, как и кому торговать[10]. Понятное дело, что князь Грузинский об этих просьбах знал, и они его обрадовать не могли. Была б его воля – он бы этих купцов в бараний рог свернул, но купцов было слишком много. Слишком велик мог бы получиться бараний рог. Для принятия окончательного решения приехал в Нижний канцлер граф Румянцев. Князь немедля пригласил его в Лысково. Тот приехал и привез с собой двух своих собак-водолазов. Князю эти собаки так приглянулись, что он стал упрашивать Румянцева продать их. Их сиятельство отказали. Тогда другое их сиятельство приказали своим слугам собак выкрасть. Между их сиятельствами произошла крупная ссора. Нет, канцлера Румянцева, упаси Господь, никто и пальцем не тронул, но лошадей для проезда на ярмарку ему во всей округе не дал никто. Князь приказал – и не дали. Из-за двух собак. Государственному канцлеру.

Восемнадцатого августа 1816 года около пяти часов вечера Макарьевская ярмарка неожиданно загорелась с четырех концов и вся в одну ночь сгорела. Может она, конечно, и сама загорелась сразу с четырех концов. Всякое бывает, но все тридцать девять корпусов, а в них тысячи лавок, восемь трактиров и биржа сгорели дотла. Горело так сильно, что в Нижнем, почти за сто верст от Макарьево, можно было всю ночь до рассвета читать книги на улицах. В многовековой борьбе Лысково с Макарьевским монастырем лысковчане, сами того не желая, одержали пиррову победу.

Через год ярмарка уехала в Нижний, а Лысково осталось. Надо было продолжать жить и торговать, но беда одна не приходит. Совершенно некстати для Лысково и его хлебной торговли по-

явились железные дороги, и хлеб, минуя село, повезли к Нижнему и Рыбинску. Мимо поплыли еще и пароходы с зерном. Печальное, должно быть, было зрелище – пароход плывет по Волге, гудит на всю округу, вымпелы на нем развеваются, черный дым из трубы валит... С правого берега на него смотрят печальные и отощавшие монахи из монастыря, а с левого безработные жители села Лысково. Уездный город Макарьев и раньше-то был не бог весть каким городом, а теперь и вовсе захирел. Несмотря на все эти обстоятельства никто из местных жителей пахать землю, разводить огороды и выращивать лук с капустой не стал. Как занимались ремеслом – так и продолжали им заниматься. Тут можно с цифрами в руках долго рассказывать о том, как выросло количество кузниц, слесарных, горшечных, башмачных, прядильных и рядильных мастерских, вычислять количество холстин, горшков, башмаков и подков, приходившихся на каждого жителя села, но это все скучные материи[11]. На дворе уже была вторая половина девятнадцатого века[12], и в Лыскове появились крупные промышленные предприятия.

Самыми крупными исстари были винокуренные. Еще в 1661 году лысковские винокурни поставили в Казань шесть тысяч ведер вина. Через двести лет в Лыскове работали и солодовенные и пивоваренные заводы. Более всех был известен пивоваренный завод купца первой гильдии Федора Яковлевича Ермолаева. Основали завод еще в 1860 году. Поначалу это было объединение мелких производителей и называлось акцизным комиссионерством, которое через два года прибрал к рукам каширский купец Зазыкин. Еще через год завод перешел в собственность к дочери князя Грузинского – графине Анне Георгиевне Толстой. У нее, спустя небольшое время, завод арендовал и выкупил Федор Ермолаев, а уж после его смерти заводом стали управлять три его сына. Так умело они управляли заводом, таких пивоваров выписали из Европы, что лысковское пиво на выставке девятьсот третьего года в Лондоне было удостоено Гран-при. В Лондоне, а не в Нижнем Новгороде. Кстати сказать, на выставке в Нижнем лысковскому пиву дали лишь серебряную медаль. В 1882 году начали строить каменные корпуса и к началу двадцатого века их построили. В гражданскую завод разграбили, но уже в двадцать втором году стали восстанавливать. В войну на заводе варили варенье, мололи желуди, квасили капусту, сушили сухари, грибы, картошку и лук для нужд фронта. После войны снова стали варить пиво. В девяностые... Тут, как водится, надо вздохнуть и признаться читателю, что корпуса те в развалинах, а того пива... Того, конечно, нет, но есть новое. Корпусам ничего не сделалось – так и стоят. То есть корпуса стоят, а жизнь в них не стоит на месте. При заводе магазин под названием «Макарий», а в нем и пиво нескольких сортов, и три сорта кваса, и газированные напитки. Пиво, надо сказать, отменное. Особенно темное бархатное. К такому хорошо раков или стерлядок копченых. Раков вам продадут там же, в магазине, а вот за стерлядками придется пойти на местный рынок, найти рыбный павильон, неосторожно наступить на хвост коту, который там дежурит сутки через двое, и после того, как он перестанет орать, посмотреть с тоской на лежащего на прилавке одинокого копченого леща и спросить... Впрочем, ничего и спрашивать не надо. Вас поймут без слов и в тот же момент предложат копченых стерлядок, которые возникнут в руках продавца, точно кролики из шляпы фокусника. Рассказывать о вкусе копченых стерлядей занятие, доложу я вам, совершенно глупое. Пусть этим занимаются те, кто пишет статьи в кулинарные журналы, а мы вернемся в позапрошлый век.

Работал в Лысково и водочный завод графини Толстой. Увы, от него остались одни воспоминания да витрина в музее с потемневшими, рассыпающимися этикетками черемуховой и смородиновой наливок. Водочному заводу графини составлял конкуренцию винокуренный завод купца Степанова. Двухэтажный каменный дом, в котором он жил, и сейчас стоит в одном из переулков. Во дворе дома были большие кирпичные склады готовой продукции. В самом доме после семнадцатого года довольно долго помещалась милиция. Милиционеров никто даже и не спрашивал – почему от них все время пахнет водкой.

Одним из самых заметных лысковских предприятий был механический завод купца И.И. Тараканова. Делал он балагуровские замки, персидские шкатулки, медогонки, трубы, ведра и несгораемые сейфы. В рекламных целях Иван Иванович в престольные праздники на Оленьей горе устраивал представления. Гвоздем программы таких представлений был большой костер, в который... персидских шкатулок не бросали, а ставили большой несгораемый сейф с таракановскими деньгами. Костер догорал, и купец вытаскивал деньги целыми и невредимыми. В музее есть такой сейф. Он маленький,

немногим более полуметра в высоту, имеет вид детской игрушки, но весит как большой. Пытался я его оторвать от пола... В музей этот сейф попал закрытым. Пошла Елена Глебовна к мастерам, чтобы те ей его открыли. Мастера, понятное дело, сразу предупредили: все, что в нем найдем – делим пополам. Сейф мастера, как ни пытались, открыть не смогли. Через милицию обратились к самым лучшим медвежатникам. Самые лучшие медвежатники полгода бились, но сейф открыли. Лежал там запасной комплект ключей и больше ничего.

Тараканов был не единственным среди лысковских купцов, кто понимал важность рекламных акций. К примеру, владелец пароходов купец Сергеев каждому, купившему билет на его пароход «Братья», выдавал бесплатно булку со стаканом чая и этим обставлял пароходное товарищество «Березники», которое за покупку билета выдавало лишь булку. Правда, французскую. К концу девятнадцатого века возле Лысково, в деревне Исады, которая исполняла роль речного вокзала[13] Лысково, было семь пароходных пристаней, принадлежавших разным хозяевам. Перевозили они до миллиона пассажиров за навигацию[14].

Расцвели пышным цветом в Лысково частные страховые агентства. Они и раньше там были – первое страховое агентство было организовано еще в 1827 году. К концу века в селе их была уже дюжина. Страховали дома, магазины, склады и пароходы. Судовладелец Сергеев так удачно утопил во время ледохода свой старый, но застрахованный в трех обществах пароход «Филипп», что на страховые деньги построил новый. Еще и лоцману, который все это помог ему осуществить, заплатил за этот рейс как за всю навигацию. И устроил работать кладовщиком, а лоцман, перед тем как помирать, рассказал об этом внуку, а внук местному краеведу, а краевед написал книжку[15], а хитрый Сергеев успел за много лет до ее выхода помереть.

Что касается культурной жизни Лысково, то она кипела. В селе работало четырнадцать учебных заведений, тринадцать библиотек, был открыт общедоступный клуб, без устали заседал дамский комитет, комитет попечительства о народной трезвости открывал чайные, в которых можно было послушать лекцию о вреде пьянства, выпить чаю вприкуску с брошюрой о вреде пьянства, выйти, плюнуть в сердцах и пойти в трактир. Силами учебных заведений и дворянских усадеб ставились спектакли. Завелись народные театры, ставившие пьесы Островского, Чехова и Аверченко. Лысковские частные типографии, которых было уже три, печатали к этим спектаклям красивые афиши. Самый лучший лысковский парикмахер Василий Перицкий гримировал актеров и делал такие умопомрачительные прически актрисам, что...[16]

По решению земской управы и с помощью купечества был построен зал Общественного собрания, в котором была сцена, зрительный зал и такое удобное и просторное фойе, что хоть в зрительный зал не ходи – только прогуливайся, держа даму под руку, угощай ее пирожными, шампанским и сам не забывай выпить рюмку-другую коньяку.

В шестнадцатом году в Лысково открылся народный музей...[17]

Вот тут надо бы конечно, прервать рассказ об истории музея и рассказать об истории Лысково в двадцатом веке. О том, что в двадцать втором году село, наконец, стало городом, о войне, об электромеханическом заводе, который начал работать в сорок втором, был градообразующим предприятием, выпускал для военной и автомобильной промышленности электрооборудование, а для нас паяльники и утюги, которыми паяла и гладила вся страна, о том, как он начал понемногу хиреть и теперь дышит на ладан, а утюгам и паяльникам сносу нет, как и сапогам, которые когда-то тачали лысковские сапожники, о консервном заводе, который жив, здоров, невредим и выпускает джемы, варенья, биологически активные добавки, множество фруктово-ягодных начинок, которые по составу напоминают биологически активные добавки, которыми наполняют плюшки, булочки и мороженое, о металлофурнитурном заводе, который за время своей работы успел выпустить такое количество ручек к мебели, что к ним никак не могут выпустить нужное количество ножек, о том, что...

После обеда, часа в три, от пристани на окраине Лысково отходит паром на другую сторону реки – в Макарьево, к монастырю. Одно название эта пристань – даже будка с билетной кассой – и та находится на пароме, а не на ней. Местные жители едут к макарьевским родственникам, а туристы в монастырь. Сначала паром идет по узкому, извилистому затону, вдоль берегов которого расставлены в случайном порядке лодки, рыбаки и отдыхающие. По правому борту видны торчащие из воды

ржавые остовы двух барж, затопленных еще в незапамятные советские времена. Минут через десять паром выбирается из затона в основное русло Волги и все туристы начинают метаться от борта к борту со своими фотоаппаратами, чтобы выбрать получше ракурс для фотографирования монастыря. Вместе с туристами мечутся по палубе и дети. Впрочем, они это делают безостановочно все полчаса, пока идет паром.

В Макарьево все выходят на берег и идут в монастырь, минут за десять или пятнадцать его осматривают, а потом уходят на Волгу купаться и ждать обратного парома. В монастыре тихо, ухоженный сад, яблони, усыпанные зреющим белым наливом, и войлочные вишни. Трава под вишневыми деревьями усыпана уже подвяленными от долгой жары черными ягодами. Можно прогуляться по саду, посмотреть на спящего в цветнике кота, у которого одного уха нет совсем, а от второго кто-то отгрыз больше половины, и заглянуть на крошечное монастырское кладбище. Там, рядом с могилами монахинь, есть скамеечка под деревьями, на которую можно сесть, задуматься и просидеть... секунд тридцать, не больше – монастырские комары, злые, точно казни египетские, прогонят и со скамейки, и из сада, и из монастыря на берег. На берегу придется сидеть еще часа два в ожидании обратного парома. Тем временем в монастыре начнется вечерняя служба, и с монастырской колокольни раздастся колокольный звон. Часть туристов вернется в монастырь, чтобы посмотреть на службу, а часть пойдет в Макарьевский магазин за пивом и мороженым. Наконец придет паром. Все погрузятся и поплывут обратно, кроме двух легковых автомашин, которые столкнулись при заезде на палубу и теперь остаются в Макарьево ожидать гаишников, которые неизвестно когда приедут. Под их крики и ругань паром отходит от берега.

В Лысково паром возвращается уже в сумерках. Идешь по городу и чувствуешь, как он медленно погружается в сон, как допивают чай, как убирают со стола, как закрывают дверцы старых дубовых буфетов, как задергивают шторы, как взбивают подушки, как укрываются одеялами, как забираются сначала в один сон, потом в другой, потом в третий...[18]

---

[1] Честно говоря, поначалу я написал «то ли просто в детстве выпал из кроватки и ударился головой об пол». Когда Елена Глебовна читала мой очерк на предмет устранения возможных неточностей, то за художника Фадеева она решительно вступилась. Написала, что он был человек уважаемый и многие годы был секретарем райкома комсомола, написал историю комсомольской организации района, большое внимание уделял воспитанию подрастающего поколения, а вы тут написали такое, что можно подумать о Фадееве, как о невменяемом... Да разве я против. Пусть будет вменяемый. Наверное, просто день был такой солнечный, настроение хорошее или премию дали всему райкому комсомола за перевыполнение плана по надоям комсомольских взносов. Вот и подумал Виктор Константинович, что хорошо бы совершить что-нибудь такое... или этакое. И совершил. Уже и память о райкомах сотрется, уже и комсомольцев станут путать с богомольцами, но вот этот пятиэтажный дом на картине все лысковские экскурсоводы будут показывать беспременно.

[2] Раскопок на ней сейчас не ведется, но время от времени туда наведываются черные копатели.

[3] Жизнь Александра Бакаровича – сюжет отдельного не рассказа, но романа. Даже двух. После смерти Елизаветы Петровны* он стал поддерживать Петра Третьего. За что и попал в опалу сразу после восшествия Екатерины на престол. За два года до своей неудачной попытки бегства из России ему было предписано жить не ближе ста верст от Москвы. В крепости его продержали недолго. Отобрав воинское звание и мундир офицера лейб-гвардии Измайловского полка, вручили ему тысячу рублей на дорогу и отправили... в Грузию. Там-то и оказалось, что мечтать надо было осторожно. Поддержки в Грузии он не нашел. С превеликим трудом в 1782 году ему удалось поднять восстание, которое тут же было подавлено грузинским царем Ираклием Вторым. Александр бежал в Имерети и... был выдан России местным князьком за пятьсот червонцев и золотую табакерку. Ни о каком Подмосковье и тем более Лыскове теперь не было и речи. Поселили его в Смоленске без права переписки, под надзором караульного офицера, который жил в его доме. В Смоленске Александр и умер в 1791 году. Если собрать все невеселые мысли, которые он передумал за те несколько лет, что прожил затворником, да слепить из них большой ком, да этим комом запустить в тех грузинских товарищей, которые подбили его бежать из России...

*Князь А.А. Васильчиков в своих мемуарах пишет, а князь П.И. Долгоруков в своих мемуарах подтверждает, что Александр Бакарович состоял в близких отношениях с Елизаветой Петровной, хоть и был моложе ее лет на пятнадцать. Ходили слухи, что от этой связи родилась у императрицы дочь, Варвара Мироновна Назарьева, проживавшая в Пучеже.

[4] Видимо, способность недолго думать была унаследована ими от папаши. Тот, недолго думая, обменял жену и пятеро детей даже не на грузинскую корону, а лишь на ее призрак.

[5] Может не Растрелли, но по легенде Растрелли. И вообще, князь мог и не поселиться в Лысково никогда. Рос он в подмосковном селе Всехсвятском, и дворец, и парк, и оранжереи там были такие, что не надо никаких других, но... прошло через село шоссе Москва – Санкт-Петербург. Как представились Георгию Александровичу все эти лошадиные заправки с сеном и овсом, бабы у обочин, торгующие хот-догами, нарумяненные девки, пристающие к ямщикам-дальнобойщикам... Так и решил он ехать в Лысково.

[6] Воскресни хоть на миг и посмотри на Лысково его бывший рачительный хозяин Морозов – его обратно лечь в гроб никто и уговорить-то не смог бы.

[7] А уж как они умели торговать хлебом... По объему хлебной торговли в России Лысково уступало только Рыбинску. До двух миллионов пудов хлеба за один сезон завозилось в село. Хлеботорговцы строили амбары на высоких сваях, загружали их зерном, а весной, по высокой воде, к амбарам подходили баржи, хлеб перегружали на них и везли дальше вверх и вниз по Волге. Хлебная торговля породила в Лыскове «праховый» промысел. «Прахами» называли посредников между продавцами и покупателями хлеба. Посредники пускали к себе в дом продавцов и приводили к ним покупателей. С каждой проданной четверти посредник получал гривенник. Делал деньги из ничего, из «праха». Была в Лыскове улица Стоялая. Почти в каждом доме на ней был постоялый двор. Лысковчане так и говорили «что ни дом – то прах». Теперь зерном в Лыскове не торгуют, но хлеб на местном хлебозаводе выпекают. Если выбирать между ржаным багетом с тмином и буханкой ситного, то я бы выбрал ~~темное бархатное пиво «Макарий»~~ булочки с яблочной начинкой. Уж больно хороши.

«Праховой» торговли хлебом теперь в Лыскове нет, но сдается мне, что о торговых посредниках так думать не перестали. Ей-богу не перестали.

[8] У Мельникова-Печерского князь Георгий Грузинский выведен в рассказе «Старые годы» под именем князя Заборовского. Не весь, конечно, он списан, а только некоторые его черты. Правда, некоторых черт так много, что мудрено его не узнать. Рассказ этот во время своего путешествия по России прочитал Александр Дюма-отец и так им впечатлился, что переписал его по-французски (не мог же он просто его перевести дословно) и назвал «Яков Безухий». Понятное дело, что в предисловии он написал, что лишь публикует рукопись, которая случайно к нему попала. «Якова Безухова» прочитал известный французский издатель и большой любитель всего русского Пьер Кристиан Броше и тоже впечатлился. Мало того, он этот рассказ дал почитать кинорежиссеру Питеру Гринуэю, и тот впечатлился до такой степени, что решил снять по повести фильм. Оба этих впечатлительных господина даже приехали в Лысково к директору краеведческого музея, чтобы тот им показал места, описанные в повести Дюма, описанные в рассказе Мельникова-Печерского. Осмотрели, что смогли, и уехали, обещав вернуться и снять фильм. Кто их, иностранцев, знает. Может, и вернутся, и снимут.

[9] В том, что Лысково не стало городом при жизни Георгия Грузинского, была прежде всего его заслуга. Изо всех сил князь сопротивлялся этому. Не хотел упускать выгод – доходы от села шли ему, а доходы от города уже в казну.

[10] Без князя местное духовенство и власти не смели начинать даже церковную службу в день открытия ярмарки. Их сиятельства приезжали в карете, запряженной дюжиной лошадей цугом. Архимандрит с монахами и губернатор с чиновниками ждали все это время князя Грузинского. Терпеливо ждали, безропотно. Однажды кто-то князю пожаловался, что его обманули в лавке. Обмерили при продаже какой-то ткани. Князь на следующий день сам пришел в эту лавку, встал за прилавок и продал за бесценок весь товар, в ней бывший. Именно этот случай описан в рассказе Мельникова-Печерского «Старые годы».

[11] И все же, хоть и в примечаниях, но надо рассказать о лысковских сапожниках и башмачниках. Сапоги они тачали такого качества, что износить их было за одну жизнь совершенно невозможно. Говорят, что именно поэтому их так охотно передавали от отца к сыну, а от сына к внуку. Бывало, дитю эти сапоги чуть ли не до ушей доходят, а папашу ослушаться и думать не моги – ходи, бегай в них с друзьями или по хозяйству помогай. Только тем и спасались, что с маленькой детской ножки они соскакивали на бегу и часто терялись, а если не терялись, то бросали их мальчишки, когда никто из взрослых не видит, с прибрежной кручи в Волгу – иначе никак не могли избавиться. Шутки шутками, а в первую мировую многих местных сапожников вернули домой прямо с фронта и приказали сапоги шить солдатам.

[12] Князь Грузинский в 1852 году приказал долго жить и был похоронен в Лысково, в Спасо-Преображенском соборе. Село по наследству перешло к его дочери Анне, которая вышла замуж за графа Александра Петровича Толстого, который был обер-прокурором Синода, который дружил с Гоголем, который сжег второй том «Мертвых душ» в графском доме в Москве на Никитском бульваре и там же умер. У Толстых детей не было и по завещанию все перешло к внебрачному сыну князя Георгия Александровича – Евграфу Стогову, который был управляющим лысковского имения. Князь дал ему такую фамилию из-за того, что нашел его под стогом. По крайней мере, так он объяснил это своей жене. Та, конечно, могла такому объяснению не по-

верить, но не поверить было себе дороже. Есть и другая версия, объясняющая появление мальчика Евграфа грехом молодости Анны Георгиевны. Наверное, есть и третья, но это уж к истории Лысково имеет мало отношения. Как бы там ни было, а Стоговы жили в Лысково до самого семнадцатого года и потом уехали в Москву. Правда, они владели уже не всем селом – после реформы 1861 года освобожденные крестьяне, мещане и купцы мало-помалу выкупили у Толстых большую часть их лысковских земельных угодий.

[13] За несколько веков Волга изменила свое русло и отодвинулась от Лысково на пять километров. В восьмидесятые годы решили это положение исправить с помощью Чебоксарского водохранилища. Произвели сложные математические и экономические расчеты, прорыли четырехкилометровый подходной канал от Волги до Лыскова и построили речной вокзал. Все было рассчитано так, чтобы при подъеме воды на шестьдесят восемь метров над уровнем моря вода подошла к вокзалу. Черт его знает, почему она поднялась на шестьдесят три метра. То ли в расчетах был синус перепутан с косинусом, то ли поделили все на два, а надо было на три, то ли рассчитывали от уровня не того моря... Короче говоря, теперь в Лысково есть сухопутный порт. Аналог этого порта я видел в городе Кологриве – там есть железнодорожный вокзал, но нет железной дороги. Не прошла она там. В Кологривском вокзале теперь краеведческий музей, а в Лысковском речном порту гостиница «Парус». В ресторане этой гостиницы есть только пиво и водка, а вина не держат никакого. В Лысково это единственный ресторан, а когда этих ресторанов здесь было... Заказать икры паюсной, осетрину с хреном и солеными огурчиками, рыбную солянку, Шустовского коньяку, наливок и на десерт цыганских романсов там нельзя, но можно американский салат «Цезарь» и итальянский салат «Капрезе», в который вместо оливкового масла добавляют уксус. Официантки там приветливые и, если их попросить, то они, наверное, споют, но я не стал. Решил, что как-нибудь в другой раз. ~~Тем более, что жена у меня неплохо поет и обещала мне спеть потом, если я, конечно, захочу.~~

[14] Летом нынешнего года я два вечера подряд просидел на Волге, глядя, как мимо меня взад и вперед проплывают пароходы. Взад и вперед они проплывали с частотой раз в час по одной ржавой барже, которую толкал буксир. Если сосчитать экипажи всех буксиров и даже возвести это однозначное число в степень...

[15] Книжкой «Это знаменитое село Лысково», которую написала Альбина Николаевна Мясникова, я пользовался при написании этого рассказа. Хотел было даже написать, что зачитал ее до дыр, но это было бы неправдой. Краеведческую литературу у нас в провинции, за редким исключением, издают мало. Тиражи у нее копеечные. Спросишь такую книжку в музее, а там только руками разведут. Была, но вся продана. Лет пять или десять назад издавали, да и тираж был несколько сот экземпляров. Давно уж раскупили все. Теперь в музее хранится всего один экземпляр с дарственной надпись автора. Кто ж вам его продаст. Государство, видимо, полагает, что такие книжки переиздавать не надо. Короче говоря, взял я фотоаппарат и за каких-нибудь двадцать минут сфотографировал ее всю прямо в музее и засматривал до дыр многочисленные файлы. Одно хорошо – теперь фотоаппараты цифровые. А будь они еще пленочные...

[16] Не знаю что. Так иногда бывает – тащит писатель за собой предложение в гору на веревочке. Разбежится и... веревочка оборвется. Или предложение, обросшее разными причастными и деепричастными оборотами, придаточными, зацепится за какую-нибудь запятую и развалится на составные части. Что тут сделаешь? Вздохнешь, поставишь многоточие и начнешь новое предложение. Да, вот еще. У Василия Леонидовича Перицкого было четыре сына и дочь. И все парикмахеры! Держали в Лысково две самых лучших парикмахерских. Такие были виртуозы своего дела, что... Ну вот, опять.

[17] История краеведческого музея очень сложная, запутанная и напоминает детектив. Многое в ней до сих пор неясно. При советской власти музей дважды закрывали. Экспонаты частью увозили в Нижний Новгород, частью сваливали в кладовку и запирали, частью продавали, а частью, и немалой, разворовывали. После первого закрытия, которое было в начале шестидесятых, приехали в Лысково грузинские товарищи и оперативно вывезли большую часть бумаг, принадлежавших князьям Грузинским. Вывезли и писцовые книги. Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник и вовсе увозил экспонаты грузовиками. Два раза энтузиасты музей открывали вновь. Два раза собирали по крупицам то, что осталось, и открывали. Лет двадцать назад приезжал в Лысково нижегородский тогда еще губернатор Борис Немцов и обещал музею, что нижегородские музейщики все вернут, но где там...

[18] Сны здесь крепкие. За одну жизнь их до дыр не засмотреть. Их передают от отца к сыну, а от сына к внуку. Дети не любят стариковских снов – они черно-белые и тусклые. Дети норовят их запамятовать. Про внуков и говорить нечего.

Геннадий АВДЕЕВ

«ТРИП В НОСОЧКАХ ИЗ СУСАНИНСКИХ НИТОК»

Николай Барабанов. Льдинки-лысинки: Тексты 2004–2011. Послесл. И. Ахметьева. – М.: Humulus lupulus, 2017. – 80 с.

В первую книгу Николая Барабанова вошли, как следует из аннотации, тексты середины – конца нулевых. О самом авторе известно немного: родился в Москве, окончил философский факультет МГУ, работал журналистом и букмекером, перебрался в Петербург, где сейчас и живёт. Писал ли он что-нибудь после обозначенной даты – тоже неясно.

Человек, впервые взявший книгу Барабанова в руки, наверняка столкнётся с обескураживающим эффектом – будто в некоей волшебной оптике ему выписали своеобразные очки, уменьшающие всё, на что направлен взгляд. Заяц под таким прищуром последовательно превращается в ползайца, затем в зайчика, а потом – в зайку, хлеб – в сперва кажущийся уютным хлебушек, Жучка и вовсе низводится до почти неразличимого жучка́. Одновременно с уменьшением что-то начинает происходить и с физикой самих предметов, с их свойствами, отношениями между собой. Вдруг выясняется, что такая миниатюризация – процесс далеко не безобидный: иногда оптику как будто клинит, перекашивает, отчего кажется, что стёкла в этих очках – вовсе и не стёкла: то ли осколки опасного зеркала, то ли какая-то наледь, льдинка, вставленная в оправу.

И вот тут наступает самое интересное: начав пристально вглядываться в неожиданно открывшиеся бездны, полные мелких движений, суетных вздохов, навязчивых состояний, неврозов, ежеминутных самосожалений и вспыхивающих пожаром восторгов, вдруг забываешь, что, собственно, происходит и с чего всё началось.

Мир «Льдинок-лысинок» невероятно токсичен. Карик и Валя тут летают не на стрекозе, а на собственных страхах, длинной загадочной пилюле. Падая в траву, они обнаруживают там укрывшегося последним листом Василия Розанова, а если еще поищут, то найдут потерянную ногу Бориса Лунина, комарика, управляющего вселенной, и много чего ещё, оголтело расползающегося под светом карманного фонарика в разные стороны.

Формально книга делится на две части: в первой размещены тексты, которые можно условно отнести к регулярному стиху, вторая состоит из вспышек, однострочных озарений, наблюдений, метких и – всегда – парадоксальных. «Сшей мне пижамку, упанишадкин», – просит автор. Для чего? Лишь для того, чтобы прикрыть «грудь в пёрышках за взятие бородинской крошки».

молюсь, чтобы жизнь холодка была коротка.
греясь, отрицаю из сострадания сахар. ведь чай не сахар, жизнь сахарка не сладка.

Бормоталочки, если как следует захотеть, развернутся в детальное изложение состояния успевшего застопорить себя персонажа (где именно его пронзил инсайт – неважно: в вагоне поезда или при взгляде на схему станций метро, с каждой из которых приходит понимание – куда именно движется этот вагон).

полежаевская – демьян бедный. октябрьское поле – революция. щукинская – хитрый купечик. тушинская – крепкий купечик. сходненская – тревожный купечик. планерная – ад.

на сходненской всех крепких купечиков пускают на органы распознавания ада.

Статическое электричество, вопреки всем законам, здесь накапливается из пыли, секундных обмороков, немотивированных желаний пограничных состояний, метких, но подсмотренных неизвестно где наблюдений.

Волны лишенного всякой гуманности ужаса, абсолютно боулзовского, отрешенного, могут неожиданно смениться уютной седативной чесоткой, превратиться в дрожание волоска, шерстинки, зацокать по-беличьи, застучать сапожком звонко, но лишь затем, чтобы потом вновь зажать рот руками: «зато я не выболтал миру мглу».

Подобные заклинательные практики и есть суть поэзии. Сражаться с хаосом можно не только бодрым чириканьем – настоящий пограничник знает, как устроен его заслон, и что произойдет, если через колючку все-таки переберётся суставчатое тело.

С другой стороны, если лирический герой все-таки решается заговорить, то каждая строка, каждое слово бьют точно в сердце, не оставляя шансов на осмысление или попытку анализа.

если встречу Настеньку, я скажу:
пойдём я тебя каким-нибудь супчиком
накормлю?
иду, думаю: я желтеющий, скрюченный
персонаж
ты мой малыш, мой кроличек, воды дашь?

Хочется надеяться, что дверь в сокровенный чуланчик, которую, судя по всему, владельцы давно забили гвоздями и заклеили обоями в несколько слоёв, когда-нибудь вновь распахнётся.

Наталия ЧЕРНЫХ

НА МОСТУ

Евгений Волков. Погонщик рыб. Стихи. – М.: Нонпарель, 2017. – 96 с.

В рецензии на эту книгу, недавно вышедшей в «Поэтограде»[1], Зульфия Алькаева легко и точно обрисовала поэтическую фигуру Евгения Волкова: «не мог претендовать на статус абсолютной невидимки» – имелось в виду литературной. Невидимки нет, есть тень, а тень не только знает свое место, но порой и выходит из своих границ.

Мотивировать, зачем нужно читать эти стихи, легко, однако мотивация для большой поэзии – действие второстепенное. Если читатель не искушен в современном русском стихосложении, можно ограничиться простым высказыванием: сильно, ярко, внедряется в сознание – и с радостью запоминается. Здесь не стихи о любви и смерти – здесь поэзия любви и смерти, которые испытывают друг к другу страсть, возникает из моря слов и звуков. Моря в книге очень много – погонщик рыб своё дело знает; море настоящее – кровожадное.

Однако если читатель искушенный, но с автором незнаком, можно начать рассказ так: есть пространство, где встречаются Маяковский и Хлебников. Это пространство уже сто лет как открыто и отлично обустроено для жизни стихотворца. Однако дело не в освоении пространства, а в движении языка; а оно внятно далеко не всякому стихотворцу. Поэтический язык петляет, порой возвращается, становится на дыбы, как живая молекула, – и вдруг до потери сознания больно разворачивается прямым высказыванием. Евгений Волков ловит даже самые незначительные движения. Это поэт слуха и звука, но ему открыта и тайна создания смыслов. Перед читателем «Погонщика рыб» – дар тяжёлый, мощный и яркий до ослепительности – напалм. Вынести самому поэту такой дар трудно, потому и стихи имеют форму начинающей остывать магмы. Слова и строки в них оплавлены. Это не небрежность – это утомление боевой горячки.

из бранных слов все избранные речи –

и норовят проверить на испуг

но темен лик как в августе пастух
и кара мельно лоно между речий

и сладок дым стоять между руин
рожденных умереть месопотамий –

когда по всем справляет мессу память
и отправляет нужды херувим

я занят сном –

и может быть едой

(«Из бранных слов...»)

В приведенном отрывке отчетливо видим шестистишие, вызывающее у всеведущего читателя ассоциации с французской классикой семнадцатого и восемнадцатого столетия и, конечно, с ее ближайшей акустикой – проклятыми поэтами и поэтами второй половины двадцатого столетия, «детьми» проклятых: «Яблоко слепо. Видит лишь яблоня» (Рене Шар). Все стихотворение растет изнутри, от этого шестистишия – сердца стихотворения. Парадоксальная метафора (которую хочется назвать параметафорой) – «темен лик как в августе пастух» – почти совершенна. В книге таких вершин много, и они поднимают имеющиеся в ней поэтические слабости, так что о них и говорить не стоит.

Симметрично (но оттого еще более сюрреалистично) выделенному шестистишию возникает второе, в котором намечается резиньяция:

[1] http://reading-hall.ru/publication.php?id=18081

последняя немыслимая милость
к тебе и к богу обращаться ты

ты знаешь сколько листьев в сентябре
ложится в зимних дней первооснову –

но я слабею с каждым своим словом
и склонен верить всем но не себе

(«Из бранных слов...»)

Можно довольно долго разговаривать о культурном багаже автора. Вероятно, кроме проклятых французских поэтов (преимущественно Аполлинер), сюрреалистов (Рене Шар, например) и футуристов, автору знакомы виднейшие поэты современности. Но вот что интересно: автор усвоил не то, что обычно усваивают поклонники такой поэзии: сложную разомкнутость словесного пространства; – он усвоил и сформировал на основе огромного прежнего опыта аутентичный метод шока. Что позволяет тяжёлой рукой, на грани фола, вести строку и вдруг запустить в её середину надтреснутый петушиный крик из разорванного надвое слова. Ужас! Моветон! Нежный читатель падает под стол. Погонщик рыб потирает руки. Охота удалась.

Евгений Волков – поэт, пишущий на кенотафе гуманизма. Фигура звериного бессознательного в этих стихах – и есть их фокус. «Я» этих стихов это стая волков, душа зверя – единая и множественная одновременно. Мир этой поэзии – постапокалиптический. Можно сказать больше. Евгений Волков – поэт постапокалиптической эротики: нежной до чрезмерности и спасительно-циничной. Здесь любовь – жидкость без цвета и запаха, которая одна лишь может размочить ссохшиеся после вселенской гуманитарной катастрофы бинты условностей. Но в этой книге любовь не вступает в схватку со смертью. Здесь любовь и смерть отлично друг друга понимают. Поэт выходит на такие высоты, что ему ничего не остаётся, кроме как сверху послать на читателя напалм.

мне скучно бес в умышленном раю
где слов обитель сточный водоем

я с точными словами говорю –

я зык мой враг мой черт ушко моё

в ушко мое вползает бог ослов –

иных помоек словно в мире нет

когда в подлунном слишком много слов
всё минет в этом мире

или нет

наряден день как нищий на мосту –

рассыпчатые тени по воде

и в полной мере верит в пусто ту
изгнанник покидающий эдем

(«Мне скучно бес...»)

В этих стихах довольно часто возникает образ моста или переправы. Это может быть набережная или улица, но у них тоже функция моста. Одно из кодовых для книги стихотворений так и называется «Переправа». Вспоминается ноющий в зубах от времени фрагмент «Василия Тёркина». И аполлинеровский «Мост Мирабо». От почвы – к судьбе.

Если посмотреть отстраненно – «Погонщик рыб» принёс череду ярчайших закатов, медленно гаснущих вместе со способностью различать цвет и свет. Была ли это последняя и смертельная заря мира, читатель так и не узнает.

Мария КОСОВСКАЯ

ОНА ЧТО-ТО ЗНАЕТ

Ирина Батакова. Песок: Сборник рассказов. Предисловие Леонида Костюкова. – М.: Homo Legens, 2017. – 236 с.

Непрочность мира – главная, повторяемая из рассказа в рассказ тема первой книги минского прозаика и художника Ирины Батаковой.

Само название, «Песок», как было сказано автором на презентации, – «хрестоматийный символ времени», которое нельзя ни понять, ни удержать. Песок – это образ непостоянства всего сущего в мире: «Всё так зыбко, так несуразно, так неудобно устроено... Всё разваливается и крошится прямо в руках, обращается в пыль и песок» («Песок»). В каждом рассказе автор, словно ребёнок, заново изумляется тому, что «так придуман мир. Чтобы человеку было томительно и неспокойно жить, чтобы некуда было податься ему, маленькому, негде спрятаться. Чтобы была эта бесконечная тоска в сердце. Эта нескончаемая мука внутри...» («Ма»).

Герои рассказов Ирины Батаковой увязли во времени. Они вынуждены жить, постоянно что-то превозмогая, не видя ни в чём «опоры и смысла», вырабатывая взрослый автоматизм.

Теперь видите?

Что?

Ну, как же. Вы ведь сказали, что больше ни в чём не видите смысла. Теперь видите?

Очень невнятно. Мне всё время что-то загораживает.

(«Песок»)

Книга полна грусти и красоты, рождающейся из текста словно «тайна мира, дрожащая в нищем облике повседневности...» («Докучная сказка»). Кажется, будто Ирина Батакова к тайне этой близка. Из рассказа «Кристина»: «Она что-то знала – про скрытые связи между предметами и существами, про иную телесность вещей».

Проза Ирины Батаковой – результат запредельной чуткости. Из «Тани и Пегаса»: «Она часами с любовью вглядывалась в скучные предметы мира – часами, днями, месяцами, годами – замечая в них то, чего не замечают скучные люди». Обилие оттенков жизни буквально обрушивается на нас. Читать книгу Ирины Батаковой порой тяжело: устаёшь воспринимать и сопереживать. Похожее истощение бывает от произведений Андрея Платонова: несколько абзацев вызывают острый восторг, а потом текст наваливается неподъёмной ношей, и хочется укрыться в привычном мире простых смыслов и обыденных вещей.

Герои книги – часто потерянные, смиренные чудики, которые безуспешно пытаются встроиться в социум. Таков, например, Рыбкин из рассказа «Родительский день» или Марусев из рассказа «Этот, как его». «Нет в тебе, Рыбкин, роевого сознания, животворящей социальной любви, только жалость, суета и томление духа», – говорит герою редактор отдела прозы, возвращая очередную рукопись («Родительский день»). Вспоминается главный герой платоновского «Чевенгура», который «устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда».

Ирине Батаковой милы эти бессловесные тихие люди, похожие на детей своей бескорыстной заинтересованностью явлениями мира. Дети и детство вообще очень важная тема для Ирины Батаковой. Рассказы «Нимфозория», «Масуд», «Этот, как его», «Таня и Пегас», «Бульон для Божича», «Ма» и другие рассказывают о детях как о более совершенных, чем взрослые, существах. Они живут «своей углублённой детской жизнью», чтобы «наблюдать явления и давать имена незнакомым предметам» («Масуд»). В их жизни ещё есть смысл, он в познании через сочувствие, часто переходящее в жестокость, как, например, в рассказе «Молоко».

«Я просто устала сострадать», – говорит героиня (альтер эго автора) в рассказе «Комнатный гений». Не только люди, а каждое существо, живущее в пространстве книги, одухотворено и обласкано сочувствием автора, для которого вся Земля «населена беззащитной жизнью» («Похороны костюма»). Жук («Масуд») не просто ползёт по траве, а совершает «упорный труд ходьбы», «маленькую сердитую борьбу с крошками земли и другими препятствиями». И снова видится сходство с Платоновым, для которого не было существенной разницы между травой, коровой или человеком: «Корова смотрела вбок на мальчика и молчала, жуя давно иссохшую, замученную смертью былинку. <...> ее большое худое тело <...> было таким потому, что свою силу корова не собирала для себя в жир и в мясо, а отдавала ее в молоко и в работу» (Андрей Платонов, «Корова»).

В рассказах Ирины Батаковой можно смаковать каждую фразу: «Умолкла души моей сладостная цевница, оглохло сердце в тенетах печали. Цветы красноречия не всходят больше под тению мирных олив, пагубный сон теснит в объятиях <...> помедли, помедли, вечерний день, продлись, продлись, очарованье!» («Этот, как его»); или: «Вот собираются учёные-волхователи и колдуют над своими пробирками, пробуют вывести синтез живого из мертвого – и ничего не выходит, только коби и кознования, а главная тайна от нас заперта – для чего я, откуда я, кто я? – то ли курёнок без перьев, то ли мыслящий тростник, стою на холодном ветру, вся насквозь продуваюсь, как фистула, а что и зачем – не понять» («Сиринга»). «Не умея свыкнуться с мукой отцовского горя, Андрей Петрович день ото дня ветшал и терял живые силы ума» («Масуд»); «“Опять облака разогнали и радугу поставили”, – антигосударственно думал Рыбкин, влачась

к остановке. Ему нравилось чувствовать себя носителем крамольной мысли, хотя он понимал: это мелкая ноша» («Родительский день»); «Я патентованный рационализатор, золотарь от науки, свиное рыло в калашном ряду искусства, мы должны сработаться, я могу усовершенствовать технологии, поставить процесс на поток, публику на уши, клирос на попа...» («Докучная сказка»).

Ирина Батакова экспериментирует с хронотопом. В рассказе «Песок» время как таковое размыто, герои существуют в каком-то извечном рассвете; в рассказе «Масуд» прошлое и настоящее для одного из героев идут одним маршрутом; рассказ «Таня и Пегас» закольцован, в нём перемешаны сон и явь; в рассказе «Часовой» все персонажи живут в ускоренном воспроизведении, и только один герой остаётся неизменным во времени.

Мерилом времени в рассказах Ирины Батаковой является смерть, перед которой автор, кажется, не испытывает страха – она «вырвала у смерти жало», «уравняв будущее небытие с прошлым», небытие и бесконечность: «что было до этого и сколько продолжалось? Мы ведь уже выяснили: было ничто, значит и продолжалось оно нисколько – или бесконечно, – но постой, это значит, что ничто никогда не кончается – да-да-да, ничто никогда не кончается» («Бульон для Божича»).

Ничто никогда не кончается. Не кончается и книга Ирины Батаковой: её рассказы сложны и многослойны, а значит, возвращаясь к ним, каждый раз можно находить что-то новое.

Александр КОТЮСОВ

НА СТОРОНЕ ДОБРА

Полина Жеребцова. Ослиная порода: повесть в рассказах. – М.: Время, 2017. – 352 с.

Вся литературная жизнь Полины Жеребцовой – это написание одной большой автобиографии. Из года в год, из книги в книгу. «Муравей в стеклянной банке», следом «Тонкая серебристая нить». Теперь «Ослиная порода». Хотя последняя должна была бы быть первой. По сюжету, по хронологии, по логике повествования. Впрочем, сейчас в моде приквелы и сиквелы. Если хотите, «Ослиная порода» – приквел «Тонкой серебристой нити», ее предвестник.

Именно «Нить» и «Муравей» сделали Полину Жеребцову известной в читательских кругах. Рассказы Полины входили в диссонанс с тем, что каждый из нас видел тогда по центральному телевидению и помнит до сих пор. Они рассказывали о другой войне. Войне, которая не была нужна чеченскому народу, войне, в которой самой пострадавшей стороной стали мирные жители. «Нить» и «Муравей» – книги, в основу которых положены детские дневники. Полина видит войну своими глазами, за окном собственного дома, и взгляд ее сильно отличается от взгляда как чеченских боевиков, так и русских военных.

«Ослиная порода» – автобиографическая повесть о маленькой русской девочке, которая живет в Грозном со своей мамой. Название книги произрастает из теории матери Полины. Она делит всех детей на «три породы: ангельская; “от чертей остатки”, ослиная». Ослиную породу «отличало три ужасных качества: упрямство – всегда и везде такой малыш настаивал на своем; справедливость – он подмечал малейшие ошибки; бесстрашие – никакой ремень не мог отвратить его от преступной деятельности познания». Выгнать осла из ребенка можно «руками или тем, что под руку попадется, то есть полотенцем, ремнем, ковшом, линейкой, тетрадками, подушками, обувью». Ну или, если проще – «с помощью тычков и затрещин». Книга охватывает без малого десять лет. Самое первое воспоминание в полтора года. До первой чеченской войны еще далеко.

Книга о мирном времени. Всего в ней сто один рассказ. Рассказы маленькие, неказистые, немного угловатые. И хотя каждый из них самостоятельная история, вряд они могли бы существовать отдельно. Вот история, как четырехлетней Полине впервые вырвали зуб, и она узнала, что мама может ее обмануть, не предупредив, что будет больно. Вот рассказ о первом столкновении со смертью – сосед убил жену из-за бутылки водки. Вот история о проколотых ушах. Надо честно признаться, подавляющее большинство рассказов о не очень счастливой жизни девочки и ее семьи. Жизни, в которой очень много лишений.

«Ослиная порода» написана тем же уже легко узнаваемым почерком, что и предыдущие книги автора. Про этот стиль хочется сказать – детский, нет в нем выверенной и отточенной

манеры профессионального построения фраз, нет умных сюжетов, придумывать которые учат в литературных институтах. Все бесхитростно, как бесхитростны дети, которым открывается мир. Полина Жеребцова, став взрослой, продолжает смотреть на жизнь глазами ребенка, у которого вначале хотели отнять детство, потом жизнь, а в результате отняли родину, оставив одни лишь воспоминания. Этими воспоминаниями она и делится со своим читателями, которых (я убежден) с каждым годом становится все больше и больше. В том мире, в который забросила Полину ее судьба, невозможно сохранить душевную доброту, ей вообще неоткуда даже взяться. И все же Полина растет удивительно доброй девочкой. Она выпускает собранных на грядке с картофелем колорадских жуков (у них же детки, понимает она), жалеет огромную гусеницу, которую хотят раздавить мальчишки, пытается спасти тараканов в собственной квартире, а потом и маленьких, все поедающих в их доме мышей. За Полиной наблюдать смешно и приятно. Именно такими и должны быть дети – непосредственными, добрыми и искренними.

Признаюсь, что беря в руки «Ослиную породу» я испытывал определенное волнение. От предыдущей книги Полины, от «Тонкой серебристой нити» я получил множество эмоций и был убежден, что за обложкой «Ослиной породы» меня ждут не меньшие впечатления. Увы, это оказалось не так. К сожалению, «Ослиная порода» не смогла не только превзойти «Нить», но даже дотянуться до нее. Причин здесь как минимум три.

«Нить» – произведение сильное и пронзительное, событийно насыщенное. Война, взрывы, убийства, насилие. Когда десятилетний ребенок живет в таком мире, обострены все чувства. И у рассказчика, и у читателя. Надо быть абсолютно бездушным человеком, чтобы не переживать вместе с автором за жизнь девочки, которая вынуждена прятаться в подвалах от бомбежек, видеть смерти близких ей людей, каждое утро думать о том, доживут ли они до вечера. Сегодня мы видим разрушенный город Алеппо, мирных граждан, живущих в нем, и понимаем, что именно так или примерно так было и в Грозном. Действие «Ослиной породы» происходит в другое время, довоенное. И пусть где-то ближе к концу романа над кавказским хребтом собираются тучи и проливается кровь, роман этот все же о мирном, хоть и очень сложном, вовсе не беззаботном детстве главной героини. В нем нет прежде всего того накала, который способен удерживать читателя.

Другая причина связана с жанром произведения, обозначенного на обложке как документальный роман. Написать документальный роман о детстве – очень сложная задача. Впрочем, надо отдать должное Полине: она пытается внести в повествование элементы художественной прозы, хотя это получается у нее и не всегда.

И третья причина кроется, как это ни грустно, в начинающейся коммерциализации писателя. Жеребцова сегодня, по моим ощущениям, постепенно становится, как это бывает часто с успешными и интересными авторами, в какой-то мере коммерческим проектом, некоей литературно-политической картой. А в коммерции порою больше внимания уделяют упаковке, а не содержанию. Не удивлюсь, если следующей ее книгой будет роман об эмиграции в Финляндию, где она живет (и я нисколько ее в этом не обвиняю) уже несколько лет с мужем. Замечу, что Полина не просто переехала жить в Финляндию, что сегодня сделать сравнительно несложно, она получила там политическое убежище. Ее открытые выступления с осуждением российской политики в отношении Украины, подписание обращения российской оппозиции против Путина, открытое письмо Ходорковскому, которое было признано «экстремистскими материалами», сделали из Полины профессиональную правозащитницу, а угрозы, поступающие в ее адрес, привели к тому, что ей пришлось вместе с супругом уехать из России, чтобы сохранить свою жизнь. Подобная биография всегда интересна издательствам, книги таких авторов хорошо продаются. Те же «Чеченские дневники» переведены на многие языки мира. Но, к сожалению, погоня за коммерческим успехом (хотя почему-то я искренне уверен, что о коммерции думает вовсе не Полина, а ее издатель, в чем, кстати, обвинять его нельзя) может нанести творчеству вред. В любом случае необходимо констатировать – уровень «Ослиной породы» оказался ниже предыдущих ее книг. И тем не менее книга, безусловно, заслуживает внимания.

У каждого из нас есть право рассказать о своей жизни. Кто-то делает это для самого

себя, оставляя на тетрадных листках или в файле ноутбука собственные переживания. Другие стремятся поделиться ими с миром. Полина выбрала второй путь и, на мой взгляд, не ошиблась. Жеребцова дает своему читателю информацию, которую невозможно увидеть на экранах телевизоров и прочитать в газетах. Она рассказывает правду о том, как в Чечне было трудно жить и детям, и взрослым в далекие, как кажется уже сегодня, предвоенные годы. Верить ей или нет – дело каждого лично. Главное, верить в добро. Одна из завершающих роман новелл – «Сказка о русалочке», об ушедшем навсегда от Полины детстве. В Чечню пришла война. Слышна канонада. Полина с подружкой рисуют сказку о русалочке. В руках русалочки пулемет, рыжий кот подает ей патроны.

– Почему у русалочки пулемет? – спросила подружка...

– Она сражается... на стороне добра!

– А где сторона добра? Это какой цвет военной формы?

– Сторона добра там, где есть сердце, а форма тут ни при чем.

N.N.

ГАДАНИЕ ПО КНИГЕ
(вместо рецензии)

Вика Сушко. Дым в сторону реки. – М.: Алькор Паблишерс, 2016. – 164 с.

Редакция заказала мне рецензию на книгу прозы Виктории Сушко. Молодой автор – умница и красавица, писательница и художница – из Самары, Волга присутствует, интересно же.

С первой страницы понял: автор – девушка серьезная, самоуглубленная и даже роковая. А шрифт такой мелкий, что... И в Сети нет... Книга лежала, из редакции звонили, сердито писали в личку. И вот, чтобы хоть немного оправдаться, придумал. Пусть будет не рецензия, а гадание по книге, старая игра: один игрок называет страницу и строку, второй указанное зачитывает – и делаются выводы применительно к загадавшему.

Пусть у нас будет каждая роковая тринадцатая строка (в книге они длинные) снизу каждой тринадцатой страницы (какая-никакая, а система, не просто случайных строк надергал). Вдруг такая картинка что-то и расскажет читателю.

1). С. 13, строка 13: *«...и запивают кефиром. Голуби суетливо собирают крошки от батона. Ветер ерошит деревья, редкие листья мчатся к реке. Такие несу-...»* (честное слово, в книге это все в одну строку уместилось, так мелко!).

2). С. 26, строка 13: *«...ческого сознания. Расширяй, растягивай стрелочкой-курсором четырехугольные рамочки* своей мечты, или надежды, или смысла...»

3). С. 39, строка 13: *«...красна жизнь. И где-то там живой, как сама жизнь, язычок вершил таинственные процессы; и все, чего мне хотелось, так это...»*

4). С. 52, строка 13: *«Приехала в Москву к своему любимому, в будни мы занимаемся любовью утром, потом я убегаю на работу, а ночью падаю...»*

5). С. 65, строка 13: *«...значит. Каждый день Майк зовет меня к себе в гости, а я под разными предлогами отказываюсь. Мы живем в противоположных...»*

6). С. 78, строка 13: «...монтов, *Баратынский, Фет, нет никакой пошлости, которая обступала ее еще недавно со всех сторон, что пришлось бежать. Есть поэзия...»*

7). С. 91. Нет никаких строк! Картинка (иллюстрации – Виктории Сушко) на всю страницу: черно-белая хрупкая нагая фигурка (предположительно мужеского полу) в окружении черно-белых пятен.

8). С. 104, строка 13: *«Only sky (00:12:30 15/06/2010): su – это что такое?»* (это электронная переписка героев, занимает без малого шесть страниц).

9). С. 117, строка 13: *«...мне абсолютно лишенным смысла, как и предстоящая ночь. Намыливая в розовой ванной ароматной до тошноты жидкостью...»*

10). С. 130, строка 13: *«...что уж теперь, если вся жизнь идет по своим неписанным, непредсказуемым правилам. Пора перестать удивляться и просто уметь...»*

11). С. 143. Снова картинка, черно-белая. Девушка по плечи, часть лица скрыта волосами, тыльная сторона ладони приложена ко лбу.

12). С. 156, строка 13: *«Или лицо человека, сидящего рядом в партере театра. Смотришь в его глаза-водовороты, и тут гаснет свет. Вы садитесь...»*

Да, страницы 169 уже нет, книга кончилась, а жаль! Был бы у меня 13-й пункт, и настало бы просто геометрическое равновесие. Надеюсь, этот дилетантский опус не будет опубликован, а если будет, прошу не указывать моего имени. С уважением, N.N.

Алексей ГОЛИЦЫН

«ОЗДОРОВИТЬ ЗДОРОВОЙ КРОВЬЮ...»
Последствия одной жалобы в Союз писателей СССР

28 марта 1937 года саратовский поэт Вадим Земной[1] сочинил письмо, которое по надрыву напоминало бессмертную эпистолу чеховского Ваньки. С той разницей, что «милый дедушка» – генеральный секретарь Союза писателей СССР Владимир Ставский[2] – послание подопечного получил и принял исчерпывающие меры.

Итак, письмо члена СП Земного, копия[3] которого сохранилась среди апелляционных дел коммунистов Фрунзенского райкома ВКП(б) города Саратова:

Тов. Ставский!

Сегодня я получил Вашу телеграмму: «Напишите подробнее о взаимоотношениях с издательством. В какой помощи Вы нуждаетесь. Ставский».

Мне очень горько затруднять Вас, но я вынужден писать много.

...Четвертый год нахожусь я в рядах так называемого саратовского литературного актива, который представляет собой страшное, опустошающее болото.

Около двух лет в одиночку, лишенный поддержки, боролся я с контрреволюционерами Бабушкиным[4] и Волковым[5] (первый – наглый троцкист, второй – больше пяти лет собирал антисоветские анекдоты и частушки и распространял их среди своих знакомых). Оба они возглавляли Саратовское отделение С.С.П. вплоть до изъятия их органами НКВД.

Теперь никто не сомневается, что Бабушкин – враг, но тогда принципиальную политическую борьбу между мною и Бабушкиным многие считали склокой и травили меня за «несработанность с большим писателем».

Враги изъяты, посажены, но болото аполитичности, антиобщественных поступков либо прямых антисоветских разговоров – до сих пор не ликвидировано.

...Три причины сводят к нулю общественную жизнь нашего отделения:

1. Наша партгруппа (Касперский[6], Земной, Смирнов-Ульяновский[7], Кассиль[8]) абсолютно бездействует. Мы никогда не собирались. Мы никогда не обсуждали вопросов советской литературы, мы не говорили о наших людях, не интересовались их нуждами, творческими планами, настроениями. Наша партгруппа совершенно забыла известное решение ЦК ВКП(б) и многочисленные высказывания М. Горького, тов. Стецкого[9] и Ваши – о роли партийных групп в отделениях Союза писателей.

---

[1] Земной Вадим Павлович (Иван Глухота) (1902–1980?) – поэт. Участник I съезда советских писателей. В 1934 г. секретарь краевого союза ССП. Преподавал политэкономию и историю классовой борьбы.

[2] Ставский Владимир Петрович (1900–1943) – писатель. Генеральный секретарь СП СССР в 1936–1941 гг.

[3] ГАНИСО. Ф. 136. Д. 784. Л. 153–156.

[4] Бабушкин Виктор Федорович (1894–1958) – писатель. Репрессирован.

[5] Волков Виталий Михайлович (1910–?) – поэт, журналист. Репрессирован.

[6] Касперский Владимир Владимирович (1896–1938) – инструктор по печати в аппарате ЦК ВКП(б), затем – ответственный редактор газеты «Коммунист». Расстрелян.

[7] Смирнов-Ульяновский Валентин Александрович (1897–1982) – поэт, прозаик, драматург.

[8] Кассиль Иосиф Абрамович (1908–1938) – критик, прозаик, младший брат Льва Кассиля. Был ответственным секретарем правления Саратовского отделения Союза писателей, преподавал марксизм, заведовал литературным отделом газеты «Коммунист». Входил в редколлегию альманаха «Литературный Саратов». Расстрелян.

[9] Стецкий Алексей Иванович (1896–1938) – советский партийный деятель, с 1927 г. член ЦК ВКП(б). Расстрелян.

2. Обком ВКП(б) ничего не знает о жизни и работе Саратовского отделения С.С.П., так как многочисленные «руководители» нашего отделения, чтобы не получить выговора за плохую работу, занимаются очковтирательством и вводят в заблуждение бюро Обкома.

Казалось бы, что вмешательство органов НКВД должно было напомнить о существовании писателей, казалось бы, что Обком партии обязан был помочь нашему отделению отряхнуться от мерзостей и приняться за серьезную творческую работу, – но ничего этого не случилось. Наоборот, после изъятия явных врагов народа наступила полоса полного равнодушия к делам и судьбам литературной организации культурнейшего волжского города.

3. Руководители нашего отделения С.С.П. – председатель Касперский (редактор газеты «Коммунист»), ответственный секретарь Кассиль – абсолютно бездействуют: Касперский – потому, что перегружен основной работой, Кассиль – потому, что за его спиной стоят невидимые, но совершенно реальные покровители. Только так объясняют наши люди, в том числе и я, неуязвимость Кассиля, который уже полтора года совершенно напрасно получает 500 руб. в месяц за так называемое «руководство» Саратовским отделением С.С.П.

Какова цена этому «руководству», можно судить по протоколу писательского собрания от 16-го августа 1936 г., в котором записано единодушное требование всех писателей с правлением во главе о немедленном отстранении бездействующего Кассиля от руководства. Я передал этот протокол в Обком на второй же день... но Кассиль продолжает работать.

5-го ноября 1936 г. в письме, адресованном Вам лично и Обкому, мы снова требовали снятия Кассиля (письмо подписали 8 человек, в том числе 4 коммуниста и все правление)... и Кассиль продолжает «работать».

Два месяца назад от имени всей организации я заявил тов. Касперскому категорический протест по поводу «работы» Кассиля... но Кассиль продолжает «работать».

Все это привело к тому, что писатели, чувствуя за спиной Кассиля покровителей (в том числе – Касперского и Льва Кассиля из Москвы) перестали критиковать бездействие «руководителей», но, затаив законное возмущение, идут в кабаки, пьянствуют, ведут склочные, обывательские разговоры и упрашивают меня махнуть на все рукой и не писать в Москву, так как «все равно ничего не выйдет, только зря нервы портить будем».

Не случайно поэтому на все запросы Всесоюзного правления мы отвечаем скупо, с огромными опозданиями, либо не отвечаем вовсе. Рядовые писатели, наученные горьким опытом, больше ничему не верят, а «вожди» отделения прямо заинтересованы в том, чтобы Москва не знала о наших делах.

Не случайно поэтому в выходящем на днях альманахе печатается повесть[1] Кассиля (забракованная всей организацией), о которой даже беспартийный Ст. Дальний[2] писал: «Более жуткого никогда ничего не приходилось читать... Это поистине антихудожественная и политически вредная стряпня»...

...Как заместитель редактора альманаха я предложил изъять повесть Кассиля, но Касперский отклонил мое требование, я написал официальное письмо-заявление, но Касперский отказался его принять (я направляю это письмо Вам).

...Третий месяц я настаиваю на проведении писательского собрания, чтобы обсудить вопросы подготовки к 20-летию Октября, чтобы помочь писателям в их творческой работе, посвященной 20-летию социалистической революции в СССР, но Кассиль саботирует мое предложение, и я знаю почему: все писатели, собранные воедино, решительно заговорят о «руководителях», т.е. о Кассиле в первую очередь.

В такой атмосфере, затхлой и душной, приходится жить и работать.

Жизнью писателя в Саратове никогда и никто не интересовался. Все областные и городские партийные, комсомольские, советские организации не знают своих писателей, не помогают им, не болеют за судьбы областной художественной литературы.

Областное «переиздательство» продолжает переиздавать корифеев, действительных и мнимых, и совершенно не помогает, да и не хочет помогать своим писателям. Больше того, окружив себя

[1] Речь идет о повести И. Кассиля «Крутая ступень».

[2] Степан Дальний – псевдоним Дмитрия Самсонова (1895 – не позднее 1945). Поэт, журналист. Репрессирован.

случайным авторским коллективом, представители которого то и дело отсекаются органами НКВД, Саратовское издательство игнорирует местных писателей, издевается над ними. Был случай, когда редактор художественной литературы в беседе с одним из наших писателей заявил: «Если бы ты не работал в Союзе писателей, мы скорее бы издали твою книгу».

...Вот почему я убедительно прошу Вас ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) о моем праве на выезд из Саратова. Этот вопрос я поднимаю здесь около двух лет, но меня не отпускают... Я согласен работать в любом городе Советского Союза, только не в Саратове, где расти писатель не может, – в этом вероятно убедились все посетившие нас писатели-москвичи: Ф. Гладков[1], Ф. Панферов[2], М. Голодный[3], А. Веселый[4], Замойский[5], А. Богданов[6], Дорогойченко[7] и другие товарищи.

Реакция на жалобу Вадима Земного, вероятно, превзошла его ожидания. 15 мая в «Литературной газете» появилась разгромная рецензия[8] на альманах «Литературный Саратов», и в тот же день ее автор – А. Жучков приехал в Саратов, чтобы выступить на собрании местных писателей.

Конфликты в саратовском СП, которые предшествовали письму Земного, описаны в предыдущей публикации[9] данного цикла, а также в воспоминаниях писателя Николая Кирюхина[10].

Стенограмма[11] общего собрания писателей г. Саратова по отчету правления областного отделения Союза писателей велась с 15 мая по 16 мая 1937 г. и приводится в сокращении.

Собрание Саратовского отделения Союза советских писателей от 15 мая 1937 г.

Отчетный доклад правления Саратовского отделения Союза писателей – тов. Кассиль.

Товарищи! Областное правление Союза писателей отчитывается впервые за свое существование после Первого съезда писателей[12], это происходит в тот момент, когда в нашей стране происходит ряд чрезвычайно важных событий, безусловно показывающих величайший рост культуры в нашей стране, оживление всей жизни нашей советской страны. Серия отчетов правлений, прошедшая в ряде городов, московское собрание писателей, доклады на пушкинских собраниях, носящие отчетный характер, – все эти моменты происходят в условиях, когда в нашей стране принята Конституция, являющаяся завершением победы социализма. Отчеты, которые прошли на местах, в Ростове, в Казани, проходящий у нас, организуются в те дни, когда наша страна обсуждает вопросы третьего пятилетнего плана, когда идет практическое осуществление решений Февральского пленума ЦК. Проводящиеся районные, городские и областные конференции, все те животрепещущие вопросы, которые поднимаются в области культурного строительства и строительства 3-й пятилетки – все эти моменты находятся в неразрывной связи с большим демократизмом, с подъемом активности всех трудящихся масс населения. Прошедшие перевыборы партийных организаций, Пленум ВЦСПС, готовящиеся городская и областная конференции, громаднейший рост активности масс трудящихся,

[1] Гладков Федор Васильевич (1883–1958) – писатель.

[2] Панферов Федор Иванович (1896–1960) – писатель.

[3] Голодный Михаил Семенович (настоящая фамилия – Эпштейн; 1903–1949) – поэт, переводчик и журналист.

[4] Артем Веселый (настоящее имя Николай Иванович Кочкуров; 1899–1938) – писатель. Расстрелян.

[5] Замойский Петр Иванович (настоящая фамилия – Зевалкин; 1896–1958) – писатель.

[6] Богданов Александр Алексеевич (1874–1939) – писатель.

[7] Дорогойченко Алексей Яковлевич (1894–1947) – поэт, прозаик.

[8] А. Жучков. Литературный и идейный брак. – Литературная газета», 15 мая 1937 г.

[9] Алексей Голицын. Земной и Мухина. О быте и нравах саратовских писателей времен Большого террора. – Волга. 2017. № 1-2.

[10] Николай Кирюхин. Страшные годы. Пережитое. – Волга. 2014. № 11-12.

[11] ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Ед. хр. 1128.

[12] Первый съезд советских писателей проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Делегатами от Саратовского края на нем были Виктор Бабушкин, Степан Дальний, Алексей Дорогойченко и Вадим Земной.

общий их подъем, все это говорит о культурном росте нашего Советского Союза. Это оживление, которое наблюдается на всех участках нашей страны, не может пройти мимо и против оживления на литературном фронте. 1937 год с самого же начала принес немало побед на культурном фронте и, в частности, на литературном фронте. Блестяще проведенные пушкинские дни, декады национальных искусств – грузинского и узбекского в Москве и казахского – в Ленинграде, выходящие сейчас новые книги: Вирта[1] «Закономерность», Панферова 4-я часть «Брусков» – «Творчество», новый роман Синклера «У нас это невозможно»[2] – все это говорит о том, что наша страна живет животрепещущей жизнью, осваивает новые культурные вопросы.

В этих условиях общего подъема нашей страны, в условиях подъема, имеющегося в нашей области, что подтверждается прошедшими выборами парткомов <*пропуск в стенограмме*> общая волна самокритики, развернувшаяся на всех активах, показала, что в нашей области имеется движение вперед на очень многих участках.

Теперь перейду непосредственно к нашему положению, к повестке дня нашего сегодняшнего собрания. Делая сегодня отчет областного правления Союза советских писателей за 2,5 года работы, мы должны со всей самокритичностью отметить, что в нашей организации <...> самокритика не чувствуется, не чувствуется вышеперечисленный общий подъем в стране и на большинстве участков по нашей Саратовской области.

Несколько слов об истории областного правления Саратовского отделения Союза советских писателей, для того, чтобы проиллюстрировать целый ряд изменений, которые испытывала организация писателей за время своего существования.

Около трех лет тому назад собрался съезд писателей, в состав которого только что приняты были члены и кандидаты Союза, утвержденные Москвой. На этом съезде присутствовал и целый ряд гостей. Этот съезд избрал делегацию на Всесоюзный съезд и правление в поставе следующих товарищей: <*пропуск в стенограмме*>

После выборов правления и возвращения делегатов со Всесоюзного съезда началась организационная работа по подготовке и оформлению лица правления. Начиная с октября месяца, примерно, до февраля 1935 года проходил длительный период организационной неразберихи и отчаянная борьба между «портфелями».

Чрезвычайно много созданию организационной неразберихи всякого рода срывов способствовал контрреволюционер, ныне разоблаченный враг народа Виктор Бабушкин, который группировал молодых троцкистов, высказывал контрреволюционные мысли по поводу создания советской литературы, мобилизуя группу молодежи, заявлял ей, что этой молодежи принадлежит будущее в литературе под его руководством.

Эта группа была разоблачена в феврале 1935 года, когда Виктор Бабушкин до разоблачения органами НКВД был разоблачен партгруппой и исключен на партии. Так было с исключенным из Союза его приспешником Виталием Волковым, ныне умершим.

После разоблачения и очистки от чуждых элементов, <*пропуск в стенограмме*> начался период оживления, период творческого роста небольшой писательской группы. За весь 1934 год и начало 1935 года мы имели группу писателей, но не имели почти книг. Единственная книга, которая была создана писателями, это «Горячий дым» Вадима Земного. Эта книга, получившая различную оценку, имеет сейчас тот существенный недостаток, что редактором, независимо от воли Земного, оказался ныне разоблаченный враг народа <*пропуск в стенограмме*>.

Начиная с 1935 года и до 1936 года, это был период наибольшего оживления для всего Саратовского отделения Союза советских писателей. В это время заключили договора и выпустили книги ряд товарищей. Вышел сборник пьес, где ведущее место занял т. Борисов[3]. <...>

Одновременно с этим писатели приняли участие в составлении сборника «Литературный Саратов», альманах №1.

---

[1] Вирта Николай Евгеньевич (настоящая фамилия Карельский; 1905–1976) – писатель.

[2] «У нас это невозможно» (англ. It Can't Happen Here) – роман 1935 года американского писателя Синклера Льюиса (1885–1951).

[3] Борисов Дмитрий Михайлович (1883–1948) – журналист, писатель.

С точки зрения выпуска продукции, этот год, начиная с января 1935 г. и по декабрь 1935 года, включая сюда первые месяцы 1936 года, был наиболее благополучным. Земной в это время выпускает книгу «Страна цветов», «Горячий дым». <...>

Вот, так сказать, годы наибольшей продукции, вернее сказать, месяцы наибольшей продукции.

Как была поставлена организационная работа? В это время в составе правления произошел ряд изменений. С января м-ца 1935 года решением бюро Крайкома партии я был рекомендован в Союз для исполнения обязанностей ответственного секретаря, а тов. Касаткин – председателя. Была избрана редколлегия в составе: т.т. Касаткина, Смирнова, Кассиля и *<пропуск в стенограмме>* из Немреспублики, и пошла работа по подготовке литературного сборника.

Кроме этого, в течение 1935-1936 года мы обсудили ряд творческих вопросов, обсудили две книги «Не переводя дыхание» Эренбурга, «Петр Первый» Толстого. Провели занятия поэтической секции. На общем собрании в 1936 году ставили и обсуждали итоги пленума правления писателей, о Минском пленуме. Затем специальное собрание было посвящено обсуждению ошибок Мариэтты Шагинян. Разбирали и обсуждали Земного, Королькова[1] – их произведения. 3 раза собирались, чтобы обсуждать произведения Валентины Мухиной[2]. Наконец, большое собрание с приехавшим товарищем было проведено в 1935 году – в присутствии товарища Ф. Гладкова, который знакомился с нашим творчеством и высказывался по выступлениям. Нужно и эту сторону осветить – непосредственную работу Союза помимо творчества.

Третья сторона работы – различные выступления писателей на местах, выступления с докладами на заводах, в институтах, в лагерях и в целом ряде рабочих клубов.

Вот как обстоит дело с точки зрения творческой продукции и, как видите, эта работа выводила нас за пределы комнаты № 15 Дворца труда[3].

Нужно сказать, что за это время у нас мало ставились творческие вопросы. Было проведено обсуждение романа А. Толстого – «Петр Первый», обсуждение произведений Эренбурга – «Не переводя дыхание», «День второй», но надо сказать, что эти обсуждения себя не оправдывали, так как участие читателей в них было очень небольшое, несмотря на то, что помещались извещения о них в газете. Товарищи, приходящие на эти выступления из институтов, готовились к выступлениям, зачастую они оказывались сильнее, чем мы. Я помню, например, очень активное выступление студента пединститута при обсуждении «Петра Первого». После этого мы вели работу по выпуску альманаха № 2, что привело к свертыванию творческой работы. В это время к нам влилось несколько товарищей, в том числе Борис Неводов[4], *<пропуск в стенограмме>* влился Дмитрий Борисов[5], пришел Юрьев[6], заключивший договор на детскую книгу и выступивший в альманахе со своим рассказом, затем пришел Ленский[7], стала печататься Мухина. Этот определенный застой в выпуске творческой продукции привел к тому, что мы стали сокращать проведение собраний, в связи с чем наше творчество стало расти чрезвычайно медленно. Я вам уже перечислил, сколько книг мы имели за 1935-36 гг. Почти каждый, кто претендовал на звание писателя, что-то выпустил, каждый имел договор. Начиная же с 1936 г., мы ничего не имели вплоть до выпуска альманаха № 2, чего-либо выпущенного Союзом писателей. Вот это падение от 6 книг в прошлом году к одному сборнику и свидетельствовало об общем упадке работы писателей. В связи с этим мы имеем наличие разлагательной линии – расчет на то, что если мы будем давать творческие отпуска, это будет стимулировать работу каждого писателя. Правление, выделяя творческие отпуска, опиралось на договора, которые были заключены с

[1] Корольков Николай Романович (1906 – не ранее 1972) – поэт, журналист.

[2] Мухина (Петринская) Валентина Михайловна (1909–1993) – писательница.

[3] В этом помещении располагалось саратовское отделение Союза писателей.

[4] Неводов Борис Семенович (1900–1957) – писатель.

[5] Борисов Дмитрий Михайлович (1883–1948) – журналист, прозаик, редактор Нижневолжского краевого издательства.

[6] Юрьев Михаил Иванович (1898–?) – писатель, консультант отделения Союза писателей, автор повести «Мухтар».

[7] Ленский Владимир – саратовский писатель.

писателями. Эти отпуска были выданы всему активу, я буду называть эту группу товарищей авторами альманаха, так как они являлись наиболее активной группой, которая наиболее часто появлялась в печати. Выдача творческих отпусков в результате привела к материальному улучшению жизни товарищей и покупке дров, костюмов, галош, к уплате задолженности по квартире – и только. Нельзя сказать, что эти товарищи за время отпусков ничего не писали, каждый что-то из отпуска приносил, но он мог бы дать это и без отпуска, так что нельзя сказать, что этот отпуск благотворно отразился на творческом росте данного товарища.

В конечном счете все это свелось к простой материальной помощи. В конечном счете творческие отпуска ни в какой степени себя не оправдали. Это была надбавка к гонорару, невразумительная раздача средств. Мы встали на путь доброго дядюшки из областного Союза советских писателей.

Когда наступила осень этого года, то здесь работа пошла по линии подготовки нового альманаха. Вопрос о выходе книги стал приобретать иную плоскость. Многие товарищи заключили договора, но качества не оказалось, чтобы можно было работы выпускать. Саратовский ОблГИЗ считал, что вещи приемлемые, но посылая их в Москву, получал отрицательные отзывы. Так было с книгой Королькова, которая была апробирована Союзом писателей, в основном одобрена Облгизом, хотя официального ответа он не давал, но забракована правлением Союза писателей в Москве. Так было с книгой Тимохина[1] с той лишь разницей, что рецензию Всесоюзное правление не давало, а давал РАПП, обратился с личным письмом к Тимохину, очень крепко критикуя его книгу. Это положение, в котором очутились Тимохин и Корольков, оно затормозило их творческий рост. Они потеряли чувство уверенности, они не знали, есть смысл дальше работать или нет.

Как товарищей, хорошо выполняющих свои договора, я имею в виду Борисова и Юрьева – автора «Белой нефти». Отдельные произведения лежали в портфеле года по полтора. Отсутствие уверенности, что Москва не забракует, отсутствие уверенности в себе, все это создавало определенный творческий застой.

Надо сказать, что самый плохой период работы в саратовском отделении Союза писателей наступил с февраля м-ца с/г., с Пушкинских дней до сегодняшнего дня. Во всей слабости работы особенно начался развал после появления статей в «Молодом Сталинце» и в «Коммунисте». Если развал до некоторой степени сглаживался, когда зашел вопрос о выпуске альманаха №3, о выпуске Пушкинского сборника[2], то после их выпуска работа как-то совершенно застыла.

Если взять общий подъем, общее оживление, которое происходит у нас в стране, у нас в области с литературным ростом и особенно сравнить с саратовским отделением Союза писателей, то мы влачим жалкое существование, жутко отстаем от общих успехов страны и области.

Возьмем состав нашего Союза. У нас были приняты в Союз на Всесоюзном съезде т. Земной, Дальний, затем люди, которые были впоследствии разоблачены. <*пропуск в стенограмме*> был исключен по политическим материалам, исключен впоследствии Лепусе, не выпустивший в своей жизни ни одной статьи, ни одной книги, принятый в состав как представитель военной организации. Он выехал совсем из пределов Саратовской области в распоряжение ПРИВО.

Степан Дальний был также принят в Союз писателей, но за время пребывания его в Союзе мы ничего от него не имели, кроме нескольких колхозных сборников, и не можем зачесть ему что-либо в актив. В первом номере альманаха помещен его очерк, в третьем номере помещены рассказы, которые являются доработкой тех рассказов, которые он написал раньше. Сейчас он говорит, что он работает над повестью, у него заключен договор. Он об этом расскажет сам.

Кто же у нас вырос за это время? После съезда в Союз принято двое: в кандидаты Союза приняты – Смирнов-Ульяновский и Корольков, принятый после книги «Победители»[3]. Корольков был вызван в Москву на курсы. Подал заявление о приеме в Союз Дмитрий Борисов. Много заявлений подано с мест, но нет особых оснований разбирать эти заявления, так как творчество к ним не приложено.

В составе альманаха 13 авторов. Нужно будет прямо сказать, что мы не сумели обеспечить такого роста молодежи, чтобы товарищей можно было принять в Союз. Мы приняли Борисова, но он имел

[1] Тимохин Виктор Александрович (1909–1967) – поэт, журналист.

[2] А. С. Пушкин. 1837–1937. Сборник статей и материалов. Саратовское обл. изд., Саратов, 1937.

[3] Корольков Николай. Победители. – Саратовское гос. изд-во, 1936.

для этого основания. Мне кажется, что никакого бунта эти товарищи поднять не могут, т.к. у них для этого нет никаких данных.

Таким образом, надо признать, что с точки зрения творческого роста нами ничего не сделано, а то, что мы приняли в Союз Смирнова-Ульяновского и Королькова, то это уже не молодые, начинающие писатели: Смирнов-Ульяновский начал писать с 1920 года, Корольков имеет до *<пропуск в стенограмме>* стихов. Это не может быть записано в актив Союза. Даже если очень внимательно следить за альманахами, и то нельзя увидеть, какой товарищ растет от одного до другого номера альманаха, не чувствуется никакого роста ни у одного товарища.

Что из себя представляют авторы альманаха? Я могу дать характеристику их творческого лица. Я буду оперировать той творческой продукцией, которую они дали. Земной, член Союза, автор 3-х произведений: «Горячий дым»[1], «Страна цветов»[2] – и «Орден Ленина»[3]. Первые две книги – это стихи, и я настаиваю, что «Страна цветов» является определенным ростом автора. Что же касается его прозаического произведения – «Орден Ленина», то против этой книги выступила областная газета, считают, что она не оправдала тех благих намерений, которые были у автора, считают, что сама ситуация чрезвычайно надумана, беден язык и что развитие сюжета недостаточно соответствует возросшим требованиям, которые предъявляются детьми. Это мнение было подтверждено детским журналом[4]. За это время Земной написал ряд стихов, помещенных в альманахе № 3. Это стихи главным образом исторического характера, среди них есть и удачные стихи. Я констатирую то, что было, немного высказываю свое мнение.

Степан Дальний. О творчестве его чрезвычайно трудно говорить потому, что он все-таки известен в последние годы как журналист. У него был ряд колхозных очерков. Его рассказы в третьем номере «Литературный Саратов» страдают отдельными недочетами, они представляют определенную культуру, но они страдают тем, что это не новые рассказы, а повторение прежних рассказов.

Степан Дальний недостаточно оправдывает свое звание как члена Союза, он является писателем-профессионалом, он никогда не работал только по отдельным заданиям. У него имеются все возможности, чтобы творить. Были у него отдельные неприятности семейные, не так давно у него умерла жена, не так давно у него зверски убили брата. Все это накладывает определенный отпечаток, и все-таки в промежутках у него имелись все возможности взять себя в руки и работать. Творческие отпуска у нас давались достаточные, времени свободного достаточно. Он у нас проводил консультации через 1-2, и это его единственная материальная поддержка, в основном он живет на авансах, на поддержке Союза писателей из средств литературного фонда. Условия для литературного творчества у него были, даже принимая во внимание семейные несчастья, которые у него были.

Возьмите следующего товарища Смирнова-Ульяновского. Я перечислил целый ряд недостатков в Союзе, т. Смирнов-Ульяновский показал как раз обратный пример. Неприятно говорить об этом, всем известно, что у него было большое горе, правда, его поддержали товарищи, поддержала общественность, чтобы не впасть в уныние, он со всей серьезностью взялся за творческие литературоведческие вопросы.

Долгое время Смирнов-Ульяновский не находил творческого лица, писал пьесы, писал стихи, писал рассказы, в последнее время он выявил себя по литературоведческим вопросам. Он показал пример, в месяцы чрезвычайно тяжелых переживаний Смирнов-Ульяновский лучше всех писателей откликнулся на Пушкинские дни. Из всего того, что было напечатано, если не считать двух рассказов Волкова, он подошел наиболее капитально к статье «Пушкин и декабристы», которая получила свое отражение в Пушкинском сборнике, где отражен единственный представитель Союза, т.к. остальные авторы были представители литературного актива вроде Кассиль, Григорович – профессора, преподаватели и т.д.

Недостатком является то, что Смирнов-Ульяновский при всем его стремлении, желании работать, чувствует уверенность в его литературоведческом лице, его до сих пор тянет на др. жанры. Ли-

[1] Земной Вадим. Горячий дым (стихи 1927–1933 гг.). – Сталинград. гос. изд-во, 1934.

[2] Земной Вадим. Страна цветов. – Сарат. гос. изд-во, 1935.

[3] Земной Вадим. Орден Ленина. – Сарат. краев. изд-во, 1936.

[4] «Детская литература», №8, 1937 г.

тературоведение является для него наиболее подходящим. Стихи были у него не особенно удачными, и пьесы, за которые я несу полную ответственность, поскольку я являлся редактором пьесы «Тракторы». <...>

Тов. Корольков. О нем говорят, что это способный товарищ, но это не значит, что у Королькова все благополучно, он имел большие подъемы и спады. После книги «Победители» у него был подъем, он шел к новой книге, писал новые стихи, но, побывав в Москве, после нескольких неудач там, когда не была принята его книга, он разочаровался, ударился в богему и сейчас он превратился в писателя есенинского типа. За последнее время у него нет никакой определенной работы, и надо прямо сказать, что Корольков встал на определенно неправильный путь. Почему это произошло? Когда Корольков приехал из Москвы, он завертелся в омуте, попал в нездоровую обстановку и стал отходить от творчества.

Вот вам творческое лицо четырех членов Союза. Как видите, сказать о них что-либо положительное мы не можем. Все же надо сказать, что поведение Смирнова-Ульяновского, по сравнению с поведением Королькова и Дальнего, гораздо лучше. Что же касается Земного, то это человек, страдающий целым рядом внешних вопросов творчества, зачастую он идет по линии перехлестки, ударяется в вопросы бытовые, связанные с материальным положением, на определенное время он бросает творчество, занимается перепиской, собирает подписи и т.п. Его «Поэма о браунинге» начата давно, свой творческий отпуск он выполнил – дал книгу, но сейчас чувствуется, что эту книгу он еще не закончил. Он создает всевозможные группки, занимается перепиской, стремится к каким-то благородным делам, но все это сводится к перебранкам, шушуканью, богеме. У нас ведутся такие разговоры: Кассилю говорят, что Земной про него говорит то-то, а Земному – что Кассиль про него говорит то-то, Земной начинает объясняться, и в результате оба не работают.

Тов. Жучков. Значит, по-вашему, Земной причина пьянок. Хорошо бы, чтобы вы привели несколько фактов, которые характеризуют его как сплетника, собирателя всяких подписей, организатора этих склок.

– Я не употреблял такого термина – сплетник. Я говорил, что Земной стремится к благородным делам, но у него получается как-то не то. Я могу привести такой факт. Месяца три тому назад один из писателей, я могу назвать его фамилию, пришел ко мне на квартиру с сообщением, что правлением послан материал, организованный Земным, за подписью целого ряда людей, в этом материале дается ряд положений, что Кассиль группирует вокруг себя Королькова, Мухину, группу нездоровых людей...

Этот материал был направлен в Москву и, кажется, в копии обкому партии. Кое-кто подписал этот материал, кое-кто отказался его подписывать. Я знаю, Борисов отказался. Борис Озерный[1] мне еще рассказал об этом материале, где меня обвиняют в группировке. Это было, когда т. Касперский был в отпуске. Через некоторое время мне в этом сознался т. Ленский, который подписал этот документ. Он сознался в том, что он был зол, что его произведения не пропускали.

Тов. Ленский с места: Ведь это глупость.

– На другой день утром ты позвонил и мне сказал, что ты послал в Москву письмо, что ты свою подпись снимаешь. Я совершенно не могу отстаивать, что товарищи написали неправильные вещи, но почему товарищи не пришли и не сказали, что мы о тебе, Кассиль, написали то-то? Зачем это делалось фракционным путем и меня обвиняют в группировке?

Голос с места: Написать может каждый, и почему это фракция?

– Это первый момент. Дальше возьмите в отношении Мухиной. Не было четкой принципиальной линии, вот за что я обвиняю Земного. У него по ряду вопросов не было принципиального мнения, в частности, в отношении Мухиной. У нас на заседании стоял вопрос в смысле оказания ей материальной помощи, и т. Земной, и т. Дальний, и т. Юрьев высказывались против, поскольку

1 Озерный (Дурнов) Борис Федорович (1911–1958) – поэт.

она является человеком политически непроверенным, а через 3 месяца ко мне поступило заявление Земного с другим мнением.

То же самое в отношении Нефедова. Земной даже в редакции газеты «Коммунист» накричал на Нефедова за то, что он просит творческий отпуск, а примерно через 3 месяца Земной звонит и заявляет, что ему стоит дать творческий отпуск. Это является минусом у Земного, о котором я говорил.

Я говорил о недостатках, минуя терминологию «сплетня». Тов. Земной иногда пытается взять инициативу в свои руки, но не доводит дело до конца, почему у него и был ряд ошибок, и что приводило иногда к курьезным вещам. <...> Земной решил раздать такие анкеты – над чем работает, в чем нуждаешься и т.д. Я выступил против этих анкет. Об этих анкетах говорилось, что они полностью не показывают лица человека. Я сказал товарищам, что я не буду заполнять эту анкету, некоторые товарищи эти анкеты заполняли, а другие нет. Это дело не проходило через Союз писателей.

Я хотел дать характеристику целого ряда людей, но меня прервали репликой, попросили привести факты. У нас говорят так: если писатели собрались, то ругают или Кассиля, или Земного. Я хочу поговорить здесь о другом. Возьмем, например, Юрьева. Я считаю, что он чрезвычайно способный и даровитый человек, но он за последнее время ударился в богему и это Юрьев, который привык очень много работать. Это объясняется тем, что он работает в Союзе бухгалтером, у него очень мало работы. Он какую-нибудь ведомость может составить в 15 минут, в банке у него так налажено дело, что он никогда в очереди не стоит, и благодаря этому у него очень много свободного времени. В результате этого он вместе с Корольковым и Земным впадает в богему. А ведь из Юрьева мог бы вырасти писатель, если бы он имел производственную базу.

Мухина принадлежит к числу наиболее творчески работающих людей. Она много пишет, сейчас она пишет мелкие рассказы, которые ей даются хуже, чем крупные вещи, и она сейчас взялась за большую работу. Ей не хватает политической грамотности, не хватает политического чутья, она много читает, но она человек еще не определившийся с точки зрения идеологической. Кроме того, у нее есть какой-то дух противоречия, протеста, это приводит к плохим результатам.

Ленский, Тимохин и Неводов – это люди, которые все время работают и не сделались профессионалами. Как надо понимать – профессионал? То, что этот человек нигде не получает зарплаты. Профессионал тот, кто имеет доход только от Союза советских писателей, кто связан только с литературной организацией. Земной – это профессионал, вся его работа связана с литературным творчеством. Степан Дальний, Борисов, Юрьев – это профессионалы. Как это ни странно, у нас не работают такие товарищи, как Цыкунов[1], которые считают, что всякая работа мешает творчеству. Они ходят и заявляют, что жить нечем. <...>

То же самое Борис Озерному помешал творческий отпуск. Он бросил работать потому, что условия мешают ему творить. Люди так настроены потому, что они знают, что Союз будет заботиться, есть добрый дядюшка, который о них будет заботиться. Сейчас Цыкунов входит в профессионалы вместе с Дальним, Юрьевым.

Я специально выделил товарищей Ленского, Тимохина и Нефедова как людей, связанных с производством. Тимохин не находил себе профиля, попав в редакцию газеты «Коммунист», из него вырабатывается журналист, литератор, он пишет стихи. Его стихи показывают творческий рост. Он отошел от многих вопросов, связанных с пятнадцатой комнатой, попал в здоровую литературную среду и даже стал неузнаваем.

Ленский – преподаватель дисциплины сопротивление материалов. У него ряд серьезных творческих недочетов. У него получается, что Москва одобряет неофициально, даются определенные суждения крупными писателями, а издательство не может печатать его отдельные рассказы. Мы не хотим признать, что Ленский неталантлив, он много работает, много печатался, иногда бывают проблески. У него не хватает литературного профиля. <...>

У Нефедова после ряда катастроф получился скачок вверх. Его «Дерзание» неудачно получилось, а сейчас он работает довольно серьезно, но у него есть часто настроение заниматься разговорчиками вместо того, чтобы вопросы по-деловому ставить.

1 Цыкунов (Цикунов) Иван Логинович (1900–?) – прозаик. Агроном по образованию, печатал рассказы в журналах «Комбайн», «Коллективист» и в «Литсборнике» (Ташкент). Работал начальником производства в трудколонии в районе 2-й Гуселки около Саратова.

Целый ряд товарищей, которые много пишут, имеют маленькое отношение к комнате № 15. Я имею в виду т. Матвеенко[1], который много написал в этом году, несколько печатных листов. Целый ряд одобрены, в частности, Центральным Издатом. <...>

Среди литкружковцев разные люди. <...> некоторые товарищи рано почувствовали себя писателями. Также и эти товарищи, некоторые из них ударились в богему. Например, Малышев, у которого целый ряд заявлений в ресторанных местах, что – я писатель. Это очень плохой симптом, показывающий, что эти товарищи не смогут расти дальше и что они совершенно неправильно встали на такой нездоровый путь.

Несколько особое положение занимают т. Дубасов[2] и Грицаенко, которые берут на себя очень много. Они считают себя равными Королькову и другим, но они стихи стали писать еще хуже. Надо сказать, что было время, когда Грицаенко прислал в Союз писателей гнусную анонимку. К нему отнеслись в Союзе с презрением. После этого прошел год, он работал в районе, а потом он опять появился в Союзе писателей с большим гонором. Он нигде никогда не печатался, но представляет себя как представителя писателей. Правда, Грицаенко человек подающий некоторые надежды в области прозы.

Как видите, мы не сумели выдвинуть новых людей, мы не можем назвать никого, кого бы мы вырастили. Это очень плохо, т.к. Москва предоставила нам для этого все возможности. Например, в Заочный институт был принят ряд товарищей: я, Цыкунов, Мухина. В прошлом году Цыкунов перестал учиться. Я выполнил две работы на отлично, но надо было выполнить четыре работы. Озерный послал работу, получил неудовлетворительную оценку и забросил это дело – к чорту, не буду учиться. Мухина же получила удовлетворительную оценку, но тоже перестала работать. Недавно мы получили письмо из заочного института, в котором нас просят собрать этих людей, выяснить к 1 июня, кто будет учиться. Ведь там условия замечательные, вызывают на месяц, предоставляют квартиру, кормят, поят, возят по театрам – таких условий у других институтов нет. Все это щедрый литфонд, но, несмотря и на такие условия, люди не учатся.

Как поставлена учеба у нас? <...> Мухина ходила на занятия по истории партии, ходил Тимохин, все остальные товарищи заявили, что ходить на занятия к 10 час. утра они не могут, так как это рано, а ехать приходится далеко. Никто на занятия не ходит, по-видимому, люди считают себя чрезвычайно грамотными.

Читают ли наши товарищи? Я как-то просматривал библиотечную книгу. Читает – Матвеенко, Мухина много читает, а остальные читают очень мало. Корольков и Степан Дальний мало читают...

Дальний: Почему это ты так заявляешь? Что, ты у меня под письменным столом, что ли, сидишь?

– Я это заявляю потому, что ты сам об этом говорил, ты сам меня как-то спросил, что написал Лион Фейхтвангер. Как видите, с этим обстоит дело плохо. Начитанность у нас у всех на чрезвычайно низком уровне.

Вот как обстоит дело с литературными кадрами. Что можно сделать? У нас имеется редакция альманаха, имеются товарищи, числящиеся в Союзе писателей членами и кандидатами, имеются писатели, которые не имеют членских билетов, но нет оснований к тому, чтобы они перестали быть писателями. Я считаю, что то положение, которое сейчас существует, когда имеется масса вопросов, когда люди поднимают вопрос об учебе, когда вся эта масса вопросов лежит до следующего собрания, когда из-за неразрешения их мы начинаем кивать друг на друга, мнение есть такое не только правление закрыть, но закрыть и 15-ю комнату. До тех пор, пока будет существовать 15-я комната, люди не будут работать, будут рассчитывать на Союз, как бухгалтер сказал: у нас 60 тыс. рублей, их нужно обязательно освоить, люди будут творить, а не будут пьянствовать. Я считаю, что у нас людей мало и нет никакого основания иметь специальное отделение Союза советских писателей. Мы находимся в очень тяжелом положении, Облисполком тратит много денег на нашу организацию, а авто-

1 Матвеенко Александр Николаевич (1894–1954) – писатель.

2 Дубасов Игнатий Антонович (1910–?) – поэт. В 1932–1934 гг. печатал стихи в Гомеле, Ленинграде, Смоленске и Минске. Работал инструктором по военной работе в газете «Правда Саратовского края».

ритета организация не имеет. В этом виноваты мы все, не снимают с себя ответственность за работу саратовского отделения все правление, в том числе и т. Касперский и тов. Кассиль.

Почему создалась такая обстановка, потому что ни тов. Касперский, ни тов. Кассиль недостаточно вникали? Нас ругали подчас, что мы здесь не бывали. Когда придешь в Союз писателей, сидят и разговаривают о театральных билетах, о новостях. Есть ведь это, не сумели это дело преодолеть. Что, сигнализировали плохо? Мое мнение сводится к следующему, что нужно решительным образом пресечь это, сделать упор на организацию литературного движения на местах и оставить редакцию альманаха, где будут заниматься вопросами творчества. Кроме того, у нас есть областное издательство. Консультация может быть при альманахе, и может быть при Облгизе, и при редакции газеты «Коммунист». Работали плохо. В последнее время было чрезвычайно трудно работать, ты уходишь и приходишь, зная, что тебя ждет какая-то очередная вещь, очередной надуманный вопрос. Творческий рост может начаться только тогда, когда люди будут работать на производстве. Работа на производстве не исключает того, чтобы быть писателем.

Тов. Чепурин[1]: Почему раньше редактором альманаха был Смирнов-Ульяновский?

– Он никогда официально редактором не был, он был член редколлегии, после этого он был отпущен в Институт Красной профессуры, но по возрасту ему поступить не удалось. Когда он приехал в Саратов, Крайком направил его на работу в Радиокомитет и редактором был назначен т. Касперский.

Тов. Чепурин: Если раньше были замечены факты склоки, принимались ли меры борьбы с этой склокой в писательской среде, или же они оставались безнаказанными? Что конкретно сделано?

– Формально склоку можно разделить на несколько частей. Одно время она даже носила законный характер – во времена Бабушкина. Затем склока несколько стихла и особенно она разгорелась с осени этого года. На последнем собрании, не так давно, примерно в январе (смех) мы поднимали ряд конфликтных вопросов, но непосредственно вопросом о склоке не занимались. <...>

Борис Озерный: Несколько раз ставился вопрос о помощи в учебе. Мы просили организовать лекции по древнегреческой литературе и др. Почему не организовали эту помощь?

– Мне кажется, что вряд ли бы эти лекции могли бы что-нибудь сказать заочникам. Затем, пришел бы лектор для 2-х людей. Эту помощь каждый мог получить в институте.

Заключительное слово, тов. Кассиль:

Я считаю, что наше собрание, конечно, отличается от всех наших предыдущих, во-первых, своим практическим результатом, во-вторых, сравнительно большой принципиальностью постановки вопроса в ряде выступлений. Правда, здесь не выступали некоторые сотрудники альманаха тов. Корольков и другие, зато здесь выступали и кружковцы, и первый раз на нашем собрании выступил председатель нашего правления и представитель обкома партии.

Все это представляет определенный интерес. Я считаю, что критика в основном была правильной и доклада, и работы правления Союза писателей. Что касается доклада, то здесь передо мной стояла чрезвычайно большая трудность – отчитаться за 2 с половиной года, не имея никакой установки. Дело в том, что мы должны были днем собраться, но этого не получилось. Поэтому мне не было дано развернутой линии, и я в докладе мог дать только обзор состояния работы и характеристики отдельных писателей.

Здесь совершенно правильно говорилось о том, что в работе были подъемы и спады, и теперь мы, очевидно, находимся накануне подъема, так как данное собрание должно привести к каким-то результатам.

Здесь многие товарищи говорили, что в работе правления была склока, другие говорили, что не было склоки. Мне кажется, что не так надо ставить вопрос. Я согласен с тов. Касперским, что было много гиперболизмов. Настроение у товарищей было такое перед собранием: многие говорили: «Мы

1 Чепурин Юлий Петрович (1914–2003) – писатель, драматург.

у вас никогда не были, а вот сегодня будем обязательно». Было какое-то смакование. Но, конечно, очень хорошо, что так горячо отнеслись к этому делу.

Ряд справок – в частности Грицаенко, который, кстати, не сказал, что он из себя представляет, поставил вопрос о том, что жены пользовались путевками. Об этом же говорил тов. Жучков. Тов. Жучков в этом отношении прав, так как, по-видимому, я для этого не имел никаких оснований. <...> Я все же уверен, что по состоянию здоровья жены ей дали бы путевку обязательно. Кроме того, путевкой пользовались и жены Борисова, Смирнова-Ульяновского и других.

Голос с места: Но ведь ты даже не кандидат в члены Союза.

– Но я был ответственным секретарем, не будучи ни членом, ни кандидатом Союза. Тут было явное нарушение устава. И вообще я считаю, что 60.000 не нужно было давать. И какое мы право имели пользоваться этими деньгами? Конечно, это незаконно.

Тов. Жучков: По правилу с Вас надо было бы эти деньги взыскать.

– Давайте со всех взыщем. Тут правильно говорили, что насчет собрания сложилось такое мнение, что меня будут судить на собрании. Я не хотел созывать собрания. Когда мы получили телеграмму Ставского, я поставил вопрос перед Касперским, что нужно делать доклад. Касперский мне сказал, что приедет Симонович и сделает доклад, потом ряд наших товарищей были в это время в командировке, и Земной говорил, что надо подождать, когда все съедутся, поэтому мы так и тянули. <...>

Я говорю о том, что была попытка затормозить собрание. Тут прохлопали ряд вопросов. То, что мы не проработали Конституции, решений Февральского пленума ЦК, за это мы несем ответственность, но если на это пошло, то нельзя снимать ответственность и с тебя, тов. Симонович. <*пропуск в стенограмме*> когда дело касается других вопросов – о балете, об опере, мы с тобой находим общий язык, а как дело доходит до писательского вопроса, так тебе некогда этим заниматься. Вопрос лежит в моей и в твоей индивидуальности, что мы к театру, к цирку имеем большое тяготение. Благодаря всему этому мы пришли к таким печальным результатам.

Мне кажется, что у нас есть все для ликвидации всех этих внутренних разногласий, которые не были склокой и не могут вырасти в склоку. Когда я говорил о ликвидации, я не имел в виду все распустить. У нас имеется 4 писателя, и никто не имеет права у них отбирать билеты. Я речь вел о том, что нужно закрыть 15-ю комнату и нужно всех сгруппировать вокруг альманаха. Товарищи правильно сказали, что когда приходишь в 15-ю комнату, там сидят и курят, и разговаривают. Речь идет о том, чтобы люди работали. Нельзя, чтобы люди с утра до вечера сидели и только разговаривали. <...>

Меня здесь критиковали много и, в частности, критиковали мою повесть «Крутая ступень». Я как прозаик первый раз выступаю. Я не претендую на то, что это повесть не имеет недостатков, но когда начинаются разговоры: – эх, тебя и ругают, эх, тебя и несут, то получается картина довольно неприятная.

...Когда Корольков первого мая позвонил мне в 4 часа утра, сказав, что он звонит из Москвы, хотя он был уже здесь, – он говорил: «эх, тебя и крыли». Здесь выступал Жучков и говорил, что эта повесть вредная. Я написал свою первую вещь. Конечно, ее надо критиковать. Очень правильно делал Неводов, который говорил мне о ней больше всех, указал на целый ряд недостатков. Ведь у меня же есть отзыв, что я написал неплохую статью о Пушкине. Затем целый ряд указаний Земного и Ульяновского были приняты.

Ленский: Можно ли было ее не напечатать, когда вы так скандалили?

– Я не проявлял никакой активности, чтобы повесть была напечатана. Касперский может это подтвердить, я полностью доверился редколлегии. Мне только не понравилось одно, что все дело свелось только к моей повести, а возьмите вы «Орден Ленина» Земного, про него сказано: (читает)

Тов. Земной: Это глупая, пошлая рецензия, но она правильна с начала и до конца.

– Я считаю, что наши взаимоотношения тоже здесь преувеличены.

Тов. Земной: Я тоже так считаю.

– Мы с ним никогда не ругались, он очень часто бывал у меня, а тут получилось так, что какие-то две противоположные линии, а меня, например, очень удивило, что Земной сказал: «Мне с тобой не по пути» и т.д.

Я признаю, что о моих недостатках здесь говорили правильно, но у Земного получилось так, что я конченный человек.

Тов. Земной: Интересно, какую линию ты займешь по отношению к организации. Я надеюсь, что ты проявишь мужество большевика и будешь вести себя так, как нужно.

Тов. Ленский: На днях мой один сослуживец – старый инженер рассказал мне такую быль: когда он учился в институте, вместе с ним учился сын директора ин-та и вместе с им окончил этот институт. Товарищ начал работать на производстве (тот, который мне об этом рассказал), а сын директора не пошел на работу, остался на иждивении отца и стал ходить по ресторанам. Разумеется, ходя по ресторанам, он обзавелся соответствующими ресторанными друзьями. И когда кто-нибудь говорил директору (кто не знал о поведении его сына): мы с Вашим Колей знакомы, он всегда говорил: «Не поздравляю Вас». По аналогии с этим случаем я хочу сказать и о себе. Если бы мне близкие сказали: «Мы знакомы с целым рядом саратовских писателей», я бы также сказал: «Не поздравляю Вас». Нетоварищеское отношение друг к другу царит здесь очень давно. Я не знаю, вряд ли это свойственно всем писательским организациям, но это имеет место у нас в Саратове и это, очевидно, местное саратовское явление.

Я немного расскажу о том, что я знаю. Мне кажется, мне будет позволительно сказать о себе... Заинтересовался писательством я очень давно. Лет 10 тому назад я печатался в ленинградских и московских журналах. Хорошо или плохо это было, но меня хвалили. Я думал, пусть говорят, надо учиться. После этого я учился и втянулся в писательскую среду, вернее тину, хотел отстать, но никак не мог. Обстановка, которая была здесь, исключала всякую возможность писать серьезно.

Одно время я предложил свою вещь редакции альманаха. Редакция забраковала ее по мотивам бедности языка. Может быть, это и верно, может быть, это и так, но по крайней мере я до сих пор этого еще ни от кого не слыхал. Конечно, возможно, что многие товарищи, которые меня раньше печатали, упускали это обстоятельство, этого я не знаю. Но все же я усумнился. Причем, никаких комментариев мне не дали: вообще ли я беден по логике, или же беден мой язык. Я послал эту вещь в Москву. Вначале я назвал товарищей прямо по фамилиям (такие-то и такие-то), но потом, подумав, я решил, что этого делать не следует, и послал – как спорную вещь. Мне пишут: «Писать вы умеете, местами пишете блестяще, даете хорошие характеристики людей... хороший язык» и т.д.

Как видите, это противоречит заключению местных товарищей. Это мне дало право настаивать перед товарищами в том, что они были неправы. Но так как человек, к которому я обратился, по своему положению легко не поддается внушению, то он сделал так, что мое упорство было сломлено. Это тов. Касперский. После этого я решил написать личное письмо одному ответственному товарищу, близко заинтересованному в деятельности нашего Союза. Я написал товарищу Икс...

Голос с места: Называй фамилию.

– Надо вам сказать, товарищи, что на эту вещь я имею отзывы от Константина Федина, от писателя Наседкина[1] и от Максима Горького. Они меня хвалили, а здесь хают. Я послал Ставскому. Тот передал Панферову (читает). Вообще здесь хвалят за то, за что Москва ругает и наоборот. Пример – повесть Кассиля.

Я сказал, что я свое мнение выскажу, и высказал. Этому нужно положить конец. Кассиль очень неопределенен, что вызывает у некоторых товарищей к нему недоверие. Сказать, что Кассиль плохой или хороший, я не могу.

Вот, товарищи, я вылил все, что у меня было на душе. Я спокоен в том смысле, что высказал свое мнение. А товарищи должны как-то закруглить. Если я оказался неправ, они должны сделать так, как именно им подсказывает совесть.

1 Наседкин Василий Федорович (1895 – 1938) – поэт. Расстрелян.

Можно ли упрекнуть всех нас в том, что мы не хотели оздоровить обстановку, которая создалась у нас? Нет. Мои письма говорят против этого. У Земного действительно есть острота в характере, но вместе с тем он болеет больше других за свою организацию. Поведение тов. Кассиля было такое, что он не пользовался авторитетом. Он не мог решительно преодолеть тот или другой уклон в сторону от неправильного пути. Хотя тов. Кассиль образованный человек, но своего «я» у него нет. Или, возможно, мне так кажется. Может быть это – маскировка у него. Он всякий раз поступал так, как выгоднее начальству, даже не задумываясь над тем, верно решает начальство или неверно. Могла ли быть при такой обстановке здоровая творческая атмосфера в Саратове? Нет. Он не годился для роли литературного вождя в Саратове.

Кассиль: Да я и не был вождем, а был секретарем.

– А как следствие этого – склока, люди говорили друг на друга. <...>

Теперь о письме, которое я подписал. Я этого не скрывал, да и никто не скрывал. Это письмо не секретное. Когда меня спросили об этом, я так и сказал, что письмо подписал. Меня спросили, во всем ли я обвиняю Кассиля. На это я ему сказал – вы как руководитель слабы, и это свое мнение я и высказал в письме. Товарищи, которые обвиняли Кассиля по другим пунктам, об этом скажут. Скрывать это я не намеревался и сейчас не собираюсь и другим не советую.

Мои пожелания. Во-первых – мое мнение такое, что нас здесь отчасти развратили финансовыми подачками, мы слишком рано начали эти подачки получать, еще не будучи писателями всерьез. Но помогать иногда материально нужно, однако помогать нужно педагогично. Помогать так, что если товарищу нужна помощь, а сам он ее не просит, ему нужно помочь, но так, чтобы он даже не знал, что вы ему помогаете.

Дальше. Конечно, нужно принять все меры к тому, чтобы никакой склоки здесь не было. В результате этой склоки и групповщины получилось, что повесть Кассиля вышла в таком виде. Если бы отношения были более теплые, то товарищи как следует бы эту повесть прокритиковали, и она или совсем бы не пошла, или же была бы как следует отредактирована. Вот какое мое мнение. Даже сегодня в докладе несколько проскальзывало злобно-личное отношение Кассиля к Земному. Значит Кассиль и сейчас от своего метода не отказался, а от него нужно отказаться. <...>

Борис Озерный: Саратовскую организацию писателей я знаю примерно с 1933 года, почти ветеран. В 1933 г., приехав в Саратов, я прочитал объявление, что организуется литературный кружок городских поэтов, и я поступил в этот кружок. Этот кружок просуществовал недолго, около полутора месяцев, и потом распался. В это время существовал оргкомитет Союза писателей, и меня из кружка взяли туда в качестве консультанта. Кроме того, я был председателем поэтической секции. Мне, товарищи, сейчас прямо смешно; это этап уже пройденный, это было давно, но когда я вспоминаю об этом, мне делается смешно: ведь это была глупость оргкомитета выдвинуть консультантом человека из литкружка в то время, когда были более подготовленные товарищи, оканчивающие аспирантуру в Пединституте, которые могли оказать гораздо больше помощи начинающим писателям, чем я, тоже начинающий писатель. Но это было так. Все это время до января 1936 г. я работал в оргкомитете, а затем после съезда в краевом правлении Союза писателей. Начиная с 1933 г., я знаю эту организацию как исключительно склочную организацию. Не было такого периода, когда бы не было каких-нибудь склок. Правда, эти склоки иногда стихали, но потом они снова возобновлялись. После краевого съезда писателей было выбрано правление из 5 человек членов и 2-х кандидатов. Всего 7 человек, причем, это правление все время сменялось. Если вы вспомните период, когда был Бабушкин, то он ввел в правление чуть ли не 12 человек: и зав. издательством Лившиц, и Рассудительную, и других. Конечно, это было очень выгодно, и мы помним, как Бабушкин протаскивал свои книга в Крайгизе, это было сделано очень обдуманно, но это очень мешало работать и тем и другим, и особенно мешало работать молодежи. Мы помним, что в этот период большинство молодежи – Москвичев[1] и Тимохин отходят от Союза. После ареста Бабушкина снова возникает работа правления, привлекается молодежь, начинается активная работа. Результаты этой работы мы имели в виде произведений,

1 Москвичев Иван Иванович (1913 – 2002) – поэт, журналист.

выпущенных или в отдельных сборниках – альманахах и произведений, напечатанных в областной газете.

Говоря о составе правления, существовавшего до сегодняшнего дня, нужно отметить, что этот состав правления не работал абсолютно. Те собрания, о которых здесь говорил тов. Кассиль, они проводили стихийно. <...> Этот вопрос решался иногда очень долго, раздумывали товарищи, выступать или нет, а потом шел вопрос, сколько будете платить за выступление, и через день или два решали выступать.

Я хочу здесь несколько высказаться о вопросе помощи молодым писателям и литкружковцам города. Правление объединяет примерно 15 человек. Из этих 15-ти человек 2 члена Союза, два кандидата, остальные так называемые актив или молодые писатели различного возраста от 20 лет и до 50 и выше. Молодые товарищи больше всего нуждались в творческой помощи, в систематической учебе. Об этом свидетельствует то, что некоторые так называемые молодые писатели пошли учиться в Литературный университет, но, к сожалению, они скоро его побросали. Первый год учебы был довольно удовлетворительный; первое полугодие учились хорошо, давались льготы, в дальнейшем нужна была помощь, но ее не было. Будучи на сессии, я беседовал с товарищами, как эта работа поставлена в Иваново-Вознесенске.

В Литературном университете учится 9 чел. Это говорит о том, что в Иваново-Вознесенске правление поставило серьезно вопрос об учебе, там организована на месте консультация для заочников, заочники идут в пединститут и там получают консультации. Кроме этого, там организован цикл лекций по дисциплинам, которые проходят в Литературном университете Союза писателей. Приехав с сессии, я предложил здесь заочникам организовать консультацию, цикл лекций, тем более что это нужно и другим товарищам. Их бы с удовольствием послушал тов. Ленский, тов. Юрьев и те товарищи, которые являются членами Литературного университета. Кассиль первое время говорил, да, это нужно. Время шло, я прорабатывал как раз древнегреческую литературу, мне нужна была консультация, помощь. Я прихожу к Кассилю вторично. Он говорит: может быть, вопрос нужно поставить на правлении, и этот вопрос он ставил два года и не поставил. Этот вопрос очень важный и этот вопрос решает качество творчества.

Вообще об учебе в правлении говорилось много, но ничего не делалось. Разговоры об учебе ведутся давно, говорилось о кружке по изучению языков, но... только говорилось. Однажды было даже вынесено постановление – организовать кружки, но это постановление было не выполнено.

Еще хуже, пожалуй, поставлена работа и помощь начинающим писателям-литкружковцам. У нас существует консультация. Посмотрим дневник этой консультации. Там есть, например, такие записи: «просидел 2 часа, никого да было, пришел Борисов, консультировали друг друга». Есть и более интересные записи. Это говорит о том, что консультация не имела должного авторитета, во-первых, и во-вторых, консультанты относились к своей работе не вполне добросовестно. Мне пришлось как-то говорить с товарищем из Балашовского техникума почвоведения – Бучаровым. Он мне рассказал, что он послал рукопись в Союз, 4 месяца не получил никакого ответа. А ведь из Москвы, куда рукописей посылают гораздо больше, мы получаем ответ на 13–15 день. Такого положения с консультацией не должно быть.

Надо оказать, что консультация у нас превращена почти в подсобный заработок консультантов. Посмотрите график – ежедневно, кроме выходных, консультации Земного и Дальнего. Стоит ли так часто назначать? Конечно, консультация нужна, но превращать ее в добавочный заработок не нужно. Нужно организовать консультацию лучше, тратить на это еще больше, так как на это специально ассигнованы деньги, но не надо превращать ее в подсобный заработок консультантов. Нужно проводить консультацию реже, не ежедневно.

Что еще нам мешало работать? Мешала склока, не прекращающаяся до последнего времени. С внешней стороны – как будто ничего, но если поглядеть поглубже, то обнаруживается склока, которая началась с того времени, когда газеты выступили с оценкой работы писателей. Казалось бы, что правление должно учесть те указания, которые давали и комсомольские, и партийные газеты области, но получилось иначе, склока от этого усилилась. Это, правда, было обусловлено тем, что ответственный секретарь правления Кассиль совершенно с этого времени работу забросил, это особенно

наблюдалось в этот период. Я считаю, что Земной был прав в отношении того, что Кассиль получал зарплату и ничего не делал, и выдвинул это письмо, которое он организовал в Союзе писателей. Нужно отметить, что это письмо было вопиющим безобразием.

Любой из товарищей и я бы лично подписал это письмо, если бы здесь говорили прямо, что Кассиль не работает и получает зарплату, что он может руководить, но не руководит, отошел. Это письмо носило другой характер. Здесь говорили о Кассиле как об организаторе групповщины. Я знаю, на чем это было обосновано. Этого я не видел. Здесь говорили о контрреволюционерке Мухиной, которая мешает работать, и несколько таких вопросов. Когда мне дали подписать это письмо, я сказал, что я его не подпишу, что это разжигание склоки. Я тогда сказал, что нужно сказать прямо, и, разойдясь, я пошел к Кассилю и ему сказал, что есть такое письмо, что нужно пойти в крайком и выяснить, тем более, мне сказали, что это письмо пойдет и в крайком. Многие товарищи скажут, что они были против склоки, но это говорит, что товарищи поддерживали организующего склоки, вовлекали и молодежь, и это мешало работать. Здесь в некоторых случаях Земной действовал неверно, хотя в принципе он выдвигал правильные вопросы.

Мне хочется вспомнить такой факт. Когда появилась рецензия[1] на его книгу «Орден Ленина» в «Коммунисте», Земной тут же заявил, что ее писал Кассиль. Я не знаю, кто ее писал, но вот когда Кассиль сдал в альманахе свою повесть «Крутая ступень», когда Земной прочитал эту повесть, он приходит в Союз, приносит письмо тов. Касперскому и говорит Кассилю: «Вот, Иосиф Абрамович, я большевик и я бракую твою повесть. Я говорю об этом прямо, а не так, как ты сочинял пасквили в "Коммунисте". Это неверно. Это значит очернять газету. Что значит пасквили в областной партийной газете. Возможно, эта повесть не прошла бы, если бы он сказал, что я считаю, что эту повесть печатать нельзя, ее бы прочитали и подтвердили бы Борисов, Юрьев. А здесь все выразилось, что раз ты сочинял пасквили на меня, а другие товарищи оттолкнулись, видя пристрастие Земного. Это подтвердилось, когда было совещание и когда тов. Касперский сказал, что я задержу статью. Тогда все страсти разгорелись, но не знаю, почему все-таки пропустили статью.

Теперь несколько слов о редколлегии. Альманахи выходят плохи. Первый номер плохой, второй плохой и третий вышел еще хуже. Это объясняется, прежде всего, отсутствием редактирования альманаха. Если бы редколлегия серьезно подходила бы к материалу, мы имели бы другие результаты. Редколлегия не прикладывает свои руки. Возьмите третий номер, кто из членов редколлегии поправил хотя бы один абзац? Нужно серьезно подходить к материалам, сдаваемым в альманахи.

Я хотел бы в заключение сказать, что склоки, конечно, мешают работать не только основным писателям, но и молодежи, которая группировалась вокруг Союза. Нужно прекратить эти свары совершенно. Этого можно добиться, если Всесоюзное правление Союза писателей будет контролировать работу уполномоченного по нашей области, и если краевые и советские организации будут интересоваться работой Союза.

О своей творческой работе я могу сказать следующее: в прошлом году я заключил договор с КрайГИЗ'ом на книгу для детей в стихах. Книга моя обсуждалась и получила довольно положительную оценку. Я получил уже 60% <гонорара>, но после этого книга моя была ДетГИЗ'ом забракована, была прислана отрицательная оценка, но я имею и положительную оценку. Сейчас я ее дорабатываю и в ближайшее время сдам. Теперь я работаю над книгой стихов, скоро ее окончу. Это цикл стихов о передовых людях нашей страны, лирические стихотворения – «Вишневый сад». Некоторые из этих стихов были опубликованы в альманахе №2. В конце лета я думаю эту книгу закончить.

Тов. Дальний: Ты молодой, начинающий писатель, почему ты выступаешь не самокритично? Почему ты ушел из редакции?

– Не потому, что я не захотел работать, но эта работа меня не могла устроить. Дело в том, что семья живет у меня здесь, а я работал в Энгельсе. Получал я 400 рублей, а это значит, что и семья полуголодная, и я полуголодный. Если же мне жить в Саратове, то постоянные поездки очень утомительные. <...> я подавал заявление и считаю, что я могу претендовать на творческий отпуск. Я готовлю книгу стихов, я должен был дать эту книгу в 1937 году. Для того, чтобы лучше работать над этой книгой, мне нужен творческий отпуск, хотя бы на 2 месяца.

1 К. Брут. В поисках «сильных ощущений». «Коммунист», 18 октября 1936 г.

Тов. Неводов:

Товарищи, такого собрания мы давно не видели, и именно потому, что редко собирались, у нас много накопилось вопросов, много хочется сказать. Нам, писателям, дано очень многое: отпускаются средства, предоставляются творческие отпуска, издательства идут навстречу. Казалось бы, что остается? Только писать хорошую книгу. Почему же за последнее время у нас в Саратове отмечается серьезный срыв, срываются люди, которые считались у нас в активе, считались ведущими писателями? Их произведения получают резкую отрицательную оценку. Почему это происходит? То ли потому, что эти товарищи бесталантливые, то ли потому, что нет вообще людей в Саратове, которые могли бы написать хорошую книгу. Саратов – один из культурных центров страны. В Саратове свыше 20 ВУЗ-ов. Однако Саратов отстает от других городов, где меньшая база для использования культурных сил. Дело в том, что мы плохо осваиваем средства, которые нам представлены. Я говорю не о материальных, а о духовных средствах, которые представлены в наше распоряжение; мы их не используем. Мы очень мало и очень плохо помогаем друг другу. Трудно даже назвать какой-нибудь вечер или день за последние полгода, когда бы мы собрались и обсудили чье-либо творческое произведение. За последние полгода мы на эту тему ни разу не разговаривали. И вот у меня невольно возникает такая мысль: вы все знаете тов. Вирта Николая по его произведению «Одиночество». Вам всем, вероятно, известно, что это наш саратовец. Я спрашиваю: если бы он находился здесь, в Саратове, выпустил бы он свое «Одиночество»? Сомневаюсь. В Москве помогли ему, вырастили его. Если бы он остался здесь, он, вероятно, был бы таким же посредственным писателем, как и мы. Нам нужна помощь более опытных товарищей вплоть до того, чтобы выправлять наши рукописи. И я здесь повторяю то, о чем вчера говорил: нам нужно пригласить варяга, поводыря, чтобы он пришел к нам и показал, как надо работать. Общаясь с товарищами, зная более-менее культурный уровень их и творческие способности каждого, я должен сказать, что в таком поводыре нуждается большинство саратовских писателей.

Еще одна причина худосочности наших произведений, это то, что большинство из нас боится народности. Мы не используем народный язык, народное творчество. Прочтите все номера альманаха, много ли вы там найдете пословиц и поговорок, чистого народного русского языка? Редко, в большинстве случаев это или крайне неряшливый, или, наоборот, приглаженный, прилизанный язык. Я в этой части совершенно согласен с тов. Ленским. Если спросить у наших писателей, имеется ли у них такая необходимая вещь, как записная книжка. Уверен, товарищи, что у половины писателей нет записной книжки, хотя она обязательна, должна быть у каждого в кармане. Писатель должен жизнь изучать, вбирать в себя, услышать в трамвае, на улице хорошую мысль, слово – записать. Это, ведь писатель инженер человеческих душ. Ведь произведения творятся не в кабинете, а из того, что собрано в жизни. Вокруг нас такая яркая, содержательная, интересная жизнь – прямо бери и пиши. А мы эту жизнь не можем как следует описать. Я думаю, что беда еще и в том, что мы не общаемся с массами, не учимся у масс. Нужно сказать, кстати, у нас не любят критики, боятся критики.

Разрешите привести несколько примеров. Вот Цыкунов. Всем известно, что он пишет посредственно, что его работы нуждаются в большой доработке, но он с этим не соглашается, обижается и считает, что его вещи прекрасно сделаны. А ведь это самое последнее дело для писателя, если он не замечает своих ошибок.

Или Мухина как-то говорила, что в Саратове нет лучше писателя, чем она.

Мухина: И никогда я этого не говорила, это ерунда.

– Это было при Борисове. А ведь это очень обидно, она способный человек, но такое отсутствие скромности – это уж слишком.

Или Юрьев – он мучается полтора года над «Белой нефтью», а ведь никто ему не сказал, что первая часть «Белой нефти» весьма посредственна, хотя бы потому, что там нет основной сюжетной линии. Затем, на какого читателя рассчитана это вещь – то ли для детей, то ли для взрослых о детях.

Мухина: А может быть и так: и для детей, и для взрослых, как, например, писал Марк Твен.

– Нет, Марк Твен писал только для детей, но читают его и взрослые. Нужно выбрать читателя и на него ориентироваться. Тов. Юрьев творчески еще не оформился, у него не выработаны свои

творческие приемы. Я ему говорил, что во второй части «Белой нефти» у него те же недостатки, что и в первой, уже очень много воспоминаний, а это показывает ограниченность изобразительных средств. <...>

Для того, чтобы закончить мысль, я приведу такую аналогию. Возьмите, как общался Пушкин с Гоголем, ведь Пушкин дал Гоголю сюжет «Мертвых душ». Или Горький, который помогал Гладкову, Всеволоду Иванову и другим. Ведь Горький давал отзыв на каждое, даже незначительное произведение. Вот как относился большой писатель к начинающим. Мы же такого отношения со стороны крупных писателей не видим.

Теперь я перейду к правлению. Тов. Ленский и тов. Озерный уже говорили о правлении. <...> Говорят, в правлении склока. Мне не хочется об этом говорить, не хочется в грязном белье копаться. Должен сказать, что все это: посылка всяких писем, всякие эти неувязки болезненно отражались на работе. Это мешало творческому росту, расстраивало все наше дело. Ну, вот возьмем случай с моим творческим отпуском. Многим известно, что я работал на стройке ж.д. линии Уральск – Илецк. Меня эта работа жизненно обогатила, многое дала. В результате я стал работать над книгой «Дорога на Восток». Первую часть закончил и сдал в альманах. Теперь вторую часть пишу. Для того, чтобы закончить эту книгу, мне нужна была помощь. Книгу я задумал листов на 10. Я все время работал и работаю в газете и первый раз подумал попросить отпуск. Когда я об этом сообщил, в порядке предварительной информации, тов. Земному, он категорически заявил, что будет возражать против отпуска. Меня это очень удивило. Я считал, что я действительно ставлю перед собой хорошую цель – большую интересную вещь сделать – и вдруг отказ. Когда же я сдал первую часть, и тов. Земной ее прочитал, он мнение свое переменил и решил мне дать отпуск, в результате этот вопрос был урегулирован. Но это случай показывает характер тов. Земного. Тов. Земной очень нервный, очень вспыльчивый человек и весьма болезненно реагирует на различные явления нашей жизни, поэтому иногда принимает решения поспешно. Но при всех этих недостатках, я скажу, что тов. Земной один из немногих людей в нашем Союзе, который болеет интересами нашей организации. Вся та работа, которая проделана у нас, принадлежит инициативе тов. Земного. Это несомненно. К сожалению, приходится отметить полную заброшенность политическо-массовой работы среди писателей. В Саратове единственная организация – Союз советских писателей, – какой-либо другой я не знаю, которая не обсудила Сталинской Конституции и решения пленума ЦК ВКП(б). Писатели не обсуждали эти величайшие документы. Некоторые заявляют, что в большинстве товарищи работают в газетах, и там обсуждали. Если вы работаете в газете и являетесь журналистом, то и изучали эти документы с точки зрения подачи и освещения их в газете. А мы, писатели, должны были обсудить Конституцию и решения центрального пленума ЦК как писатели, и сделать выводы как писатели.

Тов. Кассиль: Ну что же, обсудили?

– Нет, не обсудили. Но тебя надо спросить – почему не обсудили.

Тов. Кассиль: Но почему же тогда я поступил плохо? Чем же лучше поступил Земной? Тем, что он болезненно на это реагировал?

– Но он на этом настаивал, он добивался, чтобы созвать собрание. Я считаю, что Кассиля нужно винить здесь больше, чем Земного: Земной хотя говорил об этом, а Кассиль ничего и не говорил (смех).

Теперь относительно Кассиля. Я считаю, что Кассиль среди нас – наиболее культурный, обладающий наибольшей эрудицией человек. Эта культурная сила, которая могла бы принести нам большую пользу. Кассиль же, будучи по должности секретарем правления, так и относился к литературной организации «по должности». Характерный случай: Кассиль однажды в газете «Коммунист» поместил статью о саратовских философах[1]. Он счел возможным и нужным дать эту статью, потому что философы плохо работают. Но почему же Кассиль не выступил ни разу со статьей о краевой литературе и не сказал ничего о писателях? Я ждал, что будет такая статья, но о писателях он ничего

1 И. Кассиль. «Вещь в себе» на философских кафедрах // Коммунист, 18 апреля 1937 г.

не сказал. Он больше занимается тем, как поет в театре Шумская[1], а как Озерный пишет стихи, это его не интересует.

Тов. Кассиль: Потому что Шумская поет хорошо, а Озерный пишет плохо.

– Тогда ругай Озерного, но помоги ему писать лучше. Очень обидно и досадно, что Кассиль, один из наиболее культурных людей среди нас, занимается любым вопросом, но не литературой.

Тов. Кассиль: Не занимаюсь саратовской.

Голос с места: Он считает, это ниже его достоинства.

– Теперь очень коротко о себе. У меня были неприятности, в силу чего я был исключен из членов Союза писателей[2]. Сейчас я работаю над книгой: «Дорога на Восток» и заключил договор с ОблГИЗ'ом на детскую книгу.

Затем за мной есть один долг – повесть «Где мой сын?», которая была отвергнута, не помещена в альманах, ее нужно доработать. Вот это мой творческий фонд.

Мои пожелания: кто-то здесь упорно настаивал на закрытии 15 комнаты. По-моему, дело тут не в 15 комнате, тут дело глубже. Дело в том, что если мы действительно не перестроимся, если мы не создадим товарищеской атмосферы, у нас ничего хорошего не выйдет. Я считаю, что 15 комната нужна для того, чтобы я мог прийти туда и сказать, что вот это у меня плохо, давайте обсудим, посоветуемся. Если мы не создадим такой обстановки, в нашей работе ничего не изменится.

Нужно работать, помогать друг другу. Я еще раз повторю, что если бы нам сюда изредка на месяц или на два присылали какого-нибудь крепкого мастера из Москвы, чтобы он нас натаскивал, это было бы для нас очень полезно. Гораздо легче одному приехать к нам на месяц – на два, чем нам всем ездить в Москву. Не у всех желающих есть средства. Это первое.

Второе – через этого мастера мы могли бы связаться с московскими журналами. В прошлом году, когда я был в Москве, я зашел в редакцию «Красная новь» и оставил там свою повесть. И вот прошло 6 месяцев, я посылал запросы в журнал и редакцию «Литературной газеты» и никакого ответа получить не могу. Я хотел хотя бы повесть получить. Хотел бы, чтобы меня хотя бы и не ругали, но сказали, в чем дело. Если бы к нам иногда приезжал московский товарищ, мы бы скорее смогли улаживать подобные вопросы.

Тов. Земной:

«Большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание».

Вы знаете, что эти слова принадлежат тов. Сталину. Я не случайно начал с этих слов. Я хочу, чтобы все товарищи писатели, чтобы все присутствующие самым решительным образом критиковали то, что нужно критиковать у Земного. Я на личном опыте убедился, что самокритика помогает человеку-гражданину вырастать. Я могу привести такой пример. Моя книга «Орден Ленина» прочитана 500-ми людьми в рукописи и, к сожалению, эту книгу не забраковали. Тут я допустил ошибку, что я ее не пропустил через тысячу пятьсот человек. Читали книгу в рукописи, подвергали критике и самокритике, и я понимаю, что, кроме пользы, это мне ничего не дает.

Представитель Союзного правления нам рассказал, что раньше, чем напечатать вещь в московских журналах, эти вещи прорабатываются на широком читательском активе. Мы саратовские альманахи делаем очень узкими и поэтому они у нас выходят очень плохими.

Я хочу теперь перейти к существу дела. Выступать на сегодняшнем собрании очень тяжело по многим причинам, одну из них я назову. Два дня готовилось это собрание, и многие товарищи шли

1 Шумская Елизавета Владимировна (1905 – 1988) – оперная певица, с 1934 г. солистка Саратовской оперы.

2 Поводом послужило то, что Борис Неводов в Гражданскую войну короткое время служил в Белой армии.

на это собрание с намерением увидеть нас на скамье подсудимых, что мы, мол, будем их судить. Конечно, это плохо, это никакой пользы не даст. Писательское собрание с участием широкого актива ждет того, чтобы люди честно выступили, покритиковали недостатки, помогли нам вскрыть наши недостатки. По-моему, нельзя более безобразно поставить вопрос, чем поставил его Кассиль – раз он сегодня уходит, нужно разогнать организацию. Это безобразная постановка вопроса, и я как член организации отмежевываюсь от такой постановки вопроса и считаю, что это исходит только из личных соображений Кассиля. Это безобразная постановка вопроса, и каждый писатель должен ее иметь в виду.

Что из себя представляет доклад Кассиля? Я над этим думал долго и определил его так: это доклад прыгающий. Я начинаю слушать Кассиля как член правления, как коммунист и хочу понять, где я согласен с ним, и где не согласен. Получается так, что вот тут я с ним согласен, потом маленький абзац – чепуха, совершенно не согласен, потом опять – тут как будто согласен.

Почему это так? Это объясняется той обстановкой, которая у нас была. С чем мы можем выйти перед честным народом и сказать, что же мы делаем. Сплошное безобразие – деньги транжирили, творческие отпуска давали, путевки всем, даже женам давали. Правда, я должен сказать, что некоторые не получали путевок, например, Корольков. Получили Цыкунов вместе с женой, Кассиль получил путевку и 650 руб. на жену, а ведь Кассиль не член и даже не кандидат Союза, получили Смирнов-Ульяновский с женой и д<ругие> т<оварищи>. Ведь это же безобразная постановка. Ведь лучше было бы вместо того, чтобы давать эти деньги на путевку, дать какому-либо студенту – начинающему писателю, да не 650 руб., а хотя бы 100 руб. – на́ на отпуск и привези хорошие стихи. Вы понимаете, какой бы это был серьезный моральный стимул.

Я безусловно отвечаю за это наравне со всеми как член правления, но должен сказать, что когда решался вопрос с путевками для жен, я в это время был в Крыму и не подписывал, но я этим не хочу снять с себя ответственность. Саратовское отделение Союза писателей было какой-то богадельней. Ведь партия, принимая свое решение, говорила, что Союз писателей является творческой организацией, и конечно, этой организации нужны и деньги. Но ведь это значит, что 99% денег должны пойти исключительно на творчество, а у нас было наоборот. Это очень плохо. Отсюда понятно то положение, которое мы занимаем как литературная организация.

Как могло случиться, что мы как литературная организация, имеющая крупнейшее культурное значение, имеет такую ничтожную организацию? Почему это происходит? Может быть, это началось уже давно? Нет, это не так. Три года тому назад в Сталинграде – это было в 1933 году, проходил пленум оргкомитета Союза писателей, и на этом пленуме саратовская организация была представлена на 80%, там были немцы, астраханцы, калмыки.

Сегодня, накануне величайшего в истории человечества 20-летнего юбилея октября мы констатируем голый факт, что мы ничтожная организация. Если мы большевики, мы должны в этом признаться.

Что нужно немедленно сделать? Разогнать нас, к этому, я считаю, нет таких оснований. Почему же мы все-таки очень плохая организация? Таких причин в основном 5.

Первая – коммунисты в Союзе советских писателей абсолютно бездействовали. Об этом говорили на Московском писательском собрании. Горький говорил вот о чем (цитирует): «...Партийное руководство должно явить всем своим поведением морально-авторитетную силу. Эта сила должна внести в среду литераторов прежде всего сознание ими коллективной их ответственности за все явления в их среде».

Как работали партийцы в Союзе советских писателей? Никак. Мы ни разу не собирались за полтора года и не обсуждали вопросы советской литературы, о жизни и творчестве наших людей. Мы ничего не делали. Естественно поэтому, что отдельные писатели полгода тому назад говорили, что в фашистской Германии молодые писатели живут лучше, чем у нас. Так могло получиться только потому, что коммунисты не воспитывали массы. Если коммунисты не желают воспитывать массы, найдутся другие – враги, которые будут воспитывать нашу массу. Было так у нас. Было. Известно, что у нас в Саратове за последние 3-4 года много людей, много раскрыто врагов. А что, между нами их нет? Можем мы заверить, что у нас нет вражеских последователей? Не можем. Трудно это ска-

зать. Почему? Потому, что Союз советских писателей делает книги, а литература, печать, это самое могущественное оружие в руках диктатуры пролетариата. Значит, в эту организацию лезет всякая мерзость, желая овладеть этим оружием. Здесь естественно, что коммунисты, работающие в нашей организации, обязаны воспитывать людей, и если они не будут воспитывать, найдутся другие люди, которые попробуют воспитывать, но это тем хуже для нас, позорно для наших коммунистов. А могу я так говорить об этом? Во главе руководства саратовского отделения Союза советских писателей стояло 4 коммуниста, и надо об этом говорить. Я считаю обязательным об этом говорить, что партгруппа бездействовала. Это первая причина.

Вторая причина. Были ли у нас враги? Вот сегодня говорят, у Кассиля с Земным склока. Я хочу сказать, что в течение 4-х лет Союз советских писателей вел самую решительную борьбу с Бабушкиным, а отдельные люди стояли в стороне и говорили: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Многие говорили, что это склока. Не было склоки, была глубокая политическая борьба у руководства правления с контрреволюционером Бабушкиным. Сегодня опять называют склокой. На каком основании называют это склокой? Я утверждаю, что нет склоки, есть политическая борьба одной части правления с другой. Одни считают, что нужно людей воспитывать, вводить в курс общественно-политической жизни страны, другая часть считает, что это не нужно.

Разве это склока, товарищи? Одна часть считает, что необходимо итоги пленума ЦК проработать, а другая часть считает, что это не надо делать. Разве это склока? Когда 3 месяца тому назад тов. Ставский дал директиву немедленно провести собрание с постановкой доклада об итогах пленума, я целых 2 месяца ходил и уговаривал – давайте проведем собрание, а Кассиль положил эту телеграмму под сукно. Разве это склока? И когда тов. Неводов призывает сработаться с Кассилем, я заявляю, что срабатываться с Кассилем не желаю, не буду и не хочу. Я считаю, что Кассиль зашел очень далеко, и мне с ним не по пути.

Следующая причина, почему мы плохая организация. Это потому, что у нас сменилось 5 секретарей и 4 председателя: приходит человек, поработает 6-7 месяцев, приходит другой и так без конца. Что же получается? Получается так, что люди даже не успеют привыкнуть и уже уходят, получается так, что верхушка меняется, а писатели остаются. Ведь это отражается на работе? Конечно, отражается. Я назову вам одну фамилию – Касаткин. Когда мы прорабатывали книгу Королькова, то этот председатель довел человека буквально до истерики, никакой самый здоровый человек не выдержал бы того, что говорил Касаткин. Он дал самую похабную оценку книги и тем обнаружил свое похабное отношение к литературе – с этаким барским жестом заявить, например, – «из вас писателя не выйдет».

Был у нас председателем и Казымов[1]. Вот та смена руководства очень мешала росту.

Следующая причина плохой работы правления – это то, что фактически правления не было. Правление было – де-юре, а де-факто его не было. Оно существовало, но ничего не делало. Я считаю, что поэтому говорить о правлении совершенно нечего, оно безобразно работало и всё.

И, наконец, последняя причина – отсутствие политической работы с писателями – отсюда <отсутствие> роста писателей. Я могу назвать, как, кто над собой работает. Плохо люди работают, я могу назвать людей, которые плохо читают даже газеты, политическую литературу совершенно не читают. Кто, например, кроме Кассиля, брал томик Ленина? Никто не брал. Говорит ли это о росте писателей? Это говорит о том, что при таком положении расти нельзя. Что такое талант? Возьмите самого талантливого писателя, но если он политически не будет расти, его внутренний мир будет пуст, если он пассивный гражданин нашей родины, то из него ничего не получится. Он уйдет и на смену ему придет настоящая, здоровая творчески молодежь, которая растет, работает над собой и начнет давать нам хорошие вещи.

Тов. Кассиль в докладе, например, сказал, я с ним согласен, что наши люди слабее приходящих товарищей. Например, обсуждаем книгу, посторонние пришедшие люди умнее нас, писатели молчат, посторонние высказываются. Это говорит, что нужно расти. Стыдно, когда мы, писатели, обсуждаем

[1] Казымов Петр Андреевич (1897–?). Редактировал газеты «Красный пахарь», «Страда» (Пермь), «Лапоть» и «Правда Саратовского края». В 1934 г. был председателем оргкомитета саратовского отделения Союза писателей.

вопросы литературы, поднимается студент и показывает, что он больше нас понимает. Это происходит от того, что мы не растем и не хотим расти.

Я совершенно не согласен с заявлением Кассиля, что мы прекратили созыв собраний писателей для того, чтобы дать возможность писателям работать. Собрания не мешают работать. Мы просто стихийно прекратили собрания. Последнее собрание было 16-го августа 1936 г., когда писатели единогласно голосовали за немедленное снятие Кассиля с работы.

Отсюда я перейду к «склоке», как называют некоторые. Почему она должна была начаться? 8 месяцев тому назад общее собрание писателей постановило снять Кассиля за бездействие. Здесь кроется глубоко принципиальный вопрос. Писатели потребовали снять человека с работы, его не снимают. Что по этому поводу говорит тов. Сталин: «Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов – безотносительно к их политической и деловой пригодности».

Отсюда и результаты, и началась так называемая склока, т.е. борьба за то, чтобы сменили негодное руководство, руководство бездействующее.

Как у нас относятся к людям? Совершенно не случайно тов. Кассиль в своем докладе попробовал обвинить меня, что я был вначале против творческого отпуска Нефедову и Мухиной, а потом – за. Я останавливаюсь над этим вопросом для того, чтобы показать принцип в самой работе. У нас отношение к людям складывается годами, и создается стандартное мнение. Нефедов просил отпуск, я говорил, что я не буду голосовать за, я не знал, что он делает. Но вот Нефедов через 4 месяца дает книгу, я ее прочитал, и поскольку это вещь хорошая, серьезная продуманная вещь, надо помочь писателю, и я тогда поддерживаю его насчет отпуска. То же с Мухиной. Из-за Мухиной впервые в жизни получил первое партийное взыскание, т.е. за то, что я Мухину назвал сволочью и прогнал ее. Она сказала, что в Германии фашистские писатели живут лучше, чем в Советском Союзе. Впоследствии она осознала свои ошибки. Я приходил к тов. Касперскому и говорил, что она поняла свои ошибки, она начинает приходить в организацию, что из нее начинает вырабатываться ценный человек. Можем ли мы по-прежнему к ней относиться? Не можем. Нужно подходить к людям и оценивать качество их работы, их поступки и т.д. <...>

Не буду говорить о людях и остановлюсь только на некоторых вопросах. В саратовском отделении Союза писателей нет и не было борьбы за высокое, почетное звание советского писателя, члена или кандидата Союза. Зачем Озерному и Цыкунову бороться за это, если они пользуются теми же правами, что и члены Союза? Цыкунову дали 4-хмесячный творческий отпуск – зачем же ему бороться за звание члена Союза писателей?

<...> Например, тов. Озерный встал на путь прямой гибели как писатель, когда он, проработав 3 недели в редакции газеты «Большевик», ушел оттуда. <...> Он заявляет: «Не желаю работать в “Большевике”, так как это мешает моей творческой работе». Это исключительное безобразие. Назову еще такой нехороший факт – тов. Озерный вступил в комсомол, пробыл 1 год пассивным членом и ушел из комсомола, т.е. человек, став комсомольцем, повисел в воздухе и ушел из комсомола. Это ярко говорит об облике молодого писателя. Это очень плохо.

Тов. Кассиль в своем выступлении назвал фамилию молодого писателя – Грицаенко. Я хочу обратить внимание всех писателей на то, что Кассиль, говоря о ряде молодых писателей, хотел сделать вид, что он их хорошо знает, а я хочу сказать, что тов. Кассиль не знает всю молодежь, и поэтому ты и предлагаешь закрыть 15 комнату. Я утверждаю, что Грицаенко – талантливый молодой писатель. Очень плохо, тов. Кассиль, что ты так о нем говорил. Это говорит о том, что ты не знаешь его.

Скоро 20-я годовщина Октябрьской революции, все что-нибудь пишут, например, Земной – «Поэму о браунинге», ты об этом не знал? Я хочу вам рассказать маленький рассказ, который люди передают друг другу с большой радостью и который с большой болью воспринимается нами, когда переносишь его на саратовскую почву. Это рассказ о том, как тов. Сталин относится к писателю. Тов. Ставский на съезде писателей рассказывал, что тов. Сталин в 3 часа утра позвонил ему по телефону и спросил: как живет Вирта? А вот наш ответственный секретарь – тов. Кассиль не знает, в каких условиях, как живут наши писатели. Не знаешь ты этого!

Тов. Кассиль: Почему ты так огульно меня обвиняешь? В выступлениях молодых писателей было очень много больших истин.

– Первая истина, которую он высказал, это то, что главное для молодых писателей – это литературная учеба. Я это отрицаю. Главное для Озерного – работа. Если он будет только обращать внимание на литературную работу, не будет он писатель. Писатель школой не делается, а жизнью, практической работой. Максим Горький не имел никакого образования, Рабфака он не заканчивал, однако он величайший писатель Мира, потому что он был в жизни.

Я закончу на альманахе. Страшно плохой номер по многим причинам. Плохой потому, что все наши люди, печатающиеся в альманахе, очень сомнительные. Если они что написали, они считают, что они написали гениальную вещь и никто не может поправить ни одного слова, и потому, что редакция плохо работала, плохо отредактировала, и потому, что в редакции работал тов. Кассиль. Когда мы рассматривали его повесть, за которую можно альманахи изъять совсем, я, прочитав несколько строк, написал на имя редакции <...>: «Считаю себя обязанным как член партии категорически протестовать против помещения в нашем альманахе повести Кассиля “Крутая ступень”... Я считаю, что слова товарища Сталина о заботливом выращивании людей... не раскрываются, а опошляются всем содержанием повести, содержанием явно порочным, антихудожественным, безусловно чуждым и вредным нашей современности».

Я даю полный разбор этой повести. Но вещь эту напечатали в альманахе, и совершенно напрасно. Я за это не несу никакой ответственности, ибо я протестовал.

Что нужно сделать? Никто не ставит вопрос, ни Союзное правление, ни наше правление, что нужно разогнать людей. Не нужно здоровые зубы выбрасывать из-за больных. Нужно помочь расти. Первый вопрос, который встает завтра, это вопрос об укреплении руководства. Сегодня мы будем выбирать уполномоченного. Надо понять, насколько это тяжелый вопрос, и надо товарищу, которого мы выберем, понять, насколько это тяжелый вопрос. Если до сих пор вы руководили 7 человек, то теперь останется который будет отвечать перед всеми, перед партийными, советскими организациями за состояние работы. Если мы выберем «золотого человека» и не поможем ему, он не сможет работать. Надо, чтобы творческое ядро сгруппировалось вокруг уполномоченного и помогало двигаться вперед. Надо добиться, чтобы не менее 2-х раз в месяц собирать людей, политически их воспитывать, обсуждать важнейшие политические вопросы, обсуждать вопросы советской литературы, и когда мы будем выращивать людей, тогда мы неизбежно будем выращивать их творчество.

Нужно расширять нашу организацию, пересмотреть состав людей и из числа тех, которые не являются кандидатами, выдвинуть кандидатов и вообще пересмотреть состав членов и кандидатов. В Ростове, например, 20 членов Союза, а у нас всего 4. Это один поток.

Второй поток – больше привлечь молодежи, оздоровить нашу организацию здоровой кровью – больше привлечь литкружковцев, студентов, красноармейцев, они действительно помогут нам изжить то, что здесь называлось склокой. Нужно изгнать из организации все болезненные явления, нужно это сделать. Конечно, трудно ставить вопрос о том, что вот такого-то человека нужно изгнать. Но я считаю, что если мы найдем человека, который мешает работать, его выбросить и все. Но это, конечно, как крайняя мера, можно помочь этому человеку, найти какие-то другие пути.

И, наконец, снова и снова – политическое воспитание наших людей. Ведь мы ни одного вопроса не обсудили. Мимо нас прошла героическая борьба испанского народа, доклад тов. Сталина, Пушкинские дни.

Дальше – богадельню долой немедленно! Уничтожить такое положение, чтобы люди говорили – дайте денег в счет творческого отпуска. Это, конечно, не значит, что организация не будет помогать отдельным талантливым писателям. Это бы значило выдернуть здоровые зубы вместе с больными. Мы обязаны творчески выращивать людей, но 99% денег должно быть направлено на творческую работу.

Всех людей направить на работу, всех молодых писателей. А Цыкунова и других послать на работу, на завод редактировать многотиражку и т.д. Помочь товарищу, порекомендовать товарищу. Послать на работу всех товарищей, которые, считая себя уже писателями, не работают. Они почувствуют, что они еще не писатели, но могут ими быть.

Дальше, творить о Саратове. У нас совершенно не поднимают краевой тематики. 99% творчества посвящено чему угодно – Дальнему Востоку и т.д. Это, конечно, неплохо, но нужно поощрять творческую работу, посвященную саратовской тематике. Конечно, нельзя так ставить вопрос – пиши только о Саратове, но нужно людей подталкивать, чтобы писали о социалистическом строительстве Саратовской области, которое никак не отражается в нашей тематике. Еще сельское хозяйство отражено, а вот производство, жизнь рабочих саратовских предприятий совершенно не затрагиваются, так же, как и городская тематика.

Нужно, товарищи, подумать о том, что через несколько месяцев 20-я годовщина Октябрьской революции, и для каждого гражданина этот день будет – днем именин, он будет подводить итоги тому, что он дал родине. Как нам будет тяжело, если мы ничего не дадим. Мы можем прийти с хорошими результатами к этому дню, если мы возьмемся за творческую работу и будем по-товарищески относиться друг к другу.

Я заканчиваю о себе. Я поставил очень трудную задачу перед собой. Я пишу к Октябрю 2 книги. Одну книгу я заканчиваю. Я за последние 4 месяца дал около 400 строк новых стихотворений. Я творчески работаю очень много. Это ошибка Кассиля, что я только иногда работаю. В последние две недели я бросил писать. Чем скорее будет здоровое состояние организации, здоровее организм, тем крепче, моложе, тем звонче будет биться творческое сердце людей.

Вторая книга – «Так начинается день». Я думаю, что и с этой книгой я справлюсь, если товарищи активно поддержат. Я должен сказать, выразить благодарность, что товарищи дружно критикуют, правда иногда лишнее допускают, особенно Борисов, перехваливает. Это нужно так же, как и не нужно особое охаивание, которое часто бьет по голове.

Тов. Чепурин: Я считаю, что пару слов можно сказать о начинающем писателе. Горькие истины не перестают быть горькими от того, что их скрывают. Присутствующим здесь посторонним людям представляется так, что перед ними проходит галерея расхитителей государственной собственности и алкоголиков. Дальний пьет, Корольков пьет, все пьют – настоящее сборище алкоголиков.

Земной: Я не пью!

Смирнов-Ульяновский: Я тоже не пью, возможно потому, что у меня больные почки.

Голос с места: Но можно с горя и запить!

<Чепурин:> Я начну с того, что когда вышел альманах №3 и я захотел его прочитать, я пошел в центральную библиотеку. Там перебрали 45 полок с книгами и сказали, что у них альманаха №3 книги нет. Тогда я пошел к директору, который вызвал библиотекаршу и сказал – надо будет купить. В киосках я тоже не нашел альманаха, и тут мне пришла в голову мысль, что саратовские писатели авторитетом не пользуются. Кроме книги Земного, я в киосках ничего не нашел. Очевидно, саратовские писатели – не авторитетные.

Теперь о творчестве писателей, прежде всего о своем. Одну мою рукопись Черников смотрел в 1931 году и сказал, что мне нужно работать и работать. Я шесть лет проработал и решил, что для того, чтобы написать рассказ о цирке, я должен год проработать в цирке. Учусь я в театральном техникуме и год проработал в цирке на черновой работе, в качестве клоуна и т.д. После этого я смог ознакомить читателя с многокрасочной и интересной жизнью циркачей. Один товарищ здесь жаловался, что когда прочли только 2 страницы его рукописи, ее забраковали, а со мной получилось наоборот – здесь, очевидно, существуют две крайности, если его чересчур закритиковали, то меня чересчур захвалили. Дальний мне сказал, возвращая мне рукопись: «Я ничего у вас не могу поправить, вы далеко пойдете» и т.д. Что же вышло? Земной справедливо сказал, что захваливать товарищей тоже не годится. В журнале осталась такая запись: «"Цирк" очень хорошая вещь, цирковую жизнь товарищ знает, писать может».

Какова судьба моей рукописи? Я считаю, что собрание очень своевременно, так как оно вскроет все гнойники, которые существуют в саратовском отделении Союза писателей. Я, например, только сегодня узнал, что Кассиль – ответственный секретарь правления. Когда я приходил сюда, то я застал здесь Юрьева, Дальнего, Озерного, Королькова – это завсегдатаи 15-й комнаты.

Тов. Кассиль: Что они там делали?

– Они курили (смех).

Таким образом, эту рукопись мою «Цирк», за которую я решил бороться и умереть, редколлегия затеряла, хотя вначале мне пели такие дифирамбы.

Здесь имеется писатель Борисов, который 15 лет занимается драматургией и не имеет ни одной поставленной пьесы (голос с места: «Правильно!», голос с места: «Это неправда, его пьесы ставились!»). По-моему, это ремесленники в литературе. В отношении же моего рассказа он мне сказал: <...> «Ваш рассказ пойдет, звоните по телефону в театральное училище, что 15-го выйдет». Когда я нашел, что это неудобно, он мне говорит, что Степан Дальний пишет 15–20 лет и его только начинают печатать. Я как человек современный говорю, что меня эти темпы не устраивают (в зале смех).

Я не хочу превратиться в комика на этом собрании. Я не знаю, над чем вы смеетесь. Он говорит Степану Дальнему: «Стёпа, с каким он гонором пришел!» Я ему заявил, что я хочу взять рукопись, так как вы меня обманули. Тогда он мне говорит: «Она у Касперского». <*пропуск в стенограмме*> А Борисов говорит: «С Вами т. Касперский разговаривать не будет». Я, чтобы проверить, пошел в редакцию к т. Касперскому. Оказывается, он меня прекрасно принял, обещал поговорить на любую тему из литературной жизни, но дальнейшее свидание с ним не состоялось, он куда-то уехал. Тов. Борисов меня так напугал, что я долго раздумывал раньше, чем пойти к Касперскому.

Когда я первый раз пошел в Союз писателей, я думал, что со мной будут говорить настоящие писатели, что это сверхсовершенные люди, оказывается, это просто алкоголики. Первый день, когда я пришел, двери были как раз закрыты, так как у Смирнова-Ульяновского умер сын. На второй, на третий, на четвертый день я все ходил, и двери были закрыты. По этому всему неудивительно, что плоды всей работы настолько скверны, что плохо идет работа в саратовском отделении Союза писателей.

Когда я сообщил об этом, меня успокоили, сказали, что это ошибка, что ваш рассказ пойдет и т.д. Тогда я им сказал, что я пишу пьесу, и когда это услышали Борисов и Дальний, они прямо в ужас пришли, и Дальний сказал мне такую вещь, что пьесы пишут 100 тысяч писателей, а пойдет всего 2, что даже и хорошую пьесу не поставят, а поставят все равно пьесу Киршона[1]. Но я все-таки комсомолец, сын большевика, и поэтому пьесу я писать не бросил, и она пойдет на ваш суд. <...>

Теперь о Земном. Я пришел и говорю, что я читал его книгу «Орден Ленина», и когда я на второй странице наткнулся на ноты – я пришел прямо в ужас. Я считаю, что эта книга достойна той отрицательной оценки, которую она получила. <...>

В заключение – ясно, что атмосфера ненормальная, и мне еще вот что интересно – какова роль Кассиля? Я только что узнал, что он секретарь, я считал, что как член партии и большой авторитетный работник он должен выступить и сказать, как будет в дальнейшем идти литературная работа в Саратове. Я считаю, что та критика, которая была, я прошу на нее не обижаться, поможет в работе. Я буду еще работать, но я не хочу при такой обстановке давать свои рукописи. <...>

Тов. Жучков – представитель центрального Союза писателей:

Товарищи, из всех прений, которые здесь были, совершенно ясно, что положение в организации такое, что больше, как говорится, ни минуты терпеть такого положения нельзя. Действительно, если мы еще хоть несколько месяцев оставим все как было, то я не знаю, во что это может выразиться, во всяком случае, какой-нибудь рассадник контрреволюции обязательно был бы. И вот с этой точки зрения – безобразного состояния работы в саратовском отделении Союза писателей, меня доклад Кассиля абсолютно не удовлетворил. Это доклад какого-то бойкого молодого человека, очень много настряпавшего различных дел и пытающегося все это загладить. Ведь тов. Кассиль не сказал и не поставил ни одного вопроса, от разрешения которого зависит дальнейшая судьба и работа Союза писателей.

Прежде всего, я хочу остановиться на правлении и людях, которые были в правлении. Тут товарищи говорили – склока, безобразия и из-за этого работы нет. Склоку поднимает Земной, очевидно, его кто-то поддерживает, Кассиль как ответственный секретарь стоит на страже того, чтобы этой склоки не было и т.д.

[1] Киршон Владимир Михайлович (1902– 1938) – писатель, драматург. Расстрелян.

<...> Разрешите обратиться к фактам серьезного порядка, имеющим политическое значение. Возьмем вопрос проработки решения пленума ЦК на собрании писателей. Это что, склока? Земной предлагал проработать решение, но ничего не сделали. Почему т. Кассиль не провел это собрание?

Тов. Кассиль с места: Докладчика не было.

– Это отговорка. Вы в партии состоите. Вы могли сами сделать доклад. Почему этого не сделали, я не знаю. Я не знаю, какими вы здесь руководствовались деловыми соображениями, что вы не проработали решения пленума ЦК и не обсудили Конституцию.

Возьмем второй вопрос о склоке. Вопрос о повести «Крутая ступень». Я не знаю, почему некоторые товарищи так себе представляют, что там есть неряшливость по части языка. Не в этом дело. Я заявляю, что повесть Кассиля «Крутая ступень» политически вредная вещь, которая выгодна классовым врагам. Я только удивляюсь, почему партийные и общественные организации Саратова до сих пор допускают, что альманахи имеются в продаже. Я не понимаю, почему это так.

Т. Земной поднимал этот вопрос. Опять склока? Что это за ерунда? В довершение всего ответственный редактор т. Касперский также рассматривает это как склоку.

Т. Касперский с места: Вы не знаете, о чем вы говорите.

– Я знаю, что вам письмо писал Земной, которое я не знаю, вы читали или нет. Это письмо Земной переслал Ставскому. Там совершенно правильно был вопрос поставлен. Опять склока? Извините, товарищи, когда дело касается кровных интересов партии, здесь либеральничать нечего. Пусть товарищи, которые так отнеслись, расскажут, чем они руководствовались, в чем тут дело, какие причины мешали работать правлению. Тов. Кассиль скомпрометировал себя как кандидат партии, находящийся на должности ответственного секретаря, он побоялся созвать собрание: как же, откроются все отдушины и люди будут говорить!

Возьмем факты деятельности Кассиля. Это позорные факты. Человек, пользуясь тем, что он ответственный секретарь, получает творческий отпуск, и он находит, что правление ему дало отпуск. Надо быть наивным человеком, чтобы так заявлять. <...> Получает 1000 руб., и как результат этого творческого отпуска такая пошлая повесть, как «Крутая ступень». Дальше, этот человек получает путевки из литфонда, не имея на это никаких оснований, получает средства для жены из писательских средств. Я не знаю, как с этим мирились. И ясно, что все шито-крыто, боялись его критиковать. И ясно, что этот человек боялся даже появляться в Союзе. <...>

Это факты, которые нужно как следует изучить. Ведь люди об этом правильно сигнализировали, и все это зажималось. Плюс к этому – здесь мы не обсуждаем газету «Коммунист», но я как гражданин Советского Союза считаю неправильным, что в газете не освещалось это безобразное положение, и считаю виновным в этом и редактора, который знал об этом. <...>

Я бы сказал даже больше, правление просто не хотело работать, и некоторые члены правления устраивали свои личные дела, создавали себе материальные благополучия. В этом вся причина. Я поинтересовался этим вопросом, в той папке, которую мне дали, есть один протокол – о чем шла речь? Сколько дано на отпуска. На этом заседании растратили 8.000 руб., и больше ни одного заседания правления не было. Отсутствие политической работы, отсутствие творческой работы с членами Союза и с молодежью, это привело к чему? Мы поставлены перед болотом. Конечно, товарищи, было бы неверным сказать, что только правление в этом виновато. Виноваты те товарищи, которые не ведут себя так, как полагается вести себя советским писателям. Но работа правления стимулировала это дело, она являлась толкачом. Люди пьянствовали, почему же не пьянствовать? На жен дают, путевки дают, и даже никто не спрашивает, как ты работаешь. Ясно, что люди пьют. Развращали молодежь, дают людям, написавшим полтора стихотворения, творческий отпуск, человек бросает работу, проживает деньги и начинает слоняться без дела. Вот к чему все это приводило.

И вот, здесь говорили уже товарищи о ранней профессионализации, что люди, берущиеся за перо, <*пропуск в стенограмме*> не дорабатывают свои произведения и считают себя уже писателями. Это возможно потому, что начинающие писатели пользуются здесь такими же правами, как и члены

Союза. Зачем затрачивать труд, когда можно не работать? Вот к чему приводил такой большой размах в отношении траты государственных средств.

Дальше естественно встает вопрос – что делать? Разогнать всех, как предлагает Кассиль? Конечно, это не дело. Люди есть у вас, с которыми надо работать, из которых безусловно толк будет при том условии, если с ними будут работать.

Разрешите мне здесь остановиться на некоторых товарищах, которые всем известны. Вот Дальний. Когда я собирался из Москвы, мне там сказали, что там есть Дальний, но он пьет беспробудно. Я поставил перед ним вопрос «на попа»: ты что, алкоголик? Он мне прямо сказал, что у нас такая обстановка, что ничего не делаешь, так что здесь поневоле запьешь. <...>

Я Дальнему сказал, что если ты не бросишь пить, будет поставлен вопрос об исключении тебя из Союза. Но это не значит, что руководители организации должны положить руки в карман и заявлять – делай что хочешь. У вас так вопрос поставлен: пьет и пусть пьет.

Наконец, он мне о серьезных причинах рассказал, у человека умерла жена, брата убили враги. Что, это манекен? Где же чуткий подход к человеку? Спотыкается человек, надо поддержать, я замечаю, что ни у кого не было желания поддержать, кроме сплетен.

Относительно качества работы и отношения некоторых товарищей к своим писательским трудам. Альманахи №3 – это литературный брак, идейный брак, поскольку там напечатана повесть Кассиля. Видно, что никто над альманахами не работал. Это нетрудно доказать. Пусть каждый откроет альманах, и с первой страницы до последней можно находить ошибки. <...> Вот такое наплевательское, формально бюрократическое отношение руководителей альманаха – оно создает нездоровое отношение к писательскому труду. Люди с кондачка работают, им наплевать – кто будет читать, написали, а остальное ерунда, не доработали – пусть, деньги получишь, и все будет в порядке.

Вот к чему это приводит, и ясно, что с таким положением также нельзя мириться, так как это портит людей.

Дальше, товарищи, – что надо сейчас делать? Конечно, правление нужно ликвидировать, чем скорее, тем лучше, да оно и не нужно. Вся практика показала, что это правление привело только к плачевным результатам, и вообще анекдот – 4 писателя, из них трое в правлении и руководят массой – 2 человека. Правда, на анекдот похоже. Нужно правление ликвидировать и выбрать уполномоченного, которого вполне будет достаточно для того, чтобы наладить работу при условии, если этот человек по-настоящему честно будет относиться.

Тов. Мухина: Ничего он не сделает.

– <*пропуск в стенограмме*> Я считаю, что Ваш пессимизм ни на чем не основан. Если этот человек наладит работу хорошо и актив будет заинтересован в том, чтобы наладить работу хорошо, дело пойдет как следует. Ведь не хотели же люди работать, Кассиль и члены правления не работали, Касперский тоже не работал, а раз не работали, откуда же дело может появиться, с неба, что ли, свалится? <...>

Дальше – нужно, конечно, шире и лучше поставить работу в альманахе. Во-первых, мне кажется, что больше неграмотных альманахов не будет выходить. Пусть лучше альманах совсем не выходит, не надо только переводить бумагу и позорить себя. Но я думаю, что в дальнейшем мы уже таких фактов иметь не будем и наконец в 4-м номере будут грамотные произведения.

Я считаю, что всю творческую работу нужно развернуть вокруг альманаха. Это, конечно, не значит, как понимают некоторые товарищи, что альманах сам по себе, а уполномоченный сам по себе. Уполномоченный и альманах будут одно лицо. Альманах – орган саратовского отделения, и уполномоченный – представитель саратовского отделения. За творческую работу будет отвечать, конечно, уполномоченный. <...> Пусть консультация будет при альманахе, пусть произведения, которые достойны того, чтобы их напечатали, рассматривались бы там. Альманах должен заниматься выращением молодежи.

Вот, мне кажется, те основные вопросы, в которые упиралось дело. < *пропуск в стенограмме* > В самом деле: Саратов – областной город, литературных сил сколько угодно. Некоторые говорят, что если бы я был в Москве, я был бы Шолоховым, Панферовым. Это неправильно. И здесь можно,

по-настоящему работая над собой, получая соответствующую помощь, стать хорошим писателем. Шолохов не живет в Москве и пишет замечательные произведения. Правильно товарищи говорят, что надо, может быть, изредка давать квалифицированных писателей для консультации. В этом отношении Всесоюзное правление мало уделяет внимания, и в частности саратовскому отделению. Вопрос о посылке и о вызове отдельных товарищей в Москву – это вопрос актуальный, и о нем нужно разговаривать. Вызвать в Москву к писателю, пусть обменяются своими творческими соображениями в отношении тех товарищей, которые заслуживают этого, это будет иметь большое значение, этим будет оказана соответствующая помощь.

Мне бы хотелось закончить такими словами: давайте, наконец, серьезно работать, прекратим все эти безобразия, которые у нас были. Если есть товарищи, которые мешают работать организации, надо их просто отсекать. Неужели из-за двух молодчиков должно все дело страдать? Давайте по-настоящему работать, и я уверен, что у вас появятся такие произведения, о которых не только в области будут говорить, но и во всем Советском Союзе. <...>

Тов. Симонович[1]:

Теперь по существу выступлений. Возьмите споры, которые здесь выявились, здесь мы видим два полюса – Кассиль и Вадим Земной. Линия Кассиля была беспринципная, он не поставил ни одного серьезного вопроса, который бы нужно было разрешить, и в основном надо считать, что правильно выступил тов. Земной, который правильно ставит вопросы о работе Союза.

Относительно того, были ли у тов. Земного антипартийные методы борьбы. Запрещать товарищам писать в правление Союза советских писателей и куда угодно, конечно, нельзя. Он пишет в советские и партийные организации. Говорят, что это групповщина, что это фракционная антипартийная работа. Конечно, так ставить вопрос нельзя. Этим смазывают существо вопроса, и я бы сказал, что это клевета.

Я считаю, что в основном мы сегодня больные вопросы установили. Работать надо сейчас так, чтобы критиковать работу, чтобы тов. работали над собой, чтобы мы помогали отстающим и подтягивали молодняк. Тов. Касперский уже говорил подробно о том, что товарищи должны больше работать над собой. Сейчас нам предстоит проведение большой работы к 20-й годовщине Октября. Здесь нельзя ограничиваться одними писателями. У нас есть и кружковцы. Вокруг себя нужно организовать большой актив. Мне кажется, что основные вопросы ясны, нужно лучше работать, нужно по-новому работать.

«По-новому работать» получилось далеко не у всех участников этого собрания саратовских писателей. Так, их областное правление было ликвидировано, и уполномоченным Всесоюзного правления Союза писателей был выбран Вадим Земной.

Юлию Чепурину все-таки удалось напечатать свой рассказ «Цирк» – им открывается следующий после разгромленного номер «Литературного Саратова».

Борис Озерный, Борис Неводов и Валентин Смирнов-Ульяновский продолжили писать и печататься.

Собрание завершилось, напомним, 16 мая, а уже 30 мая Иосиф Кассиль был исключен из партии, затем арестован и расстрелян.

24 июня был исключен из партии за «активную антисоветскую троцкистскую деятельность» и репрессирован В. Симонович.

Летом 1937 был арестован Владимир Касперский, его расстреляли в конце мая 1938 г.

Валентина Мухина была арестована 4 октября 1937 г. и провела в заключении 10 лет.

И, наконец, Владимир Ленский и Степан Дальний были арестованы органами НКВД во время войны и умерли в заключении.

[1] Симонович В.Н. – заведующий культпросветотделом Саратовского Обкома ВКП(б), затем секретарь Сердобского райкома ВКП(б). Репрессирован.

Контакты:

Анна Сафронова *(гл. редактор, проза)*: safronova-volga21@yandex.ru
Алексей Александров *(зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru
Алексей Голицын *(документальные исследования)*: agolitzin@yandex.ru
Олег Рогов *(архивные публикации, критика)*: rgv@mail.ru
Алексей Слаповский *(проза)*: slapovsky@yandex.ru

Персональный сайт журнала: http://volga-magazine.ru/
Кирилл Преображенский *(автор сайта, модератор)*: kirill.preo@gmail.com

Подписано в печать 17 апреля 2017 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/
Персональный сайт:
http://volga-magazine.ru

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.